

КОЛДОВСКИЕ МИРЫ

ГАЛИНА
ГОНЧАРОВА
ВРЕМЕНА ГОДА
КРАСНАЯ
ЗИМА

Annotation

Для своего развлечения богиня Смерти поменяла местами двух девушек из разных миров — и не прогадала. Ради своего ребенка Яна готова пойти на все, даже добраться к нему через страну, в которой полыхает война, страну, в которой правят бал беззаконие и жестокость. Но если на дороге встретится кто-то беззащитный? Кто-то, нуждающийся в помощи? Даже приняв благословение Богини, Яна остается человеком... даже в ущерб своим планам. Анна старается прижиться в двадцатом веке. Для принцессы иного мира это сложно, но она не унывает. У нее есть сын, у нее найдутся и верные друзья, и даже любимый кот. Враги? Какие могут быть враги, если рядом с ней — самое ценное в мире, ее ребенок! Ради себя она не стала бы бороться, но за сына... тут и благословение Смерти придется кстати. Горе тем, кто встанет на ее пути!

- [Галина Гончарова](#)
  -
  -
  - [Глава 2](#)
  - [Глава 3](#)
  - [Глава 4](#)
  - [Глава 5](#)
  - [Глава 6](#)
  - [Глава 7](#)
  - [Глава 8](#)
  - [Глава 9](#)
  - [Глава 10](#)
  - [Глава 11](#)
  - [Глава 12](#)
  - [Глава 13](#)
  - [Глава 14](#)
  - [Глава 15](#)
- [notes](#)
  - [1](#)

- [2](#)
  - [3](#)
  - [4](#)
  - [5](#)
  - [6](#)
  - [7](#)
  - [8](#)
  - [9](#)
  - [10](#)
  - [11](#)
  - [12](#)
  - [13](#)
  - [14](#)
  - [15](#)
  - [16](#)
  - [17](#)
  - [18](#)
  - [19](#)
  - [20](#)
  - [21](#)
  - [22](#)
-

Галина Гончарова

Осень бедствий. 2. Зима бедствий

*Этих снежинок
смесь.
Этого снега
прах.
Р. Рождественский. «Этих снежинок»*

Яна, Русина.

Глава 1

М-да.

Это вам не Москва, но хрен – он не слаще редьки...

Ругалась Яна вдохновенно.

Если кто пробовал выйти на окраине Москвы, а потом самостоятельно добираться до центра, да ножками, ножками...

Переулок. Закоулок. Канавка. И снова – то же самое, но в разной последовательности.

Заборы и дома, сделанные чуть ли не из соплей. Грязное белье и бродячие собаки. Одна попробовала тявкнуть на Яну, но девушка так рыкнула в ответ сквозь зубы, что пес аж в канаву шарахнулся.

Нашел, кого пугать!

А как было еще добираться?

Не водятся на окраине извозчики... и водятся ли они вообще в это время? Революция, знаете ли! Она быстро переучивает всех на две специальности. Экспроприаторов и экспроприруемых.

А ездить с пулеметом в обнимку, чтобы не дали по башке, не отобрали лошадь с пролеткой, не прибили самого извозчика...

Оно, конечно...

Так что Яна топала по улицам, и вид у нее был настолько злобный, что подойти не решались даже местные нищие.

Не зная географии, Яна выпрыгнула на Нищенской окраине Звенигорода. Такие места есть в каждом городе. Поганый переулок, Помоечный тупик, Нищенская окраина... да мало ли как оно называется? Хоть бы и Двор Чудес, как в одном из романов... а суть-то одна!

Помойка.

Бандитская малина и воровская хаза.

И появляться в тех краях не слишком полезно для здоровья.

Яна это понимала. Не то, чтобы она знала о названии данного места, но – чего удивительного? Если кто думает, что в двадцать первом веке они исчезли – зря.

Просто надо внимательнее изучить родной город – и сразу найдется много нового и неизвестного. Но тут еще важно ноги унести вовремя.

Свои Яна уносила.

Но медленно. Иногда приходилось возвращаться обратно, когда она заходила в тупички. И женщина даже не слишком удивилась, когда дорогу ей преградили трое мужчин.

Нет, не мужчин.

Самцов.

Пол – мужской. Душа – подонка.

- Куда идем, господин хороший?

- Да, куда? – поддержал второй.

Третий промолчал. Но дубинку в руке повертел так, словно она ничего не весила.

Яна едва не фыркнула.

Ее приняли за парня? Хотя чего удивляться. Костюм – мужской. Рюкзак скрадывает фигуру общими очертаниями. Куртка достаточно бесформенная, под нее и волосы убраны. А кепка на манер «Гиви-аэродром» отлично скрывает лицо. Да и уши закрывает.

Специально себе такую заказывала...

- На ... да, - в рифму ответила она.

- Хамишь, мальчик?

Самый разговорчивый шагнул вперед.

Наивный... ну кто им сказал, что Яна будет разговаривать?

Или вообще – колебаться?

- Тебе, Хелла.

Револьвер в руке девушки тихо кашлянул. Раз, второй, третий...

Контрольных не потребовалось. Три тела оседали, подламываясь в коленках, запрокидываясь... Яна понимала – убила.

Всех троих.

Жалела?

Смеяться изволите, господа?

Плакать о смерти троих гоп-стопников? Х-ха! Или вы считаете, ее остановили, чтобы пряниками угостить? Нет?

Вот и она думала, что нет.

А значит...

Яна быстро восполнила недостаток патронов, сунула револьвер поближе, и зашагала вперед.

Рано или поздно эти помоечные закоулки закончатся! Это закон! Все плохое рано или поздно заканчивается, надо просто потерпеть...

И пусть ее присутствие тоже потерпят. Мы мирные люди, но наш бронепоезд...

Местные жители поглядывали из-за заборов, но в драку не лезли. В такое время и в таком месте каждый сам за себя. А подставляться ради неясно чего? Парень резкий, парень крови не боится... ну и пусть его! Иди с миром, но... да. Именно туда и побыстрее!

Яна и шла. Не туда, но – действительно, побыстрее бы...

* * *

Жом Тигр открыл глаза и сладко потянулся.

Хорошо!

Есть в этом нечто чудесное! Когда просыпаешься довольный жизнью, когда большая часть этой жизни еще впереди, когда....

Так, минутку. А где Яна?

Любовницы под боком не было. Впрочем, жом этому не слишком удивился. Случалось.

Яна старалась не проводить у него всю ночь, могла уйти под утро. Не из стеснительности – она прямо и честно объяснила, что женщине

требуется уединение. И есть вещи, которые лучше скрывать от мужчин. Разница полов, понимаете ли...

Жом объяснение принял.

Не первая женщина в его жизни, так что дамские ухищрения он себе примерно представлял. Но... первая, которая его настолько заинтриговала.

Умная. С удивительным набором знаний и навыков.

Совершенно не скрывающая свой ум.

Первая, наверное, в его жизни женщина, которая совершенно спокойно принимала его таким, какой он есть. Первая, которая спокойно смотрела ему в глаза и не боялась. Не кланялась.

Не сгибалась внутренне...

Тигр ощущал эту силу, как свою. И...

Любопытно же, жомы и торы! Просто – любопытно!

Откуда может взяться такое сокровище?

А как на нее отреагируют остальные освобожденцы?

И Пламенный?

Обязательно надо взять Яну с собой, в комитет... показать ей всех. Еще интереснее, какую она кому даст характеристику...

Тигр потянулся еще раз – и поднялся. Поезд потихоньку замедлял ход, да и за окнами замелькали домишки. Звенигород скоро. Времени – в обрез.

Пока водные процедуры, пока утренний туалет (не типа сортир, а бритье, укладка волос, чистка зубов, маникюр...), пока одежда – хорошо хоть можно одеться просто. Полувоенная одежда – гимнастерка, галифе, высокие сапоги... вполне удобно, тепло, аккуратно – и никакого аристократического вида. Ни к чему...

В быту жом Тигр комфорт любил.

Но – не стоит дразнить товарищей по борьбе.

Наконец мужчина затянул на талии пояс, и посмотрелся в зеркало. Отлично...

Так что там – Яна?

Жом Тигр вышел из своего купе и постучал в соседнее.

Сначала тихонько. Потом посильнее. А потом и дверь открылась.

Купе было пустым. На столе – листок бумаги. На нем грубо нарисованная тигриная морда.

Рисовать Яна не умела, но очень старалась.

Жом взял листок в руки. Развернул.

Прости, прощай и не ищи. Мы хорошо провели время, надеюсь, я тебя ничем не обидела. Не верю, что отпустишь добром, поэтому ухожу без долгих проводов. Пламенный привет освобожденцам.

Еще раз целую – и прощай.

И отпечаток губ на листке. На подпись Яна не расщедрилась. Хотела, но рука сама собой выводила на листке нечто замысловатое, да с завитушками...

Хелла, зараза! Твои шуточки?

Так вот оставишь автограф княжны из дома Вороновых – и Карррр! Отловят и ошциплют!

- Милость Хеллы!

Жом в мгновение ока превратился из Тигра ленивого в Тигра с отдавленным... да нет, не хвостом! Самолюбием! А это намного страшнее!

Его что – бросили?!

Его!?

Бросили!?

Мысль о том, что сам он примерно так и поступал с женщинами, как-то не пришла в тигриную голову. А если и пришла – то очень быстро вылетела обратно с испуганным визгом.

Так не бывает!

Не должно быть!!!

Жом Тигр вылетел из купе, на ходу призывая начальника охраны.

Ага, размечтались, наивные господа!

Тщательный обыск поезда ничего не дал – Яна сошла раньше. Ни девушки, ни следов – ничего. Записка на столе – и только.

Жом Тигр форменным образом осатанел. И высказал много нового и интересного про компанию раздолбаев и идиотов, которых может обвести вокруг пальца одна девчонка...

Идиоты и раздолбаи сопели, но не спорили. Огребли они за дело.

Действительно, если так легко сойти с поезда... а может, и войти не сложнее?

И принципала они не лишились по чистой случайности? Вот не захотелось даме изображать из себя Юдифь – и выжил некий Олоферн. Потому как дама осталась довольна и счастлива. Вот и не поднялась рука.

Думать об этом было грустно.

Жом Тигр высказался еще непечатнее, и отправился к себе в купе. Обидно было...

Как в детстве, когда у него отняли новую удочку! Он еще и порыбачить не успел, а уже... обидно! Безумно обидно...

Почему она ушла?

Почему так?

Ну.... Не отпустил бы! И что?! Понимать же надо!!!

Но кто поймет этих баб?!

* * *

Жом Тигр не ожидал оркестра и цветов. Но хоть бы кто встретил...

Куда там!

Машину – и ту не прислали!

Жом плюнул, рявкнул – и приказал. Хоть как извернуться, но машину родить!

Машину ему пригнали через полчаса. Старую, но достаточно надежную, лионесскую, с закрытым верхом. Так что жом смог отправиться в комитет вполне спокойно.

А вот в комитете...

Яна бы полюбовалась – и высказалась про сгусток концентрированной вихревой энтропии.

Жом Тигр таких слов не знал, не пришло еще время их общедоступности. Но это было именно оно.

И центром сгустка был жом Пламенный.

Он отдавал приказания, ругался по телефону, кого-то и куда-то посылал...

Жом Тигр наблюдал за процессом минут пять, а потом нажал на рычаг телефона.

Жом Пламенный соизволил поднять голову и посмотреть на него.

- Ты?

- Я.

- Вовремя...

- Для чего? – почти зарычал Тигр. – Какого... тут происходит!?

Настроение у него и так было не Бог весть какое, а уж теперь...

- Наследник объявился.

Жом где стоял, там и сел.

- КТО!?

- Наследник Петера.

- Как?!

- А вот так!

Выяснилось, что с утра сегодня три раза ударил колокол.

С чего?

Кто в него ударил?

Так никто, в том-то и дело! Это ТОТ САМЫЙ колокол! Царь-колокол!

Который звенит при вступлении императора в наследство...

Вот и получается, что наследник в столице. А кто он? Откуда он взялся?! И главный вопрос – как бы его найти?

И – нет! Это не розыгрыш!

Колокольню заперли, равно, как и царь-пушку. На замки заперли, ключи все отдали жому Пламенному, а для верности еще и часовых поставили. И те клянутся, что никого на колокольне не было. А колокол звонил...

Потайные ходы?

С собаками все обыскали!

Нет там ничего! Следов попросту нет! Они не стерты, не засыпаны перцем... там – чисто! Вообще никаких следов. Но колокол звонил.

Наследник в Звенигороде.

- Надо его найти, - решил жом Тигр.

- Надо. Ты с собой его не привез?

Жом Тигр едва не фыркнул в ответ. Но на секунду задумался.

Привез.

Яну.

Она – может быть наследницей? Великой княжной?

Жом обдумывал эту идею ровно три секунды, а потом выкинул из головы, мысленно повертев пальцем у виска.

Вот еще чушь!

Как вы себе это представляете? Яна ему рассказывала и про свое детство, и про юность, и про отца... да, она недоговаривала. Но – не

слишком многое.

У великой княжны будут другие воспоминания. Другие манеры. Другие... да все другое!

Яна – наследница?

Такой бред и придумаешь-то не сразу!

Жом Тигр фыркнул – и принялся обсуждать с Пламенным самое срочное и важное. Систему патрулей. Кордонов. Заслонов...

Яна?

О личных делах можно и потом подумать! Успеется! А пока...

- Снять этот колокол к Хелле...

- Нельзя. Пойдут слухи и сплетни.

Жом Тигр фыркнул.

- Тогда давай попросту зальем его воском. Или снимем с колокола язык.

- И как я сам не догадался?

Жом Тигр пожал плечами. Какая разница? Главное – сделать. А там...

Интересно, как будет звонить колокол, которому нечем звонить? Забавно...

Анна, Россия.

- Пааааапс!

- Кира, нет!

- Ну, Пааааапс!!! Пожаааааалуйстааааа!!!

Кира ныла.

Активно, противно, неумолимо. И – пока напрасно.

Борис Викторович был неумолим.

- Никаких поездок!

- ПААААААААААПС!!!

- Кира, я непонятно выразился? Ты остаешься дома.

- Все едут, а я, как дура!?

- Как умная. Я против.

Анна постучалась в кабинет в самый подходящий момент.

- Я могу войти?

- Можете. И объясните заодно этой балбеске, что она никуда не едет!

Кира в очередной раз взвыла.

Анне стало жалко девочку. Что в старости – насмешка, то в юности целая трагедия. Но что именно?

- Куда нам надо ехать? И что происходит?

- Ньюся! – взвыла благим матом Кира. – Папс обурел!

- Цыц, паршивка!

Борис Викторович с размаху треснул ладонью по столу.

Аня подняла ладони.

- Борис Викторович, так куда хочет поехать Кира?

- На какой-то косплей...

- Что за косплей? – повернулась Аня к Кире.

Все оказалось не так страшно.

Косплей – оказался всего лишь костюмированной игрой. По некому Гарри Поттеру.

Школьники организовались, поделили роли – и хотели пару дней провести в усадьбе дворян Рахманиных.

Нет, не тех, из которых композитор вышел. Просто – Рахманины.

Усадьба сейчас тем и жила, что принимала тусовки, в ней проводили вечеринки, приемы, приглашали туда гостей...

Школьникам такой подарок устроил отец одного из учеников параллельного класса. Мальчик фанател по мирам Роулинг, читал все, что достанет, носил полосатые шарфы – исключительно красно-желтые, «Битловские» очки, даже шрам себе хотел сделать в специальной клинике...

Пока отец останавливал.

А вот подарить ребятам пару дней косплея?

Это запросто! Пусть играют дети.

- Я буду Нимфадорой Тонкс! Я уже договорилась, и костюмчик есть, и вообще...

Кире эти самые Тонксы и Поттеры ну ни о чем не говорили. Главное, что это не заразно. Но...

- Борис Викторович, когда и поиграть, как не в молодости?

Лицедейство Аделина Шеллес-Альденская крайне не одобряла. И это было еще одним доводом в пользу Киры.

У ребенка должно быть нормальное детство. В том числе, и общение со сверстниками в неформальной обстановке.

- Анна, вы понимаете, что там может случиться, что угодно?

- Догадываюсь. Но ведь с Кирой могу поехать я?

- Мне еще гувернантки не хватало! – обиделась девочка.

- Я могу поехать не как гувернантка.

- А как кто?

- Как твоя двоюродная сестра, к примеру. Дальняя родственница по материнской линии. Или по отцовской. И Борис Викторович будет спокоен, и тебе, наверное, будет уютнее. Все же лучше, когда есть кому о тебе позаботиться...

С этой точки зрения Кира вопрос не рассматривала.

- Как позаботиться?

- Хотя бы костюм погладить. Или бутерброд приготовить. Скажи, что я возьму на себя часть кухни – и ко мне будут относиться спокойнее.

- Хм...

Кира задумалась.

Соглядатаи ей были не нужны.

Вот кто, скажите мне, кто захочет ехать на косплей со взрослыми на шее!?

Это легче сразу удавиться!

И не оторвешься в свое удовольствие, и всю малину... обкакают.

С другой стороны – это не абы какие взрослые, это Аня. А она почти своя...

За прошедшее время Кира привязалась к Анне.

Они вместе готовили, вместе занимались домашним хозяйством... и Кире неожиданно понравилось.

Уборку делать – нет, это не так интересно. И белье гладить скучно.

А вот организовать работу других людей так, чтобы все было сделано словно само собой, без сбоев, без проблем, без хаоса... Анна распоряжалась, спокойно и деловито, она никого не оскорбляла и не давила авторитетом. Но все делали так, как она хотела. И именно то, что нужно.

Как-то она умела это объяснить...

Оказывается, так тоже можно!

А блюда, которые Анна готовила, словно бы мимоходом?
Сервировка стола?

Борис Викторович пару раз приглашал друзей, так все норовили
потом пролезть на кухню – и к кухарке! И все такие невинные...

Точно – хотят увезти!

А знали б они, что это Анна – вообще не выгнать было бы!

- Нюся, ты...

Анна едва заметно улыбнулась краешками губ.

- Я постараюсь не дать тебе наделать...

- Глупостей?

- Нет. Того, о чем ты потом пожалеешь. А глупости – делай, на то
и молодость.

- Старушка нашлась!

Кира фыркнула особенно ядовито.

Анна пожала плечами. Простонародный жест, но...

Она – не старуха. Она приговоренная к смерти, разве что с
отсрочкой приговора на год. Фактически, она уже умерла.

- Борис Викторович, вы отпустите со мной Киру? Пока у нас есть
возможность?

- Пока?

Анна опустила глаза.

- Моего сына скоро должны выписать. Мне придется увольняться.

Простите.

- Увольняться? – искренне удивился Борис Викторович. – Почему?

- Вы в курсе моей биографии, - Анна не спрашивала, она
утверждала. – Мне не с кем оставить сына, и я не могу забрать его
сюда.

Борис Викторович медленно кивнул.

Он явно о чем-то думал.

- Ладно... Кира, иди, собирайся. Анна едет с тобой, скажешь всем,
что она – наша родственница. Скажем, двоюродная сестра твоей
матери. И – слушаться ее во всем.

- ПАПС!!! Я тебя люблю!!!

Счастливым ребенком (неважно, сколько ей лет, все одно – девочка,
мальшка) повис на шее у родителя, обляпал его губной помадой – и
умчался.

Борис Викторович недовольно потер нос.

- Где Кира взяла этот кошмар?

- Помаду? Мы купили в магазине, - пожала плечами Анна.

- Лиловую?

- Ребенку лучше поиграть в игрушки дома, чем опозориться на людях. Здесь и сейчас она красится из упрямства, но не пожелает быть смешной в глазах друзей. Кира вовсе не глупа, она поняла, что этот цвет ей не к лицу.

- Интересно, кому он может быть к лицу?

Анна пожала плечами.

- Возможно, вампирам?

- Хорошо, что они не... косплеят по Дракуле. Анна, когда выписывают вашего сына?

- Примерно через две недели.

Гошку уже перевели из реанимации, и Анна с радостью навещала его.

Хелла, какое же это было счастье!

Обнять сына, стиснуть его плечи, посмотреть в глаза – и услышать тихое: «мама»...

Да, сынок.

Я подвела тебя однажды, но больше я не дрогну. Все сделаю! Чтобы ты вырос большим и сильным, способным равно и защитить и защититься.

- И когда вы хотели об этом сказать?

- Сегодня или завтра, как получится. Мне жаль, если я вас подвела, Борис Викторович...

- Анна, почему вы не можете привезти сюда сына?

- Потому что вы этого не одобрите, - пожала плечами Анна.

- Почему?

Ответа не было. Борис Викторович улыбнулся.

- Анна, забирайте сына из больницы и привозите сюда. С Розой Ильиничной я сегодня поговорю. У нас есть гостевые комнаты, там как раз есть одна – на две спальни и маленькую гостиную. Вы с сыном отлично разместитесь.

- Моя работа – Кира.

- А Кире надо научиться о ком-то заботиться, - Борис Викторович потер переносицу. – Я хочу быть честным, Анна. Я собираюсь жениться, Лиза захочет еще детей. Как отреагирует Кира?

- Отрицательно, - Анна даже не колебалась. – Очень.
- А если научится о ком-то заботиться? Будет ли она ревновать к вашему сыну?
- Безусловно, - позволила себе улыбку Анна. Как все одинокие дети, Кира очень ревнива, к тому, что считает своим. Анну она уже зачислила в «свою собственность».
- Но ваш сын – не младенец, а вы умнее Лизы.
Анна кивнула.
- Вы хотите устроить тренировку?
- Именно. Косплей, если хотите. Вы сможете справиться с детской ревностью?
- Я постараюсь, - задумалась Анна.
- Тогда идите. И позовите сюда Розу Ильиничну. Я распоряжусь подготовить комнаты.
Анна чуть заметно поклонилась и вышла из комнаты.
Борис Викторович проводил ее задумчивым взглядом. Но один он оставался недолго.

* * *

Роза Ильинична вошла быстрым шагом.
- Аня просила меня зайти?
- Да. Роза Ильинична, присаживайтесь.
Домоправительница кивнула и удобно уселась в кресло. Откинулась на спинку, вытянула ноги.
Борис Викторович невольно сравнил их с Анной. Вторая садилась на край, с прямой спиной, и выглядела абсолютно естественно. И на голову хоть книгу клади.
- Что случилось? – сразу взяла коня за рога мамина старинная подруга.
- Я хочу, чтобы Анна с сыном пожилы у нас. Какое-то время.
- Аня говорила, ей через пару недель ребенка забирать из больницы, - тут же кивнула Роза Ильинична. – Гостевая спальня на втором этаже?
- Да. Там, где две спальни.
- Сделаю. Это правильно...

- Тетя Роза, - Борис Викторович не так часто позволял себе подобный тон, и только наедине. – Как тебе Аня?

- А почему ты спрашиваешь?

- Ты знаешь, я женюсь на Лизе...

- Знаю. Вот паразитка, прости Господи мою душу грешную...

- Все так плохо? - к подобной аттестации Борис Викторович прислушивался.

- Определенно. Даже хуже. Избалованная она до крайности. И братец ее такой... то ей птичьего молока подавай, то соловьиного меда. Всех загоняет и с Кирюхой сцепится.

- А если между ними Анна будет?

Роза Ильинична задумалась.

- Может, и сойдет. Не знаю. Боря, обязательно тебе на этой... криксе жениться?

Борис Викторович улыбнулся.

Крикса.

Любимое мамино слово для обозначения тех девушек, которые не доросли до стервозности, но уже переросли обычную склочность и вздорность.

Жаль, что это слово применимо к Лизе...

- Денег много не бывает. И детей мне хочется. А что до остального – Лиза неплохая. И мать у нее хорошая, домашняя. Воспитаем.

- Думаешь?

- Анна чудеса творит. Может и справиться.

- Это при условии, что Лиза твоя захочет видеть Анну в своем доме.

- А куда она денется?

Роза Ильинична хмыкнула.

- Боря, ты как хочешь, но лучше б ты на Анютке женился. Вот уж кто... хозяйка! И Кира ее любит, и ребенок у Анны есть, она и еще родить сможет. А деньги... всех не заработаешь!

- Тетя Роза...

- Ладно. Ты хозяин, тебе и решать. Но к Анне присмотришь, не девочка – золото.

- Пусть сына перевозит сюда. Мне Ромка рассказал, где она живет – это тихий ужас.

- А почему она там живет – рассказал?

- Конечно. Деньги она на лечение сына потратила, это правильно. В общем, ты комнаты подготовь, как Анна попросит, хорошо? Может, там мальчишке чего надо...

- Надо, наверное. Компьютер у нас старенький есть... для Киры он маломощный...

- Роза, ты посмотри. Если что – купи тихонько, а Анне скажешь – отдали. Поняла?

- Поняла. Сделаю, Боречка.

Женщина поднялась из кресла, потрепала хозяина по волосам – и вышла из кабинета, на ходу становясь опять экономкой.

Борис Викторович откинулся на спинку кресла.

Жениться на Анне?

Смешно...

Пусть Кирюшку дрессирует, так лучше будет!

* * *

- Аня, это – круто! Ваще улет!

- Согласна, это замечательно, - кивнула Анна. – Давай соберем все, что нам понадобится на два дня...

- Зачем? Мантию я уже положила.

- А под нее?

- Хм... джинсы?

- Джинсы. Кроссовки, свитер, рубашка – две штуки, лучше даже три, нижнее белье...

- Ань, не грузи, а?

- Тебя не нагрузишь – так ты и не потонешь.

В Анну полетела подушечка с кресла.

- Вредина!

- Я – хорошая, - парировала Анна, уже немного освоившая подростковый сленг. – И если бы не я, Нимфадору Тонкс ты бы отыгрывала дома. Вот покалечишь меня – и все отменится.

- Подушкой?

- Ей тоже придушить можно. Посмотри на этот свитер?

Кира кивнула.

Свитер подойдет. И вон тот – тоже...

И кстати! Можно взять клеевую красную маечку! И косметику! И топик!

Вдруг дискотека будет?

Анна согласилась и принялась упаковывать вещи дальше. Надо сложить их так, чтобы не помялись. Мало ли где они окажутся, вдруг не будет возможности погладить?

Русина, окрестности Ирольска.

Яна сразу узнала бы эту деревню, хотя ночью та выглядела лучше. Днем же... нищета – она и есть нищета. Дома маленькие, кое-какие и топятя по-черному, клочья полейи огородов, чахлый лес.

Краски?

Серая, черная и коричневая. Еще не пришло время синтетических красок, да и дорого!

Оружие?

Три ружья на всю деревню, и те допотопных времен.

А еще – все, как водится. Кто-то богаче, кто-то беднее...

Что такое продразверстка, крестьяне уже знали. Когда началась война с Борхумом, император приказал покупать хлеб по твердой цене.

Невысокой, все верно.

На рынке можно было взять дороже... только ты доедь до рынка! И получи ту цену! Дождись покупателя, добейся, сбереги деньги...

А если хочешь продавать хлеб государству, тебе этот хлеб и привезти помогут. И заплатят честно...

Идея была не самой плохой. Сорвалась...

Как многое у Петера – по его личной глупости и раздьяйству.

Прежде, чем рожать гениальную идею, надо было приструнить родственничков и придворных, которые орали про убытки. Но это-то полбеда!

Поорали бы – да и поели. А вот то, что эшелонов не хватало!

Хлеб было не на чем перевозить, он попросту гнил...

Крестьяне были прекрасно об этом осведомлены. Стоит ли удивляться, что идея померла в зародыше?

Жом Пламенный пошел дальше.

Принцип добровольной сдачи хлеба отменялся. Вводился обязательный.

Борьба за хлеб есть борьба за свободу – красиво выразился жом.

Что под этим понималось?

Немало.

В каждом селе создавались так называемые комбеды – комитеты бедноты. И создавались они для учета.

Учета чего?

А чего попросят.

Кто любит смотреть на суп в чужой тарелке? Да тот, кто над пустой сидит!

Причины, конечно, могут быть разные, от болезни и смерти кормильца до лени и пьянства. Только вот вдов и сирот в тех комитетах не было. А были там крикуны, болтуны, лентяя, которых палкой бы загонять на поле, да и заставлять работать. Той же палкой.

Нет?

А стоило бы...

Жом Пламенный рубанул сплеча.

Каждый владелец хлеба обязан весь избыток, сверх запасов для обсеменения полей и личного потребления до нового урожая по установленным нормам, сдать в месячный срок после объявления постановления

Все трудящиеся, неимущие крестьяне должны объединиться для беспощадной борьбы за свое освобождение. С кем?

Так укажут, не переживайте. А пока собирайтесь в комбеды! И стучите, граждане, стучите. Если что – самым активным дятлам – пятьдесят процентов. То есть наклепал на соседа, взяли с того четыре мешка зерна, так два тебе отдадут. Здорово, правда? И так справедливость умножает! В разы! Понятно же, из злости, зависти или мести никто клеветать не станет, все будут доносить честно и никто не воспользуется возможностью свести счеты! У нас же как? Если бедные, то обязательно порядочные!

Комитеты Освобождения и лично жом Пламенный в это очень верили.

Владельцы хлеба, имеющие излишки и не вывозящие их на ссыпные пункты, а также все растрачивающие хлебные запасы на самогонку являются злостными врагами трудового народа.^[1]

Что делают с врагами? А вот то самое и делают... и не рассчитывайте, что вас пожалеют.

Прасковья этот декрет тоже слышала. Сложно бы не слышать, когда явились к старосте два десятка «збройных»^[2], сунули ему оружие в нос, да и пригрозили.

Отдавай хлеб, негодяй, не то...

Ну а вопрос, хочет ли человек жить – он во все времена задается примерно одинаково.

Крестьяне жить хотели. И на вопрос, есть ли в селении кулаки и мироеды, ответили. Честно.

Почти...

- Ты мне, Иваныч, не дури! Мы ж не подонки какие! Пойми – зерно нужно! Голод в стране начинается! И заплатим честь по чести...

- Золотом?

Жом Кролик, прозванный так из-за длинных и выпирающих передних зубов, покривился.

Ага, золотом!

От золота б он и сам не отказался! И уж точно не отдал его каким-то земляным червякам.

Увы, перед отъездом Петер так душевно освободил казну от лишних денег, что туда заходить было стыдно.

То ли деньгохранилище, то ли бальный зал...

В такую казну ворье – и то приглашать стыдно, как бы на бедность подавать не начали...

Петер, сволочь такая!!!

Финансировать Освобождение было решительно не на что.

Но – бумага была. А потому жом Пламенный распорядился напечатать несколько тысяч облигаций, которыми и приказал расплачиваться за продукты.

Сейчас.

Временно...

А потом, через год или два, крестьяне смогут обменять эти облигации на деньги. Обязательно!

Кто-то из присутствующих не верит в дело Освобождения?

Поименно, пожалуйста! И шаг вперед для удобства. Чтобы не промахнуться...

Крестьяне верили, конечно. Но сдавать продукты не торопились. Приходилось устраивать реквизиции.

Выглядело это так.

Сначала жом Кролик приходил в село или деревню, и пытался уговорить сдать излишки продуктов.

Вот, как сейчас.

- Ты мне, жом, деньги давай, - протянул староста, недовольно разглядывая бумажку. - А енто - шо? С ентим и в отхожее место не сходить - больно бумага плотная. Расцарапает усе...

- Сказано ж тебе, - огрызнулся жом Кролик. - Денег сейчас нет. Летом на деньги обменяешь, в Звенигороде...

- Летось... кушать-от сейчас всем хочется... и иде тот Звенигород? А иде мы...

Жом Кролик скрипнул зубами.

- Твой ответ?

- Ты мне денег дай, жом. А уж мы найдем, что продать...

Хитрый взгляд старосты стал последней каплей.

От сильного удара дед улетел спиной вперед, только лапти в воздухе мелькнули. А дальше...

Два десятка человек.

Два десятка ружей.

Крепкие мужики... навалиться всем миром?

А вот что-то мир иногда наваливаться и не спешит... каждый о своей шкуре думает, и о своей семье, и... вдруг пронесет?

Не пронесло.

Крестьян согнали на главную площадь - всех. Там и держали под прицелом пулемета, благо, выдавался и такой на отряды. А освобожденцы шли по домам, отмечая - вот этот богаче, вот этот беднее...

Понятно же, где богаче - там мироед...

Кому-то понравился платок.

Кому-то подсвечник...

Кто-то залез за икону в поисках денег... полетела на пол лампадка, жалобно зазвенело, разбиваясь, стекло...

- Что ж вы делаете, ироды!?

Фельдшер.

Пьяный в темную голову, бесстрашный и решительный.

За свои инструменты, приглянувшиеся мародеру, он готов был и зубами грызть... и так что пропало...

Ошарашенный солдат Свободы отступил на шаг. Фельдшер наступал, расхристанный, пьяный, вонючий, но яростный и наверное, опасный.

- Не смей трогать, ты, ...!

Растерянность сменилась злостью, злость – действием.

Выстрел в деревенской тишине прозвучал громом небесным.

- Убили!!! – заголосила одна из баб – УУУУУБИИИИИИИЛИ!!!

Прасковья себя особо умной не считала – не с чего. А только увидев солдат за околицей, она мальчишек сразу из дома выпихнула.

Вспомнились слова той странной торы.

Придут.

Хлеб отберут, убивать будут, грабить, жечь...

Ничем ты это не остановишь, только себя и детей сберечь попробуй...

И Прасковья выпихнула мальчишек из дома быстрее, чем сообразила, что делает.

- Бегите в наш схрон! Там прячьтесь, пока я сама за вами не приду! И не смейте возвращаться!

Ванятка с Васяткой метнулись мышами, бегущими от кошки.

Они не помнили слов странной гостьи. Но страх в голосе матери был убедительнее любой памяти. Страх – и ее глаза.

Жуткие, темные...

Когда приходит беда, птица уводит врага от своего гнезда. Притворяется раненой, припадает на крыло...

Прасковья не может сбежать – ее будут искать. Но ее детей не найдут. Она скажет, что отослала их в соседнюю деревню.

И... не удержалась.

Стукнула к соседке.

- Мотря, детей и хлеб спрячь!

Послушается ли, нет ли... а все одним грехом на душе меньше будет!

Когда начали стрелять...

Когда раздался дикий крик: «Убiiiiилиии!!!»...

Когда крестьяне заволновались...

Прасковья стояла рядом с Мотрей. Детей ее на площади, кстати, не было. То ли в погреб пихнула, то ли на чердак, но хоть с собой не потащила.

Убивать будут, грабить, жечь...

Чутьем загнанного зверя Прасковья поняла, ЧТО сейчас будет.

Рванула за руку Мотрю, дернулась к ближайшему плетню... какие там заборы? Плетень, да еще и с прорехами, а к чему больше-то?

Все свои, все друг друга знают, никто чужого не замает...

Мотря была негибкой, она не понимала.

А...

Крестьяне заволновались.

- СТОЯТЬ!!! – заорал кто-то из «збройных».

Толпа – опасный зверь. Сейчас кинется, и их сомнут, задавят числом, уничтожат...

Не так их много, чтобы справиться, когда на людей находит остервенение. Они опасны... они кидаются, они зубами и когтями во врага вцепляются, они о себе уже не думают...

Те, кто носят оружие, знают об этой особенности. И – боятся.

Человеку в таком состоянии неважно – на пулеметы идти, на пушки... он – дойдет. И вцепится.

Прасковья упала за секунду до того, как раздалась первые выстрелы.

Упала, потянув за собой подругу.

Упала под плетень, откатываясь подальше от ног и дороги, на обочину...

Летом здесь росли лопухи. Густые, высокие, способные укрыть.

Сейчас их не было.

Но...

Никому до Прасковьи и дела не было.

Первые выстрелы.

Первая кровь.

Первые упавшие люди.

Крики, вой, растерянность толпы, которая не успела стать зверем, крики врагов – что бы они не говорили о своих высоких целях, они все

равно враги...

Те, кто приходит отнимать хлеб, отнимают самую жизнь. Они не могут быть никем иным, только врагами. Только убийцами.

Пуля – или голод?

Пуля милосерднее...

Прасковья лежала и молилась. И рука Мотри в ее ладони дрожала. Подруга была жива, это было хорошо...

- Парашка, как же так...

Почему шепот слышнее крика?

- Не дергайся.

Сейчас важно только это.

Чтобы не пристрелили по ошибке. Не затоптали. Не...

У нее дети. Она должна выжить, остальное – побоку.

Ванятка и Васятка сейчас в лесу. Если мать не придет, они обречены. Она должна выжить...

А еще Прасковья знала – когда ее муж вернется... жены у него не будет.

И семьи у него тоже не будет.

Женщина может простить многое, но когда их детям нужна была защита, мужа не было рядом. Когда ей нужна была помощь, его не было рядом. А коли так....

Не было тебя рядом?

Обошлись?

И иди к Хелле! Женщины могут простить – за себя. Но за детей они не простят.

* * *

Лежать пришлось минут пятнадцать. Но страшнее времени в жизни женщин – не было.

Лежать, слушать выстрелы, слышать крики... а ведь и их тоже... могут.

Прасковья это понимала, и лежала тихо-тихо. Мотря – та вообще обеспамятела от страха, замерла, аки заяц, и только тихо-тихо вздыхала. Иногда.

Наступающая зима покрывала лужи первым ледком, припорошивала легким инеем.

На белом кровь – алая. На черном – тоже алая.

Долготерпение было вознаграждено.

- Гони их по домам!

Крики, шум...

Прасковья вылезла, только когда на площади никого не осталось.

И то – вылезла...

Не встала во весь рост, не принялась отряхиваться, не пошла домой гордо и с достоинством...

Перевернулась на живот, пнула как следует подругу, чтобы та пришла в себя, и кое-как поползла. Медленно, очень медленно, вдоль канавы...

Ничего.

Лучше пять раз покрыться грязью, чем один раз – накрыться землей. Мотря, похоже, думала так же. Она ползла за подругой, и для разнообразия больше не вздыхала. Только икала. Тихо, часто и отчетливо...

* * *

Женщины отважились встать на ноги только ближе к окраине деревни, когда их не видно было за кустарником. Мотря потрясла головой.

Еще раз икнула.

И – в ноги поклонилась Прасковье.

- Век благодарна буду, сестрица.

Прасковья ответила таким же поклоном.

- Кто доброе дело сделает, тому Господь отплатит.

- Воистину, - отозвалась Мотря.

На этом ритуал был закончен, и дамы перешли к делу.

- Парашка, откуль ты про таких знала? – принялась выпрашивать Мотря.

- Откуль... откуль, - проворчала Прасковья. – Предупредили. Беги домой, да зарой в подполе, что сможешь. Скотины у тебя вроде как

немного, может, что и оставят... а вот зерно точно заберут. И детей приберут, у тебя старшенькая в пору входит.

- Я уж ей сказала ховаться в погребе...

- Ты меня послушай, - глаза у Прасковьи были серьезными.

Страшно серьезными.

Грабить будут. Убивать. Насиловать...

Тора Яна была права. Сейчас Прасковья благодарила Творца, что к ней на порог занесло эту женщину.

Мотря кивнула. И затрусила к своей избе.

А Прасковья, не особо задумываясь, отправилась в лес.

А чего ей?

Подожгут избу?

Да и пес с ней, самой бы живой остаться. Все одно, там из живности только тараканы. Плохо, конечно, и добра жалко, а только жизни лишиться – не хочется. Или, того веселее, не просто так ее лишиться. Мужики злые, молодые, голодные... если они здесь хоть на пару дней задержатся – в лесу оно безопаснее будет.

Остальная деревня?

Так и сами не маленькие...

Прасковья совершенно не рвалась бегать и всех предупреждать. Что – никому не ясно? После выстрелов-то?

После трех или четырех трупов, которые остались на площади? Кажется, там был фельдшер, кто-то из баб, пара мужчин... дядька Силантий... нет, точно Прасковья сказать не взялась бы. И то, что уже помнила – чудо.

Лучше она в лесу с мальчишками отсидится, все спокойнее будет.

* * *

И было спокойно.

Когда она подходила к землянке.

Когда кинулись ей на шею сыновья.

Когда побледнел мертвенно Ванятка – мам, у тебя кровь на лице...

Чужая.

Повезло – это просто чужая кровь. Брызнуло, наверное. А могла бы и ее быть...

Если бы не тора Яна, так и было бы. А еще она накупила бы всего и оставила в доме. И детей не прятала бы...

Глупость?

Так ведь мир!

Кому придет в голову такое проделывать, ежели войны нет? Когда враг приходит, тут понятно – ничего хорошего от него не ждешь.

А от своих?

От тех, кто с тобой на одном языке говорит?

Кто, может, вчера рядом жил, мало не в соседней избе... Прасковья, хоть и вся в тревоге была, а Федьку-бобыля заметила. Стоял рядом с одним из «збройных».

Стоял, смотрел, говорил что-то...

А и пусть!

Он-то знает, что у нее взять нечего. Разве что саму Прасковью, и то! Полувдовья жизнь никого не украсит...

А все одно – никуда она отсюда не уйдет. И продукты забирать не будет, разве что спрячет получше. И домой приносить будет крайне осторожно, по горсточке.

Прасковья помнила, как в ту зиму мальчишки у нее кусочек хлебушка просили. Помнила – и повторять это не хотела.

* * *

В лесу она прожила пять дней.

По ночам приходила в деревню, ни к кому не заходила, да и ни к чему такое было.

Дом ее так и стоял, никому не нужный. Поджигать?

Зачем?

Обыск явно устроили, не нашли ничего ценного, разве пару полотенец забрали, да и пес с ними. А на пятый день и подводы из деревни двинулись.

Тут Прасковья и вернуться решила.

Ответила Мотре, что в соседнюю деревню бегала – там предупредить. Там с мальчишками и пожили. И лишний раз порадовалась.

Как уж там что...

Выгрести из деревни все лишнее. Забрали половину скота, овощи, зерно забрали, рухляди прихватили, старосту пристрелили, невесток его насильничали...

Мотря сейчас радовалась – она как только домой пришла, так дочку и отослала к родне. На дальний хутор.

Заходили ведь! Явно искали... дочка-то у нее в самый сок вошла – парни заглядывались. А коли насильничают?

Позор?

Да плевать на тот позор! Чай не деготь, отмоеся...

А вот увечья... фершала ведь тоже... того...

Прасковья слушала - и ежилась. Что рядом-то просвистело, будто те пули. И нигде не сказано, что другие не придут.

Так она Мотре и сказала.

Прятать все. И дочку прятать. И сторожиться...

Темные времена грядут. Страшные.

И кровавые пятна на первом инее – только начало...

Русина, окрестности Ирольска.

- Тор Изюмский!

- Что случилось, Прошка?

Мальчишка подбежал, что тот конь – бодрой рысью.

- Новости у меня, тор! Да такие!

- Какие?

- Тор, я подслушал тут... говорят о раскулачивании.

- Вот как?

- Не токма благородных будут в расход – еще и по деревням пойдут!

- Та-ак...

- Говорят – кулаки, мироеды...

Вот кто бы сомневался?

Что обещают революционеры? Одно и то же!

Блага всем, кто пойдет за ними! Точнее – кто дойдет.

Но чтобы эти блага раздавать, надо их откуда-то взять.

Производить? Покупать?

Зачем?

Куда как проще произвести перераспределение. Был ты голытьба на селе – так найди самого богатого и отними у него добро. И подели на всех.

А там и пропить можно!

Не хватит?

А что – у вас один богатей на селе? Нет, конечно! А не найдем, так назначим...

- За села решили приняться?

- Тор... да.

- И кто же у нас в кулаки попадает? Не говорили?

Прошка почесал в затылке. Так, для стимуляции памяти. Немного...

- У кого техника есть. Кто ее в наем отдавал или рабочих нанимал.

Али торговал... [3]

- Почитай, треть села. Любой зажиточный хозяин подойдет...

Тор Изюмский едва за голову не схватился.

Это ж как!

Если эта шваль на усадьбу налетит – он отобьется.

А на села?

На его людей? Его крестьян?

В каждом селе охрану ставить?

Армию иметь надобно! И то не поможет... а если по паре человек – тоже не поможет. Перебьют...

Но и людей без защиты оставлять нельзя. Крестьяне его кормят, не будет хлеба, так и он зубы на полку положит.

Что же делать, что делать!?

Яна, Звенигород.

- Б...!!!

Что может быть хуже?

Стоять перед закрытым домом – и не знать, куда все подевались?

Вообще – куда угодно. Если у Илюшкиной сестрички ума хоть на капельку больше, чем у диванной подушки, она уедет из столицы.

Яна бы уехала.

Если ума будет больше, чем у козы – уедет за границу, на всякий случай прихватив ценности.

Меньше?

Хм... а куда бы рванулась коза? В хлев?

Вряд ли. Когда горит дом, животные не бегут в огонь. Но то животные, они умные. А что сделает Ирина-как-ее-там?

Яна вздохнула.

Что угодно.

Предсказать действия человека, о котором ты ничего не знаешь – невозможно.

Метаться – глупо.

Выход?

Найти того, кто знает ответ.

И девушка еще раз пнула дверь.

Закрывается и никого нет. Какие есть варианты?

Пойти расспрашивать по соседям. Только не в таком виде, сейчас ей и двери-то не откроют. Где тут можно остановиться и привести себя в порядок?

Глава 2

Работают ли гостиницы во время революции?

Да как вам сказать?

Если где господа есть, там и халдеи будут. Другой вопрос, что живущим в гостинице стоит опасаться визита «комитетов освобождения». А вот они как раз Яне были без надобности.

Ей вообще в Звенигороде задерживаться...

Ни к чему.

Но надо бы хоть переодеться где, да и попробовать поспрашивать.

Лебедева, говорите? Ирина Ивановна?

Вдова с ребенком...

Яна огляделась по сторонам.

А почему бы не попробовать? Улица здесь не то, чтобы очень парадная, вымощена даже не камнем – досками. Брусчатая мостовая. Но выметенная. А значит – что?

Где подметают, там и дворники есть. А коли есть дворники, будет и информация.

Как вызвать дворника?

Эммм... в этом веке – непонятно. А так они на мусор реагируют! Яна точно знала.

Вот сидишь в институте на подоконнике, грызешь мороженое, а потом доела – и куда бы бумажку деть? Так вот, стоит попробовать бросить ее на пол, как тут же из полной пустоты (куда там джиннам из арабских сказок!?) возникает уборщица в синем халате. И ты слышишь про себя много всего лестного.

А вот чем бы тут насвинячить?

Яна подумала, потом вытащила из сумки бутерброд, припасенный еще с поезда – и огляделась выискивая местечко почище.

Сейчас перекушу, а бумагу, в которую бутерброд был завернут...

- Энтэ ишшо че такое?! А ну брысь отседова!

Местный дворник был еще круче уборщицы тети Симы. Он появлялся не в момент и не после совершения тяжкого преступления насвинячивания. Он явился еще ДО оногo.

В претензии Яна не была. И о презумпции невинности не заикнулась. Вместо этого уважительно склонила голову.

- День добрый, уважаемый жом.

- Ну... добрый.

- Скажите пожалуйста, вы здесь убираете?

Вежливость – первое оружие. Любого разумного. Дворника оно тоже притормозило, как медведя – рогатина.

- Ну... энтэ... я, да. А шо?

- Чисто тут у вас. Везде разруха, развал, а у вас хорошо, чисто, выметено все, как языком вылизано. Вот и хотела присесть перекусить. С утра во рту росинки маковой не было.

Дворник пригляделся повнимательнее.

- Простите, жама. Не признал.

- Сейчас так лучше, чтобы не признавали, - объяснила Яна. – Я пока из провинции добиралась... плохо в стране. Маетно. А к подруге приехала – той нет дома.

Дворник посмотрел еще немного, послушал...

- Идемте ко мне, жама. Я вам чайку налью...

- Благодарствую! – расцвела Яна. – А только что ж я без угощения, - в пальцах сверкнула серебряная полтина. – Может, вы скажете, где к чаю... прикупить?

Произошло чудо.

Монета сверкнула – и растворилась в воздухе, полностью опровергая все законы химии и физики. Дворник расплылся в улыбке.

- Так я, жама, сейчас вас устрою, да и схожу. Чего вам ноги бить... видно ж! Пехом шли, устали...

Яна и не спорила.

И пешком шла, и устала...

Другое дело, человек, который вырос на кордоне, может и по лесу долго ходить, и не слишком страдать от голода. Это сейчас шоколадки – мармеладки – плюшки – фигнюшки...

А раньше как?

Идешь в лес, а что взять-то с собой? Зимой проще, ничего не пропадет. А летом? Когда сыр плачет, колбаса за два часа протухает,

кефир скисается... Остаются вареные яйца, хлеб и огурцы с помидорами. Тверденькими такими.

Яна так и привыкла с детства.

Отец так ходил, ее приучил. Она бы и еще часика четыре спокойно прогуляла, не кушая. Но – надо было выманить джинна из бутылки! И ведь сработало?

* * *

В дворницкой было чисто и уютно.

Маленькое помещение начиналось с тяжелой двери, перед которой был положен скребок. Яна честь по чести отряхнула ноги и вступила в крохотную кухоньку.

Печь, стол, люк в подпол.

Дверь в комнату. Не слишком большую, Яна заглянула. С топчаном, комодом и сундуком.

Инструменты, похоже, хранились или в подполе, или еще где...

Два окна глядели в стену, так что даже в самые солнечные дни здесь будет грустно и пасмурно. Но в комнату девушка не полезла, уселась за столом, ждать.

Дворник себя ждать не заставил, вернулся и плюхнул на стол пакет с продуктами.

Горлышко бутылки, стыдливо выглядывающее из свертка, Яна вежливо не заметила.

- Как вас зовут, жом?

- Трофим я, жама.

- А по батюшке?

- Игнатьевич.

Яна протянула руку.

- Яна Петровна. Можно просто Яна. Рада знакомству, Трофим Игнатьевич.

Дворник метнулся взглядом по сторонам, подумал – и предложил универсальное:

- За знакомство!?

* * *

Через четыре часа Яна отвалилась к стене с чувством выполненного долга. Трофим уснул, уговорив «литрушку», а она попивала чаек, отдыхала. Она-то поила щель в полу комнату. Научилась, не пить же невнятное пойло?

И бегать никуда не надо, и искать, и прыгать...

Вдова Лебедева отправилась к родителям. И сына с собой взяла.

Куда?

Да говорила, что у нее имение есть. У ее родителей...

Куда?

Вроде как под Синегорском.

Городок такой, понятно, гор там отродясь не было, но назвали же! Туда кажись, на поезде пару дней ехать надо. Или конями...

Яна вздохнула.

Поезд, лошади...

Поезд – это хорошо, но сейчас они не ходят.

Лошади?

Не ее это! Не ее!

Даже если допустить, что она купит лошадь, справится с ней – это возможно, все же на кордоне росла, и верхом ездила несколько раз. На машине чаще, но и на лошади верхом случалось несколько раз. Но лошадь же!

Животное!

Которое надо кормить, за которым надо ухаживать, которое надо еще и охранять – и в чем ехать? Верхом?

В телеге?

В пролетке?

А она проедет?

В России не дороги, а направления?

Так в Русине тоже направлений хватает! Как направят...

Пешком идти?

Яна почесала кончик носа. Ей бы хорошую вещь... велосипед! Смех смехом, а штука-то замечательная! Выдержит любые нагрузки, зависит только от сил наездника, пройдет и по дорогам, и по бездорожью... и ездить Яна умела.

А где бы можно разжиться сей полезной в хозяйстве новинкой?

Большой плюс – овса ему не надо, ржать не будет, кормить-чистить тоже ни к чему, и меняться может. То есть или всадник на

велике, или велик на всаднике – отец им в лесничестве тоже пользовался. Удобно, по лесным дорогам-то!

Яна прикинула хвост к носу.

Ей бы разжиться велосипедом. Машиной - лучше, но под нее топливо нужно, опять же, приметно. Это она от Зараево до Ирольска доползла, и то все скляла. А тут центр Русины, тут еще веселее будет...

Отловят и покритикуют.

И машина едет только по дорогам. А велосипед – и по тропинкам, и по проселкам, и куда ноги вывезут. И на поезд его погрузить можно, и в машину...

Лучше бы поезд, но на вокзал не хотелось.

Итак...

Проспится Трофим – выясним, где можно разжиться полезным девайсом. А пока можно и самой чуток подремать. Только револьвер поближе положить, к руке. Так оно надежнее...

Свободные герцогства.

- Сколько?

Торговаться Нини раньше не приходилось, но тут! Возмущение девушки было настолько велико, что прорвалось наружу. А там и поздно стало.

Пожилой мастер поднял брови, глядя на нее с возмущением.

- Вас не устраивает моя цена, тора?

- За этот перстень? Конечно, нет! Вы нолик прибавить забыли!

- Нолик!? Да помилуйте мою седую голову! Камень мутной воды...

- Что!? Ну-ка дайте сюда свое стекло... где вы видите муть!? НУ!?

- И вот, похоже, трещина...

- Да вы, любезнейший, лупу свою проверьте! А не мой камень! Ну-ка, поглядим... я так и знала! Стекло паршивое. И волосок...

- Ну... ладно! Но размер камня...

- Размер? Ну-ка, выскажитесь мне про размер или огранку? Думаете, я не знаю, кто его гранил, и сколько это стоит? Это вам не кабошон, камень полностью симметричный, рундист чистый, калетта

цела! Цветовая зональность ровная! Смотрите, как свет ложится при преломлении! Ни одного окна вы не обнаружите! И не надо мне рассказывать про полосы!^[4]

Ювелир поежился.

- Тора, вы...

- Я знаю, о чем говорю! Вы мне еще про ребра расскажите и сколы поищите!

- Ну... ладно! Вот моя цена!

Нини топнула ножкой. Лежащий рядом пес поднял уши, но увидев, что хозяйка вне опасности и сама кого хочешь загрызет, успокоился. Положил голову обратно на лапы.

Собака в банке?

Выгодного клиента туда и с крокодилом пропустят!

- Я же сказала – прибавьте нолик! И так вы заработаете! Не три цены, но половинку вы возьмете. И оправу не забывайте, за такую цену вы ее практически даром получаете!

- Да что там той оправы?

- Ну если для вас несколько грамм золота не ценны, можете мне оставить, - парировала Нини, которая продавала перстень с бриллиантом.

Тот случай, когда камень хороший, а сам перстень особой художественной ценности не имел. Памятной – тоже. Мало ли что в сокровищнице обнаружится...

- Вы, тора, хорошо разбираетесь, - заворчал ювелир, который не собирался выпускать их рук отлично ограненный бриллиант весом чуть ли на сорок карат.

Прозрачный, конечно, и не слишком уникальный, но чистой воды, без проблем с огранкой и прочим... если его в хорошее изделие вставить, тут и две запрошенных девчонкой цены возьмешь. Но как не поупираться? Как не попробовать продавить соплячку?

- Еще откуда у вас такой камешек, тора?

- От родителей, - парировала Нини, нимало не смущаясь.

А что?

Даже если ее опознают... и? В свободе она потеряет, а в деньгах еще и приобретет!

- Хорошо, - скрипнул, сдаваясь, ювелир. – Деньги...

- Мы в банке, так что деньги можно сразу будет поместить в мою ячейку, - парировала Нини. – Банк будет гарантом нашей сделки.

Это она тоже почерпнула от Анны.

Сестра настрого запретила ей ходить по ломбардам и ювелирным магазинам. И приказала сразу же идти в центральное отделение банка, а там говорить с управляющим. Тоже есть риск, но все же меньше.

Сказать, что хотела бы продать кольцо. Что банку будет процент за посредничество. Что деньги лягут на счет в том же банке...

Нельзя сказать, что это – идеальный вариант. Но банки своей репутацией обычно дорожат. И по мелочам мошенничать не будут. А потом...

Сначала Нини нужны реальные деньги. Да, и арендовать в банке ячейку. И объяснить, что она не одна, у нее есть родня, которая скоро приедет, и еще привезет много чего хорошего...

Яна не могла предусмотреть – все. Но в чем могла, она старалась девочку обезопасить.

* * *

К вечеру у Нини были деньги.

А на следующее утро она поехала по городу присматривать подходящий дом. Не слишком большой, но и не очень маленький, в центре, с подозрительными и вредными соседями... да, иногда это – громадное достоинство!

Когда в доме одна девушка, противные соседи становятся незаменимы. Кто, как не они, вовремя заметят беспорядок или какую проблему?

Кто будет следить за соседкой лучше всякой полиции?

Кто не пропустит появления подозрительных личностей?

То-то же...

А отсутствие личной жизни перенести можно, все одно пока рано. И прислугу нанять надо, и охрану, и...

Нини подумала, а потом решила пойти на курсы. Сестер милосердия.

А если в городе таких нет, так она просто в лазарет отправится, авось, не выгонят ее!

Слишком хорошо она помнила, как Анна вытаскивала из нее пулю, ругаясь такими словами, что и бывалый боцман покраснел бы. Прочно впечатались в память и боль, и беспомощность...

Так вот!

Больше – никогда!

Зинаида Петровна Воронова не будет беззащитной жертвой! Не дождетесь!

А еще надо купить револьвер и научиться хорошо стрелять! Нини даже не сомневалась – пригодится!

Борхум.

Война – это не только поле битвы. Война – это снабжение.

Это склады с оружием и продовольствием, это рельсы, по которым идут поезда, это собственно, поезда, которые перевозят все к месту назначения.

И объясните, зачем сидеть в засаде и стрелять?

Нет, ни к чему это. Убьешь правителя? Так война-то не прекратится! Война – это поставки, это закупки, подряды, деньги, деньги, деньги... В основе каждой войны лежат экономические причины, это верно для любого мира и времени, и остановиться война может только в двух случаях.

Первый – это если одна сторона завоевала вторую.

Второй – это если для начавшей войну стороны она будет решительно невыгодна. Какое воевать, когда у тебя дом горит? Тут уж не до склок с соседями за огород!

Дмитрий Сергеевич Ромашкин подошел к вопросу со всей серьезностью.

Зима...

Что может воевать?

Практически, ничего. Но вот готовить к отправке на фронт всякие полезности...

О, да!

И для начала – бронепоезда!

Шикарная штука, на три платформы! Каждая платформа служит основанием для прошитого и проклепанного корпуса из листовой

стали. Внутри он укреплен стальными перекладинами, и пробить такой кожух пулями или шрапнелью просто нереально!

В стенах «скорлупы» прорезаны бойницы. В два ряда, друг над другом, для сидящих и для стоящих людей. Чтобы воевать с комфортом.

В самом корпусе вольготно размещаются пятьдесят человек, которые преотлично могут вести стрельбу по врагу.

В задней части корпуса расположена пушка. На легко вращающейся платформе, достаточно мобильная, так, что можно вести веерную стрельбу.

Паровоз также одет в броню, разве что кончик трубы торчит наружу. Ну и окраска – защитная. Цвета хаки, так элегантно... в белый решили не красить, все же зимой не воюют...

Сколько такое стоит?

Не спрашивайте!

Бронева сталь, вооружение...

Ромашкин прямо-таки облизывался...

Это ж прелесть! Мечта диверсанта!

Итак, имеются динамитные патроны...

* * *

Борхум – прелестное место, просто прелестное. И люди там хорошие, и очень скрупулезные, обязательные, педантичные. Если сказано – «от и до», так они и будут действовать. Именно что от – и до. Но никак не налево, не направо, не рядом...

Так сказано?

Так и будет сделано! И виват инструкция.

Ромашкин инструкции тоже знал. Пара купюр одному, стакан шнапса второму, сговорчивая баба третьему – и вот тебе расположение караулов во всей красе. И расписание, и порядок смены, и что пожелаешь. Конечно, бронепоезда охраняют. Шутка ли?

Десять штук!

Но в том-то и дело!

Сейчас они стоят на путях рядом с Морельском.

Территория достаточно большая, полностью депо не заблокируешь, рельсы туда ведут... ну разве что оцепление в три ряда поставить, но и тогда...

Депо.

Не надо воображать себе картину – в ночи крадется террорист, сгибаясь под тяжестью тюка со взрывчаткой!

Ни к чему!

Митя точно знал, надо использовать технику! А потому...

И снова – ничего сложного! Подумайте сами, сколько поездов! И сколько в поезде приятных потайных мест! Надо просто найти человека, который провезет ему килограмм двадцать-тридцать первосортного динамита! А уж такие вопросы господ террористы решать научились еще в каменном веке.

Не было там террористов?

Ошибаетесь! Они всегда были, просто записей не сохранилось. Они об этом позаботились.

Митя изучал расписание поездов, потом принялся изучать проводников – и нашел того, кто ему понравился.

* * *

Стефа Падловского по имени никто не называл.

Падла – и все тут.

Фамилия так точно отражала его характер, что ни убавить, ни добавить! При взгляде на этого мужчину лет пятидесяти, не слишком высокого, худощавого, седоватого, подлысоватого, с желчным лицом, на котором навсегда оставили свой отпечаток и больная печень – последствия пристрастия к алкоголю, и перелом носа – пьяные всегда храбрецы, у людей возникали примерно одни и те же характеристики.

Сволочь, склочник, скандалист...

И ведь оправдывалось!

Стефа закономерно не любили коллеги.

Стефа закономерно не любило начальство.

Терпело, ибо подлизывался он виртуозно и пресмыкался вдохновенно. Но – не любило. Кому ж такое понравится?

Стеф работал проводником...

И сегодня он шел домой.

Дома ждала жена. Дома ждали дочь, зять, внук... милейшая, в сущности, семья. Правда, соседи с ними старались не общаться, друзей у них не заводилось, а родственники и вообще брезговали общением. Поговорить могли, но звать такое домой?

Увольте!

Но это, понятно, от предвзятости! И вовсе тут не при чем ни Стефино пьянство, которое прекратилось только лет пять назад. По пьянке Стефа так в живот пырнули, что два месяца в лежку лежал. А доктор (все врачи – враги трудового народа!) тогда и высказал, мол, будешь горькую хлестать, и штопать не буду. Все одно сдохнешь! Чего на тебя время, силы да лекарства переводить?

Как многие падлы, Стеф был труслив, и предупреждению вял.

С водкой завязал и устроился на работу. Раньше-то он нигде не задерживался. А родственники? А что – рабочий человек права выпить не имеет?

Гады непонимающие!

И не при чем тут был склочно-стервозный характер жены. И не при чем тут было поведение единственной дочери, которая гуляла со всеми парнями (пьяное зачатие промаха не дает).

Просто родственники – сволочи!

И начальство – сволочи!

Он уж и так, и этак... а его все одно держат на «сидячих вагонах». Ему бы в купе, или СВ... ну хоть бы в плацкарт! А его держат на «сидячих», для самого такого быдла! А что с него возьмешь?

Десяток яиц?

И то... скорее уж в морду дадут, чем взятку!

И никакой тебе благодарности, и денег не заработаешь... тьфу, а не работа!

Кругом враги!

Так, с мрачными мыслями и шел домой Стеф, когда навстречу ему из переулка вышел хорошо одетый господин. Явно из торов.

- Ох!

Столкнулись они хорошо! Стеф аж на землю полетел. Но обложить гада в три ряда не успел.

Мужчина тут же охнул, рассыпался в извинениях, поднял мужчину, и предложил Стефу посидеть где-нибудь.

Стеф подумал – и согласился.

Дома ждала семья, но видеть ее лишний раз не хотелось, Стеф потому и проводником устроился, чтобы лишний раз дома не бывать. Уж больно сволочную жену он себе подобрал!

И денег нет, и живут они плохо, и люди говорят...

Тьфу, гадина! И дочь не лучше! Дашь деньги – молчат, не даешь – сутками пилят, дряни...

Нет, домой ему вовсе не хотелось. А собеседник оказался понимающим...

* * *

Дорогой коньяк. Хорошая закуска. Красивые девушки.

Карты – почему нет?

И утреннее пробуждение.

Из приятных, ничего не скажешь! Стеф проснулся в одной постели с очаровательной и профессионально услужливой девушкой, выпил немного хорошего коньячку, хоть голова считай и не болела, позавтракал там же, в постели, наслаждаясь каждой минутой... и спустился вниз.

Вчерашний знакомый так и ждал.

- Доброе утро, жом Падловский.

Собственная фамилия Стефу не нравилась. Но возразить он не успел. Мужчина продолжил.

- Надеюсь, вы остались довольны девушкой?

- Да, вполне.

- И ужином?

- Да...

- Хотите повторить?

Стеф хотел. Но...

- Задарма только кошки дают!

- Это верно. Но я вам предлагаю неплохие деньги...

Деньги действительно были неплохие. А за что?

Да просто спрятать небольшой чемоданчик, да и провезти в депо. Там жом Айзек (не называть же свое имя всем подряд?) за ним и зайдет. Что в чемоданчике?

А вот это вас, жом Падловский, касаться не должно. Ни в коем разе... донести?

Ну-ну...

Я понимаю, что вы человек серьезный, хозяин своего слова. Хотите – даете, хотите – обратно берете. Но советую посмотреть сюда.

Что это?

Ну... тут всего хватает.

И показание жамы Люлю, которую вы изнасиловали. И ее же показания, но уже по обвинению в краже. И в избиении. И не только ее показания.

Вчера вы немножко разнесли кабак.

Попортили мебель, стены, обивку, подожгли кое-чего, бутылки побили... вам не впервой, правда? И убытков тут немного – пара десятков тысяч на золото... выплатите! Нет?

Ну.... Не выплатите. Посидите в тюрьме лет двадцать... ладно! Сколько высидите!

Подстава?

Да что вы, милейший! Это не подстава. А вот если вас – или кого из вашей семьи темной ночью встретят, да ноги переломают? Всякое ж бывает...

Вылетит из-за угла пролетка, или динамит в дровах окажется, или...

Вам семья и жизнь как – дороги? Или обойдетесь?

Перед тяжким выбором между деньгами и мучительной смертью, Стеф закрыл глаза – и мужественно выбрал деньги.

Дмитрий мило улыбнулся – и пообещал. Сразу же, как только получит свой чемоданчик. Целым и невскрытым! Но если что – мы приличные контрабандисты, любезнейший жом, если договоримся, будете нашим постоянным каналом. Есть такие травки, вы понимаете, такие полезные травки, которые почему-то не одобряют таможенники. Но вы же знаете, как избежать их внимания?

А ваши вагоны почти никогда не обыскивают!

Да и обыскивали бы – чтобы проводник хабар не спрятал? Не бывать такому!

Стеф с этим был полностью согласен. А впрочем, выбора у него так и так не было.

* * *

Два дня спустя он сидел на подножке вагона и поеживался.

Темнота.

Ночь.

Холодно.

Еще и нервы, конечно. Хотя ему и обещали крупную сумму, но ее еще получить надо. А вот посадить могут...

Полиция не дремлет.

Проверят, и – готово. Вообще, здесь тщательно проверяют... проверяли.

Сначала – очень тщательно. Потом – стало проще и спокойнее.

Есть такое понятие – транспортная развязка. Вот, Морельск, вроде бы небольшой городок, был именно такой транспортной развязкой. Железнодорожным узлом. Здесь и депо, здесь и ремонт, здесь и отстойник для поездов... в отстойник сейчас бронепоезда и загнали. Но перекрыть-то его нельзя! Там же и ремонтные мастерские!

Чем и собирался воспользоваться Ромашкин.

Стеф услышал собачий лай, еще поежился. Может, не придет этот... опасный?

Но ждать надо.

Страшно...

* * *

Скрытно проникнуть через периметр, пролезть под носом у охраны, отвлечь их...

Все верно. Но зачем устраивать шоу с перестрелками, погонями и прочим? Приличные боевики ходят тихо.

Пришел, ушел, и только когда все взлетело на воздух... и тогда никто не догадается, кто именно приходил. Вот это правильная работа.

Митя старался так и действовать. Но и на старуху бывает проруха.

Сейчас он не мог попасться. А потому...

Какое средство способно напрочь отвлечь внимание и людей и собак? Да собачья же свадьба. Ищем и находим течную сучку, собираем на нее кобелей – и запускаем все это на территорию.

Охраняемую. Или поднимется шум и гам... он в любом случае поднимется, тут вопрос только – со стрельбой или без. Но, как правило, в собак не стреляют.

Зачем?

Шавки и шавки.

Разбегутся...

А Митя, пока все будут заняты – люди собаками, собаки – размножением, спокойно проникнет на территорию. И уйдет так же спокойно.

Сучка попалась небольшая, светленькая, с черными пятнами вокруг глаз и на спине. И очень удачная. Кобелей она собирала быстро – вот уже штук десять, и все косятся, аж облизываются... Митя сделал еще несколько шагов, поставил собачку на землю, и прицельно пнул.

Низко полетела.

К дождю...

Кобели бросились за ней. Митя отступил в темноту. Теперь подождать немного, а там... без него весело будет!

* * *

Весело и было.

Митя?

Да там трехголовый Змей Горыныч пролететь мог на брющем полете, приветственно помахивая хвостиком, никто бы его и не заметил. Кобели помчались за сучкой, кого-то по дороге цапнули, какой-то ретивый идиот выстрелил, сторожевые собаки рвались с поводков, лаяли, рычали, порывались подраться с пришельцами... кому тут есть дело до скромного террориста?

Пара минут – и вот Митя уже в отстойнике.

Найти нужный поезд было чуточку сложнее, но вот и он. Специально такой подбирал, чтобы в ближайшее время загнали на профилактику. Да и проводник...

Вот он, родной, сидит, ежится, словно по нему червяки ползают.

- Добрый вечер, - поздоровался Митя.

- Добрый. Наконец-то!

- Где мой груз?

- Где мои деньги?

Митя, не споря, достал пачку.

- Половина. Груз?

Чемоданчик был извлечен из-под пола в считанные секунды.

- Забирай.

- Сейчас, проверю...

Митя коснулся замков, быстро пробежал пальцами по «секреткам». Все на месте, ничего не открывалось. Это – тот чемодан.

- Держи.

Чемодан поставить. Достать вторую пачку денег – и протянуть проводнику.

Тот тянется за деньгами, смотрит Мите в глаза – и в это время острое заточки входит ему в грудь. Прямо в сердце.

Длинная острая спица протыкает продажного дурачка почти насквозь... вот так! Отлично!

Митя ловко выхватил деньги из разжавшихся пальцев. Вытащил из кармана у трупа вторую пачку.

- Я обещал тебе деньги – и отправлю их твоей семье.

Обещал.

Но ведь Митя не обещал оставить продажного подонка в живых? Любые обещания можно трактовать двояко. Вот и...

Жалко негодяя не было. Мир чище будет!

Митя ловко запихнул тело под вагон. Авось, еще и премию какую его семье дадут, когда найдут. Скажут – защищал бронепоезда, или еще что придумают.

Ладно. Не до него...

Митя пригнулся, пробежал несколько метров, нырнул под поезд, второй, третий... лишь бы не заметили.

А вот и бронепоезда.

Громадные, страшные даже сейчас, в своей жутковатой неподвижности. А какие они будут в бою?

Митя надеялся, что этого никто не узнает.

Он ловко поддел ногтем одну из секреток. Чемодан открылся сбоку.

Динамит...

Митя принялся быстро доставать динамитные шашки. Теперь еще шнуры и фитили, вот так...

Один, второй, третий...

Митя передвигался от поезда, к поезду. Времени у него было мало. Пока собачья свадьба правит бал на территории, тут слона можно провести. А вот когда ее разгонят... скорее, рано, чем поздно. Тогда и караульные будут внимательней, и собаки злее... хотелось бы уйти ДО того момента.

Патрон, еще один...

В чемодане было тридцать килограмм динамита. Тряханет – Хелла зачесется.

М-да.

Одно неосторожное движение...

Хорошо – взорвется штук пять патронов – и остальные сдетонируют. Но до этого надо еще дожить и убраться. Целым и невредимым.

А шнур не так, чтобы очень длинный.

Профессиональный риск.

Мысли не мешали Мите передвигаться от одного бронепоезда к другому. Ползти под вагонами, перетаскивать тяжелый чемодан, крепить динамитные патроны...

- Стой!

Окрик вроде бы был негромким.

Митя замер, прижался к здоровущему колесу... заметили?

Темный силуэт человека, ружье росчерком на фоне неба... куда он смотрит?

В противоположную сторону.

Но тогда – что?

Из темноты вылетела задиристая шавка, промчалась, громко лая... Митя выдохнул.

Убить?

Не ко времени, и стоит неудачно. Пусть поживет еще... недолго, с полчасика.

Митя прикинул расположение бронепоездов, и развернулся обратно. Пора, уже пора...

Шаг, второй...

Вот и центральный бронепоезд. Очень удачно расположен. Митя достал из кармана спички, чиркнул серной головкой о намазку на дощечке, поджег фитиль.

Тот загорелся, тихо потрескивая.
Десять минут, не больше.
Пора брать ноги в руки. И – ходу!

* * *

Митя метнулся в темноту, прополз под одним бронепоездом, вторым, третьим... охрана пока еще занята собаками. Но бежать все равно не стоит. Путь отхода он себе присмотрел.

Собак как раз выгоняли с территории.

А вот и дрезина.

Митя рванул куртку, под ней обнаружилась железнодорожная шинель. Вот так...

Фуражку он прихватил у Стефа.

Куртку в сторону, самому в дрезину – и дернуть за рычаг. Железнодорожник, который куда-то едет – самое обычное зрелище.

Митя почти физически чувствовал, как утекают минуты... пути, конечно, перекрыты, но тут уж не до жиру.

Дрезина мчалась, ускоряясь с каждой секундой...

- Стой! Кто...

Договорить охранник не успел.

Митя выстрелил.

Раз, второй, пригнулся...

Отлично!

Охрана ждала тех, кто будет прорываться К поездам, а не ОТ них. Вот и не среагировали сразу, а теперь уже поздно, поздно...

Дрезина мчалась.

Позади нарастал шум, кто-то кричал, стреляли... А вот впереди и приметное дерево. Митя огляделся, закрепил рычаг – и рыбкой прыгнул под насыпь.

Перекатился, привычно, ловко... какое-то время они потратят, гоняясь за дрезиной. А ему того и надо. Митя свернул в сторону, заполз в канаву и накрылся приготовленным там листом жести.

Ждать.

Теперь – только ждать и надеяться.

Но...

Потянулись минуты. Даже уже секунды. Митя отсчитывал их медленно, словно смакуя.

- Сто девятнадцать. Сто двадцать. Сто двадцать один...

Сначала он почувствовал грохот, и лишь потом его услышал. По земле далеко передается.

Земля вибрировала и дрожала, земля ходила ходуном, что-то сыпалось... Митя почувствовал тем, кто окажется рядом с эпицентром.

Тридцать кило динамита – не игрушки.

На лист жести что-то сыпалось, гремело, дребезжало...

Когда все закончилось, Митя даже не сразу это понял. Полежал минут десять, потом потряс головой и принялся вылезать. Не из канавы – из-под листа. А по канаве он пока и поползает. Она здесь длинная, тянется вдоль железнодорожной насыпи, а ему того и надо.

Интересно, насколько он удачно прогулялся?

* * *

Ближе к вечеру (утро и день Митя проспал) террорист узнал, что прогулялся очень удачно. Шесть поездов, из тех, что были ближе к центру, восстановлению не подлежали, только на металлолом. Еще четыре можно было восстановить, но стоило это очень, очень дорого.

Митя улыбнулся своему отражению в зеркале и поднял бокал с вином, салютуя любимому себе.

Первый пошел. Что у нас там дальше?

Есть замечательный мост через реку Молер. Кстати, не так и далеко отсюда, дня четыре пути... Просто чудесный... кто сказал, что на войне обязательно надо стрелять?

Раздолбать врагу все коммуникации – и пусть развлекается. Не до войны будет!

Глава 3

Россия, Анна.

- Ньюся, а кого ты хочешь отыгрывать?

- Никого.

- Ньюууууууусяааааааа!!!

- Кира, будь любезна, не ной. Я и так в образе – твоей родственницы.

Кира фыркнула.

- А все же? Аня, там столько ролей... из тебя классная аристократка получится!

Анна покачала головой. Вот еще лицедействовать ей не хватало!

- Кира, мне не нравятся эти книги.

- Почему? Это же клево!

Что такое Гарри Поттер Анна узнала из памяти Яны. Та читала. Пыталась читать. Даже смотреть пыталась, но фильмы были скучными и серыми, а книги...

- Потому что всех взрослых, описанных в этих книгах, надо или перестрелять – или пересажать.

- Почему?

- Кира, ты никогда вот так не думала? Группа террористов держит в страхе островок. Вместо того, чтобы собраться всем миром и напугать врагам, маги чем заняты?

- Ээээээ...

- Правильно. Своими делами. Они ждут, пока с врагом героически разберется горстка сопляков. Или не разберется.

- Волдеморта мог победить только Гарри Поттер!

- Кира, я, конечно, не специалист, но уверена, если бы господина Волдеморта поймали и гильотинировали – он бы не воскрес!

- Там крестражи были!

- Значит, его нужно было убить несколько раз. Пусть с промежутком лет в пять-шесть, так что же? Можно было бы даже праздник организовать – день убиения Волдеморта. Тоже мне,

сакральное знание. Учебный процесс не организован, школа полузаброшенная, спорта, считай, нет, преподаватели – каждый год меняются, программа страдает, директор в звездочках, это я книгу цитирую... я бы на их месте Волдеморта в президенты выбрала. И пусть мучается! Сам бы через пять лет убился. Семь раз – и об крестраж. А если бы пошел в школу работать.... Кира, вот представь себе Волдеморта в вашей школе?

Кира представила.

Подумала пару минут.

- Убился бы. Но быстрее.

- Вот. А если его в правительство, там бы еще интереснее было.

- Думаешь?

- Кира, а ты на своего отца посмотри. Он бизнесмен, а сколько работает? Думаешь, у президента обязанностей меньше?

- Больше?

- Намного.

- Нууууу... Ань, когда ты так говоришь, оно какое-то странное...

- А как ты себе это представляешь? Полиция, спецназ, армия, а с террористами боремся мы с тобой?

- Тьфу! Не порть мне удовольствие!

Анна пожала плечами.

- Не буду. Но и в игру меня не тяни, хорошо?

Кира кивнула. Но глаза у нее как-то хитро блестели. Явно не успокоится...

Яна, Русина.

Нельзя сказать, что велосипед был Яниным идеалом.

Начнем с того, что он был трехколесным. Сиденье высоковат, руль низковат, регулируется... да ничего не регулируется, шины каучуковые, цельнолитные, сама машинка тяжелая, но...

Но время он Яне точно сэкономит!

Надо брать!

Яна отдала за велосипед почти сто рублей, и принялась его осматривать и смазывать. Цепи, колеса, все перебиралось и обильно

умащалось машинным маслом. Увозилась Яна капитально, но овчинка выделки стоила.

Трофим, которому перепала десятка за посредничество, был доволен и счастлив. И даже предложил девушке ночлег.

Яна отказалась. Дала денег и попросила купить ей хлеба в дорогу.

А сама ускорила.

Ох, ни к чему ей тут оставаться. Кто-то верит в бескорыстную помощь, оказанную одинокой девушке с деньгами? Да еще во время революции?

Серьезно?

Вот лично Яна не верила.

И стоило Трофиму уйти подальше, как она заметалась по дворницкой. Собрала в мешок несколько кусков хлеба, кусок сала, остатки самогонки, несколько луковиц, головку чеснока, яблоки...

А чего это ей разикалось? Точно, кто-то вспоминает. И уши горят подозрительно! А, пусть их! Выпить пару глотков воды, чтобы желудок отпустило – и собираться дальше!

В компенсацию оставила на столе еще десятку – и выкатила велосипед на улицу.

Привычно уселась, положила руки на руль, надавила на педали...

Тяжело?

Нормально!

Поехали!

* * *

Икала Яна не просто так. Ее действительно вспоминали.

Жом Тигр.

Сейчас он думал, объявить девушку в розыск – или нет? С одной стороны, хотелось. С другой...

А как?

Во-первых, это вчистую признаться в своей слабости. Именно к этой женщине. Подставить ее под удар. Кто-то верит, что соратники по борьбе помилуют Яну?

Жом Тигр в это не верил. Совсем.

Конечно, и у Пламенного была женщина, и у Урагана... да и у многих. Но...

Если бы кто-то убил супругу Пламенного... убил? Ну и черт с ней!

Казнить. Всем спасибо, все свободны... надо бы поискать следующую.

А вот Яна уникальна. Где Тигр еще такую найдет? С которой они (совершенно неожиданно для серьезного мужчины) играли в крестики-нолики на раздевание, спорили над проектом реформ, до умопомрачения занимались... любовью?

Любовью?

Спали вместе, верно же?

Или...

Жом Тигр даже головой замотал.

Нет!!!

Никакой любви!!!

Ее вообще поэты придумали, чтобы денег не платить! Никого он не любит, и любить не собирается, это просто лютый бред!

Да что вы себе придумали!?

Никого он искать не будет!

И... Яне так безопаснее. А самое безопасное место сейчас рядом с ним... девушка, одна, беззащитная, в столице...

Ага, с револьвером, из которого она птице в глаз попадет!

Жом не мог решить, что ему нужно. То ли Яна, то ли...

Ладно!

Свои люди у него есть!

Он просто поговорит. Пусть Яну деликатно поищут.... Ну и приглядят за ней, если что. Ему так спокойнее будет.

Яна Евгеньевна Поплавская. Имя он отлично помнил.

Да, пусть поищут.

Анна, Россия.

- Милочка, вы же копия леди Малфой!

Анна, которая и думать не думала, ни о какой копии, едва не споткнулась. И воззрилась на растрепанную девицу.

- Простите?
- Вот! Я же говорю!
- Вы меня с кем-то путаете, любезнейшая. Я не участвую в вашем... косплее.
- Ань, поучаствуй! – взвизгнула рядом Кира. – Анечка!!!
- Кира, милая, я уже слишком старая для ваших игрищ...
- Смеешься!?
- И я не умею. И не хочу. И...
- Аня, а я геометрию могу подтянуть...
Кира посмотрела умоляющими глазами, и Аня сдалась.
- И английский.
- Хорошо! Йес!
- Оф кооз, - согласилась Анна. И пошла вслед за распорядительницей.

Организовано все было научно. Неведомый благодетель понимал, что если позволить толпе школьников распоряжаться самостоятельно, или бросить их на произвол судьбы, ничего толкового не получится. В лучшем случае – повальная пьянка с гулянкой. Поэтому были наняты несколько профессионалов, прописан сценарий, а распределение ролей...

Импровизация – наше все.

Неожиданно для себя, Аня втянулась.

Ей и изображать ничего не надо было, просто ненадолго стать самой собой.

Аристократка? А она-то кто?

Беспокоится за своего сына? И это верно...

Аня не играла, она была самой собой. И так это красиво получалось, что кое-кто из мальчишек поглядывал с восхищением, забыв про разницу в возрасте, а главный герой и виновник торжества вообще показал Кире большой палец.

- Твоя тетка?

- Родственница, - не стала вдаваться в подробности Кира.

- Ваще потрясная! Не как все эти старперы...

Кира довольно улыбнулась. Правильно она Аню с собой взяла! Вот правильно...

Игра продолжалась весь день. А вечером были шашлыки. И костер, к которому так приятно было протягивать руки, и песни под

гитару, которая оказалась как-то удивительно кстати, и горячий глинтвейн, в котором не было ни капли алкоголя, и звездное ночное небо...

Кира честно пыталась высидеть подольше, но так умоталась за день, что ее быстро сморил здоровый сон. Аня проверила девочку, укрыла ее одеялом, и вышла из комнаты, которую им отвели на двоих. Повернула ключ.

Изнутри комнату тоже открыть можно, за это она не беспокоилась. Кира не испугается. А спать не хотелось.

Прошлое властно надавило на плечи, всколыхнулось ледяной волной, приморозило душу...

Ее прошлое.

Аделина Шеллес-Альденская, невероятно прекрасная в белом платье и бриллиантах, голубые глаза смотрят надменно.

Дочь моя, вы так неуклюжи...

Сегодня Анна не узнала себя в зеркале. Белый парик, белый балахон, грим... она стала больше похожа на мать, как это ни странно.

И – страшно.

Родители остались – там. Сестры, Илья... Яна.

Про сына Анна не думала. Ее сын был рядом с ней, она это твердо знала. Рядом...

Скоро она заберет его из больницы. Гошка...

На специально отведенной площадке продолжался шум и гам. Но туда идти не хотелось. Хотелось побыть наедине со своими мыслями, погулять, посмотреть на звезды, подышать чуточку морозным воздухом декабря...

Что у нас на карте?

Это Анна посмотрела, когда ехали в Рахманино. С одной стороны – деревня. Недалеко, около двух километров. И рядом и шум не тревожит.

С другой стороны – поле. Туда идти не хотелось, грязь месить.

С третьей – старое кладбище. Там фашистов хоронили.

Кто такие фашисты, Анна знала из памяти Яны. Люди, которые искренне считали себя - выше других, и были уверены в своем праве распоряжаться низшими. То есть – мразь.

Это Анна точно знала, как урожденная княжна Воронова.

Она стояла на социальной лестнице выше многих и многих. Но делало ли это ее – высшей? Или кого-то низшим?

Люди не равны, но не равны они не кровью или цветом кожи. Люди не равны своими способностями и талантами, умами и душами. И арийская, и еврейская нация может породить мразь, а может – и героя. Нет, нельзя судить, нельзя...

И как человек, который видел Освобождение, Анна могла еще добавить – будь прокляты те, кто начинает войны! Будь прокляты навеки, до гроба и за гробом! Но думать об этом все равно не хотелось.

С четвертой стороны был небольшой перелесок. Посадки, как назвала это Кира.

Погоулять там?

Почему нет...

Анна решительно направилась в сторону деревьев.

Страх? Страх она не испытывала. Но на всякий случай...

Яна была умна и запаслива. И оружие у нее было.

В кармане у Анны лежала заточка. Верная, надежная... пусть лежит. Не то, чтобы она ее пустила в ход. Но...

Как многие люди, Анна в чем-то фетишизировала оружие. С ним было спокойнее. Хотя убивает-то не заточка, а человек. И чего стоит кинжал, если к нему прилагается слабая рука?

Но об этом Анна не думала. Она медленно шла среди деревьев.

Медленно-медленно, иногда застывая на одном месте. Она пыталась - что!? Она и сама не знала, может быть, отогреться, а может, не заплакать... или наоборот?

Поплакать там, где ее не увидят?

Что-то недоброе разбудил в ней этот день, злое, нехорошее...

Именно поэтому ее и не заметили.

Анна произвольно сместилась в сторону кладбища – человек обычно заворачивает в сторону основной руки, вправо. Сместилась, а когда услышала голоса, стало поздно поворачивать обратно.

- ...сюда?

- ... и ...!

Двое мужчин переговаривались.

Ругались.

Анна замерла на месте. Хелла, твоим именем! Да что ж такое!?

Бежать?

Она не рисковала. Сюда как-то дошла, а вот обратно? Сейчас хрустнет ветка, или метнется луч фонарика... единственное, что позволила себе девушка – опуститься на колени и прижаться к дереву. И порадоваться, что у Яны вещи – практичные. Немаркие.

Куртка была камуфляжной, в серо-бело-черных тонах. Ночью – и не заметишь. Анна думала взять пальто, но потом остановилась на куртке и джинсах. И не прогадала.

А вот сапожки тонковаты, и носки она не надела. Ноги замерзнут...

Не до ног тут!

Двое мужчин разговаривали на русском матерном. Анна прислушалась – и скривилась от отвращения.

Мародеры.

Твари, ничтожества, шакалы помоечные! Существа, слишком трусливые для честного боя, но подлые, жестокие и опасные.

Во все времена таких давили...

Это было памятью Яны. Это было мнением Анны. И в одном она Джоан Роулинг не понимала.

Как можно назвать компанию, которой предлагается восхищаться – мародерами?! Что за моральные установки у них в Англии? Может, еще педофилами прикажете восторгаться? Или некрозоофилами? Фу, гадость!

Двое продолжали переговариваться.

Как поняла Анна, в войну здесь гремели бои. И усадьбу защищали на совесть.

Немцы отбивались, но в результате дом все равно взяли, их закопали...

А закопали не просто так.

Награды, оружие, трофеи, документы... нагрудные знаки и кокарды, каски и орлы, подковки с сапог и нашивки, портсигары и зажигалки, даже золотые зубы – это же мародеры! Они не брезгливы!

А тут была большая братская могила. Немецкая!

Раскопать – и пожить.

И именно сейчас, потому как почва болотистая. Подмерзла, но еще не заледенела. Воды нет, а копать – в самый раз.

На основании чего-то один из мужчин был уверен, что здесь много «хабара». Второй так уверен не был, но первый настойчиво

подгонял своего... соккрысятника.

Анна сидела и молчала.

Яма была уже наполовину раскопана. Обо что-то звенели лопаты – не сильно, но отчетливо. Вот бы полиция нагрязнула?

Но куда там!

Ну хоть кто из усадьбы... или не стоит? Наверняка мародеры вооружены!

- Ах...!!!

Из раскопа понеслись какие-то слова. Явно торжествующие.

Потом на поверхность вылез один из мародеров, тот, которого Аня окрестила «первым». Вытащил что-то из ямы, примерился, ударил лопатой. И разразился восхищенно-матерной речью.

Второй что-то сказал из ямы.

Первый ответил матерной речью, и протянул вниз руку.

Левую.

Анна прикусила губу, чтобы не закричать. Но... мужчина потянул левой рукой из ямы своего товарища, а в правой руке блеснуло лезвие ножа.

Впитало лунный свет, хищно клюнуло мародера в левый бок...

Крик захлебнулся.

Мужчина полетел вниз.

- ... двоих не вынесет...

Кажется, Первый что-то сказал.

Анна не знала.

Дальше она двигалась, как автомат. И потом удивлялась себе. Но...

Встать.

Достать из кармана оружие. Отполированная Яной рукоять удобно ложится в руку.

Ком земли летит в противоположную сторону. Пусть *этот* отвернется... хотя бы ненадолго. И он отворачивается на шорох. Смотрит в темноту, светит туда фонариком, дергается... Анне хватает времени.

Сделать буквально пять шагов.

Почти пробежать их, словно телепортироваться. Вот только что она была здесь – и уже за спиной мародера.

И рука опускается вниз.

- Тебе, Хелла!

Шило исчезает в теле негодяя. Анна бьет снизу вверх, она ниже, она вообще не умеет убивать. Но словно Хелла направляет ее руку.

Шило находит дорогу между ребер – в сердце.

Мужчина издает страшный булькающий звук... кто сказал, что человек умирает сразу?

Ошибаетесь... Несколько секунд продолжается агония, но Анна не трогает шило. Добивать не требуется. Это она понимает, она ведь помогала в госпитале.

И смотрит вниз.

В раскоп, где темнота...

Страшно?

Нет.

Анна поднимает фонарик, медленно ведет лучом... он еще жив, там, на дне ямы. Первый ударил его не насмерть. И человек корчится, извивается, словно змея, которую перерубили лопатой... Анна видела один раз.

Ее начинает мутить. Она оглядывается – и на глаза попадает нож. Тот самый, который уже отведал крови. Первый выдернул его из раны, да так и держал в руке. А когда она его... выронил на землю.

Анна подхватила оружие – и спрыгнула в яму.

Второй даже не понял, что над ним кто-то стоит. А Анна не колебалась.

Ранение в печень, человек обречен.

В этом мире – нет?

Возможно, но сейчас Анна об этом не думала.

Нож опустился еще раз.

- Тебе, Хелла.

Еще одно сердце последний раз дернулось – и замерло. Анна вздрогнула – и словно наяву увидела усмешку богини. Надменную, холодную, жестокую...

И – ледяные чертоги смерти.

- Мы сейчас вернемся в мир. Я - в ее, она - в мой. Я должна спасти и устроить в жизни ее ребенка, Яна устроит моего. Ровно через год мы опять окажемся здесь. За этот год мы должны принести вам четыре жертвы. Убить людей. А... все равно когда?

- Совершенно. Можно всех четырех за один раз, - кивнула Хель.

- За это вы нам даруете магию. Мы сможем убить любого человека, просто приказав ему...

- Смотришь на человека и говоришь: именем Хеллы я забираю твою жизнь. И он умрет.

Анна поежилась.

Страшно стало, как тогда. Но...

Четыре жертвы?

Вряд ли она сможет убить еще кого-то. Но больше она Хелле ничего не должна. И... она теперь может убить одним словом.

Страшно-то как...

* * *

Расклеиваться все равно не было времени.

Анна примерилась к краю ямы.

М-да, неудобно.

Земля крошилась под пальцами, осыпалась... поди, вылезь!

Анна оглядела раскоп.

С-сволочи!

Куда и сожаление об убитых делось?

Могилу раскапывали, твари. Вот кость, явно, человеческая. И вот еще одна. И... череп скалится... не наступать же на них?

Или... а как выбраться? Выбора все равно нет!

А вот и лопата!

Великая княжна никогда раньше не выкапывала для себя ступеньки. Ну так что же... все в жизни когда-то бывает в первый раз. Да и память Яны помогла. Яна с лопатой управлялась вполне умело, хотя с саперной лопаткой было бы лучше.

Ступеньки получились паршивые. Но – через полчаса Анна была наверху.

Первый тоже был мертв. Анна примерилась – и выдернула из него шило. Перебьется, ни к чему такие улики оставлять. И так...

И так проблемы будут, чего уж там! Если сюда придут с собаками... найдут по следу. Анна подумала пару минут.

А как собирались действовать копатели? Наверное, быстро выкопать, что им надо – и смыться. Может, у них тут рядом и машина

стоит, но она ее не найдет. И найдет – вести не сможет. Тут никакая память не поможет, она просто в дерево въедет.

А из-за чего хоть Первый убил Второго?

Анна опустила глаза вниз.

Оххххх!

Урожденная княжна не позволила себе материться. А хотелось...

Небольшой чемоданчик. Металлический, похоже.

Полковая казна? Или – что?

Анна опустилась пониже, посветила себе фонариком.

Ордена в мешочках. Какие-то книжки.... Солдатские? Рядом деньги. Бумага и немного золота... Хелла!

За такой куш действительно могут убить...

Анна тихо зашипела сквозь зубы.

Да, могут убить. Но... это спасение для Гошки! Если она сейчас это бросит... а если возьмет с собой?

Отдаст отцу?

Если что-то, точнее, когда ее не станет и случится нечто непредвиденное, требующее расходов, Петр Воронов пустит это в оборот. Он сможет, знакомства есть.

Анна действовала, как автомат.

И первым делом принялась обшаривать Первого. Не может быть так, чтобы...

О!

А вот и его рюкзак!

Самая прозаичная сумка из крупного гипермаркета, да не одна. Роза Ильинична такие называет «челночницами». Большие, на молнии, квадратные... Анне все не нужны. Одной хватит.

И в нее она быстро и уверенно перегрузила все содержимое ящика.

Что уж тут случилось?

Как было дело?

Может, сами немцы спрятали.

Может, кто-то из них уцелел, и не надеясь выбраться, припрятал потом в могиле эту вещь.

А может, и русские зарыли. И собирались вернуться за трофеями – почему нет? Анна никогда об этом не узнает. И мародеры.... Шли они наугад – или знали нечто именно про ящик?

Да кто ж их знает!

Ой!

А это – что?

Анна аж шарахнулась. Глаза защипало даже на расстоянии. Смесь молотых перцев. Черный, красный, еще что-то острое...

От собаки – подсказала память Яны. – Чтобы по следам не нашли.

Предусмотрительно.

А косплей будет длиться еще день. А если их найдут?

Обыщут усадьбу?

Нет, надо это где-то прятать. Не брать с собой...

А где?

Поле. Лес. Усадьба.

Деревня в двух километрах...

Анна ненадолго задумалась, а потом принялась рассыпать смесь перцев. Шла, и сыпала за собой. Сыпала и шла. И сумку тащила на себе... навскидку килограмм пятнадцать, не меньше. Мужу – что?

Утащит!

А женщине?

Не знаете вы, сколько может утащить на себе русская женщина! Если что – она и мужика утащит, вместе со всем его добром!

Анна уверенно двигалась к деревне. Неужели там не найдется подходящего места?

Да и случись что... пусть ищут третьего в деревне. Не в поместье.

* * *

Деревня спала.

Тихо и спокойно. Это в городе можно посидеть до часу ночи у телевизора, потом поваляться с утра побольше. А в деревне...

Курам такие вольности неведомы, их кормить надо. И поросят тоже, и коров, и навоз выгрести, и доить, и по хозяйству много чего делать найдется...

Дом – это всегда дом. А именно миллион отложенных и пара сотен тысяч срочных дел.

На Анну даже собаки не лаяли – они несли свою службу. Вот если враг полезет во двор, тогда разговор другой будет. А пока он мимо идет...

Идет человек – и пусть его. Чего лаять? В деревне таких вольностей тоже не понимают. И побрехушке может перепасть чем потяжелее. Хозяину вставать рано, никто не лезет, мимо идет, а ты разгавкался?

Н-на тебе... благодарность!

Деревня молчала. Анна шла по тихой улице, благо, ни один фонарь не горел и в темноте ее не было видно, внимательно приглядывалась к домам.

А правда – куда бы деть сумку?

С собой ее не потащишь, у них с Кирой на двоих один чемодан.

И не заберешь завтра.

Надо устроить так, чтобы она пролежала неделю. Целую неделю, никем не найденная. Как?

Дома отпадали, даже необитаемые. Это легче сказать, чем сделать – влезть ночью в дом... ага! Даже если там никто не живет, есть хороший шанс нашуметь и привлечь внимание соседей. И сломать себе что-нибудь нужное.

Сараи?

Да то же самое!

А куда и что еще можно спрятать в деревне? Да так, чтобы никто туда не полез, хотя бы какое-то время? И ведь это не борсетка какая! Это вполне себе здоровущая сумка! Достаточно неудобная...

Анна бы растерялась. Но – повезло. Откровенно повезло.

Уже за деревней она заметила интересное место.

Когда-то это дерево погибло. Давно. Очень давно – с него даже кора уже слезла и остался голый серебристо-серый ствол. А потом кто-то решил этим воспользоваться.

Верхушка дерева то ли сломалась, то ли была спилена, и метрах в четырех-пяти над землей уютно устроилось аистиное гнездо. Серьезное, массивное, сделанное из старого колеса от телеги.

Аист – это вам не воробей, птичка массивная. Взрослый аист весит до двадцати килограмм. А их в гнезде двое, да еще аистята, которые тоже едят и растут...

У аиста только рост – метр, а размах крыльев – под два метра. Поэтому вопрос, выдержит ли гнездо, Анна себе даже не задавала. Янина память подсказала, что – выдержит.

Осталось самых мелочей – влезть в это гнездо.

М-да...

* * *

Нереальные впечатления.

Вы лазили по деревьям – ночью?

Зимой, изрядно замерзнув, на адреналине, да еще со здоровущей сумкой, которую пришлось надеть за обе ручки на спину, как рюкзак. Хорошо еще – наделась.

Куртку, правда, пришлось снять. И сапоги тоже, в них влезть не получалось, ноги соскальзывали. Анна в жизни по деревьям не лазила.

А вот Яна могла залезть хоть куда.

Во времена оны, когда она еще встречалась с Сережей Цветаевым, парень, решив поразить подругу, привел ее в клуб для скалолазов. И даже показал стену, на которой те тренировались. Скалодром.

Кажется, он даже пытался Яну поразить техникой лазания.

Девушка даже не издевалась. Но ей на скалодроме делать было решительно нечего. Подняться-спуститься?

И что?

Она на кордоне и не то проделывала, только без страховки. Ситуации разные бывают. И вообще – если ребенок живет в лесу и не лазит на деревья, значит, это очень замученный жизнью ребенок. Яна лазила. Анна...

Вспомнила она все ругательства, которые знала. Содрала кожу на запястье. Порвала свитер. Набила несколько синяков и шишек.

Но – влезла.

И удобно разместила сумку в самом центре гнезда. Так, что с земли ее видно не было.

Может, пролежит неделю?

Потом оделась – и поплелась обратно, к поместью. Что-то ей подсказывало, что это будет долгая дорога.

Когда Кира уснула, а Анна ушла – было девять вечера.

Когда Анна вернулась – было около четырех часов утра. Разошлись и уснули самые стойкие. Потому никто и не заметил вернувшуюся девушку.

Камеры?

Эммм...

Стояли они, стояли. Только вот снимали реально штук пять.

На центральных воротах, на калитке, в главном здании еще на улице, там, где была оборудована площадка для шашлыков. И все. А остальные были бутафорские!

Народ пугать! Это ж рехнешься какие затраты – всю территорию ими обвешать! И деревня рядом! Сопрут же! Наверняка сопрут! Или камнем кинут! Бывали прецеденты.

Анна пролезла через дыру в заборе – так было быстрее. Она и выходила через нее – рядом с домом, она во время косплея эту дырку и приглядела. Про камеры она даже не подумала. И жили они с Киной не в главном здании, а в одном из вспомогательных. И мимо площадки она не проходила.

Вот на камерах и не запечатлелась.

А остальное...

Хорошо, что все спали.

И Анна могла спокойно оттереть грязные сапоги. Могла рассмотреть и спрятать разошедшийся по шву свитер. Хорошо, не вязанный, а из какой-то плотной ткани. Нитки не останутся.

Могла искупаться сама.

Вот поспать ей не удалось... ну так что же?

Великой княжне это было не впервые. Она еще успеет выспаться... или прикорнуть где-нибудь минут на пятнадцать. Этому их тоже учили.

С утра прием, потом обед, потом общение, вечером бал, и за всем надо приглядеть, а ночью разобраться со слугами, и на следующий день опять прием...

И никто тебя от обязанностей не освобождает...

Анна это могла.

Она никому не покажет своего состояния. А что сложно...

Не в первый раз. Улыбаться, и понимать, что живыми они из дома в Зараево не уйдут – было сложнее.

Улыбаться – и помнить, что где-то там, далеко, без защиты и помощи остается ее сын – еще страшнее. А она справилась. И сейчас тоже справится.

Анна посмотрела в окно.

Медленно падал первый в этом году снег. Белый и чистый.

* * *

Косплей продолжался.

Нарцисса Малфой была очаровательной, разве что несколько бледной. Но ей же положено!

А вот ментов никто не ждал! И их появление восприняли... своеобразно.

Сначала решили, что это такая идея организаторов.

Потом попробовали пригласить ментов тоже поиграть.

А когда поняли, что все всерьез...

А вот тут бедным полицейским стоило только посочувствовать. Толпа избалованных подростков с поросычьим характером сообразила, что они косплеят, а неподалеку произошло – ОНО!

Реальное убийство!!!

Это ж...

А они все пропустили!?

А можно пойти!?

И посмотреть!?

И потрогать!?

И... и... и...

Полицейские и организаторы взвыли дружным хором. Но как вот ЭТО удержать? Когда штук двадцать подростков в самом шилопопистом возрасте рвутся на поиски приключений? И плевать им, что рядом – место преступления! Их только пусти!

Затопчут все, не хуже, чем стадо слонов!

И так-то...

* * *

Конечно, есть тайна следствия.

Но есть еще и местный участковый.

И вполне себе местные повара на кухне – не приглашать же ради косплея поваров из дорогого ресторана? Хоть ты фуа-грой весь дом облепи и форель из Швейцарии закажи, а подростки оценят пиццу. И картошку фри...

Аня зашла на кухню попросить чашку чая.

Вчерашний адреналин сказался – она не заболела. Но горячего хотелось.

Как-то она себя не слишком комфортно чувствовала. Подмерзала, да и носом посапывала.

Чашка чая с капелькой бальзама и большим куском яблочного пирога пришлась кстати. А порция сплетен – еще больше ко времени.

Участковый поделился новостями, и Аня узнала, что ночью какие-то... люди нехорошие раскопали старое кладбище.

Копали сбоку, ближе к посадкам. Видимо, что-то знали, потому что вскрыли большую братскую могилу. Теперь будет криминалистам проблем - перебрать все кости. Рассортировать, обыскать... да, наверное, надо историков вызывать. А погода-то швах...

Снег пошел. Да противный такой, мокрый, вчера погода расщедрилась, а вот под утро - дала жару!

Следы?

Да какие там следы по такой погоде? Если что и было...

Говорят, два трупа нашли. Понятно, кто-то третий там был! Ящик нашли вскрытый... вот, вроде как третий сначала одного убил, потом второго... а куда делся?

Неясно.

Машину не нашли – наверное, эти двое на электричке приехали. Да тут и не слишком далеко, всего километров десять до станции.

Куда третий делся? Говорят, в деревню. Сюда-то уж вообще для галочки заглянули. И допрашивали всех для проформы. Что вы видели ночью, что слышали, что делали... спали? Вот и чудненько, вот и ладненько. Спасибо, вы свободны! А следы точно вели в деревню... ну, сколько проследить смогли. Жуть какая!

Подлые какие люди!

По могилам лазить!

Да ладно бы в лесу нашли... понятно, надо захоронение на кладбище перенести, отпеть, по-людски все устроить. А тут!?

Могилу разорили!

На кладбище!

Если б этих тварей уже не убили, их бы деревенские сами... в чем-то в деревне нравы и проще. Шел, поскользнулся, сел попой на вилы... случайно. Раза три.

Так не бывает?

Еще как бывает! Вся деревня в свидетелях!

Свой мир. Закрытый и замкнутый от посторонних. И этим все сказано.

Анна слушала, и думала, что ей повезло. Наверное...

Но когда она поедет за сумкой, надо быть осторожной. Очень осторожной. Электричка, говорите? Десять километров?

А расписание?

То, что придется ехать ночью, Анну не смущало. Она даже оружие с собой брать не будет. Зачем?

Хелле она верила. Если богиня сказала – убивать словом, значит, так оно и будет. И никакого орудия убийства. Очень удобно...

* * *

Разъехаться пришлось пораньше.

Хотели до утра остаться... планировали.

Ага, как же!

Устроители справедливо решили, что если детей не посадить на цепь, и не приковать к чему-то тяжелому, они обязательно сбегут посмотреть на кладбище.

Как тут не поинтересоваться? Как не полюбопытствовать?

Отлавливать всю эту банду никому не хотелось, а потому... проще неустойку вернуть – и отвезти всех по домам.

Целее будут!

Ведь точно и пойдут, и полезут, и навернутся куда, и что-то сломают... на фиг – на фиг! Пусть едут домой! И родителям сообщить о форс-мажоре, пусть деточек возьмут на поводок на ближайшее время. Так что Анна и Кира ехали домой.

Анна была довольна.

Кира ворчала.

- Испортили косплей! Не могли эти козлы в другое время полезть...

- Не могли. Не согласовали, а жаль...

- Козлы!

Позвонить девушкам и в голову не пришло.

Анна как-то не воспринимала сотовые телефоны. Ну да, они есть, это великое благо цивилизации, но... лично она их просто не воспринимала. Не получалось.

А Кира не собиралась предупредить. Из принципа.

Она домой едет! Пораньше, и что?

По какому поводу звонить? Это ее дом!

Впрочем, когда Кира увидела рядом с домом маленький красный мерседес «CLK», ярко-красный и с уляпанной игрушками передней панелью, она помрачнела еще больше.

- Эта.... Эта...

Анна положила ей ладонь на запястье.

- Кира, спокойно. Помнишь, о чем мы говорили?

- Да. Я не должна выставлять душой себя.

- Правильно.

- Я должна выставить душой ее.

- Умничка. Теперь осталось пойти – и это сделать.

- Ань, а ты pomoжешь?

- Конечно.

Не то, чтобы Борис Викторович это одобрил. Но... девочку было жалко. Анна все понимала. И про браки по расчету, и про объединение капиталов, и про детей...

Но Киру все равно было жалко. Поди, поживи с такой паразиткой под боком! Анне решительно не нравилась Лиза. Насмотрелась она таких во дворце – гадость редкостная. Впрочем, такие везде заводятся, и везде себя мнят центром вселенной.

- Держи себя в руках, - в очередной раз предупредила она Киру.

- Слушаюсь, леди Малфой!

Они с девочкой прошли по коридору – и замерли на пороге. А в гостиной царила романтическая обстановка.

Цветы, свечи, столик на двоих... явно Киру тут не ждали.

Лиза и Борис Викторович сидели... Лиза сидела на коленях у будущего мужа – и щебетала. Тот обнимал девушку – и слушал. И даже не кривился.

Анна прислушалась. Речь шла о предложении руки и сердца.

Сейчас как раз обсуждалась дата свадьбы. Лиза хотела устроить ее летом, чтобы она, вся такая воздушная, чтобы платье, фотки... зимой тоже здорово, и манто можно продемонстрировать, но – неудобно. Столько всего надо объехать, посетить, а если она замерзнет? И нос красный...

И насморк?

Нет-нет!

Лето – и никаких гвоздей!

Опять же, сейчас УЖЕ декабрь! Пока платье! Пока белье, туфли, пока гости, приглашения, праздник, да, и дом немного надо бы переделать для молодых...

Тут бы управиться до лета! А то ведь можно и не справиться!

И кольцо на пальце девушки. С большим, вульгарным бриллиантом. Впрочем, некоторые девушки признают только такие драгоценности.

Кира набрала воздуха в грудь, намереваясь заорать. Но Анна успела вовремя пнуть ее по щиколотке.

Девочка зашипела – и пришла в себя.

И бросилась отцу на шею.

- Папс! А мы с косплея! Нас пораньше распустили, там рядом убийство произошло!

- Кошмар! - выдохнула Лиза.

- Да, - закивала Кира. – Мародеры раскопали могилу, потом поубивали друг друга. Я точно не поняла, кто и кого убил, но нам сказали, что оставаться в поместье может быть опасно.

Борис Викторович нахмурился и кивнул головой.

- Правильно, что вы вернулись. Кира, я сделал предложение Лизе.

Если бы рядом не было Анны, сейчас разразился бы скандал. И Кира бы оказалась во всем виноватой.

Она бы раскричалась, Лиза обиделась...

Вместо этого Кира захлопала в ладоши.

- Папс! Класс! А я буду подружкой невесты?

Лиза едва рот не открыла.

- Будешь, конечно, - согласился Борис Викторович.

- Я хочу пышную свадьбу, я не каждый день отца женю! – продолжила девочка, уже откровенно развлекаясь, под одобрительным взглядом Анны. - И подруг надо пригласить!

- Подруг? – наморщила носик Лиза.

- А что такого? Ты будешь частью нашей семьи, поэтому я обязана тебя познакомить со своими друзьями и учителями! Папсу вечно некогда, а ты будешь ко мне ходить на родительские собрания? У нас требуют, чтобы родители участвовали в жизни класса, а я вечно, как самая лысая!

Лиза поежилась.

Школу она и сама не так давно закончила, и возвращаться туда не хотела совершенно. Но Кира подобные возражения во внимание не принимала.

- Ну, мамочкой я тебя звать не хочу...

- Почему? – усмотрела возможность прицепиться Лиза. – Я понимаю, тебе будет сложно, но может, со временем...

- Ты собираешься стать алкоголичкой? – с живым интересом уточнила Кира.

Лиза аж поперхнулась.

- А...

- Папс в курсе. У меня маман спилась – родная. Не знаю, допилась ли она уже до морга, или пока только до белочки, но тебе, наверное, такое не нужно? А то притянешь судьбу? – девочка рассуждала вроде бы разумно, но Анна видела – издевается.

Копирует ее же – с косплея.

Ах ты паршивка!

- Какая ужасная наследственность! – ахнула Лиза. – Кира, ты лучше не признавайся...

- В чем?

- А то никто приличный может и не жениться...

- Я со школьной скамьи замуж не собираюсь, - отрезала Кира. – Мне надо выучиться, получить профессию, найти работу, научиться самой себя обеспечивать...

Борис Викторович довольно кивал. Лиза сморщила нос – и решила попробовать атаковать Анну.

- Слышу голос старой девы. Кира, главное для женщины – удачно выйти замуж!

- Мой отец удачно женился. Скоро вот, в пятый раз, - согласилась Кира.

Лиза побледнела и пошла пятнами. А девочка невинно рассуждала дальше.

- Я наверное, тебя буду называть, а правда – как? Лиза? Непонятно, кто ты мне такая... Мама? Тут мы уже решили, ты не сопьешься, правда?

Лиза квакнула нечто, принятое Кирой за согласие.

- Мамушка? Тоже не подойдет, так служанку звали. Из «Унесенных ветром». - Кира недавно посмотрела этот фильм на пару с Анной, и сказала, что Эшли надо отравить. Чтобы не мучился. Но вот, запомнила... - Мамыса? Матуша? Матуха? Матка? Это уж вовсе физиология...

Лиза меняла окраски. Борис Викторович выдохнул, собираясь вступить за возлюбленную, но не успел.

- Знаю! Будешь нянькой! В самый раз!

- Нянькой?

- Да нет же! Нянькой! Как Украина! И ласково, и со смыслом... няня Лиза! Класс!^[5]

Лиза вскочила.

Надулась.

- Мы об этом еще поговорим!

- Конечно! – согласилась Кира. – Папс, вы тут помолвку праздновали? Мы с Аней тогда пойдем... только трусов на люстре не надо, ладно?

- Трусов? На люстре?

- Ну да... няня, ты не переживай! Они хоть и симпатичные, я вот вижу, красные, в кружавчиках, но в интерьер гостиной не впишутся. Да и тебе нельзя, говорят, красные трусы на люстре – к женихам. А ты уже... того. Все, жизнь кончена...

Лиза вылетела из комнаты не прощаясь.

Кира сделала знак «йес».

И была поймана за ухо родимым батюшкой.

- Ну и что это за номера цирковые? Анна, вы мне можете объяснить?

Вот, так всегда. Хотя Анна тоже получила удовольствие, так что можно и пострадать немного.

- Конечно, Борис Викторович.

- Слушаю вас внимательно?

Анна сделала нарочито невинное лицо.

- Будучи невинным ребенком, Кира получила громадную моральную травму. Переживания подкосили ее и внутренний мир девочки диспропорционировался. Отправившись домой, она обнаружила, что ее отец, столп ее мира, собирается жениться. Будучи хорошо воспитанной девушкой, Кира проявила доступную ей долю вежливости, но к сожалению, это вышло чуточку неуклюже. Будьте к ней снисходительны, обнаруженные по соседству трупы не способствуют душевному равновесию.

Что мог сказать Борис Викторович в ответ на эту тираду?

Ну... почти ничего.

Начиная с диспропорционирования, он честно пытался не захохотать в голос. Так что...

- Идите вы... интриганки!

Интриганки переглянулись – и пошли.

Русина, Подольск.

- Как мне все это... надоело.

Тор Мелехин покосился на подчиненного, но одергивать не стал.

Мужчину тоже все... скажем вежливо – за...грызло.

Подольск, вообще вся эта ситуация, патрулирование...

Особенно – последнее.

Везти в город продовольствие?

Да вот прямо и сейчас! Никто даже не собирался! На черном рынке обычная курица стоила до десяти рублей!

Десяти!

Рублей!

Для сравнения – всего год назад она стоила восемьдесят копеек!

Илья с ног сбивался, а только – толку?

Если бы не крупа, обнаруженная на складах Подольска, давно бы его войско или голодало, или с протянутой рукой пошло, или вообще в

мародеры! А кушать-то хочется!

И то...

Крупа – для людей.

А для лошадей?

Десять килограмм сена, пять кило сухой травы, семь-восемь килограмм овощей, четыре килограмма зерна...

Не нравится?

А это еще самый минимум! Нужно больше! Это строевые кони, постоянно в движении, со всадниками... и где все это взять?

Только у крестьян.

Понятно, крестьяне были против. Илья махнул рукой, и выпустил облигации, по которым крестьянам обязательно заплатят. Ну вот обязательно! Стоит только вернуться законной власти...

Крестьяне оказались недоверчивыми, и вообще – пособниками освобожденцев, так что ни зерна, ни фуража, ни...

Город продуктов от них не дождался.

Илье пришлось рассылать десятки по селам, с реквизициями. Строго-настрога запретив грабить, убивать, насиловать...

Обнаружили сено?

Заберите.

Но выпишите человеку облигацию – пусть потом компенсацию получит.

Что значит – корову кормить нечем? А помрет корова – и детки умирать начнут, она ж, кормилица, молочком их поддерживают...

Ах вы, твари сиволапые!

Мы вас тут защищаем, а вам сена жалко!? Вы о каких-то коровах печетесь!?

Да за такое...

Расстрелять бы, да нельзя. Но вот сапогом в морду – это можно. Это крестьяне получали регулярно. Параллельно с облигациями.

Вот и сейчас...

Удалось найти несколько возов сена, и забрать их, но в морду староста получил! А чего он! На колени падает, сапоги обнимает... да на эти сапоги такая кожа пошла, которую в его паршивой деревеньке отродясь не сыщешь! Разве что с него содрать!

А он их – соплями!

Коровы падут, козы... Лошадям не хватит... да не наплевать ли?!

Пусть прирежут свою скотину – да и на мясо! А не хотят сами съесть, так пусть продадут в городе! Небось, заплатят... облигациями!

Это тор Мелехин и сказал старосте. А заодно и в морду ему дал. Чтобы понимал, тварь, с кем разговаривает! Староста утерся и успокоился.

По плохой дороге возы едва ползли, а возницы отгавкивались, предлагая запрячь в телеги не крестьянских коней, а кавалерийских. А чего!?

Эва какие лошади! Они и повозку потянут!

Подобное предложение не вызывало симпатии у кавалеристов. Но действительно – падут крестьянские лошаденки посреди дороги, не своего ж коня в телегу запрягать? Вот и приходилось едва тащиться...

Крестьяне зло переглядывались. Молчали, но хмуро, зло...

Если бы тор Мелехин обратил внимание на их настроение, но куда там! Он же – тор! А это крестьяне! Сволота, быдло, серая плесень... чего на них смотреть? Он и не смотрел...

А когда с близко расположенной опушки ударили выстрелы...

Когда взметнулись на дыбы кони...

Когда пуля ударила в грудь, и на миг стало горячо, а потом в лицо бросился белый снег, быстро становящийся алым, а затем и черным...

Тор Мелехин даже ничего понять не успел. Он умер первым.

Остальные...

Подольск – транспортная развязка. Но леса вокруг него есть.

Хорошие леса, густые... и народ здесь частенько охотой живет. Староста лесной деревни, в которую явился тор Мелехин, был охотником. И брат его, и отец, и дед...

Староста не врал.

Что с тех бумажек толку? А козы, коровы...

Это – жизнь их детей. Жизнь семей. Станет ли он колебаться?

Да ни минуты!

Пуля из старого, еще дедовского ружья, ударила в грудь кавалериста. Надо бы в голову, да побоялся. Все ж далековато...

Пятеро охотников после ухода грабителей встали на лыжи. Они-то лес знали!

Здесь спрямить, тут срезать... на месте засады они оказались часа за два до своей добычи. Хотя предупрежденные возницы и так не торопились, давая старосте время все успеть.

Пять выстрелов грянуло разом. Перезарядить – и второй раз. Как по волкам.

Как по зайцам... те еще и быстрее.

Все же кавалерийский полк Ильи – это были не бойцы. Военные, но не воевавшие. Парадные, декоративные... они растерялись. А в тягость ли перезарядить ружье?

Для умелых рук – секунда.

Двое еще успели дернуться к засаде... ну так что же? Только и добились, что пули их ударили в головы, не в грудь. Лесовики белку в глаз бить привыкли, а тут мишень крупнее.

Ржали кони, метались... староста ждать не стал. Выскочил из засады, ссыпался к дороге, увязая в грязи, которую лишь припорошил сверху первый пушистый снежок, помчался к дороге!

- Живо!!! Коней ловите!!!

Поймать удалось восемь из десяти. Двоих куда-то унесло, да и пес с ними. Зато трупы – все десять.

Мародерили крестьяне быстро. Или – восстанавливали справедливость?

Вояки были облуплены до полной наготы – нет, не до исподнего. Тоже полотно, авось, да пригодится. И десять тел сложили вдоль дороги.

Пойманных лошадей привязали к телегам – тоже пригодятся. Барахло сложили прямо на сено.

И кое-как развернули возы.

Староста подождал какое-то время, пока все отъедут, и достал нож.

Ох, не хотелось ему этого делать! Нет, не хотелось...

А придется.

Деревню он подставить не может, значит, надо дать другого подозреваемого. Какого?

А чего искать-то? Да здравствует Освобождение!

Вырезать ножом на груди одного из солдат символ Освобождения было несложно. С ним и безграмотный справится.

Символом Освобождения стала роза ветров – восьмиконечная звезда. Или восьмиконечный крест, тоже сойдет на первое время...

Староста постоял минуту над трупами, вздохнул...

Если б не нужда горькая... а все одно! Нечего тут!

Одни налетят, ограбят! Вторые налетят, ограбят... Да ему плевать, кто там, в том Звенигороде кресло задом мнет! Хоть Петька, хоть Гаврюшка, староста их отродясь не видел, и видеть не желал. Оно понятно!

Языком махать – не камни таскать! В мягкое-то кресло каждый хочет, а ты в поле поработай! Сено!!!

А ты то сено косил?!

Ты его в скирды сметывал, ты его сушил, ворошил, возил? Да тут в каждую копёшку столько труда вложено, сколько вам, скотам, за год не одолеть! И отдать!

Да за красивые слова, да еще и в морду... а вот перебьетесь! Староста собирался выступить перед крестьянами. И предложить перебраться в лес, на хутора. Такие, считай, у каждой третьей семьи были. Кто пчел водил, кто сено на лесных лугах косил, кто охотился, да заимки ставил... Худо ли, бедно, а перезимовать там можно будет! Потеснятся, втрое упрутся... справятся!

Дома оставить?

Добро?

Никто добро и не бросает, и не предлагает. Но надо уходить, пока снег плотно не лег, чтобы следов не оставить. Сейчас по лесу милое дело ходить – с собаками след не возьмут! Кто захочет оставаться – их воля, а только... нет! Не будет в деревне сейчас жизни!

Пока вот это все не пройдет – не будет! Тут и думать не о чем! Один налетит, второй, третий... ежели кто оставаться вздумает, только на свой страх и риск. А староста и сам не останется, и своей родне остаться не позволит.

Лес – он все скроет. Всех укроет. Прокормит... это городские неумехи в лесу с голоду подохнут! А коли у человека руки из нужного места растут... выживет! Выживут! И семьи вытянут... да, только лес.

Приняв решение, староста сплюнул на дорогу – и развернулся за возами. Через час о случившемся на дороге напоминали только десять трупов.

* * *

- ...!!!

Илья ругался вдохновенно. А толку?

Это был уже третий случай за последние две недели. Народ вокруг Подольска жил крепкий, решительный...

Стреляли без предупреждения, и особо не сомневались.

Уходили целыми деревнями... да и пес бы с ними, с крестьянами, но жить-то как?

В голову тора Алексеева закрадывалась мысль, что крестьяне без торов прекрасно проживут. А вот торы без них – вряд ли.

- Илюша...

Скрипнула дверь.

Маргарита...

Илья встал из-за стола, подошел к девушке.

- Да, солнышко?

- В сколько обед подавать?

Илья бросил взгляд на большие часы.

- В два, Маргоша.

Все равно ничего он толком не решит! Ничего!

Почему медлит Валежный!?

Русина. Ферейские горы.

Барза-бек поежился.

Одно дело – подначивать мужчин. Другое – самому идти в набег.

Вот подначивать – это он всегда пожалуйста! Речи произносить, обличать, осуждать...

А вот в атаку...

Там же убить могут! А свою жизнь Барза-бек весьма и весьма ценил! Не в пример фереям. Те считали, что Единый Отец все видит и знает. Легче пера будет смерть праведных и тяжелее горы жизнь отступников. А коли так...

Барза-бек добился своего.

Фереи пошли... пока – не в походы. В набег.

Медленно, осторожно, памятуя о стоящем неподалеку Ферейском полке, они начинали прощупывать Русину. Шаг за шагом.

Сначала увести скот.

Потом совершить набег на селение.

Потом...

Третьего этапа – а именно, крикнуть на все горы, что русины ослабели, и можно их рвать безнаказанно, не получилось. Что-то нехорошее произошло, недоброе...

Сначала в набег ушли пятеро юношей – не вернулись.

Потом узнать, что с ними, ушли еще десять мужчин. Покрепче, более взрослых. И тоже – как корова язычком слизала.

Старейшины заволновались. Если бы не Барза-бек, они бы вообще поступили, как приличный ежик - свернулись в шарик и сделали вид, что это такой клубок ниток у дороги валяется. Но мужчина был настойчив!

Он давил и давил, подначивал и разжигал недовольство...

Пятнадцать человек пропали!

И – никого это не волнует?

Да что это за старейшины такие!?

Понятно, старейшинам такой подход не нравился. Но Барза-бек был неумолим!

- Неужели мы хуже равнинных шакалов? Неужели мы бросим своих братьев в беде!? Неужто дожил я до горького момента! Истончилась тетива наших луков, затупились острия наших копий... о, горе мне! Вижу я печальный конец народа фереев! Выродимся мы и станем такими же, как жалкие равнинники...

Барза-бек талантливо причитал и вздыхал. И скромно умалчивал о том, что на равнине уже пропали без вести больше десяти горцев.

Без следа.

Или равнинники не такие уж беспомощные, или что-то непредвиденное случилось... но какая Барзе была разница? Побьют равнинники горцев? Чилиану хорошо! Побьют горцы равнинников? Чилиану еще лучше! Когда два твоих врага дерутся, чего ж мешать-то?

А если эти враги еще на одном языке говорят, так и вовсе замечательно! Брат на брата... а чилианцам добивать меньше!

Горцы зашумели, заволновались. Старейшины переглянулись, и один из них, которого Барза-бек не любил больше остальных, поднял руку.

- Мы слышали! И слышим голос нашего рода!

Сложно бы не слышать – половина гор слышала!

- Мы приняли решение! Ты поведешь воинов нашего рода в набег на равнины!

Барза-бек якнул, баякнул... и замолчал.

Тут уж не откажешься – или ведешь, или – катишься. Кувыркком. С гор. Спустят и не заметят. Пришлось соглашаться. А не хотелось...

Выбора не было.

Старейшины переглянулись – и принялись отдавать приказания, лишая несчастного последней надежды на побег.

Русина, предгорья Ферейских гор.

- Какой улов?

- Уже около двух сотен дурачков, - отчитался корнет.

Антон Андреевич Валежный довольно кивнул.

- Никого не упустили?

- Никак нет, ваше...

- Без чинов, голубчик.

- Никак нет!

- Отлично. Ты вот эту записочку полковнику передай, будь любезен.

С нижними чинами Валежный всегда был безукоризненно вежлив. И это давало свои плоды.

Корнет расцвел, прижал к сердцу лист бумаги с личной, Валежного, печатью, и умчался. Антон Андреевич с нежной улыбкой посмотрел в сторону Ферейских гор.

Зима на пороге.

Зимой горцы не воюют, но ведь и Борхум зимой не воюет! А у него... у него нет выбора! Если здесь и сейчас не дать по жадным чилианским лапкам, которые зашевелились за горами, то весной...

Весной Русину разорвут на части.

Освобожденцы?

Знаете что, господа?!

Идите вы...

С миром, но туда, где темно и узко!

Здесь и сейчас Валежному дважды плевать было на Освобождение! Он спасает страну для таких, как Пламенный? Для

Гаврюши?

Нет.

Он просто спасает страну.

Для таких, как его отец, братья и сестры, племянники и племянницы, для тех кому некуда бежать. Для тех, кому бы просто жить...

А для этого надо спровоцировать фереев здесь и сейчас. И дать им по рукам.

Чилианцы начали подталкивать горцев. Отлично!

А теперь представьте – уходят люди и пропадают.

И не известий от них, ни звука, ни слова... нет, как не было!

Горцы заволнуются!

Пойдут в набег!

И тут-то Валежный сможет с полной отдачей обрушиться на них. И сделать так, чтобы им в ближайшие лет пять не до войн было.

А что Петер приказов не отдает...

Вот уж для войны это и лучше! Валежному те указания из генерального штаба давно поперек горла стояли! Он бы давно и горы перешел, и половину Чилиана откусил, и плевать, что там визжать будут! Пусть в Лионессе хоть ежа родят!

Поперек шерсти!

Ан нет!

Политика!

Вечно эти дипломаты мешают честным людям воевать!

Валежный хмыкнул – и направился обратно в расположение войск. И...

Оп-па!

А это что у нас за выступление? Концерт самодеятельности?

- ... такие же братья! И они так же хотят свободы! А мы их держим в плену! Мы хотим прийти на их землю! А фереев могут жить своим умом! Могут решить сами для себя! Могут...

Оратор понял, что стоящие кругом люди не столько слушают, сколько смотрят, икнул – и обернулся. И встретился взглядом с нежной улыбкой Валежного.

- Да ты продолжай, жом, - почти ласково попросил генерал. – Не стесняйся. Кто там и как жить может? А мы послушаем!

Жом дернулся, но понял, что бежать некуда. А раз так...

Бывали уже такие ситуации. Когда агитаторы начинали кричать, заводили толпу, а под шумок...

Да, вот именно, что под шумок. Можно и Валежного пристрелить. И войско отсюда увести... кому какая разница, что горцы пойдут в набег? Зато у Освобождения будет еще один полк – Ферейский!

Это важнее, чем какие-то там крестьяне, живущие в предгорьях! Понимать надо!

А Валежный тоже был рад.

Агитаторы ему и даром не нужны были! От одной такой крикливой пакости бед может быть – вагон с прицепом! Одна паршивая овца все стадо перепортит! Но в том-то и беда! Побеждать этих гадов надо на их поле! А не плодить мучеников!

Так что...

- Это не ферей пришли к нам! – Вновь завелся оратор. – Они бы жили и жили, а мы! Мы присоединили их к Русине! Мы заставили их принять наш язык и веру! Мы пытаемся причесать всех под одну гребенку! Мы не даем им стать самостоятельными! И сейчас – за что будут гибнуть их люди?! За то, чтобы Петер карманы набил?! За это мы голову сложим!? Да!?

Валежный сделал шаг вперед, но...

Не успел.

Попросту не успел.

Вперед шагнул корнет. Почти мальчишка, лет семнадцать-восемнадцать. Такой же, как тот, которого он сейчас отправил с поручением. Совсем еще ребенок.

- Голову мы за родину сложим! – зазвенел полудетский голос. – Понял ты, мразь!? За то,, чтобы наших людей не резали и не грабили! Ты в селе был, которое эти ферей навестили? Нет! Так сходи, скотина! Головешки там! И живых нет! Кого убили, кого с собой увели, а Чилиан продадут! Наши люди о смерти молить будут, как о милости! Знаешь, как мирные ферей развлекаются? Как уши режут, носы, руки отрубают, горло нашим людям перерезают, как баранам? Младенцев в снег выбрасывают – с них пользы никакой, а растить долго? Не знаешь!?

Оратор сделал шаг вперед, но куда там! Корнет надвигался на него. А потом вытащил что-то из-за пазухи.

- На! Смотри, скотина!

Перед оратором упал на землю хлеб.

Черный?

Черная земля. Белый снег. Черный хлеб.

- Изба сгорела! Хлеб остался!

И до Валежного дошло. Хлеб... он просто сгорел. Корка черная... а мальчишка...

- Дядька мой там жил! Понял!? Он меня вырастил, в отставку вышел, уехал в предгорья! Жить хотел, детей растить! За что его!? Ему те фереи и даром бы не сдались, он к ним первый не ходил! Они пришли на нашу землю – жечь и грабить! Не для выживания – для развлечения! Да будут прокляты те, кто смеется, видя чужую кровь!

Солдаты согласно загудели.

Такие истории и они могли поведать. Настроение переломилось, теперь уже на оратора смотрели с таким плотоядным интересом.

И тот почуял!

Дернулся вправо, влево, заметался, что пойманная крыса.

- Мы родину защищаем! – решил добить Валежный. – Император придет и уйдет, Русина останется!

И его слова оказались последней каплей.

Агитатор бросил руку за пазуху.

Прогредел выстрел.

Антон Андреевич даже не сразу понял, что он – жив.

А наземь оседает подламывается в коленях, тот самый корнет. И лицо его бледнеет, выцветает... на мундире кровь – черная. На снегу – алая.

Но инстинкты взяли вверх.

- Не убивать! Живьем брать! – загредел над лагерем голос генерала.

Кто-то кричал.

Кто-то бежал.

Кого-то били.

А Валежный стоял на коленях рядом с мальчишкой-корнетом, и чувствовал себя...

Впервые он подумал именно так.

Будь проклята война!

Будь. Проклята. Война.

Поздно вечером он слушал доклад.

Все было просто и гадко, чего уж там! Жом Пламенный (Валежный пометил себе – не забыть, повесить на осине) решил провернуть с ферейским полком то же, что и с другими. Берется десятка два крикунов, в нужный момент они начинают стачку.

То есть начинают-то человек десять. А остальные – ждут.

И когда начальство является унимать дерзкие речи, попросту отстреливают генералов, полковников, кого там еще... и берут власть.

Примитивно, но действенно.

Командования нет, а солдат повиноваться приучен. Налить водки, рассказать о свободах, да и приказ отдать не забыть.

И...

Валежного бы тоже убили.

Он бы начал говорить, и...

Спас его корнет.

Краснянский. Олег Борисович Краснянский.

Все верно, дядька у него жил в деревне неподалеку. Не дядя по отцу или матери, а дядька. Денщик отца, который с ним не одну войну прошел, который маленького Олежку тоже воспитывал, учил, любил, мальчишка и таскался к нему в самоволку, да в отпуску.

А тут...

Фереи, будь они неладны!

Вот и выплеснулось!

А когда *началось*, стрелки... Ага, стрелки! В зад бы им ружье-то запихать...

Валежный как раз шагнул вперед, корнет – назад, вот и оказались на одной линии. Ну и...

Сейчас агитаторов выловили. Что делать-то с ними?

Валежный даже удивился странному вопросу. Что делать?

Понятно же! Повесить! Быстро и высоко.

А корнет...

А корнет будет святым покровителем полка. Как отдавший жизнь за други своя. Если выживем, Творец рассудит. А пока...

Пусть заступником полка перед Его престолом будет святой Олег Краснянский.

Борхум. Неподалеку от границы с Русиной.

- Раз пошли на дело...

Дмитрий насвистывал песенку вполне непринужденно.

Война – это у нас что?

Это у нас коммуникации!

В том числе и замечательный симпатичный мост! Которому уж лет двести – то есть пока починят или новый построят – это долго будет!

А река Молер – глубокая.

А река Молер – широкая...

А мост...

Понятное дело, он не единственная переправа через реку, но – для поездов и тяжелой техники. Не будет моста – придется ездить по другим дорогам, а это время, силы, логистика, наконец...

В этот раз Митя тоже работал один. Одну сумку на одно плечо, вторую – на другое, ремни крест-накрест на груди. В каждой сумке совсем чуток – по шесть кило динамита. Мосту хватит с избытком!

Митя направлялся к нему небрежным шагом... вот встают из реки громадные каменные быки, держащие на своих плечах настил. Тоже каменный.

По нему идут рельсы.

Конечно, минировать надо основание моста. Чтобы опор не осталось, в противном случае... настил восстановят быстро, а охранять мост будут куда как надежнее. А сейчас...

- Стой! Кто идет?!

Митя с невинным видом остановился.

Часовой был – зелень зеленая. Лет двадцать, много – двадцать пять. Еще усы толком не пробились! Но остановить непонятного типа солдатик спешил со всем рвением.

- Ты кто такой?

Митя пожал плечами.

Бесформенная куртка, которая прикрывала его со всех сторон, и отлично скрывала сумки с динамитом, превращая мужчину в толстяка, едва слышно скрипнула.

- Я... а какое вам дело, юноша?

- Я тебя сейчас... в штаб!

- Ага, а там над тобой даже вороны смеяться будут! Что мне – нельзя посидеть, посмотреть на речку? Вина выпить? С женой я поругался... пила визжащая!

Сказано это было с таким чувством, что солдат едва не прослезился. Явно с такими сталкивался...

- И...

- И хочу посидеть, выпить... тебе скоро меняться-то?

Солдат бросил взгляд на солнце.

- Часа два.

- А зовут тебя как?

- Марк.

- А я тоже Марк, - обрадовался Дмитрий. Выпьем за знакомство?

И достал из-за пазухи бутылку коньяка.

Хорошего, русинского... еще и подмигнул.

- Может, и враги, а пойло хорошее делают! Будешь?

Солдат колебался.

Дмитрий махнул рукой.

- Пошли, вон там, неподалеку от моста посидим на бережку, выпьем... Ну и про жену тебе расскажу. Вот что такого – выпил я чуток! В честь праздника же! Право имею! У брата дочь родилась...

Дмитрий, продолжая плести какие-то небылицы про брата-поильца и жену-стерву, сделал один шаг, второй... солдат покорно тащился за ним к мосту.

И когда Дмитрий развернулся, протягивая ему бутылку, принял ее. Из рук в руки.

А что второй рукой Дмитрий проделал тот же трюк, который уже опробовал на несчастном погибшем проводнике – не суть важно.

Лезвие скользнуло в грудь незадачливого солдата.

- Стоишь на посту? Вот и нечего слушать кого попало, - проводил его душу напутствием террорист. – Халявная выпивка до добра не доводит.

И занялся делом.

Ружье... полезная штука.

Воткнуть штыком в землю, к нему привязать караульного – конечно, немного некрасиво выглядит ну так что же? Мите это безразлично. Главное, чтобы его фигуру издали видели. Стоит он – и стоит...

Пусть полчаса простоит, а потом – воля Творца!

И Митя решительно зашагал к мосту. Тут и идти-то оставалось...

Мост.

Настил.

Шпалы.

Сначала крайняя опора.

Дмитрий решительно привязал веревку к перилам моста – и перелез на наружную сторону. А внизу река... Мокрая и холодная... бррррр!

Куртка полетела в реку.

Митя решительно начал спускаться к первой из опор.

Старые камни, выщербины, трещины – ему хватит за что держаться. И куда заложить динамит – тоже. Вот...

Не над самой водой, но достаточно низко. Патроны, заряды....

Дмитрий опирался ногами о камни и отпустил руки. Чуть что – и он бы соскользнул с опоры, просыпал динамит... ну – нет!

Четыре килограмма динамита! Ты ж моя прелесть!

Вот и запалы! Новомодные, химические, тоненькие стеклянные трубочки. Не надо ничего поджигать, раздавишь и взрыв. Красота!

Патроны он уложил так, что любо-дорого взглянуть. Порадовался на свою работу секунд двадцать – и полез наверх.

Чтобы повторить то же самое с другой стороны моста. Почему он начал с крайних опор?

Опаснее.

Легче его заметить, проще достать. Но – успел. Сделал. Вот и центральная опора... Митя уже с сомнением поглядывал на небо, и не сильно удивился, услышав тревожный крик.

- Марк!?

Обнаружили...

Ай, как плохо! Еще бы немного... Митя как раз минировал центральную опору моста. Старался на совесть... шишки с три вы его потом восстановите, проще новый будет построить!

А над головой кричали, бежали, кто-то заметил мужчину.

- Вот он!!!

Свистнули первые пули.

Митя прижался к опоре, закрепил еще один динамитный патрон.

Шнур, фитиль...

Стеклянные трубочки чудесны когда надо минировать рельсы. Тряханет поезд – и взрыв! Никто и чихнуть не успеет! Но Мите-то надо уйти! Поэтому фитиль... а горит он минут десять, хотел посуху уйти... не получится, надо оторвать кусок фитиля.... Зубами его! И в сторону сплюнуть!... Митя решительно чиркнул спичкой.

- Уйдет!!! - Надсаживался кто-то над головой. – Спускайтесь к нему!!!

Ага, щщщщас! Такое блюдо, производное от щщщщей.

Митя принялся дуть на фитиль, чтобы тот лучше разгорелся. Пули свистели вокруг, но матерого террориста было не напугать выстрелами. Вы еще попадите – в полусумраке-то!

Лишь бы огонек не погас! Фитиль хоть и промаслен, но... вода же! Сырость!

Еще погаснет... ан нет!

Огонек побежал по шнуру, быстро, весело, еще быстрее...

Не колеблясь, Митя разжал руки – и опрокинулся в реку.

Холодная вода ловко приняла его в свои объятия, повлекла вперед, укрыла от врагов... Митя стремился уплыть подальше, и течение послушно влекло его вперед и вперед.

Конечно, все у него получилось. Мужчина так и рассчитывал, чтобы когда мост взорвется, он был достаточно далеко.

Грохнуло красиво!

Осколки моста полетели во все стороны, но Митю защитило расстояние. Несколько минут он плыл по течению, нырял, выныривал... потом добрался до камышей примерно в пятистах метрах ниже места – и смог остановиться. Обернуться...

Полюбоваться!

Было на что!

Работа истинного мастера диверсии – тоже требует вдохновения. Это вам не убогие наркоманы, которые размахивают во все стороны оружием и чего-то требуют! Это – талант!

Моста попросту не было. Опоры... так, что-то невнятное из воды торчит. Но вряд ли оно ремонтпригодно! Там теперь трещин...

Митя довольно улыбнулся – и достав из кармана фляжку, отпил пару глотков крепленного дубовика. Зима...

Холодно в речке, знаете ли!

Ладно, ему недолго...

Митя предусматривал многое, так что ниже по течению была спрятана лодочка и рыбацкая одежда. Вот, уже почти... отлично! Вот и оно!

Переодеваясь в одежду рыбака, Дмитрий думал о насущных вопросах.

Надо бы потом поговорить с Валежным. Вы подумайте – на сколько он наработал?! От него Борхуму вреда больше, чем от полка кавалерии, а кто оценит?

Орден хочу!

Но согласен на медаль...

Глава 4

Анна, Россия.

- У меня получилось?

- Кира, ты была великолепна!

Кира приосанилась, но Анна быстро опустила ее с небес на землю.

- Только не забывай – ты застала врага врасплох. В другое время и в другом месте тебе бы так просто не сдались.

Кира вздохнула.

- Анечка, неужели папа правда женится на этой гадине?

Анна вздохнула.

- Полагаю, да. Ты видела кольцо?

- Аня, я из дома сбегу.

- Не успеешь. Лиза тебя раньше выживет, - «обрадовала» Анна.

Если бы она могла пожить подольше! Но – год! Даже уже меньше ей осталось! Что уж теперь притворяться? Что смысла врать?

- Может, ее отравить?

- Всех не перетравишь.

- И что мне остается?

Анна вздохнула.

- Кира, ты можешь сама выйти замуж.

- Нет...

- Можешь сделать так, чтобы Лиза тебя боялась.

- Ага... наверняка эта зараза тут же залетит, чтобы меня из дома выжить.

- Разве плохо, что твой отец хочет еще детей? Или тебе не хочется делить наследство?

- Да нет, - задумалась Кира. – Ань, мне хочется, чтобы я домой приходила не как на поле боя. А Лизка эта... подлиза!

- Есть еще один вариант.

- Какой?

- Женить отца на ком-то, кого ты выберешь.

- Хм?

- Не на Лизе. Чтобы ты спокойно ужилась с мачехой.

- Хм-м...

- Подумай, есть ли среди отцовских знакомых кто-то подходящий. Это может быть мать твоего одноклассника, это может быть старая знакомая вашей семьи...

- Подумаю. Но... вряд ли.

Анна пожала плечами.

- Поговори с Розой Ильиничной. У нее знакомых много. Подходящего возраста.

- Ты считаешь – отец старый?

- Средних лет, - Анна пожала плечами. Дамы в возрасте от тридцати до сорока подойдут идеально.

- Понятно... Ань, я подумаю. А почему отец на этой даме женится?

Анна пожала плечами.

Вспомнила, как охотились на мужчин в светских салонах. Как загоняли добычу в угол, как буквально вынуждали делать предложение, ставя в условия, когда другого выхода не оставалось. Кое-что применимо и сейчас.

- Кирюша, ты главное найди подходящую женщину. А дальше – решим.

- Ладно...

Кира отвернулась, чтобы Анна не заметила хитрых искорок в ее глазах.

А чего искать?

Вот она – Аня! Симпатичная, неглупая, Кира к ней относится хорошо, она к Кире – тоже...

Ну и?

Чего от добра бобра искать?

Правда, у Ани еще сын есть... и наверное, она может еще детей родить. Но Аня ее точно выживать не будет! А другие бабы?

Кира не была уверена. Надо поговорить с Розой Ильиничной.

Это был первый законный выходной, когда Аня не поехала к сыну. Но...

День строился так.

Она отпросилась с вечера у Бориса Викторовича, и пообещала приехать тоже к вечеру. Ей предстояло ехать ночью в село.

Не днем же лезть в гнездо к аисту?

Нет, конечно.

А если ехать к вечеру... а домой как? Ночной электричкой?

Да с мешком ценностей?

Сомнительно... Анна не хотела проверять подарок Хеллы. Не надо ей такого!

Пусть люди живут, даже если они – ворье. Это – довод совести. А довод практичности – обычно шакалы ходят стаями. Пока одного убьешь, остальные тебя толпой замесят. Не стоит рисковать.

И так... это жуткая авантюра! Но это возможность обеспечить сына!

А потому...

Поздно ночью, около одиннадцати вечера, Анна, никого не встретив по дороге, вышла из дома, и направилась в сторону железнодорожного вокзала.

На электричку.

Ольгу Петровну, которая не спала, наблюдая за соседями в окно, Анна даже не заметила. А и заметила бы... Подумаешь – безумная активистка? Пусть сначала пролечится!

Хорошо, что билет туда можно купить в кассе.

Аня подстраховалась, на всякий случай. Надела любимые вещи Яны – армейские штаны, берцы, армейскую же камуфляжную куртку...

Тепло!

И движений не стесняет... но как же непривычно!

И штаны...

Сплошное неприличие!

Мать даже на блумерсы смотрела с ужасом и отвращением. А она...

Джинсы!

Анна представила себе Аделину Шеллес-Альденскую в джинсах. Потрясла головой. А ей бы пошло... и было бы...

Платье – к лицу. А джинсы куда? К... попе?

Анна хмыкнула – и зашагала к вокзалу. Быстро и решительно, пока не передумала.

Билет на электричку ей продали почти мгновенно. Очереди не было, просто кассирша отошла на пару минут. Анна подождала на вокзале минут пятнадцать, а потом устроилась в вагоне, у окна.

Тишина.

Спокойствие...

А внутри все натянуто до предела. Как тогда, в Зараево...

Страшно! Если здесь и сейчас все срастется – Гошка хотя бы деньгами будет обеспечен. Хелла, помоги! Понятно, что сыну защиты нужна, что ребенок с деньгами – искушение для подонков, но...

Но и без денег тоже плохо.

Анна смотрела в окно и молилась.

Да, Хелле! В ее существовании она была уверена. А с остальными богами... а кто их знает? Может, им до Анны и дела-то нет!

Хоть бы все получилось!

* * *

Возле нужной ей деревни Анна была около двух часов ночи. Очень удачно получилось.

Все спят.

Анна, как и неделю назад, шла по улице. Тишина.

Темнота.

Вот и дерево...

И снова – разуваться и раздеваться. Но драгоценная сумка была на месте.

У Анны даже колени задрожали. На несколько секунд она скорчилась в гнезде, обхватила себя руками за плечи...

Здесь!

Она подхватила сумку, перекинула ее за плечо – и кое-как поползла вниз.

Фууууу...

Уже на земле – открыть молнию!

Все здесь. Так, как она и укладывала – в непромокаемом пакете. Так же завернуто – свою руку Анна бы узнала. И пальцы чувствуют ту же структуру – ордена оказались сверху.

Одежда.

Обувь.

И – шагом, шагом...

* * *

Федька Свистун вчера заночевал в домике лесника, благо, тот заброшен был уже лет десять. Проснулся с утра пораньше, подумал пару минут... как получилось, так и подумал! Голова разламывалась! И направился по тропинке в сторону станции.

А что?

Вот сейчас приедет кто – он и на водочку попросит, и на опохмел...

Понимать надо!

Когда человек с устатку, когда ему плохо, когда душа горит... вчера она горела. Сегодня душе срочно требовалось топливо. На поддержание горения.

Жизнь – она такая...

Сложно в ней рабочему человеку! Федька ведь честно работает... когда деньги нужны. Кому тяжесть поднесет, у кого легкую кладь... отнесет. Не будем называть это вульгарным словом – воровство. Уголовный кодекс этого не одобряет. А вот - подработка...

Да, это есть. Случается!

Был бы он городским, работал бы, получал зарплату! А ему никак! У него плоскостопие, подозрение на гастрит, да еще и язва, наверное. Если не выпить – в желудке так сосать начинает!

Самому страшно становится!

А денег нет!

Все нищета проклятая! До чего страну довели!

Федька горестно вздохнул – и насторожился.

Из леса доносились тихие шаги. Просто время такое, четыре утра... тут любой чох слышно. Кто-то шел по лесной дорожке... Федя подумал пару секунд – и направился в ту сторону.

Опа!
Баба!
Да с большой сумкой!
Тут он ей и поможет! Или сумку донести, или... по ситуации
посмотрим!
Федька чуть ускорился – и кашлянул.
- Мадам, вам помощь не нужна?
Мадам подскочила, обернулась – и оказалась девчонкой лет
двадцати. Такой... все при всем. Федька аж грудь выпятил. Вот он ей
сейчас и поможет, по-мужски!
И схватил девушку за руку.
Он и сам еще не знал, что собирается сделать. Но...
Девчонка вдруг уставилась на него стремительно чернеющими
глазами. А потом выпалила:
- Умри! Во имя Хеллы!
Федька дернулся.
В груди словно звезда разорвалась.
Черная...

* * *

Анна испугалась до истерики.
Она не спала ночь, она тащила здоровущую сумку, она... Да тут
кто хочешь испугается!
Выходит какой-то звероподобный мужик из леса, руки тянет,
хватает... а дальше – что?
Умирать еще раз Анна не хотела.
Придется, через год, но не сейчас же?
Конечно, не сейчас!
Чисто рефлекторно она подскочила – и выпалила *ту самую* фразу.
И... подействовало!
У нее на глазах мужчина вдруг схватился за сердце – и осел на
снег. Умер?
Анна поставила сумку. Дотронулась до шеи мужчины.
Пульса не было. Дыхания тоже.
Умер...

Хелла!

Хотя что – богиня!? Она предупреждала! Анна просто убедилась в ее правоте – сейчас! А страшно-то как! Ох, мамочки...

Девушка поудобнее подхватила сумку – и помчалась к станции.

* * *

Ехать домой?

Ехать к Борису Викторовичу?

Анна уже обдумала этот вопрос. И решила пойти третьим путем.

Ехать в банк.

Есть там такая услуга – аренда ячейки. Не положить нечто на счет, а просто – арендовать ящик. Хранилище.

Вот и пусть полежит там сумка. Заплатит Анна за аренду, не обеднеет! Деньги пока есть! Банк открывается с восьми, ну так и недолго осталось.

Пока доедет, пока дойдет...

Из банка Анна вышла довольная и счастливая.

Ключ. Договор об аренде. Ячейка.

И – фактически, обеспеченная Гошкина жизнь. Она посмотрела, когда перекладывала в ячейку содержимое сумки. Книжки, ордена, какие-то коробочки...

Все старое. Все такое... настоящее.

Анна не могла этого объяснить более внятно. Но когда она прикасалась к настоящим драгоценностям, или к вещам, пришедшим из глубины веков, у нее словно в кончиках пальцев покалывало. На фальшивку такой реакции не было, нет... Только на настоящие вещи.

Эти – настоящие.

Их не подменили.

Да и кто бы стал что искать – в аистином гнезде? Так и пролежало бы добро до весны на верхушке дерева. Пока птицы не прилетят...

Анна улыбнулась солнышку еще раз – и вприпрыжку направилась на остановку.

Домой.

Поспать пару часов, переодеться – и к Гошке. Его скоро выписывают! Надо подумать, что ему принести, что купить... вы

знаете, как быстро растут дети? Даже в больнице?
Очень быстро.

* * *

Кира к завтраку вышла попозже. Ей требовалось поговорить с Розой Ильиничной. Лучше – без свидетелей.

Так и вышло.

Завтрак сегодня был не таким вкусным. Анна им не занималась...

Кира быстро сжевала овсянку – и направилась на поиски экономки. Обнаружила девочка ее в оранжерее. Роза Ильинична осматривала растения, и что-то помечала в блокноте.

- Доброе утро, - кашлянула Кира.

- Доброе утро, Кира Борисовна.

- Роза Ильинична, давайте просто – Кира? Вы меня столько лет знаете, - смутилась девочка.

- Хорошо, Кира. Я тебя слушаю, - согласилась дама, принимая «оливковую ветвь мира».

- Роза Ильинична, эта подлиза тут ведь часто бывает.

Уточнений не потребовалось. Роза Ильинична вздохнула.

- Кира, к чему вопросы?

- Я с Аней поговорила.

- Так...?

- И думаю. Аня сказала, что отца можно женить на ком-то другом.

Так, к примеру.

- Можно. Если он согласится жениться.

- А если его женить на Ане? Лизку я не выживу. И не выдержу. А кто ему еще попадет – неизвестно. Аня – лучший вариант, - Кира пыталась рассуждать серьезно.

Роза Ильинична сдержала улыбку.

- Допустим. А ваш отец согласится?

- Почему нет? Аня красивая, умная, рожать может...

- У нее проблемы с финансами. А Лиза богата.

- По-хорошему, отцу столько денег не нужно, - надулась Кира. – Это он увлекся!

- Допустим. Но вы уверены, что он увлечется также и Анной? А она им?

- Это они просто ничего не понимают, - надулась Кира. – Занимаются глупостями... Роза Ильинична, вы со мной? Если я захочу свести отца с Аней?

- У вас ничего не получится, Кира Борисовна.

- Почему?

- Потому что Борису Викторовичу нужна Лиза.

- Это преодолимо.

- Потому что у Анны нет денег.

- Тоже не страшно.

- Потому что Анне НЕ НУЖЕН ваш отец.

Кира надулась. Хотя именно это она и подметила. И поэтому не считала Анну опасной. Подсознательно. Не соперница. Не враг. Не завоеватель...

- А если я ее уговорю?

- Ее уговорите, его уговорите... стоит ли?

- А вам так хочется эту подлизу на голову? – не сдержалась Кира. – Она еще и выводок наплодит, и вас отсюда выживет! Не гла-амурно! Не мо-одно!

Роза Ильинична вздохнула.

Да, такое тоже может быть. Даже и будет, наверное.

Но...

- Кира Борисовна, подумайте как следует. У Ани уже есть сын – вы готовы делить с ним и дом, и отца?

Кира пожала плечами.

- Не знаю.

- Я подготовила комнаты для Анны и ее сына. Давайте вы посмотрите на их отношения. Попробуете с ними ужиться. И если получится... тогда – я вас поддержу. Хорошо?

- Йес!

Кира взвизгнула – и сделала известный жест согнутой рукой.

Так.

Помощники согласны.

Осталось уговорить жениха и невесту!

Скандал Надежда Юрьевна случайно услышала.

Была на заднем дворе.

Не прибеги к ней дворовая девка Палашка с криком о том, что лесника собаками травить собираются, так бы она ничего и не узнала. Но стоило женщине услышать...

Кто сказал, что толстые люди летать не могут?

Могут! И даже телепортируются. Только подол платья мелькнул. Палашка аж рот разинула: была хозяйка – и нет хозяйки.

Все верно.

Стоял во дворе Савватей, пряталась за его спину девчушка лет пятнадцати, а прямо перед лесником стоял Иван Алексеев. И сыпал бранью.

Не ударил, пока еще...

Это потому, что в руках ничего не было. Кнут бы, али хлыст какой... а просто так бить все ж опасно! Савватей мужик могучий, тут даже не ответного удара – ответного плевка хватит! И утонет тор Алексеев, как крыса в море.

- Что здесь происходит?!

Надежда Юрьевна ворвалась в дискуссию шарообразным небесным телом – и мигом прекратила раздор. Иван Алексеев даже как-то съежился.

Не то, чтобы он побаивался жену...

Или – то?

Пьяный он был дурной до беспредела. Но пьяный он бы уже и на Савву кинулся. А вот когда пару рюмок принял, но до состояния «море по колено» еще бутылочка-другая требуется, когда голова еще варит, и напоминает, что с женой связываться не стоит, а то ведь завтра и похмелье наступит, да и другие способы есть.

- Охамели мужики, матушка! – пожаловался Иван супруге. – Еще и отродье свое к приличным людям тащат!

Савва сверкнул глазами, но промолчал.

Оно и понятно – мужик умный, серьезный... понимает, что с собакой перетягиваться не стоит. Надя оценила состояние супруга – и положила руку ему на плечо,

- Не переживай, батюшка. Я сейчас его спроважу. А ты поди, выпей чарочку. Небось, устал, весь в делах?

- И то правда, матушка, - согласился Иван Алексеев.

И направился в кабинет, где у него была стопка чистых листов (хорошая, вылежанная, не первый раз используемая вместо подушки) и запас казенной водки в укромном уголке.

Действительно, переутомился! С этим быдлом разбираться – никаких сил не хватит!

Надежда Юрьевна повернулась к Савватею.

- А вы, жом, пройдите на кухню. Там и расскажете, что это такое случилось. В лесу потрава? Алли еще какая беда? Пожар? Гниль?

- Потрава, тора, как есть, потрава, - прогудел Савватей, идя вслед за госпожой.

Умная баба. Как есть – умная. Только вот дураку досталась. Таковую бы да в свой дом, она бы щепочку к щепочке собирала,, ничего б не упустила...

Не повезло.

На кухне Надежда Юрьевна устроила девчущку за столом, а Савватею кивнула на дверь.

- В кабинете поговорим, жом.

- Как прикажете, тора.

* * *

Надежда Юрьевна плотно закрыла дверь кабинета.

Опустила засов.

Задернула тяжелые бархатные портьеры.

Проверила окна.

И только тогда повернулась к Савватею, убедившись, что их никто не подслушивает.

- Что случилось, Саввушка?

- Плохо все, Наденька. Сильно плохо... уезжать вам надо.

- Так случилось-то что?

Савватей помрачнел.

- Имение Измestьевых знаешь?

- Как не знать. Только оно ж далеко!

Измestьевы не в ближайших соседях числились. Даже не в дальних. До них было пути – дней пять. Надежда и знала-то, потому как лес...

Кусок леса Алексеевым принадлежал, кусок Измestьевым... а в лесу частенько пошаливали. Вот и приходилось договариваться.

Кому?

Вестимо, Надежде Юрьевне. Муж бы все равно не вспомнил потом, о чем он и с кем разговаривал.

- К ним пришли, - Савватей говорил серьезно, спокойно, и от этого становилось еще страшнее. – Освобожденцы проклятые... хозяина на воротах повесили, хозяйку сначала всем... насильовали ее, пока не умерла, а потом еще и поглумились. Детей убили.

Надя охнула, прижимая руки ко рту. Детей Измestьевых она отлично знала. И статную русоволосую Маришку, которой уж начинали подыскивать жениха, и Алексея, симпатичного парня чуть помладше Ильи, книгочея и чернильную душу...

- Как?!

- Так... Алексея, говорят, по-простому застрелили. Книги он свои защищать вздумал. А девчонку тоже... всей толпой. Ей много и не надо было.

Глаза у Нади стали большими.

- Да как же это... куда власть смотрит?

- Наденька, они теперь – власть. А называется это... рек... рак... нет у них еды. И денег нет заплатить. Вот и грабят, ежели по-простому.

- Реквизиция? – уточнила тора, приходя в себя.

- Во-во... это слово.

Надя помолчала пару минут.

- И что дальше?

- Сама знаешь, что. Поместья горят, людей убивают. Думаешь, Алексеево заговоренное?

Тора так не думала. А какой ценой ей удавалось сохранять спокойствие – знала лишь она одна.

- Ты ведь не просто предупредить пришел, Саввушка?

- За то я тебя и люблю, Наденька. Умна ты...

Тора не улыбнулась. И на шутку не ответила – не до того.

- Ну так?

- Им сюда недолго добратся. Не одни,, так другие...

- Сколько у меня времени?

- Дней десять, может, и того нет. Если Измestьево загорелось... сама понимаешь.

- Понимаю.
- Уезжать тебе надобно. В город.
- Муж не поедет.
- Дочь и внука сбереги. В городе никто знать не будет, кто тора, кто жама... сойдет! А там, глядишь, и наладится чего...

Надя подумала несколько секунд.

- И то верно. Только вот муж...

- Мало тебе жизни попортил? Сама понимаешь, тащить его с собой, дурного да пьяного – на гибель всех обрекать. Начнет задирааться – на первой же осине и повиснет. А вы под осиной ляжете.

В словах Савватаея был свой резон. И все же, все же...

- Не по-людски это. И не по-божески.

- То и верно! Вот всем в домовину, оно куда как лучше, правда, Наденька? И тебе, и дочери, и внуку...

Надя помолчала несколько минут. Раздумывала, потом решилась.

- Савва, мне дня три хотя бы надо.

- Для чего?

- Когда Иван напьется, он... ты сам знаешь!

- Знаю. А то ж...

Вся округа знала.

Первая стадия запоя у тора Алексеева - пожалейте меня, полейте меня. Водкой.

Вторая – лихость и удаль. Надо ж показать миру, какой замечательный человек осчастливил его своим присутствием. На этой стадии и случались монастыри с кабанами.

Третья стадия – бревно.

На этой стадии тор Алексейев просто валялся в положении риз и требовал очередную бутылку. Заливал ее в себя и засыпал. И спал, спал, спал...

Что от него и требовалось.

Савватей понурился.

- Я так и знал, что ты это скажешь.

Надя ответила грустной улыбкой.

- Саввушка, ты же все понимаешь...

- Наденька, тогда... я не просто так Матрешку к вам привел.

- Матрена?

- Да, моя племяшка. Наденька, она все дороги знает. Ты поняла?
Все тропинки...

Надежда поняла. Отлично поняла...

- Случись что...

- Она выведет. Ко мне. Дом я купил, как и договаривались. Все сделал.

Первый раз за двадцать лет, даже больше, Надежда подошла к Савватею. Положила руки на плечи мужчине.

- Спасибо тебе, Саввушка. Ты знай, если что – другого мужчины в моей жизни не было. Только ты...

Савва понял правильно. Иван Алексеев мужчиной не был даже в глазах его жены.

- Будь ты жамой, Наденька, не искал бы я другой жены.

Поцелуй получился коротким, но от этого не менее искренним.

До слез искренним.

До привкуса соли на губах.

- Ох, Наденька...

На рубашке Савватея, там, где прикасалась к его плечам Надежда, алели на беленом холсте пятна крови. Алое на белом, как на снегу....

Тора Алексеева в кровь ладони ногтями разодрала, пока слушала его рассказ, да так и не заметила...

Свободные герцогства.

- Я желаю посещать ваши курсы.

- Вы?!

Мужчина смотрел на Нини так, словно та была... ладно! Не мокрицей! Но чем-то... достаточно бесполезным. К примеру, фантиком от конфеты. Девушка прищурилась.

- Вы имеете что-то против, жом?

Мужчина покачал головой.

- Тора, посмотрите на себя. Вы не предназначены для этой работы.

Зинаида сдвинула брови.

Да что ж такое!?

Она столько всего уже преодолела!

Полкан у ноги согласно рыкнул.

С момента прибытия великой княжны в свободные герцогства прошло уже больше десяти дней. Зинаида успела найти дом и выкупить его.

Успела познакомиться с соседями.

А теперь пыталась устроиться на курсы санитарок при госпитале.

Но... ее не брали!

Уже третий раз! А учитывая, что в городе это был последний госпиталь...

Вот стоит напротив нее доктор, в алом халате и таких же брюках, серьезный, усталый... [6]

Сколько ему на вид? Лет тридцать, может, немного больше. Чем-то этот мужчина напомнил Нини цаплю. Высокий, длинноногий, с вытянутым лицом, в очках... темные волосы гладко зачесаны назад, серые глаза смотрят спокойно и упрямо.

- Вы считаете, что я с ней не справлюсь, жом?

- Я уверен, тора.

- Я не боюсь крови. И боли тоже не боюсь. Я уехала из Русины, жом.

Доктор посмотрел на девушку в простом темном платье. На собаку рядом с ней. И чуточку смягчился.

Русина...

Война, революция... что видела эта девочка? Какое горе застыло в ее глазах колотым зимним льдом? Что заставляет ее держать пальцы на ошейнике собаки? Слово бы уверенности набираться...

Почему она так настроена?

- Тора, пойдемте со мной. Вы когда-нибудь работали сестрой милосердия?

- Я... участвовала в работе санитарного поезда.

Доктор откровенно фыркнул.

- И возил этот поезд знатных особ?

Зинаида запнулась.

- Как вы узнали?

- Тора, а где еще вы могли получить этот опыт? – врач не смеялся, он почти сочувствовал. – Подумайте сами! Поезд, знатные особы... кто у вас, в Русиине?

- Император и императрица...

- И кого им покажут? У них, кажется, еще дочери?

- Д-да...

- Вы были в их свите, тора?

- Разве сейчас это важно? Их убили, жом...

Врач тоже запнулся.

- Простите, тора. Но поймите меня правильно. Никто и никогда не покажет начальству тяжелых больных. Чистенькие ранения, распоротая кожа, сквозная ранка, которая заживет за пару недель, не оставив и следа... причем все раненные были из благородных. Верно?

- Как вы догадались, жом... простите, не знаю вашего имени?

- Станислав. Станислав Садальский, к вашим услугам, тора.

- Вы не тор, верно?

- Верно, тора. Мои предки были жомами, и я этим горжусь. Сам выучился, сам в люди вышел...

Зинаида опустила глаза.

- Не обижайтесь, жом. Я спросила не ради того, чтобы вас унижить.

Жом посмотрел на нее серьезными глазами, понял, что девушка не врёт – и коротко кивнул.

- Вы тоже не обижайтесь, тора. Я после ночного дежурства. И очень устал. Когда мне сказали, что встречи со мной добивается какая-то... тора...

- Фифа? Или та сестра милосердия высказалась еще... определенной?

Врач улыбнулся краешками губ.

- Намного... определенной.

Зинаида пожала плечами.

- Я не виновата, что произвожу такое впечатление. Но я действительно хочу научиться.

- Этому?

Врач без предупреждения распахнул дверь в палату – и вошел, заставляя Зинаиду последовать за ним.

И девушка закашлялась. Отчаянно и беспомощно.

Палата...

Рассчитана она была на четырех человек, а расположились в ней не меньше пятнадцати. Запах – хоть топор вешай.

Чем пахнет в таких палатах?

Человеческими страданиями?

Ах, как вы поэтичны! А чего попроще не желаете?

Кровь – свежая и загустевшая. Гной. Моча. Все это равно как свежее, так и застаревшее. Тухлятина, экскременты, пот, несвежее белье... все это смешивается в густую симфонию – и так бьет по ноздрям, что у неподготовленного человека может тошнота начаться.

Врач привел ее высочество в палату для людей после ампутаций. Здесь лежали те, у кого отрезали руки, ноги... у кого воспалились швы, у кого началась гангрена – и также с последующей ампутацией...

Лежали и часто гнили.

Не хватало белья, медикаментов, санитарок... даже судна – и те с утра еще не выносили!

Доктор пометил себе устроить разнос подчиненным – и с интересом посмотрел на Зинаиду. Та была бледнее мела. Но на ногах стояла и не блевала. Даже странно.

Полкан ощерился и зарычал.

- Если решите посещать курсы, собака вас будет ждать снаружи, - припечатал Станислав.

Зинаида зажала рот рукой – и под ухмылки лежащих поближе, вылетела из палаты.

Повело – в коридоре было окно. К нему и кинулась великая княжна, вцепилась в переплет, рванула на себя створки.

Фуууу!!!

Свежий воздух ударил плетью. Выбил из ноздрей затхлость и кое-как прояснил голову. Хотя и не сразу.

Зинаида опомнилась минут через пять, обернулась – и увидела за своим плечом Станислава.

- Будете блевать? Или падать? Тора?

Зинаида выпрямилась.

Ах ты... еще и издеваешься?

- Жом, вы себя переоцениваете. Хотя признаю, попытка была неплоха. Это все, чем вы можете меня напугать?

- Отнюдь, - не разозлился Станислав, прекрасно видя, что девчонка стоит на одном упорстве. – Хотите в операционную? В перевязочную? В процедурный кабинет? В клизменную? Наконец, просто вытаскивать внутренности после операций и тащить в печь, где их сжигают?

Зинаида поднесла руку к горлу.

- Вы...

- Я. Тора, зачем вам это? Устройте благотворительный бал, подписку, сходите, выйдите пару десятков кошелечков... зачем вам госпиталь? Здесь грязь и кровь, здесь люди умирают по-настоящему. И ваши батистовые платочки с вышивкой им не помогут. Им не надо вытирать пот со лба. Им не надо читать книжки. Из-под них надо вытаскивать судна с дерьмом. Надо выгребать, в буквальном смысле, грязь. Надо ворочать тяжелые тела, надо обтирать их, бороться с пролежнями... вы хоть видели, что это такое? Гниющая, мокнущая язва до самой кости! Это не санитарный поезд, где вокруг вас бегали с поклонами. Это грязь и кровь, боль и смерть. Вам здесь не место.

Станислав был невероятно убедителен в этот момент. И раньше Нини поддалась бы ему. Сдалась, позволила себя выставить...

Сейчас же...

Проснулись в девушке гены Аделины Шеллес-Альденской, которая всю жизнь упорно лезла куда хотела. И попробовал бы кто-то ее не пустить!

А может, всколыхнулась память о лесной поляне. Где в машине, матерясь и поливая ее плечо спиртом, Анна вытаскивала пулю из плеча девушки. Она смогла, а чем хуже Зинаида?

Где-то же Анна научилась?

Почему Нини не может!?

Она что – такая тряпка?! Что ее отовсюду гонят, а она и слова сказать не смеет?! Девушка так сверкнула глазами, что Станислав даже сделал шаг назад. Потом опомнился, но было уже поздно. Великая княжна надвигалась на него решительно и неотвратимо, словно тайфун или цунами. И голубые глаза ее горели гневом.

- Значит, бал? Или кошелечки? Перчаточки вышивать? Жом Сададьский, вы слишком много на себя берете! То, что в первую минуту мне стало страшно, не означает, что я струшу и в дальнейшем! Вы поступили некрасиво, постаравшись окунуть меня в грязь, но я все

равно не откажусь от своей мечты! Меня не возьмут на курсы? Я пойду к вашему начальству! И все равно добьюсь своего! Просто сделаю пожертвование, и меня примут на любые курсы. Более того, вам придется возиться с мной особо, потому что ваше же начальство вас обяжет это сделать!

- Сделаете пожертвование? - разозлился и Станислав. – а давайте! Смотрите сюда! - он выхватил у санитарки, которая шла мимо, лоток с бинтами, и ткнул Нини едва не в нос. – Видите?! От старости расплзаются! Едва ли не в руках! Ничего не хватает! Лекарств, белья, инструмента... хотите учиться? Отлично! Я вас возьму в подручные! И сам учить буду! А вы закупите для госпиталя то, что я укажу! Чтобы не в карман начальству, а до больных дошло! Раз уж вам так хочется!

Нини и не подумала отступить.

- Тогда условие! Полкан остается со мной!

- Собаку в палаты!? Только через мой труп!

Полкан коротко рыкнул, сообщая, что он может. Только попросите. Но Станислав даже и внимания на это не обратил. Подумаешь – собака! И не такие на него рычали! И даже не всегда собаки!

- Будет лежать рядом со столом. С... - Нини кивнула головой.

- Пост дежурной медсестры, - пояснил Станислав. – Ладно. Пусть лежит. Но если кого цапнет – я вас обоих выгоню. Наплевав на пожертвования. Понятно?

- Да.

- Как к вам обращаться, тора?

- Зинаида.

- Ида, значит?

Зинаида попробовала новое имя на вкус.

- Ида...

Что ж. Это было лучше и простонародной Зины, и претенциозного Нини. Нини умерла там, в лесу. В Русине. Там она и была похоронена.

- Называйте меня Ида. Когда у вас выходной, жом Станислав?

- Завтра.

- Я приеду к вам к десяти часам утра. Поедем закупать все необходимое для госпиталя.

Станислав опустил глаза.

Ему стало стыдно за свою вспышку... вот чего он сорвался? Не первая дуреха – она и не последняя, много их таких, которые рвутся в госпиталь искать свою любовь. Но когда ты с ночного дежурства, когда устал до красных кругов в глазах и черных – под глазами, когда тебя уже потряхивает...

Как-то очень не ко времени пришла именно эта...

- Хорошо. Я буду ждать вас, тора Ида.

- Хорошо.

- И называйте меня Стас. Иногда на полное имя нет времени – когда работаешь.

Зинаида прищурилась, но это была не попытка кокетства. Мужчина говорил, что думает.

- Хорошо, жом Стас. Завтра в десять утра. Ваш адрес?

- Меблированные комнаты жамы Вийской на Зеленном бульваре.

- Я найду.

Она попрощалась и вышла на улицу. И каким же сладким показался ей сырой и холодный зимний ветер.

- Что, Полкан? Кажется, мы движемся к своей цели?

- Гав, - сказал пес. И прихватил зубами рукав хозяйки, чтобы она не промахнулась.

Он-то свою цель точно знал – симпатичная мясная лавочка на углу. Вот туда им и надо двигаться.

* * *

Меблированные комнаты жамы Вийской вызвали у Зинаиды тоскливый ужас. И неприятные воспоминания. В таких они с Анной отсиживались в Ирольске. Только даже там сестра нашла место почище.

А эти...

Понятное дело, для неженатых и незамужних. Для тех, кто особо не ценит комфорт. Для тех, у кого мало денег, кто домой приходит поздно и ненадолго, а то и просто спать...

Узкие коридоры, низкие потолки, шаткие лестницы с измазанными невесть чем перилами и мусором на ступеньках...

Зинаида поежилась, но во двор вошла решительно. С Полканом?

Ха! С Полканом ей никто не страшен!

Дворник (эти субъекты везде одинаковы) покосился на нее с неприязнью. Фартук, бляха, борода, разве что картуза не хватало – в княжествах они были не в моде. И голову бородача украшал котелок. Смотрелся он на нем, прямо скажем, нелепо.

- К кому идете, тора?

- Жом Садальский на каком этаже проживает?

- В мансарде, тора. Прикажете позвать?

- Проводите меня, жом, - в руку бородача мягко легла монета, и дворник на глазах подобрел, расплылся в улыбке.

- А то как же, тора! И свечку сейчас возьму, темно там. Чтобы ногу не подвернуть...

Зинаида благодарно склонила голову.

- Буду вам очень признательна, жом.

* * *

Признательна она действительно была. Своим топотом дворник спугнул несколько крыс, а уж лестница...

Нечто ужасное!

По таким лестницам надо заставлять ходить их хозяев! Постоянно! Пока не переломают ноги – или не починят лестницы. Нини боялась прикоснуться к перилам даже рукой в перчатке – гадость! Подъем закончился на крохотной площадке, на которую выходили двери трех комнат. В одну из них и постучал дворник.

- Дохтур, открывай! К тебе пришли!

Станислав открыл не сразу. И удивленно посмотрел на Иду.

- Вы?

- Жом, мы с вами договорились, - сдвинула брови девушка.

Станислав смутился. Но не говорить же даме в лицо – я думал у вас эта придурь пройдет через два часа! А потому...

- Умоляю подождать меня буквально пять минут. Я сейчас спущусь!

Ида вздохнула.

Поглядела на крохотные часики. На дворника.

- Жом...

- Лешек. Жом Лешек, тора.

- Жом Лешек, проводите меня, пожалуйста, вниз. И если вас не затруднит, найдите для нас коляску.

Просьба была подкреплена еще одной монетой и воспринята крайне положительно.

- Конечно, тора.

Зинаида развернулась и направилась вниз. Все она поняла... обидно! Знаете, как обидно?

Ничего! Она еще всем докажет... и в первую очередь этому хаму!

Благотворительный базар!

ТЬфу!

* * *

Аптекарский склад.

Склад с тканями.

Последним навестили лавку, которая единственная в городе торговала медицинскими инструментами. Навестили, хотя Станислав пытался откреститься от ее посещения.

- Тора Ида, это уже слишком.

- Слишком?

- Вы потратили больше, чем я зарабатываю за год.

- Я тора, мне можно.

- Вы мне будете это до конца моей жизни припоминать?

- Я не рассчитываю на столь долгое знакомство, жом.

Станислав покраснел. Но не сдался.

- Я не рассчитывал на столь многое.

- Я знаю, на что вы рассчитывали, жом. Но я видела вчера тех несчастных...

Зоркий взгляд княжны подметил и ветхое белье. И лекарства... если их действительно не хватает?

Пусть будет! Она не обедняет! Не каждый же день так шикавать! По ее прикидкам, денег, полученных от продажи перстня, ей еще на год хватит. А там – кто знает?

Ида очень надеялась, что приедет Анна.

А теперь – инструменты! Что там нужно? Скальпели, зажимы, пила... брррр!

Жуткое, все же, зрелище! Удастся ли ей справиться с собой?

А, даже если не удастся! Кому-то она да поможет! А это уже неплохо!

Яна, Русина.

Лужа. Канава. Ухаб. Лужа. Канава. Ухаб...

Яна крутила педали.

Напевать песенку кота Леопольда ее давно не тянуло. Хотя первое время она и насвистывала что-то подозрительно похожее.

Но погода портилась, попа подмерзала, а ночлег все не находился.

А это что такое?

Постоялый двор «Три версты».

Яна довольно улыбнулась – и повернула велосипед к человеческому жилью.

Память Анны подсказала, что действительно. Подобные постоянные дворы повелось ставить на всех дорогах еще в те времена, когда династия начиналась. Как бы не раньше.

Там тебе и горячая пища, и ночлег, и сменные лошади, если надо. И дилижансы останавливаются... останавливались. В поездах, конечно, удобнее, но и сейчас постоянные дворы пользуются спросом.

Брошен?

Ан нет!

Свет горит... то есть свечи или лучина...

Яна заколотила в ворота. Собаки отозвались лаем.

- Кого Хелла несет? – заворчали в доме.

Яна едва удержалась чтобы не фыркнуть.

Именно Хелла.

Именно несет. Но не объяснять же это первому встречному.

- Пустите переночевать, хозяева?

- Не пускаем и не подаем!

- Я не нищая! – обиделась Яна.

Хозяин присмотрелся.

- Жама?

Яна позвенела звончком от велосипеда, заставив дворового пса забиться в истерике. Хм... не лучшая аттестация двору. Приличный пес не брешет. Но рвет в клочья – и только врага. Она-то знает, на кордоне выросла!

А эта побрехушка...

Ладно, дело десятое.

- У меня есть, чем заплатить. Пустите переночевать? Я промерзла,, и от горячего не откажусь.

Хозяин несколько минут думал. Разглядывал Яну. Яна смотрела на него в ответ.

Больше всего хозяин постоянного двора напоминал поставленное на-попа полено. Сучки с него обрубили, но толком не обтесали. Так и ходит... поленом. И то, что его облачили в штаны, картуз, жилет и поддевку, впечатления не улучшало.

- Проходите, жама.

- Благодарю.

Яна, не чинясь, прошла внутрь. Протопала мимо пса, от которого во все стороны аж слюна летела, поставила велосипед под навес, к дровам.

- Ишь ты, хеллина маш-шинка, - бормотал хозяин, поднимаясь по ступенькам. – Раньше без них жили – и ништо, а сейчас безлепие творится. Ишшо анператор отрекси... что ж это деется-то?

Яна приняла это ворчание, как приглашение к разговору. И коротко обрисовала положение дел.

Императора расстреляли. Вместе со всей семьей.

Освобожденцы упорно забирают власть в свои руки.

Будет война,, значит, будут грабить, убивать, насиловать... одним словом – будет весело. Прячьтесь, что можете, бегите, куда захотите.

Хозяин выслушал, но Яна сильно подозревала, что не поверил. Оно и понятно...

Даже в газовые камеры люди шли – часто добровольно. Такого ведь не может быть, правда? Этого не может быть, потому что не может быть никогда...

И умирали.

Вот и этот мужчина будет терпеть до последнего. Цепляться за свой дом, семью...

Яна прикусила губу.

Выхода нет. Она ничего не может сделать. Ни-че-го. Ей отпущен ровно год, сейчас уже меньше. Надо забирать ребенка и уезжать. А потому...

Ужин был так себе. Но щи были горячие, а хлеб не слишком черствый. Яна угрызла горбушку, вылебала миску щей – и посмотрела на трактирщика.

- Где положите, хозяин?

На столе мягко блеснул серебряный рубль.

Много, но чего ей экономить? Вот еще не хватало! На ее век экспроприаторов хватит.

Хозяин сгреб его и кивнул Яне вбок. Та последовала за мужчиной.

Комнатка была небольшой.

Кровать, сундук и стул со столом в ней помещались. А больше и ничего. Окно и дверь.

- Кислых щтей хотите, госпожа?

- Кислых щтей? – переспросила Яна.

- У моей жены они хороши, она три изюминки кладет на бутылку. Получается – хоть анператора угощай!

Яна промолчала. Честно говоря, она отвлеклась, рассматривала кровать на предмет клопов и блох. Но – не было.

Либо, давно никто тут не ночевал, вот и ушли твари. Или просто выскоблили все?

Хозяин принял ее молчание за согласие, пообещал принести загадочные «шти» и удалился.

Яна осмотрелась.

Принюхалась...

Оп-па!

Ее опасения сразу вызвали две вещи. В комнате не было ни задвижки или щеколды на двери. Не было и задвижки на окне.

Здесь живут столь возвышенные люди? Чтобы хозяин постоянного двора на дверь крюка не приделал? А если кто напьется, буянить начнет?

И второе...

Запах щелока.

Сильный, отчетливый, идущий от кровати. Ее щелоком заливали, что ли? А зачем?

И не так ведь давно, запах еще не выветрился.

Вернулся хозяин. Поставил на стол большую кружку.

- Пейте, жама. Хороши шти...

- Сейчас выпью, благодарствую, - Яна отозвалась рассеянно. Думала она сейчас о другом. – Вот ложиться спать буду... черного ведра у тебя нет? На двор бежать, ежели чего?

- Как не быть! Принесу сейчас!

Хозяин вышел за дверь.

Яна плюнула на все, и быстро опустилась на колени. Посветила свечой под кровать.

Там, где никто не будет искать и оттирать, на досках кровати, снизу, были разводы. Хорошо ей знакомые, бурые...

- Жеванные мухоморы!

Похоже, она попала в бандитский притон?

Как это мило!

* * *

Пока хозяин не вернулся, Яна успела сделать одно. А именно – выплеснула «кислые шти» под кровать, в дальний угол. Заодно и выяснила, что под этим понимается.

Обычный квас, только ядреный. И травами пахнет... в таком отраву спрятать – милое дело.

Хозяин вернулся быстро.

- Вот ведерко, жама. Куды поставить?

- Вот сюда, - показала Яна на угол ближе к окну. – Скажите, жом, много ли народу у вас гостит?

- Да никто и не заехал, кроме вас, жама.

- Вы один тут бытуете?

- Я, да женка моя, да сын младший. Старших ишшо двое было, да ушли, жама. Можя, вам еще чего принести?

- Нет, благодарствую. Спать, что-то хочется...

Яна сделала вид, что зевает – и пронаблюдала, как блеснули удовлетворением глаза мужчины. Снотворное.

Суки!

За трактирщиком закрылась дверь.

Яна злобно ухмыльнулась.

Трое?

Даже если ты солгал, мне плевать! Всех убью, сволочь! Только суньтесь!

А пока... почему бы не подремать часок? Что-то подсказывало Яе, что сразу не нападут, дадут ей время уснуть. А для уверенности поставим «сигнализацию».

Помойное ведро, на него таз – и кружку из-под «штей». Ох и грянет! Чертям тошно станет!

Яна, не раздеваясь, уселась на кровать и прикрыла глаза. Револьвер лежал у ее руки, полностью заряженный. Хоть придремать чуток...

Глава 5

Грянуло.

Что есть, то есть.

Стоило кому-то шевельнуть дверь, как грохнул таз, зазвенела осколками кружка, покатилося ведро. И вошедшего в комнату трактирщика Яна встретила ласковой улыбкой голодной гиены.

- Одеялко мне пришли подоткнуть, жом? Колыбельную спеть? Руки вверх, сволочи!

- Зря вы так, жама, - остановился мужчина. – Могли бы безболезненно отойти, во сне б и отлетела душенька, а теперь больно вам будет.

Яна в дискуссии вступать не собиралась. Тем более, что за трактирщиком в дверях воздвигся парень размером шесть на восемь. Плечи едва в дверь проходят.

Так что...

Выстрелить Яна была готова. Но...

- Умри, именем Хеллы.

Смотрела она четко на трактирщика.

Мужчина закатил глаза – и осел на пол. И как-то сразу Яна поняла – мертв. Это чувствовалось.

- Батя? – подал голос его сын. – Ты чаво?

Топор в его руках к дискуссиям не располагал. А потому Яна перевела на него взгляд.

- Умри, именем Хеллы.

Парень так же осел на пол.

Яна поднялась с кровати.

Угрызения совести? Она убийца?

Ее тут тоже не пряничками собиралась кормить милая семейка. А где мамаша данных робингулов?

Мамаша обнаружилась на кухне. Ворочала чугунок, и совершенно не ожидала Яниного визита.

- Руки в гору, сука, - вежливо сказала Яна,, направляя на нее револьвер.

Ее поняли без перевода.

- Кто еще есть в доме?

- Я. Муж. Сын...

А взгляд метнулся за спину Яны... нехорошо так метнулся...

- Умри, именем Хеллы! – взвизгнула девушка. И нырнула вперед,, под стол.

Вовремя!

Тетка осела на пол. А на то место, где стояла Яна, пришелся страшный удар дубинки. Конюх? Работник?

Да и плевать!

Револьвер в ее руке кашлянул, выплевывая пули. Две штуки, напрямиком в грудь. Они отбросили, остановили, свалили...

Яна вылезла из-под стола – и добила контрольным.

- Умри, именем Хеллы.

Приятного аппетита, богиня. Интересно, мне преференции будут, за оптовые поставки?

* * *

Постоялый двор Яна обошла быстро.

Все верно, больше никого. В конюшне четыре лошади... вот ведь дура! Слышала же ржание! А не подумала!

Бесится на цепи пес. Какая-то живность в свинарнике, в курятнике... людей – нет.

В двух комнатах видно, что кровь замывали. Щелоком пахнет и на досках кровати пятна. Полы-то они замыли. И сверху кровать отмыли, и тюфяки поменяли. А вот кровать снизу...

Кто на нее там смотреть будет? Это Яна сообразила, и то – спасибо Сабатини или Скотту, она уж и не помнила. Читала она приключенческой литературы много, чем еще заняться зимой? Вот где-то и застряло...

А где, интересно, у них хабар?

То есть – награбленное? Должна быть нычка! Это хорошо, это правильно... а ей бы запасы налички пополнить! Есть ее, и неплохо так есть, но надо бы добавить...

Яна принялась искать подпол. Эх, почему у нее нет собаки?

Та бы нашла! А у нее ни собаки, ни нюха – ничего. Спальню обшарить надо, хозяйскую...

Подвал...

Управилась девушка только к утру. Спать совершенно не хотелось, потом ее, конечно, свалит, но это потом, потом... и здесь она отсыпаться не останется! Вот еще не хватало!

В спальне обнаружилась неплохая сумма, по нынешним-то временам. Пара тысяч ассигнациями, пара сотен золотом и серебром. Тяжело, да своя ноша не тянет! Велосипед увезет! Вот!

В конюшне, под досками, нашелся небольшой склад с оружием, откуда Яна набрала себе патронов и выбрала еще пару револьверов.

А в подвале - узлы с тряпьем.

Но туда Яна не полезла копать.

Противно было – до истерики. Ну их!

Деньги – трофей, оружие – трофей, а вот одежда – это уже мародерка. Почему-то так воспринимается... и противно! Ну ее!

Яна ненадолго задумалась.

Хозяев она... того! И поделом.

А вот что делать со скотиной?

Ведь подохнут, если так оставить. Когда еще сюда кого занесет?

Ну ладно, лошадей она выпустит, кур, свиней – дело житейское. Кто выживет, тот и выживет. А собака?

В чем виноват пес? Что к нему подойти нельзя? И цепь снять страшно?

А потому надо обречь его на голодную смерть?

Сволочью Яна никогда не была. Разбойники – ладно, их и надо было убить! Там, в подвале, не один узел с тряпьем. Много кто тут свою смертушку нашел, наверняка...

А значит...

Где-то у них должно быть сонное зелье.

Яна принялась шарить на кухне. Логично же? Где подливают, там и держат, чего за ним бегать-то постоянно?

Она бы не стала.

Трактирщик оказался не глупее Яны. И зелье обнаружилось на кухне – за образами. Вот сволочи!

Небольшая склянка пахла травами... на ком бы попробовать? О!

Яна направилась в курятник за курицей. Двойные стандарты? Но курицу ей было не жалко. И ловить их она умела.

Несушки заорали, но девушка ловко цапнула ту, что сидела ближе – и вытащила из курятника. Достала склянку, обматерила курицу, но пару капель ей в клюв капнула.

Ненаучный подход?

Ага, вы мне лабораторию найдите! С микроскопами! И будет вам наука! И так будет, и этак будет...

Курица трепыхалась недолго. Минут десять подергалась – и лапками кверху... нет, не сдохла. Просто уснула. Яна бросила ее в угол двора и отправилась на кухню. Готовить коктейль для песика.

* * *

Постоялый двор она покидала через два часа.

Все было сделано.

Кони, козы, куры, свиньи – выпущены на свободу.

Со спящего пса она сняла ошейник и оставила ему несколько кусков мяса в будке. И большую миску с чистой водой рядом. Собака не виновата, что к сволочам попала!

На велосипед Яна привязала несколько одеял потеплее, и прихватила провизии с кухни.

Значит так!

Программа – минимум!

Найти укромный уголок и выспаться!

Программа-максимум!

Гошка, жди! Я еду к тебе, сынок!

Анна, Россия.

Вещи...

Ребенку нужны вещи.

А ребенок ведь подрос. Пока был в больнице, он вымахал на несколько размеров, и Анна оказалась перед сложным выбором.

Ребенку требовалась одежда, но что купить?

Хотелось – все.

А вот по деньгам... эх, где то время, когда она не знала им цену и счет? И могла сделать, что угодно?

Ладно, особой свободы у великих княжон никогда не было, но тем не менее! Возможности были...

Анна зашла в магазин.

Приценилась.

И вышла, чувствуя легкое головокружение.

Вот объясните мне!

Куртка на взрослого человека стоит, к примеру, десять тысяч! Что туда входит? Материал, пошив, набивка, фурнитура... так почему куртка на ребенка, примерно такого же фасона и формата стоит пятнадцать тысяч?! Она же меньше!

Почему!?

Анна просто не понимала.

Нет, ей было не жалко. Просто денег не было. Если она сейчас купит Гошке самое необходимое, то останется без двух зарплат. А жить на что прикажете?

Сомнения разрешила Кира, которая увидела Анину растерянность.

- Что случилось? По какому поводу шатаемся?

Анна вздохнула.

- Кира, неужели одеть ребенка – дороже, чем взрослого?

- Аск! Конечно, дороже!

- Почему?

- Потому что на себя пожалеешь, а на ребенка потратишься, - спокойно разъяснила Кира. – Вот у меня айфон, а папс ходит со смартфоном, которому уже пять лет.

- М-да...

- А че не так?

- Не чекай, - исправила привычно Аня. – Раньше я покупала по одной-две вещи, что-то мне отдавали, что-то дарили – получалось не так дорого. А сейчас Гошке все мало. И что делать? Покупать все разом, включая обувь? Нога-то у него тоже выросла на два размера! Вот представь – кроссовки, ботинки, тапочки, сапоги – уже, считай, ползарплаты.

- Его в больнице дрожжами кололи?

- Не знаю.
- И че тебя плющит?
- Отсутствие денег.
- Аня, ты словно из того века вывалилась. У тебя ВК есть?
- Есть...
- Аккаунт?
- Нет... а зачем?

У Яны его действительно не было. Чтобы Сережа Цветаев узнал про ребенка, да и явился на порог? Ой, не надо! Она недоумку пару костей переломает, а уголовный кодекс у нас строг. И совершенно не видит разницы между человеком – и очеловеченной падлой.

- Чтобы мышей ловить.
- В айфоне? Это новая игрушка?

Кира закатила глаза.

Аня иногда была безнадежно средневековой. Что поделать – старичье! Отец рассказывал, у них вообще телефонов не было! Прикиньте!

И интернета!

И чатиться они не могли, и постить, и лайкать, и...

Короче – динозавры. Совершенно непонятно, как они так жить могли?

Кира пробежала пальцами по клавиатуре.

- Смотри сюда, тундра!
- Группа «Отдам за так». А это как? [7]

- Как-как... вот так! Допустим, есть у тебя шмотки, которые тебе не нужны. На помойку жалко, кто их там возьмет – неизвестно. Кому отдать – тоже непонятно, нет у тебя таких френдов... Берешь, звонишь и тащишь им. Правда – чистое и сухое... ну, ты поняла. Они берут, складывают и отдают тем, кому нужно. Приходишь, говоришь, так и так, нужны кроссы на личинуса, размер такой-то, или трусы на тебя... поняла?

- Поняла. Кира, а телефон там есть?
- Можем Романа попросить и съездить.
- Это неудобно.

- А ты прикинь, сколько тебе на себе тащить? Или таксюка поймаешь?

- Таксиста.

- Да хоть целый таксопарк! Так как? Если что – там далеко ножками топать.

Анна посмотрела на карту города,, и вздохнула.

Кира была полностью права.

- Давай съездим. Я отвезу им вещи, из которых Гошка вырос, а сама попрошу те, которые больше размером.

- Пойду, поговорю с Романом.

* * *

Действительно, не группа, а спасение.

Кира честно положила тысячу рублей в копилку, которая висела перед дверью.

НА АРЕНДУ! НЕ ОБЯЗАЛОВКА!^[8]

И отправилась к двум симпатичным девочкам лет восемнадцати, которые стояли за стойкой.

- Добрый день.

- Добрый. Вам что-то нужно?

- Да, - Анна невольно смугилась. – у меня тут целый список...

- Давайте его сюда, посмотрим... ага! Тань, возьми на себя обувь?

- Запросто.

- А я пока шмотки подберу...

Девушки закружились вихрем.

Не прошло и получаса, как перед Анной лежал полный комплект зимней одежды и обуви. Все на весну – с запасом, вдруг еще подрастет. И все достаточно новое.

Ну, практически не ношенное... зимние ботинки вообще в коробке и с ярлычком.

- Иногда дети вырастают быстрее, чем успеют все поносить, - прокомментировала одна из девушек. – Берете?

- Да. И у меня тут тоже вещи...

Роман внес несколько тщательно уложенных сумок. Анна разложила все по пакетам и даже подписала.

Свитера, майки, штаны, обувь...

- Отлично! Кому-то да пригодятся!

- Анна?

* * *

Голос был мужской и удивленный.

Анна медленно повернулась. И едва не ойкнула, как девчонка.

- Олег Андреевич? Здравствуйте.

- Добрый день, Анна. А я смотрю – и думаю, вы или не вы. Такая леди...

Анна подняла брови. Compliment смутил.

Леди?

А раньше кто была? Она понимала, что ей хотели польстить, но... нет. Не польстили. И вообще... убив нескольких человек, начинаешь немного нервно относиться к присутствию рядом полиции.

- Это что за шиш с бугра? – раздался рядом нахальный голос.

Кира подросла как нельзя более кстати.

Отвлечешься тут на симпатичную маечку с пони, и здрасте-нате, фиг из-под кровати! Какой-то мужик клеит... да ее потенциальную мачеху! Если она их сведет с отцом!

Что за наглость, я вас спрашиваю?! На минуту отойти нельзя! Девушка мгновенно ошетибилась не хуже иного дикобраза. Какой еще Олег?! Не надо нам никакого Олега!

- Добрый день, - Олег привычно достал свое удостоверение. – Олег Андреевич Лейкин. А вы кто, юная леди?

- Леди по Англиям сидят, - отбила мяч Кира. – Я Анина дочь! А что?

Анну выручило воспитание, позволило не застыть с раскрытым ртом.

Олега – не выручило. У него на лице так и цвел вопрос: а во сколько Анна ее родила? В десять? Потом мужчина догадался, что его разыгрывают и рот закрыл. А жаль... он так был похож на глубоководную рыбу, которую вытащили из воды и отпинали по жабрам.

- Красоту вы точно унаследовали от своей матери, - нашелся он.

- Однозначно. Аня, он тебе не подходит, он врет. Пошли?

Анна покачала головой.

- Кира, у тебя нет совести.
- Зачем мне совесть, у меня есть чувство юмора и большое приданое, - отрезала девочка. – Идем?
- Идем, - рассмеялась Анна. – Извините, Олег Андреевич. Прощалась она с плохо (для нее) скрытым облегчением. Правда...
Когда и недели не прошло, как ты преступление совершила... как-то оно неудобно в присутствии полицейского. Очень неудобно. И страшновато.

* * *

Кира ожидала нотаций. Но...
- Ты знаешь, где продается вкусное мороженое?
- Знаю.
- Я угощаю. Мы столько денег мне сэкономили...
Кира прищурилась.
- Тогда поехали кутить! В «Инфлюэнцу».
- КУДА!?
- Да, у нас есть такая кафешка.
- А... а чем там торгуют? – с подозрением уточнила Анна. Не соплями ли на развес? Все же инфлюэнца – это банальный грипп... пневмония...
- Пирожными. И очень вкусными. И кофе там клевый...
- А название откуда?
- Хозяину слово понравилось.
- А почему не Лепрозорий? К примеру?
- Наверное, он такого слова не знал.
Анна только головой покачала. Но кофе действительно был отличным. И мороженое выше всяких похвал. А отметить победу над одеждой стоило! Тем более такую – практически все даром! Это реальное счастье! Через четыре дня ей забирать Гошку из больницы...
Хотя Анне было искренне жалко, что она не может дать сыну того, что хотела.
Форму кавалергарда.
Собственную лошадь.

Собственную машину.
Павильон во дворце.
Воспитание и обучение у мастеров своего дела...
В том мире у нее был шанс. В этом – банально не было денег. И даже полученный ей клад требовалось еще пристроить.
Надо поговорить об этом с отцом. Не по телефону.
Ладно, на выписку он должен приехать. Хотя бы на пару часов.
Тогда и поговорят.

* * *

Ольга Сергеевна Цветаева смотрела на монитор.
Оттуда ей улыбалось мальчишеское лицо.
Забавное, с хохолком над высоким лобиком, со щербинкой между передними зубами. Совсем, как у Сережи... или нет?
Была у него такая щербинка?
В упор не помнилось!
Ну и ладно!
- Порок сердца... даже здорового мальчишку родить не смогла, дрянь! Работает прислугой... хорошо!
Она протянула руку и взяла свой айфон.
Последняя модель, дорогушая, как белый слон... и примерно такой же полезности.
- Сообщи Анне Петровне Вороновой, что я хочу с ней встретиться. Назначь встречу... на послезавтра.
И отключилась.
Секретарь разберется... зачем иначе она его держит?

Русина, г. Кольск.

Жом Алоиз Зарайский не просто так приехал именно в этот город.
Узнав о гибели императорской семьи, он не стал в отчаянии вешаться на первой же сосне.
Да, тор Дрейл слов на ветер не бросает. И достать может...
Но!

Бежать – неважно куда – надо с деньгами в кармане, а не со вшой на аркане! Деньги есть у Дрейла, значит - что?

Значит, надо ему предоставить подходящую княжну. Как?

Да двойника найти! И актрисы тут не подойдут! Понимаете, просто – нереально! Во-первых, они все проститутки. Если и не все, то уж девушек среди актрис попросту не разыщешь.^[9]

Во-вторых – манеры.

Светское образование – это светское образование. Походка, осанка, улыбка, манеры... тут всякое лыко в строку. И абы кого с улицы не подберешь. Не пройдет номер.

В-третьих – приметы.

Чего б еще Алоиза принесло в паршивый Кольск? К одной из дам царского двора, которая вовремя смоталась из столицы... успела до отречения. А то и ее б... того! К ней-то Алоиз и приехал.

Пусть расскажет, кто, что, может, фотографии у нее какие есть, а уж насчет примет...

Это особенно важно.

Вот и стучался жом Зарайский в двери небольшого уютного домика. Сюда еще Освобождение не добралось. На улицах чисто, дворники свою работу исполняют, городовые на месте...

Вот и дверь открыл слуга лед пятидесяти. Без ливреи, но чинный – хоть ты его к Дрейлу устраивай! Важности что у короля.

- Что угодно жому?

С первого взгляда определил. Вот ведь... такую челядь – не обманешь, хоть ты себе павлиньи перья в зад засунь! Не поможет!

- Мне бы поговорить с торой Валенской.

- По какому делу?

- Это касается лишь ее, жом. Можете передать ей мою карточку.

Алоиз положил на поднос небольшой картонный прямоугольник. С одной-единственной фразой на обороте.

«Вороны убиты»

Умная женщина поймет.

Ждать пришлось недолго. Тот же слуга выскочил в коридор, словно за ним лично Хелла гналась. И за зад кусала.

- Проси! – донесся высокий, ничуть не старческий голос.

Алоиз кивнул слуге, ухмыльнулся – и вошел.

Зинаида Валенская.

Та самая, в честь которой называли младшую княжну Зинаиду. Дама, приближенная к императрице настолько, что Аделина не отставила ее от двора после замужества. Не отставила бы и потом, но...

Зинаида попала ко двору случайно. Воспитанная в строгости своей семьей, она мечтала стать монахиней. Но отец настоял на одном сезоне.

Юная девушка увидела императорский двор – и растерялась. Она была одна...

Привыкшая к скромности, сдержанности, спокойствию... и в клубке гадюк, которые еще и по ядовитости не могли бы сравниться со сплетницами императорского двора. Кто знает, что бы случилось с Зинаидой дальше, но... ко двору прибыла Аделина Шеллес-Альденская. Которую сразу же возненавидели все дамы.

Только вот у Аделины и когти были, и зубы...

Она за себя постоять могла. И обратила внимание на скромную девушку, которую травили всей стаей. Враг моего врага – мой друг, не так ли?

Чего уж ждала от Зинаиды ее высокородная подруга? Неясно...

Но получила нечто важное. Подругу, которая не обманет. Не предаст, поддержит, не выдаст твои секреты другим – никому. Даже императору. Это дорогого стоило.

Аделина вышла замуж. Потом стала императрицей. Родилась дочь. Годы шли.

Зиночка была рядом.

И подруга забеспокоилась. Каждой женщине очень нужна семья – практически каждой. Устроить свое счастье... а Зиночка все не находила своего счастья.

Да и... сложно это было.

Они странно смотрелись рядом. Аделина – тонкая, высокая, изящная, белокурая и голубоглазая.

Зиночка – плотненькая, коренастая, больше всего похожая на крестьянку, и неважно, сколько поколений благородных предков у нее было. Одень ее, как простонародье – и не отличишь.

А еще – характер.

Для подруги, так просто замечательный.

Добрый, спокойный, уютный... Зиночка могла простить что угодно! Даже если ей на голову поставят раскаленный утюг и прихлопнут сверху тазом с кипятком, она и то простит! Еще и помолится за своих мучителей.

Аделина – нет. А вот Зиночка была именно такой. Но когда это мужчинам нравились девушки с характером манной каши? Даже если каша с фруктами и сахаром?

Герой нашелся неожиданно. Роман Валенский, обедневший аристократ, совершенно случайно (да-да, в это все поверили) встретился с Зинаидой.

Ее лошади понесли, мужчина остановил карету, спас девушке жизнь, начал ухаживать... и Зиночка влюбилась. Во дворце от нее альфонсов отсекала Аделина, дома – семья. А тут не уследили. И – понеслось.

Женщина бросилась в ноги подруге, та, со скрежетом зубным, дала разрешение на брак... она бы этого Романа сгноила! На северах!

Только вот Зиночка поедет за ним! И подругу не простит – любовь зла.

И козлы во все времена этим пользуются!

Брак оказался несчастным изначально. Аделина сделала ошибку, когда после свадьбы дала подруге отпуск на год. А еще внятно обозначила Роману, что милостей ждать не стоит.

Ее дружба лишь для Зиночки. И милости, и все остальное...

Не рассчитывайте, любезнейший, что вам перепадет хоть крошка!

Роман это понял – и быстро сорвался. Характер-то за пазухой не спрячешь. Пил, бил, изменял – это еще не полный комплект. О полном Зиночка даже подруге не рассказывала. Даже на исповеди страшно было. И очень стыдно.

Спасла ее авария на железной дороге. В ней Зиночка пострадала, и очень сильно. Получила много переломов, несколько ран, пролежала несколько часов без помощи...

Муж погиб.

Зиночка кое-как выздоровела, но кинулась подруге в ноги, убеждая ее не возвращать тору Валенскую ко двору. Зиночка хотела уйти в монастырь.

Аделина скрипнула зубами, но приняла условие подруги.

Она дала разрешение на постриг, но... когда младшая из дочерей, Зиночка, крестница Зинаиды, выйдет замуж.

А за эти годы ведь многое может измениться...

Увы, Зина осталась непреклонна. Она воспитывала императорских детей, она жила рядом с ними, она искренне любила Аделину и ее супруга, она жизнь готова была за них отдать... но умоляла отпустить ее в монастырь.

И ушла бы.

Она бы и сейчас оставалась с Аделиной, и смерть бы рядом с подругой приняла. Но – судьба решила по-своему.

Авария. Переломы, раны... несколько раз в год Зиночке попросту приходилось отправляться в лечебницу. Страдания становились невыносимыми, мышцы скручивало в жгуты, в комки пульсирующей боли, до слез, до крика...

Вот и сейчас так получилось.

В маленьком городке Зиночка жила в своем доме, и каждое утро отправлялась в лечебницу, на процедуры... конечно, она слышала про Петера.

И готова была ринуться обратно, к подруге... но - куда?!

Неизвестно.

А много ли может одинокая женщина, калека... Зиночка могла рассчитывать лишь на одно. Если о ней вспомнят, если к ней придут...

Пришли.

И весть была воистину страшной.

* * *

Женщина средних лет, скорее, пожилая. Волосы темные, с проседью, заплетены в косы, лицо... на что похоже ее лицо? На непропеченный блин, в который кто-то засунул две изюминки. Глаза темные, растерянные. А выражение лица...

Действительно – каша!

Размазня!

Тяжелое тело опирается на стул. Стоять сама она может, но ей сложно. Простое темное платье больше подходит служанке. Закрытое, глухое... оно и к лучшему. Судя по выпирающим телесам, женщина не красotka. Квашня квашней...

Алоиз же ценил точеные формы.

Единственное, что отличает ее от обычной дворовой девки или кухарки – это кольцо и медальон. Медальон с бриллиантами, и Алоиз знает – там портреты императорской семьи. Всех ее членов.

Кольцо же личный подарок Аделины. С большим кабошоном. Бриллиант в таком виде не играет, но стоит безумных денег. Он редкого розового оттенка, его можно огранить...

Дворцовые сплетни безжалостны. Кто-то пустил слух, что Аделина платила Зиночке за некие интимные услуги. А на самом деле...

Даря кольцо, Аделина сказала, что Зиночка, как этот бриллиант. Не сразу понимаешь, какая драгоценность тебе досталась, но если разберешься, то ценить начинаешь вдесятеро.

Зиночка тоже ценила подругу.

И вот...

- Вы... кто вы, жом?

Алоиз чуть скривил губы.

- Один из тех, кому небезразлична судьба императора, тора Валенская. Всего лишь один из равнодушных...

Зина подняла брови.

- Это – не ответ.

- А это не вопрос. Жом Зарайский, Алоиз Зарайский, к вашим услугам, - представился Алоиз. Он ничем не рисковал.

После завершения этого дела он в любом случае исчезнет. И не будет пользоваться этими именем и фамилией. А раз так – чего жалеть?

- Я вас внимательно слушаю, - взяла себя в руки тора. – вы принесли мне... страшное известие.

Алоиз кивнул.

- Я из Зараево. Вы знаете такой городок?

- Я никогда не бывала там, но слышала. Да...

- Императора с семьей отвезли туда. Поселили в домике, вроде вашего. А потом пришли и расстреляли.

Зина прижала руку к губам. По полным щекам катились слезы, падали на темное платье, оставляли некрасивые влажные пятна.

- Они... они...

- Я не знаю, - честно ответил Алоиз. – Ходят слухи, что кто-то выжил.

- КТО!?

- Кто-то из детей. Не император. Не императрица – их опознали. Но... если бы просто расстреляли, это другое. А так... никто и ничего точно не знает. В доме был пожар. После пожара обнаружилось, что тел там меньше, чем должно быть... даже когда тела обгорели, и сильно... одно дело - мужик, другое – девушка. Да и следы остаются. Оружие, пряжки, пуговицы, кокарды... огнем много чего попортило, но понять можно.

Зина слушала.

- У дома стояло две машины, осталась одна. Вторая сгорела.

Темные глаза искрились надеждой.

- Мои девочки! Они могут быть живы?

- Тора Зинаида, вы знаете их с детства. Подумайте – куда они могут пойти? Зачем? К кому?

Женщина поджала губы.

- Откуда я знаю, что вы не из этих... нелюдей!? Откуда у вас такие сведения, жом?

Алоиз ругнулся. Правда, про себя.

Откуда? От... из оттуда! Ты еще ломаться будешь, стерва!?

Но... но вопрос действительно правомочен. И хорошо, что он подготовился.

- Возьмите, тора. Читайте...

Конечно, Алоиз ни слова не сказал про Слейда Дрейла – еще не хватало. Основной жертвой был выбран тор Изюмский. Благо, его печать и образец подписи можно было добыть без особого труда.

Комитет Реставрации!

Бабы обожают пафосные названия, вот и сработает! В письме тор Изюмский призывал всех сплотиться, собраться и избавить страну от язвы Освобождения. А так же оказать содействие в поисках пропавшего наследника или наследницы.

Печать Зинаида явно узнала.

Это у Алоиза были проблемы, а аристократов с младенчества учат разбираться во всей этой геральдике. Несколько минут Зинаида молчала, думала...

- Что именно вы хотите узнать?

- Не так много, тора. Особые приметы наследниц.

- Зачем?

- Исключить появление самозванок... долго шила в мешке не утаишь.

- Что еще?

- Может быть, какие-то привычки, что-то, что может навести на след...

- К примеру? Если вы узнаете, что Аннушка была без ума от красной рыбки, а Нини обожала шоколад – это поможет?

- Сложно сказать, - честно сознался Алоиз. – Но попробовать надо! Представьте сами – дети! Испуганные, растерянные, сбежавшие от убийц, и в стране, охваченной этим освобожденческим безумием!

Алоиз распинался не меньше полчаса. Расписывал страдания девчонок, поджидающие их опасности, расписывал, что могут сделать люди тора Изюмского, но... но для борьбы нужно знамя! И кто еще может им стать, как не дочь императора?

Опять же, так девочки будут в безопасности!

Это подействовало.

- Хорошо... спрашивайте. Полагаю, вы лучше знаете, что нужно, - сдалась тора Зинаида.

Алоиз знал. Но...

Через два часа он ушел – и договорился прийти на следующий день. Тора Зинаида вымоталась, а он и десятой части не узнал...

Сколько ж хлопот с этими бабами! Лучше курятник завести! Там хоть яйца будут, а здесь одно кудахтанье!

Тьфу!

Анна, Россия.

Звонка с незнакомого номера Анна не ожидала. Но ответила.

- Слушаю?

- Госпожа Воронова? Анна Петровна?

- Да, - снова согласилась девушка.

- С вами желает поговорить госпожа Цветаева. Будьте любезны прибыть на прием через два дня...

Голос был сух и деловит. И возможно, на Яне бы это сработало. Но на Анне?

- Будьте любезны, сударыня, представьтесь, - проговорила Анна с ноткой недовольства. И на миг увидела перед собой мать. Аделина Шеллес-Альденская отчитывала прислугу, подбородок поднят, глаза смотрят спокойно и холодно... никогда нельзя терять контроль над собой, разговаривая с нижестоящими.

Голос запнулся.

- Ээээ... меня зовут Людмила Анатольевна. Я секретарша Ольги Сергеевны.

- Замечательно, - Анна наконец вспомнила, кто такие Цветаевы. Сереженька, биологический папаша ее сына. За что ей нравился этот мир – за чеканность некоторых формулировок. Действительно, биологический отец. Донор клетки. Одной. Но не отец в широком смысле этого слова. Сереже Цветаеву было далеко даже до Петера Воронова, тот детей не умел воспитывать и не знал, что с ними делать, но на свой лад любил и заботился. А тут... ничтожество в штанах. – Куда и когда вы меня приглашаете?

- Через два дня, - обрел уверенность голос секретарши. – Торговый центр «Орион», вам нужно подняться на третий этаж, кабинет триста тридцать три. Вас будут ждать ровно в двенадцать.

Анна невольно хмыкнула.

Вот ведь наглость!

Но...

Память Яны подсказала, что Ольгу Сергеевну она никогда не видела. Даже на фотографии – сыночек был не из тех, кто ставит снимки мамочки рядом с кроватью. И сейчас ее интерес обусловлен – чем?

Хотя что тут гадать. Может быть только одна причина.

Гошка.

- Любезнейшая, передайте вашей начальнице, что я не смогу уделить ей время через два дня. У меня достаточно плотный график. Если она так желает со мной поговорить, я буду ждать ее... - Анна

мысленно прикинула свое расписание, подумала, на что может уговорить Киру... - В кафе «Лебедь», сегодня вечером, с шести до девяти.

- А...

- В ближайшее время других предложений не будет. Если вашу начальницу это не устроит, я с удовольствием отложу встречу.

- Я передам, - вякнула секретарша. И отключилась.

Анна посмотрела на телефон. М-да... не зря ли она это делает? Но Кира сегодня все равно идет на шейпинг и в бассейн. Пока она будет заниматься спортом, Анна предоставлена сама себе. Почему бы и не посидеть в кафе, которое расположено рядом со спортивным центром? Не подождать немного?

Что она теряет?

Кира звала Анну вместе с собой, заниматься спортом, но... для Анны это было слишком. И форма, и сама идея... нет, пока она психологически не созрела. Девочка поняла и не настаивала. Анна подозревала, что это даже сработало ей в плюс – сложно находиться рядом с совершенством. А вот если у человека есть недостаток, переносить его намного легче.

Да, Анна посидит в кафе и почитает книжку. Или посмотрит фильм.

Посмотрим, придет ли жама Цветаева...

* * *

- ЧТО!?

Когда Ольга Сергеевна злилась, прижимали хвосты даже чиновники из администрации. Еще бы! Больше всего женщина походила на гадюку. Только особо крупных размеров.

Суженные глаза, оскаленные зубы, угрожающее шипение, а страх перед змеями – один из самых древних человеческих страхов.

- Анна Петровна просила передать, что очень занята. И просила уделить ей время сегодня, с шести до девяти...

Секретарша, конечно, сместила акценты. Но не соврала ведь? А за решительный отказ и ее по голове не погладят... да, сложно работать с Гадюкой. Но ведь и платят!

Ольга Сергеевна подумала пару минут.

Вспомнила, что Анна работает гувернанткой. И сообразила, что... конечно же! Она просто не располагает своим временем.

Дурой женщина не была, а потому подумала еще пару минут.

- Перенеси Измestьева на послезавтра.

- Да, Ольга Сергеевна.

- И скажи шоферу, пусть ждет меня в шесть пятнадцать. Поеду, поговорю...

- Сделаю, Ольга Сергеевна.

- Свободна.

* * *

Анна сидела в кафе.

Перед ней стоял большой стакан кофе латте. За что ей нравился этот мир – кофе и шоколад. За разные сорта она готова была простить многое.

Бокал с кофе, тарелочка с трюфелями...

Маленький момент счастья.

Хелла, спасибо тебе.

Анна наслаждалась напитком, когда на соседний стул опустилась женщина. Среднего роста, с уложенными в прическу светлыми волосами – крашеными. Правильное лицо, серые глаза...

Красивая?

А бетонная плита – красивая? Даже если ее ромашками расписать...

Но на сына она очень похожа. Или вернее, сын на нее.

Анна улыбнулась краешками губ.

- Добрый вечер, Ольга Сергеевна.

* * *

Мадам Цветаева подняла брови.

На такой эффект она не рассчитывала. И на такую собеседницу – тоже.

Яна Петровна Воронова. Или – Анна Петровна, если по паспорту. То, что о ней собрали, заставляло ожидать, скорее, этакую амазонку, в штанах и с «конским хвостом» на макушке. Такой Сережа мог заинтересоваться. Смелой, дерзкой, отчаянной... ее сын любил все новое. Любил пробовать... и это его погубило.

А та девушка, которая сидела перед ней...

Странно.

Каштановые волосы уложены в достаточно простую прическу. Но тщательно, волосок к волоску. Прической Ольги Сергеевны занимался личный парикмахер. Вряд ли таковой есть у ее собеседницы. Дальше – тоже интересно.

Лицо без макияжа. Вообще.

Даже брови и ресницы не подкрашены. По нашим временам – экзотика. Вот девушку без трусов встретить можно, это даже и не интересно. А без макияжа? Без укладки?

Руки без маникюра, ногти просто коротко подстрижены, ладони спокойно лежат на столе. Блуза не из модных, длинная юбка, общее впечатление – школьная учительница. Камея у горла, маленькие сережки в ушах, спокойное лицо.

Понимает, что собеседница ее изучает – и делает то же самое.

Анна сделала еще глоток кофе.

- Добрый день, Анна. Надеюсь, ты позволишь обращаться к тебе по имени? Все же, я старше.

- Возраст – убедительная причина, Ольга Сергеевна, - согласилась Анна.

И молчание.

Мадам Цветаефф и сама отлично умела вести переговоры. Но сейчас...

Ощущение было – странным. Словно на нее смотрят... снисходительно?

Нет, не так. На нее смотрят привычно. Женщина напротив не боится, она спокойна, она даже равнодушна как-то... да что происходит!?

А Анна и правда не боялась.

Чем ее может напугать Ольга Сергеевна?

Связями? Но Анна, в том-то и дело, не воспринимала это всерьез. Да, сейчас у нее другая роль и другие родители, но все же, она дочь

императора. Кто может быть выше?

Деньгами? У нее теперь есть деньги. Потенциальные, но есть. Она может попробовать реализовать свой трофей через того же Бориса Викторовича.

А чем еще ей могут угрожать?

Защитить себя она может. Если она пожелает, Ольга Сергеевна сейчас просто умрет. Ткнется лицом в стол – и все. Во имя Хеллы...

Так что остается? Ей смерть – и та не страшна. Она просто пойдет к Хелле чуть раньше... неприятно, но Анна подозревала, что Хелла не так страшна, как кажется...

- У нас есть причина для серьезного разговора, - решила не тянуть быка за рога старшая собеседника. – Твой сын. Мой внук.

- Я вас слушаю, Ольга Сергеевна.

- Я в курсе, что твой сын – от Сергея.

Молчание. В курсе – и хорошо. Анна развернула трюфель и откусила маленький кусочек. Вкусно...

- Не хочешь спросить, как дела у Сергея?

- Нет, не хочу.

Ни злорадства в голосе, ни любопытства. А зачем? И так ясно, что дела плохие. Было бы все хорошо, Ольги Сергеевны здесь не было бы. Или болеет, или умирает, или в тюрьме сидит – ничего хорошего там не будет. А подробности... к чему они Анне?

Ее Сергей не обижал. А за Яну с ним жизнь уже поквиталась.

- Я ценю и свое и твое время, поэтому буду говорить прямо. Я хочу сама воспитывать своего внука.

- Так же, как Сергея? – ударила в цель Анна.

Ольга Сергеевна сдвинула брови.

- С Сергеем я допустила несколько досадных ошибок. Больше я их не повторю. Итак, я хочу, чтобы мой внук жил вместе со мной.

И снова тот же самый, равнодушно-вежливый взгляд. Хочешь? Хоти. Озвучивай все свои хотелки.

- Сколько ты хочешь за отказ от родительских прав в пользу Сергея? В мою пользу?

Вот теперь Анна прониклась. Впрочем, внешне это выглядело... да никак не выглядело! С Аделиной Шеллес-Альденской мигом привыкаешь держать все свои чувства при себе. И закапывать их поглубже. Какие там проявления восторга? Или гнева?

Холодная маска настоящей княжны. Равнодушный голос. Рука, которая, не дрогнув, ставит на стол бокал с кофе. И вежливая улыбка.

- Ваше предложение по меньшей мере бестактно.

- Бестактно?!

Ольга Сергеевна ждала многого, но такого? Женщина наклонилась через стол – и привычно зашипела, давя на собеседницу.

- Ты, сопля! Да я таких десятками давила! Ты еще под стол пешком ходила, а я уже своей фирмой командовала! Захочу – завтра же тебя родительских прав лишат! Мать ты паршивая, и ребенку ничего дать не можешь, кроме конуры на помойке! Я тебе честное предложение делаю, а могу и в суд пойти! Органы опеки на тебя натравлю! С землей сравняю...

Анна сделала еще один глоток кофе.

Казалось, она даже не слышит собеседницу. Ольга Сергеевна шипела еще несколько минут, но потом успокоилась.

- Ты меня поняла?

- Я пристойно говорю, пишу и читаю на нескольких языках, - согласилась Анна. – Это все, что вы мне хотели сказать?

- Тебе этого мало?

- Вполне достаточно.

- Тогда я хочу услышать твою цену.

Ольга Сергеевна и мысли об отказе не допускала. Ну подумайте сами! Она выживала в девяностые! Подняла свою фирму, вышла на международный уровень... пусть она не круче Билла Гейтса, но еще неизвестно, кому тяжелее пришлось. И с Анной она поступала так же, как с любым противником.

Смять, раздавить, уничтожить.

И в конце милостиво похлопать по щечке. И даже дать косточку.

Ладно уж, получи!

Хороших собачек награждают, когда они хорошо служат.

Анна поставила на стол бокал из-под кофе. Жаль, что все хорошее быстро заканчивается, да и удовольствие от кофе ей испортили. Ну да ладно...

- Ольга Сергеевна, по ряду причин ваше предложение для меня неприемлемо. У вас – все?

- ЧТО!?

Женщина даже сразу своим ушам не поверила.

Ей – отказали!?

ЕЙ!?

ОТКАЗАЛИ!?

Мир сошел со своей орбиты и пошел куда-то вдаль, бродить по свету.

- Ты что себе позволяешь, тварь?!

Анна вздохнула.

- Ольга Сергеевна, держите себя в руках. Вы не дома.

- А...

Побагровевшее лицо определенно не красило женщину. Равно, как и выпученные глаза. Вот сейчас она выглядела даже старше своего возраста. И Анна окончательно уверилась в своем решении.

- Если вы захотите видеться с внуком, я не стану вам запрещать. Разумеется, все свидания будут проходить под моим присмотром. Но никаких юридических прав вы на Георгия не получите. Он мой сын – и останется моим сыном.

- Ты... ты...

- Мой телефон у вас есть. Всего хорошего, Ольга Сергеевна.

Анна встала и вышла из кафе, не обращая внимания на женщину.

М-да...

А ведь еще часом-двумя раньше она готова была порадоваться. У Гошки есть еще родня... ему будет на кого опереться. Разве это плохо?

Это замечательно...

А сейчас вот, смотрит она на ЭТО – и на душе гадко. И даже обида на Сергея куда-то уходит. Каким он еще мог вырасти у такой матери?

Безвольным, безответственным... никаким!

Нельзя ей доверять Гошку. Хелла не поймет.

А остальное...

Суды, следствия...

Да Анне шесть раз плевать было! Даже на органы опеки! Опекайте! В лесу, на кордоне вы долго ребенка искать будете. Взять – да и уехать туда! А пока она сделала несколько шагов, и оказалась в спортивном клубе. Прошла в комнату ожидания.

Там никого не было. Одна Анна... уединение – это хорошо.

Анна подумала пару минут.

Потом достала телефон и быстро набрала в ватсаппе.

- Я люблю тебя, малыш.
  - Я тебя тоже люблю, мамочка...
  - Что ты сейчас делаешь?
  - Смотрю мультик. Ты позвонишь?
  - Звоню...
- Какое же это счастье – видеосвязь!

* * *

Ольга Сергеевна не сразу встала из-за стола.

Гнев обволакивал, душил, гнев стискивал горло своими липкими ладошками...

Ах ты ж...

Какая-то сопля...

ДРЯНЬ!!!

Но постепенно бизнес-леди смирила свою ярость. Постепенно... она бы не достигла своего уровня, не умей она справляться с приступами бешенства. И...

И неожиданно она почувствовала уважение.

Анна ей... понравилась?

Нет, вряд ли. Для того, чтобы понравиться Ольге Сергеевне требовалось нечто большее, чем один разговор. Но выдержка противника уже вызывала уважение.

Давила-то она действительно изо всех сил.

Ладно...

Посмотрим, как ты будешь действовать в ответ не на угрозы, а на дела. Но пока... кажется, Ольга Сергеевна понимала, что именно привлекло Сережу в этой девушке.

Такой характер еще поискать надо.

Русина. Поместье Алексеевых.

Они пришли вечером.

Тридцать человек, верхом, все вооруженные...

Хорошо еще, ворота были закрыты. Иван пил, и Надежда распорядилась прикрыть и ворота, и калитку. Возьмет еще на конюшне лошадь, да и поедет... расшибется. Или уйдет куда...

Так что все было закрыто.

Ненадолго.

В ворота уже лупили ногами.

- Открывайте, хозяева!!!

Надежда прислушалась.

- А ну, ..., открывай!!!

- Зажрались на народной крови, ...!!!

Возгласы были более, чем эмоциональные.

Надежда бросилась наверх, к внуку и дочери.

Муж?

Про мужа она и не вспомнила в тот момент. А вот Иван Алексеев...

У него как раз наступила стадия пьяной отваги. Еще бы пару дней – и можно увозить... не успела! Зато Иван успел.

Схватил со стены ружье и принялся наспех заряжать... пальцы не слушались, патроны сыпались на пол... разве это остановит настоящего мужчину?

Тем временем Надежда добралась до второго этажа. Разве что мимоходом прихватила из своей комнаты шкатулку, с деньгами на хозяйство и кое-какими побрякушками. Ирина была у себя.

- Дочка!

- Мам, что это за быдло?

Надя едва за голову не схватилась. Но...

- Собирайся. Жоржи, ты здесь?!

- Да, бабушка!

Хорошо хоть мальчик рядом....

- Надо уходить...

- Мама, ты с ума сошла?! – Ирина подняла выщипанные брови, став похожей на лягушку. – Я никуда не пойду, вот еще не хватало!

- Ирочка, нас убьют! – попыталась вразумить ее Надежда.

- Не посмеют. Покричат – и уберутся, - с непробиваемым апломбом заявила Ирина.

- Я тебе приказываю!

- Мама, ты что – папе компанию составила за бутылкой?! Я же сказала, я никуда не пойду!!!

Крики усиливались.

Надя физически ощущала, как утекают последние секунды...

- Внучек, пойдём.

- Куда!? Мам, ты с ума сошла!? Ему спать пора!

Надя вздохнула.

Ох, как все плохо-то... Ирина, что называется, уперлась. И с места ее не своротишь. Как на Ваню – стих нашел, теперь будет на своем стоять! А ведь...

Всех положат.

Ладно ее – она свое отжила.

Ваньку не жалко.

Но дочь и внук!!! Но Надя видела, точно видела – не уйдет... Ну хоть внука спасти!

- Ирочка, принеси мне, пожалуйста, нюхательные соли. Жарко что-то... и крики эти...

Надя опустилась на край кушетки, демонстрируя, что ей поплохело. Прижала руку ко лбу... Ирина ожидаемо купилась.

Сделала шаг, другой, вот и туалетная комната, где и стоит коробочка с нюхательными солями.

Еще шаг...

Надю с кушетки словно вихрем снесло.

Сильный толчок в спину дочери – и та влетает внутрь.

Надя подперла ручку двери стулом. Надолго не хватит, но им надолго и не нужно.

- Жоржи, руку!

Мальчик доверчиво протянул ей ладонь. Надя крепко сжала ее, потянула малыша за собой...

-Вниз! Бегом!

Ступеньки сами стелются под ноги. Вот и кухня.

Челяди нет... плевать!

Есть Матрена. Она ждет, она протягивает руку.

- Бежим, тора!

Но Надя толкнула к ней внука.

- Его защити! Я старая, бежать не смогу... я их с пути собью!

- Тора...

Надя сунула ей шкатулку.

- Дяде передай – он все знает.

Надя сорвала с плеч шаль, укутала мальчишку, последний раз поцеловала его в лоб. А Гошка смотрел, не понимая, что происходит.

- Бабушка?

- Молчи! И слушайся Матрену!

- А...

- Внучек, миленький... люблю тебя! Молчи... и Саввушку слушайся...

Вот и калитка...

Матрена толкнула ее, потянула за собой Гошку по лесной тропинке. Надя смотрела им вслед, пока они не скрылись в сумерках.

А потом тщательно закрыла ее, повернулась и пошла туда, откуда слышались выстрелы.

Время умирать?

* * *

Иван Алексеев с размаху открыл прикладом окно... как – открыл?

Просто вышиб!

И выстрелил в сторону орущих наглецов.

Раз, второй... перезарядил – и снова выстрелил!

Попал?

В его глазах – да, конечно! Неисчислимые орды злодеев уже разбежались от храбреца в разные стороны. С пьяных-то глаз...

В реальности...

- Жом Радий! Стреляют!

Жом и сам это отлично видел. И ему это не понравилось. Бывший химик, который примкнул к освобожденцам, он совершенно не собирался класть свою жизнь на их алтарь.

Им надо – вот пусть и помирают! А у него дела найдутся...

- Дайте залп в ответ – и ломайте ворота!

- Щас! Можно гранатой?

Жом подумал секунду – и разрешил. Но прежде, чем они успели что-то сделать...

* * *

Иван в гневе высунулся в окно.

- Ах вы... !!!

На такое и усилий-то не надо.

Один выстрел...

А тут – залповая стрельба.

Медленно, очень медленно, мужчина осел у окна.

Ему еще повезло. Он умер сразу. Одна из пуль разорвала артерию на шее, так что Иван Алексеев истек кровью. Забавно, но умер он, как мужчина. Хоть и жил дураком и алкашом, но погиб-то защищая свой дом и свою семью, погиб от вражеской пули... судьба иногда любит пошутить.

- Открыть ворота!!!

Ага, ори, не ори...

Надя понимала, что надолго не задержит эту толпу. Но пусть они все войдут сюда! Пусть не смотрят по сторонам... пока она, пока дом, пока будут жрать и грабить... да пусть их!

Ворота ей не открыть... ну так хоть калитка!

* * *

Жом Сынок действительно был новичком.

И в отряде, и в Освобождении, и вообще... что там возраста? Шестнадцать лет? Потому и был прозван сыном полка, а в просторечии – Сынком. Подрастет, там посмотрим, как именовать будем...

Но мечты у парня были...

Вот ОН!

Выносит из огня прекрасную даму. И та целует его в губы.

Героически спасает самого жома Пламенного! Или хотя бы жома Урагана! И те... нет, не целуют! Но медаль-то дадут? Или хотя бы орден?

Вот он лично убивает императора!

Вот он останавливает натиск врага, лежа за пулеметом... нет, не лежа! Стоя! Во весь рост, а то форма испачкается, и как потом за наградами в ней приходиться?

Не героически получается...

Вот – ОН! И этим все сказано!

А в жизни, увы...

Сынок, помой котел, Сынок, почишь коня, Сынок, ты где? Ага, ну н-на! Щас и еще добавлю, чтобы оружие в порядке держал...

Не эпично, не поэтично и вообще – где она, романтика Освобождения?

Нету.

Зато есть портянки и белье, стоящее колом. От пота стоящее...

А куда деться? Надо проводить реквизиции, надо добывать продовольствие, да, и ценности тоже..ж. жом Ураган объяснил, что все нажитое торами принадлежит народу! Вот, надо сложить, заактировать и сдать по описи, а то как же!

А народ потом разберется и наградит своих верных слуг.

Что, есть сомнения?

Нет? Вот и правильно, проживешь дольше...

Поместье Алексеевых тоже было в списке. Но ничего особенного там не ожидалось. Хозяин – пьяница, ну и бабы его...

Бабы, м-да...

Торы...

Они такие!

Не все красивые, но все ухоженные, холеные, кожа такая...

Вот когда он жениться надумает, обязательно себе в жены тору поищет, а то как же! Он же достоин? Достойн!

Жом Сынок единственный заметил, как начала приоткрываться калитка.

Это – враги!

Если из поместья стреляют, значит там сидят враги! Поработители недобитые! Угнетатели!

Стрелять их!

А если сейчас ка-ак из калитки десятков с саблями вылетит? Да верхами?

Сынок и не подумал, что десятков, да еще верхами, в этой калитке и в три приема не поместится, да и откуда они в поместье?

Вместо этого он просто вскинул руку с оружием – и выпалил в щель.

Раз, второй, третий...

Чего Хелла не хотела...

Три пули из пяти пришлись Наде прямо в грудь. И целился б сопляк, а так не попал! Но тут...

Женщина бессильно осела на гравий дорожки, щедро поливая его кровью... все. Что смогла для внука – она сделала. И на пороге смерти понимает – все получилось. Добежать они успеют, успеют... их никто не задержит и не увидит.

И зашумели над головой зеленые кроны деревьев, зазмеилась под ногами тропинка... и снова молодая Наденька бежит на свидание к большому дубу.

Там ждет ее Саввушка.

А если не ждет, то она подождет его. Она знает – любимый скоро придет.

Глава 6

- ИЗВЕРГИ!!! ТВАРИ!!!

Ирина Ивановна бесновалась в руках освобожденцев.

Сын?

То есть племянник?

Она о нем и даром не вспомнила... зачем ей тот мальчишка?! Когда отец... и мать... а сама она бьется в руках мерзких тварей... и почему-то земля под ними не разверзается!

И никто не спешит ей на помощь.

И...

Жом Радий сгрел ее за волосы, оттянул голову назад.

- Еще кто в поместье есть?

Ирина Ивановна ответила матом. Благо, от отца и брата слова знала.

Получила удар кулаком по лицу – и умолкла. Больно... и кажется, ей зубы выбили... кровь из носа потекла. Это вам не пощечины служанкам отвешивать, на которые дама была горазда. Это мужская рука, да с размаху...

- Что с ней делать, жом Радий?

Жом едва не фыркнул.

А что с ней делать? Видывал он таких... очередная бесполезная дура.

- Что хотите... только потом добить не забудьте.

Ирина все еще была не в себе, но грубые руки, рвущие платье, хватающие ее она почувствовала. Забилась, закричала...

Поздно.

Все – поздно.

И даже в эту секунду она не вспомнила, как пыталась спасти ее мать. Как уговаривала бежать... единственной мыслью было невероятное, невероятное удивление.

ЗА ЧТО!?

КАК ЖЕ ТАК!?

Жом Сынок поднялся с едва дышащего тела. Прижал ей к виску пистолет – и спустил курок.

Сухо треснул выстрел.

Ирина Алексеева отправилась догонять родителей на извечной дороге перерождений.

Ну да, жом Сынок ее... того... последним, и хорошо хоть вообще допустили. И так жом Радий его ругал, что тору стрельнул. Понятно, стрельнуть надо было!

Ну так не сразу ж!

Сначала выпросить что, где, куда, а потом и стреляй, сколько тебе зандобится... хоть мишень прицепи! А он поторопился... челядь разбежалась, спросить – и то не у кого. Ищи сам чего хочешь.

Сейф, конечно, вскрыли. Но денег там было немного. Основную часть Надежда держала в банке, подальше от мужа. Оказалась бы в городе – сняла. Шкатулку с тем, что было в доме, отдала Матрене, а что было у супруга...

Да что там было?

Пара тысяч?

Может, и неплохо, но не по тем меркам.

Освобожденцы чувствовали себя хозяевами. Гуляли, пили, под утро дом загорелся, но это никого не расстроило. Ну, достанется жому Пламенному чуток поменьше...

А и ничего, не сдохнет! Кто ж ему чего расскажет? А война многое спишет...

Между временем и безвременьем

Хелла рассматривала три души.

Спокойно, сосредоточенно, словно под микроскопом.

Да, это одна из обязанностей богини смерти. Обычно такие души распределяют и без нее, но в этот раз было попросту интересно. Любопытно.

Три души.

Один жил грешно, да и помер смешно... забавные поговорки у смертных. Тем не менее – он защищал свой дом и свою кровь.

Спьяну ли, сдуру...были враги и он пытался. А что не убил никого... в таком состоянии он бы и в стену дома не попал.

Хелла прищелкнула пальцами, отправляя «бравого вояку» на свой круг испытаний. В следующей жизни он заслужил родиться человеком. Получше, чем сейчас.

Вторая душа.

Куда отправляются те, кто умер по дури?

По глупости, по упрямству, подставляя другого человека, ни о чем не думая, кроме своей спеси и амбиций? Было у Хеллы такое местечко... по горлышко в зловонной яме... в самый раз.

Пусть посидит дурочка, а как поумнеет, по земле еще змеей поползает. Или крысой побегает.

Третью душу Хелла рассматривала дольше всего.

Что ж.

Павшим за други своя и в загробном мире почет и уважение.

И... ты родишься в следующей жизни, Наденька Алексеева. И родишься красивой, умненькой и счастливой. Безмерно счастливой.

Ты все отдала. Положила свою жизнь ради родных и детей.

Умерла ради внука.

Осознанно шла на гибель, лишь бы выиграть время. Для этого не просто порыв нужен, для этого душа должна быть крылатой. А такой душе и оболочка нужна иная, и жизнь, в которой она сможет раскрыть свои крылья – так и будет!

По воле Хеллы.

Богиня отвернулась.

Три души покорно отправились, куда приказано. А она с интересом принялась наблюдать за происходящим. Что-то дальше будет в мире живых?

Любопытно.

Русина

Когда Савва увидел на пороге дома племяншку...

Сердце на миг екнуло, пропустив удар, сжалось в комок, а потом снова принялось отсчитывать глухой ритм....

- Что...?

Хотя мог бы и не спрашивать, и так все видно.

Девочка вся бледная, одной рукой тянет за собой мальчишку, в другой руке шкатулка из дерева... сам Наденьке дарил.

Он тогда ведь ничего подарить ей не мог – ну что он сделает для тори? Та любой подарок купит...

Только хотелось.

Шкатулку дарил, гребень... сам из дерева вырезал. Вот и...

Мальчишка в шаль закутан так, что одни глаза видать, весь дрожит...

Савва подхватил его на руки, кивнул Матрешке.

- Заходи, давай, да рассказывай.

* * *

Через полчаса Савва кивнул своим мыслям. Погладил Гошку по голове.

- Ты кушай, внучок. Вареньице вот, бери, клюква была, что вишня, сладкая... блинчик скушай, да чайком запивай. А то простынешь, с меня твоя бабушка шкуру спустит...

Не надеялся он ни на что.

Но не говорить же малышу правду? Нельзя...

Судя по тому, что рассказала племяшка... спасти – некого. Остается только сделать, что Наденька просила. Отвезти мальчика в город, да и поселить в доме, который уж куплен. Но...

Но!

А кто с ним там жить будет?

Думал Савва недолго.

Оставлять мальчика у себя? Ох, ненадежно это... его видели. Его знают. Прислуга-то у тора была все своя, из деревенских... думаете, никто мальчишку не признает?

Да еще как!

И не выдадут его?

Не выдадут Савву?

В такое счастье мужчина не верил. Мальчишку НАДО везти в город. А вот с кем...

Раздумывал Савва недолго. Часа не прошло, а он уже был в деревне. И стучался в маленький домик на окраине.

- Дунька, дело есть!

* * *

Вдова Евдокия визиту удивилась искренне. Савва к ней не заходил. Хотя... между нами...

Вдова же!

Но не труп!

Случалось иногда... заворачивали к ней по ночи мужики... Евдокия о своих делах помалкивала. А чего болтать? Случается иногда... по слабости женской. То одного приветишь, то второго...

А как выжить?

Муженек-то с дури, считай, помер! На рыбалку пошел, да по синему льду. Бахвалился перед друзьями лихостью... под лед и провалился. Застудился, да и помер, а ей одной век вековать... детей поднимать! Шестеро осталось, мал мала меньше!

Выкорми, поди!

Савва, кстати говоря, к ней никогда не заходил. Верность супруге хранил. Евдокия его за это уважала, а потому и сейчас не подумала, чего плохого. И дверь открыла.

- Почто пожаловал Савватей?

- Разговор есть... жена говорила, Ксюха у тебя с цепи сорвалась.

Евдокия помрачнела.

Сама-то она была осторожна. А вот дочь...

Дура!

Бывают такие девки, которые умнее всех! И учи их розгами, не учи... насмерть забить можно, а ума вложить не выйдет. Ксения была именно из таких.

Еще в четырнадцать рослая красивая деваха прыгнула в постель к тору Алексееву. На свадьбу она не надеялась, о чем думала – непонятно. Лето они с тором прокувыркались, потом Илья уехал, а Ксюха осталась. И дурная слава при ней.

Переспать с ней – переспали, на том все и закончилось. Хотя огорченной Ксюха и не выглядела, но кто тех баб знает?

Потом девчонка пошла по рукам.

Чего с ней Евдокия не натерпелась! Ворота дегтем мазали, побить девку пытались, молодухи плакаться приходили... да, и дурную болезнь пару раз подцепляла деваха. А вот детей ни разу не было.

Потому и Евдокия рукой махнула.

Дети – да, дело другое. Для них можно и мать пристрожить. А коли не получают... бесплодное дерево?

Так пусть цветет, пока не облетело!

Может, потому и деревенские бабы девку еще не прибили? Случалось, поколачивали, бывало, за косу таскали или поленом по улице гоняли. Но здраво рассуждали, что всякое бывает...

Деревенская практичность.

Не всякий раз бабе с мужиком можно. Бывает и так, что плод скинуть опасается, или после родов все болит, а им ведь охота! Пусть и шалашовка будет, но своя, деревенская. Которая никакой заразой не наградит!

Впрочем, все было до поры. И Евдокия за дочь искренне переживала. Ведь прибьют рано или поздно, но... бывает же так! Уродится гулящая девка родне на позор – и хоть трава не расти!

- Ты почто пришел? Душу тревожить?!

- Беду твою избыть, - Савватей прищурился. – Хочешь – девку в город отошлем?

Хочешь?! Хочу!

Но – цена?

Известная крестьянская практичность тут же заставила Евдокию поднять брови.

- Почто такие милости?

- То, - Савватей опустил голову. Здесь и сейчас врать он мог невозбранно, потому как ни Евдокия, ни ее дети, ни дочь никогда Гошку не видели. Гоняли Ксюху от господского дома, что таракана тапкой. – Грешен я, Дуня...

В принципе, он и не врал. История была абсолютно правдивой.

Загулял по молодости, нажил ребенка. Чем мог – помогал, но много ли он мог? А тут Освобождение...

Мать у мальчишки умерла, отец далеко, другой родни не осталось. Зато дом есть в городе... ежели Ксюха захочет, можно туда переселиться.

Условия?

Чтобы малец был накормлен, напоен, одет и обут. Пригляд, короче. А денег Савва даст. Остались от материнской родни...

Даже и не соврал. Просто не все сказал.

Евдокия думала недолго.

- Боюсь я, Саввушка. Ксюха дурная девка, сорвется, вразнос пойдет...

- Здесь я внука оставить не смогу, сама понимаешь... а туда наезжать буду. Выбора у меня нет... потом, может, кого другого пригляжу. А сейчас хоть бы так досмотреть...

Евдокия задумчиво смотрела в окно.

- Не знаю, Савватей. Чует мое сердце, Ксюха в беду встрянет. Что здесь, что там...

Савватей пожал плечами. Он отлично понимал, что это не выход. Но выхода-то и не было! Вообще...

Если б Ирина Ивановна... или Наденька... если б они остались живы... Савва задавил острый приступ тоски. Так вот и бывает, жил, не тужил, а сейчас... сам не понимал, как важна для него тора Надежда. С ее вечной улыбкой, хлопотами по хозяйству, ее добротой... да за что ее-то!?

Сволочи!!!

Ладно б Алексеева, того и можно, и нужно! Сам бы стрельнул! А Надю?!

- Где сейчас твоя-то?

- К утру будет, - отвела глаза Евдокия.

Признаваться, что она о дочери ничего толком не знает, ни где та шляется, ни с кем... Савва понял. И кивнул.

Подождем.

А что ему еще до утра делать? Дома сидеть? Так дома-то и не лучше! Дома все будет наводить на мысли... не уберег! Не спас!

Евдокия прищурилась. С подколкой, как испокон века заведено.

- Не боишься, Савватей?

- Чего бояться-то?

- Что нехорошее о тебе подумают. Жена приревнует...

Савва от души рассмеялся.

- Дуняша, коли жена меня после стольких лет заревнует – не зря я ее выбрал!

- Жаль, ты не меня выбрал.

- Так отказа боялся...

Уютно было чаевничать у горящей лучины, перебрасываться шутками, сплетничать о деревенских делах. И Савватей сейчас ни о чем не думал. Старался не думать...

* * *

Аксинью они дождались только под утро.

Вошла, косой тряхнула... на шее синяк, в волосах солома, взгляд шальной, губы припухли... Савва подумал, что своей бы дочери всыпал за такое что вдоль, что поперек. Но то своей. А Ксюха все ж девка неплохая.

Гулящая, но по-своему честная. Не подлая.

- Мамка, ты что? Дядька Савватей, что случилось?

И не дура.

Ни на секунду не подумала, будто он по телесной надобности. И не в том дело, что они за столом сидят – плоть побаловать несложно. Сотня мелочей есть, по которым сразу скажешь, кто и с кем... только внимательнее надо быть.

Нет, Ксюха не дура, и это хорошо.

- У меня к тебе дело, Аксинья. Не к твоей матери.

- Да?

Глаза удивленные. Оно и понятно...

Полчаса у Савватея ушло, чтобы повторить, что он Евдокии рассказывал. Аксинья думала недолго.

- Я согласная. Дядько Савватей, а сколько жить-то там?

- Покамест родичи мальчика не найдутся. Может, и год. Али два...

- Согласна!

Савватей и не сомневался.

- Тогда отоспись да вещи собирай. Как стемнеет, повезу вас в город.

- По темноте?

Савватей кивнул. И отправился домой. Ему еще предстоял тяжелый разговор с женой.

Поздно ночью, по дороге, трусила крестьянская лошадка. Спала Аксинья, закопавшись в сено. Спал Гошка. Савватей держал вожжи...

Жена была сильно против...

И дети...

А только все одно выбора у него не было. Дома мальчика оставить – всех подставить. Эх, Наденька... что ж так жизнь-то нескладно обернулась?

Русина, предгорья Ферейских гор.

Большой отряд горцев двигался совершенно неслышно.

И незаметно. Привыкшие скрадывать добычу, знающие свою землю... им казалось, они невидимы в ночной темноте.

Дело было просто.

Вот лагерь. Там всего-то человек пятьдесят русинцев! Чего им тут понадобилось? Да кто ж их знает! Точно – грабить пришли!

Вот, ферей собирались захватить их, и расспросить.

Потом? Да не будет у русинцев никакого потом, что за глупости? Не будет. Допросят – и в расход.

Барза-бек шел одним из первых, и его одолевали плохие предчувствия.

Сбежать? Не удалось. Отговориться, сказать больным, остаться в тылу – тоже. Хотя он изворачивался, как мог. Но... старейшины!

Не стали полагаться на его чувство чести и долга! Вместо этого они попросту приставили к нему двоих охранников – мало ли кто? Мало ли что?

А уж от чего те охраняли, то ли от попыток сбежать, то ли от врага...

Барза-бек подозревал первое, старейшины говорили о втором... удрать не получилось.

Вот и лагерь.

Часовые спят... сейчас, буквально секунду, и их сон перейдет в последний... Барза-бек видит, как Алхи-бек, один из лучших мастеров

ножевого боя в селении, скользит вперед, приподнимается, наносит удар...

Но что это!?

Ни хрипа, ни вскрика, тело поддается так, как никогда не будет двигаться живое тело?!

Кукла?!

Но...

Дальше Барза-бек сообразить попросту не успел. Взрыв бросил его на землю, ночь расцвела огненными цветками, и со всех сторон захлопали выстрелы.

Ловушка!

Русины, будь они прокляты!!!

Мужчина вжимался в землю, и молился, чтобы его не задела случайная пуля. Чтобы пронесло. Чтобы...

Его жизнь ценнее, чем жизнь сотен этих полумозговых червяков! И она может так внезапно прерваться... Творец единый, не выдай! Ты видишь, я ни в чем не виноват!

* * *

Антон Валежный медленно прошелся вдоль строя пленников.

Фереи стояли молча, угрюмые... кто-то в грязи, кто-то в крови. Валежный посмотрел на них с отвращением.

- В набег пошли, твари?! Я вам напомню, кто здесь хозяин!

Лица фереев исказились от гнева. Но говорить с врагом – унижать себя. Врага надо убивать. Или – если ничего не получится, то просто терпеть.

Молча.

До последнего момента.

Валежный о этом отлично знал. но ему и не требовалась их реакция. О, нет...

Ему требовалось нечто другое.

- Посмотри, из какого они селения.

Специалисты в полку были. А родовые знаки в каждом селении были свои.

- Род Таумир, - доложил один из солдат.

- Отлично. Соберите все оружие, вплоть до ножей и отправьте интенданту. Этих... раздеть и разуть. А потом – повесить.

- Голых? - уточнил поручик, который слушал приказы и даже что-то помечал в планшетке.

- Да, - Валежный посмотрел в удивленные глаза, и разъяснил. – По их обычаям, это унижение. Как младенцев, без одежды и оружия, да еще повесить... это позорная смерть.

- А...

- И пусть отряд готовится к выступлению. Род Таумир? Это селение есть на картах.

Горцы кусали губы. Но – молчали. Горе побежденным...

А вот Барза-бек молчать не стал. Его?! Повесить!? Но...

- Смилуйтесь, тор!!!

Истошный визг заставил Валежного дернуться. Барза-бек повалился в ноги мужчине, заработал пинок в бок от соседа, но это не помешало ему поползти к сапогам генерала.

Не дополз.

Пинком под ребра и остановили, и откинули... кто его знает? Цапнет еще, а человеческий укус хуже собачьего.

- Это еще что такое? – прищурился Валежный.

- Тор генерал, я здесь случайно, случайно!!! Меня силком тащили! Мне угрожали!!!

Барза-бек истошно визжал, обвиняя фереев во всем случившемся. Он-де пытался их остановить, но кто его, бедолажного, слушал? Пытали, насильовали, за ноги всю дорогу тащили...

Этого уже ферейская душа не выдержала.

Вот один из фереев отвернулся, плюнув на снег. Второй, третий...

Убили бы! Да вот беда – не дотянуться.

Валежный слушал с непроницаемым лицом. А потом повернулся к поручику.

- Попроси Касьяна сюда прийти. И жаровню пусть принесет. С инструментами.

- К-касыяна? – заикнулся поручик.

Валежный поднял брови.

- Немедленно!

Распоряжаться людьми он умел. Поручик сорвался с места и помчался, как скаковая лошадь, только сапоги замелькали.

Барза-бек попытался что-то сказать, но Валежный повел рукой.

- Молчать. Не то прикажу дать им свободу на десять минут и оставлю вас... - оценил горящие яростью глаза фереев и хмыкнул. – И трех минут хватит.

Барза-бек не сомневался, что хватит и минуты. И замолчал, дрожа всем телом.

Только не смерть! Творец, за что!? Он еще так молод! Он же не хочет...

* * *

Долго ждать поручика не пришлось. Он обернулся за пятнадцать минут, а следом за ним на поле боя явился чрезвычайно колоритный персонаж.

Мужчина, размером с хороший стенной шкаф, в красной рубахе и наброшенном поверх плаще из чьей-то шкуры... медвежья? Кажется, да...

Он легко нес жаровню, в которой калились какие-то, страшного вида, железяки.

- Вызывали, тор генерал?

- А то как же, голубчик, - Валежный улыбнулся одними губами. Глаза его были пусты и холодны, словно зимний лед на озере. – Тут вот мужчина нам хочет что-то рассказать, так ты ему помоги? А то мне кажется, он соврать собирается...

- Энто запросто, - прогудел мужчина. Голос у него был под стать размерам, этакий гулкий хрипловатый бас, чем-то напоминающий рычание льва. Барза-бек задрожал. Воистину, там, куда приходят львы, не место шакалам. – Чем его, тор генерал? Железом каленым погладить? Могу сверху, а могу и запихать в... птичкой запоем, только ... не сможет...

Барза-бек представил себе перспективы. Выразительно так представил...

- НЕТ!!! Я все расскажу, ВСЕ!!!

Сведения полились из него, словно навоз из нужника, в который дрожжи кинули. Фонтанировало так, что фереев едва лица не вытирали. Ощущение было - всех забрызгало.

Валежный морщился, но слушал.

И про Чилиан, и про их планы...

А потом махнул рукой.

- Повесить.

- Тор генерал?

- За ноги. Да пониже, чтобы сразу не подох!

Приказ был мгновенно выполнен. Барза-бек захрипел в петле, принялся корчиться... кровь прилиwała к голове, кончиками пальцев он досталась до земли, кое-как пытался оттолкнуться, сменить положение, но... не получалось.

Валежный поморщился. Поделом.

- А с этими что делать, тор генерал?

- Расстрелять, - вынес вердикт Валежный. – Дураки, которых обманули... пусть умрут, как подобает воинам, а не баранам. - И развернулся, не интересуясь, как будут выполнять его приказ.

Фереи молчали.

Молчали они, и когда загремели выстрелы. Молчали...

- Тор генерал, - поручик понимал, что это дерзость с его стороны, но... Никогда раньше он не сталкивался ни с чем подобным. А в ферейских горах вообще оказался первый раз в жизни. – Разрешите обратиться?

- Слушаю, поручик?

- Почему бы их не отпустить? Тор генерал, их ведь тоже обманули...

Валежный вздохнул.

- Потому что это фереи, поручик. Не понимаешь?

Поручик покачал головой. Валежный вздохнул... когда-то он был столь же наивным. Увы, жизнь научила... закатал рукав и показал шрам на руке. Длинный, извилистый.

- Видишь?

- Да, тор генерал.

- Когда-то я думал так же, как ты. И отпустил ферея. Но по их меркам – это позор. Надо забрать жизнь врага, который пощадил тебя. Потому что даруя пощаду, ты унижаешь фереев...

- Но почему?! Если их натравили!?

- Если они вернуться в родное селение, они снова придут сюда. Убивать, грабить... только впредь будут осторожнее. И постараются не

попасться. А потому – они знали, на что шли.

- И... они не могли бы рассказать, что вот этот... их подбил... ну, чтобы Чилиан?

- Уроки риторики по тебе, поручик, плачут, - хмыкнул Валежный.
– После войны займешься.

- Слушаюсь, тор генерал.

Поручик даже подтянулся.

После войны.

Уроки риторики. То есть они выживут, и вернуться с победой, и курсы будут офицерские, и...

- Фереи им не поверят. Даже если бы этот подонок все рассказал, ему бы не поверили. Сказали бы, что мы пытали бедолагу, принудили... нет, ни ему, ни нам просто не поверят. Фереев нельзя переубедить, поручик. Но можно как следует запугать.

- Как... тор генерал, как вы сегодня? Касьяном?

Валежный вдруг улыбнулся совершенно по-детски.

- Кто ж им объяснит, что Касьян – милейшей души человек? Который даже колбасу режет – и то от сострадания плачет? А выглядит он достаточно жутко, о чем и сам знает.

Поручик тоже хихикнул.

Ну да.

Касьян в принципе пытать никого не мог. Потому как был конюхом. А жаровня, железяки и прочее... было у человека хобби в свободное время. Любил он выжигать по дереву. У Валежного приклад для ружья был его работы – удивительно тонкий рисунок. Но Барзбек об этом не знал.

И никогда не узнает...

Да покоятся они, словно на иголках!

- Распорядись, дружок. Через час выступаем. Аул нас ждет.

Поручик кивнул – и помчался опрометью.

Антон Валежный посмотрел ему вслед.

Творец!

Как же это тяжело! Как больно...

Не убивать – они на войне. И не выносить приговоры – он солдат, а эти люди пришли на его землю с оружием.

Больно другое.

Валежный не знал, насколько действенными окажутся его поступки. Он давно просил у Петера разрешения на них, но не получал. А сейчас...

Удастся ли?

Нет ли?

Мразью он точно будет, даже в своих глазах. Только вот и выбора ему феери не оставили. Русина не может воевать на два фронта?

Значит – только победа. И пусть его потом хоть как проклянут! Творец поймет, а Хелла не осудит!

Интересно, как там дела у Дмитрия?

Борхум. Г. Шавелер.

Маленький городок Шавелер на севере Борхума славился двумя вещами.

Первая – тут жил чрезвычайно редкий вид краснохвостых зябликов. Или зеленолапых скворцов – Дмитрий отродясь в птицах не разбирался. Для него был только один вид птицы – жареная. В его тарелке. В крайнем случае можно вареная. Тоже порода...

А вот вторая причина ему была намного интереснее.

В городке Шавелер был завод по производству пороха.

Как известно, вещество это полезное, нужное, а для войны так и вовсе незаменимое. Ну как тут остаться в стороне?

Как не поспособствовать людям? Как не помочь? Никак Митя не мог упустить такую возможность. Вот и сейчас он шел по улице, улыбался мило...

А вот и его жертва!

* * *

Зенек Велеш шел домой.

Медленно, едва ноги переставляя... дома ждали его жена и дети. И – младший сын.

Любимый, обожаемый...

С болезнью легких.

Вот уж около года тому назад мальчик начал кашлять, бледнеть, худеть... приговор лекаря, на которого кое-как наскребла нищая семья, был жесток и неумолим.

Ребенка надо увозить!

Свежий воздух, хорошее питание, да, и лекарства – тогда его еще можно будет спасти.

Нет?

Готовьте гробик...

Зенек бы всю кровь из жил выцедил ради малыша, но – кому нужна его кровь? В семье пятеро детей, четыре девочки и мальчишка, жена не работает – поди, поработай с такой оравой, берет на дом шитье, но этого так мало... капля в море!

Дом чужой, за аренду – плати, за дрова плати, за воду, за... да за все – плати! А ведь он всего лишь мастер на заводе! И зарабатывает хоть и побольше обычного рабочего, но... медяки! Их едва хватает сводить концы с концами. Но на лечение...

Ради ребенка Зенек готов был на все.

Кинулся к управляющему... чего ему стоило пробиться на прием! Кто бы знал!

Но ведь пробился, в ноги кинулся, умолял...

Бесполезно!

Ему попросту отказали. Деньги? Любезнейший, из чего вы их отдавать будете? Нет, не дадим... Перевести вас куда-то? А с чего вы взяли, что сможете работать на новом месте?

Ладно... мы подумаем. Если освободится место, на котором вы сможете быть полезны компании...

Сын? Наплодил нищету – сам и разбирайся.

Последнее вслух сказано не было, но так и читалось на сытой холеной ряшке, в поросячьих заплывших глазках, в движениях толстых пальцев...

Мразь!!!

Зенек убил бы.

Остановило лишь одно соображение – если с ним что-то случится, погибнет вся его семья, ведь он единственный кормилец. Вот и пришлось кланяться и благодарить, благодарить и кланяться.

И мечтать о мести...

Бессильно... ах, как бессильно.

Оххх...аж дух вышибло!
- Простите, жом?

* * *

Дмитрий не любил менять сработавшую схему. А потому...

Случайное столкновение, извинения, угощение в трактире... часа не прошло, как разомлевший Зенек выкладывал новому знакомому свою подноготную.

Митя слушал. Кстати – без отвращения. Это вам не Падловский... человек оказался в тяжелой ситуации. И потому...

- Сколько нужно на переезд, на лечение, на все...

- Не знаю, - развел руками Зенек. – Сам понимаешь, Стеф, - в этот раз Дмитрий выбрал другой псевдоним, в память о безвременно погибшем подонке, - пока переезд, это надо бы хоть какую конуру прикупить, иначе жить негде, ну или снять, пока я работать не начну. А потом устроиться. И детей перевезти, а малыша сразу на лечение определить...

Митя только вздохнул.

- Хороший дом стоит около пяти сотен золотом. Дальше. Переезд. Это недорого, купил билет на поезд, да и уехал. Или на дилижансе, может, последнее и лучше... на обустройство вам еще сотня золотом понадобится, не меньше. На лечение пара сотен... так. Я тебе плачу полторы тысячи золотом. Хоть завтра. И помогаю перевезти семью. Хочешь?

Зенек протрезвел в единый миг. Аж с лица схлынул.

- Ж-жом?

- Нет, твоя душа мне не нужна.

Митя откровенно развлекался. Ходит в Борхуме страшилка о том, кто ищет во Тьме. Говорят, ходит такое существо, принимает облик человека и предлагает исполнить твоё желание. Самое заветное.

А взамен, понятно, душу...

Ну-ну.

- Тогда – что?

Митя ухмыльнулся вовсе уж ехидно.

- Говоришь, послал тебя управляющий?

Руки Зенека непроизвольно сжались в кулаки, дальше можно было не отвечать.

- Вот... мое предложение. Ты получаешь деньги на руки. Выходной у тебя есть?

- Да, жом...

- И отлично. Съездить не успеешь, но семью твою я перевезу. Получишь от них весточку, как они устроятся и мальчика лечить начнут. Тогда и отслужишь.

- Чем, жом?

- Да ничем особенным. Пронесешь на завод маленький такой сверточек, и можешь быть свободен.

* * *

Дураком Зенек отродясь не был. И соображал быстро, иначе б не стал мастером на своем участке.

- Жом... вы...

- Я. Из Русины. Пояснения нужны?

Нет.

Уж два и два-то жом Зенек сложить мог. А то и один с одним...

И прищурился.

- На кой мне тогда деньги, ежели моя семья осиротеет?

Митя посмотрел с веселым изумлением. А ведь неглуп, работяга! Вот Падла... как там его фамилия была? Нет, уже не вспомнить, хоть и посылал Митя семье деньги, как обещал.

Так вот, Падла поверил, что ему и денег дадут, и в живых оставят.

А этот не верит. Умный...

- А ты понимаешь, что я тебя и сейчас могу порешить?

- Можете, - встретил его взгляд Зенек. – Поэтому я соглашусь, но только когда с моей семьей все в порядке будет. Устройте их, документы новые дадите, да и денег. Три тысячи.

Митя только фыркнул.

- За такие деньги я и кого подешевле найду.

- Найдите.

- Две тысячи. Но если это от меня будет зависеть – ты к своей семье вернешься. Вы в Борхуме ведь не останетесь?

- Нет. Нам бы в герцогства, там лечат, говорят. Морское, которое Авилль, там лечебницы хорошие, курорты...

- Так давай сразу туда твоих родных отправим. А ты при взрыве погибнешь.

- Ясно...

- А в Авилле начнет новую жизнь, к примеру, Зенек Сафальский. Документы я тебе достану, если тщательно проверять не будут, то и проскочит.

Зенек думал недолго.

- Две с половиной тысячи золотом.

- Две. Если погибнешь, тогда три. Но если в семью вернешься – то и двух с тебя довольно.

Примерно два часа ушло на торг, обсуждение, прикидки...

А еще через неделю Дмитрий записал себе на счет очередную победу.

На пороховом заводе прогремел взрыв, который буквально снес его с лица земли. Оставшиеся развалины проще было зачистить и построить завод где-то в другом месте, чем ремонтировать старый.

А то, что Митя подгадал заряд так, чтобы дело было ночью... все же он сейчас диверсант, а не простой террорист.

То, что погибло всего десятка два человек, а не несколько сотен...

И то, что среди погибших был и жом Зенек...

Да, бывает и такое.

А жом Вешелес, который начнет свою жизнь в Авилле, никогда не будет работать на пороховых заводах. Найдет, чем заняться. Может, домик купит, хозяйство заведет, может, рыбалкой займется... ему сейчас главное сына вылечить. А дальше видно будет.

Свое слово Митя старался держать. Иногда даже в ущерб себе.

Хотя не плевать ли ему на тот Борхум? Будут его еще в одной стране ловить?

Да на здоровье! Хорошая репутация – повод немножечко поднять гонорар. Это на Валежного он, считай, даром работает. А если кто другой...

Митя искренне считал себя высококлассным специалистом. А стало быть и высокооплачиваемым.

- Куда мы идем?

- В церковь, Кира.

- А на... - Кира покосилась на Анну, вздохнула, и мужественно закончила фразу не так, как собиралась. – какого карпа чешуя?

Борис Викторович погрозил дочери пальцем.

- Я тебе повыражаюсь!

- Папс, ты объясни, на чешуя мне это надо?!

Борис Викторович вздохнул.

- Лиза просила сходить с ней на службу.

- Там будут для «Космо» снимать? Или чего?

- Цыц! – Борис Викторович треснул кулаком по столу. – Изволь не ерничать по этому поводу! Мала еще!

- Паспорт имею, детей иметь могу! Ань, че за фигня? Какого я должна вставать с утра и переться за тридевять земель, да еще одетой, как чмо?! Чего я там забыла?

Анна едва удержала тоскливый вздох. Она бы в храм ходила. Но... ей, наверное, и нельзя. Она же... в каком-то смысле она посвящена Хелле. И вряд ли богине понравится визит ее вассала в чужой храм. Лучше не нарываться.

- Кира, если захочешь, я составлю вам компанию. В храм не пойду, но полагаю, мы найдем чем заняться.

- Урррааа! – обрадовалась Кира. – Ауч!

Борис Викторович поднял брови.

- Анна, почему вы не пойдете в храм?

Анна помолчала пару минут. Сформулировала.

- Я знаю, что Бог есть. Что он – Творец всего сущего. Зачем мне посредники? Я и так знаю, что он меня услышит.

- Ауч! – второй раз показала Кира. С ее точки зрения – отмазка была убойной.

Борис Викторович хмыкнул.

- Так принято...

- Какой смысл карабкаться наверх, чтобы потом подчиняться общим правилам? – Анна подняла брови. – Мне казалось, что правила должны устанавливать вы, а остальные глядеть на вас.

- Хм...

Крыть было нечем, и Борис Викторович зашел с другой карты.

- Вы не хотели пойти в юридический? Анна?

- Мне и в лесу неплохо, - парировала Анна.

- И разных подлизок там нет, - пробурчала Киира. И тут же приняла невинный вид. – Что, пап?! В лесу подлиз не водится. А ты о ком подумал?

- Выпорю.

- Главное рогами не забодай, - подсказала вредная девчонка. Увернулась от затрещины и вылетела из комнаты, хохоча во все горло.

- Поганка! – выдохнул Борис Викторович.

Анна пожалала плечами, и налила ему мятного напитка из графина.

- Не переживайте. Возраст такой.

- Возраст... Анна, это еще вам спасибо! Если б не вы, она вообще бы с цепи сорвалась. Вы на Киру хорошо действуете.

- Она замечательная. А я просто стараюсь научить ее... лицемерить, - грустно вздохнула Анна.

- Без этого в нашей жизни никак. Когда вы сына забираете?

- Послезавтра.

- Вот и отлично. Комнаты готовы?

- Все готово. Спасибо, Борис Викторович, - Анна впервые улыбнулась по-настоящему. Искренне, всей душой, глазами, не просто изобразила вежливый оскал, а засветилась, словно солнышко.

Ее сын, ее ребенок скоро будет рядом!
Что еще надо для счастья!?

Ничего!

Борис Викторович только рот открыл. И как это бабам удастся? Стояла этакая строгая селедка, почти как Мэри Поппинс, и вдруг...

Бывает такое.

Словно внутри человека искра зажигается. И ты его *видишь*.

Ты его и раньше каждый день видел, но вот именно здесь и сейчас... да... Бизнесмен был вынужден признать, что объективно... Анна ведь красивее Лизы.

Даже не так.

Есть картинка и есть картина. Постер и Веласкес. Конечно, на постер вы будете смотреть чаще, но приглядитесь к Веласкесу – и глаз не оторвете. Вот Лиза... она холеная, ухоженная, яркая, вся в драгоценностях, но если Анну приодеть и отманикюрить... в ней нечто другое.

Порода.

Вот то самое, с кости и крови... и откуда что взялось? Мужчина откашлялся, скрывая смущение.

- Анна, а почему вы не идете в церковь? Мне казалось, что вы верующая?

Анна пожала плечами.

Честно говоря, она даже крест не носила. Яна его отродясь не надевала, а Анне как-то и в голову не пришло... символ Творца – квадрат. Четыре угла, как четыре стихии, и в нем круг – земля.

- Я верующая.

- Ну и... почему?

- Потому что я точно знаю – Творец создал наш мир. Я уверена в существовании бога. Зачем мне посредники? Или храмы? Бог во мне, со мной, рядом – в любую минуту. Что мне даст этот визит?

Поскольку Борис Викторович и сам не знал, мужчине осталось пожать плечами.

- Не люблю лицемерить, - честно сказала Анна. – Лучше не ходить вообще, чем стоять в храме, а думать о своих делишках. Гадко это... если у меня будет настроение молиться, мне и поляна подойдет. И что угодно. – Анна подозревала, что Хелла ее отовсюду услышит. Но не озвучивать же это вслух?

- Главное, вслух этого не говорите.

- Почему?

- Пришьют оскорбление верующих.

- Пастуха всегда оскорбляет баран, который не идет в общем стаде.

- Вот и не стоит подставляться под кнут. Ас Кирой поговорите, ладно?

- Обещаю.

Анна обещала с чистой душой. Она же не уточняла, о чем она будет говорить с девочкой?

Русина, предгорья Ферейских гор.

Они пришли на рассвете.

В час волка, когда всем безумно хочется спать, когда туман скрадывает шаги, когда еще не выпала роса, когда ночь только

уступает свои права...

Они пришли.

Валежный не собирался класть солдат просто так. И не стоял у него сейчас над душой генштаб, и не разрабатывали планы операций люди, которые не знали обстановку на фронте, а войну последний раз видели лет сорок назад. И то сказать – на картинках!

Генералы у Петера были такие, что их бы врагам загнать! Даже с доплатой! И – жить спокойно. Эти что хочешь угробят и кого хочешь.

Сейчас Антон разрабатывал все сам. И план на нем, и война, и ответственность... и пусть! Он справится! Обязан!

Каждый солдат должен понимать свой маневр. А потому были проведены учения. Было разъяснено всем и каждому, и их место, и их действия. И солдаты старались. Те, кто живет рядом с Ферейскими горами многое могли припомнить.

Сожженные дома, уведенных людей, убитых близких... да и тот же украденный скот?

Ерунда?!

А ты прокорми мальцов-то в зиму! Без коровушки! Пару детей похоронишь – тогда поймешь.

Аул был окружен со всех сторон. А в качестве «приветствия» на площади взорвали петарду. Боевой заряд Валежному жаба не подписывала расходовать, а фейерверков для торжественных случаев запас был. Пусть и польза будет.

Если кому-то случалось кинуть мышь в комнату с десятком дам... вот, это там и началось.

Беготня, крики... пара выстрелов прозвучала, но как-то вяло и неуверенно. Обычно ферей ходили в набеги. И не привыкли, чтобы приходили К НИМ. Валежный собирался сломать стереотипы... он ведь предлагал! Если бы Петер его послушался... но видите ли – это негуманно!

А своих людей хоронить, понятно, очень гуманно! Мировая общественность одобрит!

И ведь действительно – одобрит! Чем Русине хуже, тем им, сволочам, лучше! Подарить бы им фереев! Вывезти – и высадить в Ламермуре! Вы их хотели?

Расхлебывайте!

Любите, целуйте, цивилизуйте под себя... а куда это вы убегаете? Такое предложение – и вам не нравится? А почему?

Фереи бегали и орали. Солдаты ловили их и сгоняли их в центр аула. Вежливо, никого даже не убили... пара пинков не в счет... и орать тут незачем! А то сейчас еще добавим.... До наступления тишины.

Особого сопротивления не было, все е, молодняк ушел в набег, там и полег. А те, кто постарше... у них другие инстинкты. Не кровь потешить, а семью сберечь. А тут же дети! Старики, женщины, за ними приглядеть надо, чтобы не затоптали в суматохе...

Валежный смотрел.

Да, вот в таком виде фереи ничем не напоминали гордых жителей гор. Скорее курятник, в который от души закинули с десятков хорьков. Конечно, женщин и детей жаль. Но... не он первый начал. Генерал откашлялся и выступил вперед.

- Несколько дней назад ваши люди напали на мое войско. Трусливо и подло, они пришли ночью – и ночь приняла их. Вот их оружие.

Повинуясь взгляду Валежного, два поручика вытащили плащ, развернули... на землю посыпались кинжалы.

Завыли женщины.

Кинжал у горца можно отобрать только вместе с жизнью... они все поняли. Только вот жалко их Валежному не было. Окажись в плену – и местные фурии мигом раздерут тебя на кусочки. Русинские рабы – здесь обычное дело. Только недолгое...

Года два, много – три. Больше эти несчастные не выживают.

- Молчать...

Голос был тихий, но бабы действительно замолчали, не успев загнать себя в истерику. Поняли – могут и огрести. Больно...

- Так будет с каждым, кто придет на нашу землю. А чтобы вы хорошо запомнили... Сидоров, начинай!

Мужчина с неприметным лицом, словно бы со стертymi чертами, кивнул и направился куда-то в сторону домов. Следом за ним несли тяжелый ящик солдаты. Даже покрхтывали от его веса. Но – терпели.

- Даю вам полчаса, чтобы убраться из селения. Любой, кто возьмется за оружие, будет расстрелян на месте. А селение я сейчас снесу с лица земли.

Шум, который поднялся вслед за этими словами...

Фереи выли, кричали, голосили... Валежный даже поверил бы их горю. Если б не знал, что в соседних селениях их примут с радостью. Найдутся родные...

Обязательно найдутся. И перезимуют... ну а кто помрет – судьба. Они русинов не жалели.

Шум не прекратился, но из толпы фереев вышел старейшина. Один из.

Некогда высокий, а сейчас сгорбленный от времени, опирающийся на палку, с длинной белой бородой, с умными и ясными темными глазами.

- Что мы можем сделать, тор, чтобы вы оставили нас в покое?

- Ничего, - отрезал Валежный. – Вы посылали отряды грабить и убивать. Вы жгли и разрушали наши дома, убивали и уводили в плен наших людей. Теперь все вернулось к вам. Творец справедлив.

Старейшина так явно не считал.

- Воин, ты мудр и справедлив. Не надо оставлять без крова детей и женщин. Сколько из них замерзнет? Сколько погибнет зимой без дома?

Валежный едва не расхохотался старому негодю в лицо.

- Старик, сколько жизней русинов на твоей совести?

- Я стар и готов ответить за свои грехи.

- Да неужели? А за грехи своих внуков? Правнуков? Тех, кого ты послал убивать и грабить? Или ты думаешь, что в предгорьях нет ни детей, ни женщин? Что в наших селениях живут одни мужчины? Что бы сделали твои внуки, услышав твои слова? От русина?

Что-что... да убили бы! Еще бы и помучили. И старейшина это отлично знал.

- Тор, возьми наши жизни, но пощади селение!

Валежный качнул головой.

- Ваши жизни и так принадлежат мне. Слушай мой приговор, старик. Вы приходили на наши земли и убивали.

- Наши женщины...

- Рожали и воспитывали тех, кто грабит и убивает. А значит – виновны. Вы не думали о том, как будут жить наши дети. Вы жгли и резали, вы уводили в рабство и убивали. Теперь мое право и моя воля.

Ваши жизни принадлежат мне. И я возьму за них выкуп. Все мужчины вашего селения, от шестнадцати и до пятидесяти будут расстреляны.

Валежный хладнокровно переждал поднявшийся вой. И аккуратно очертил условия.

- Я могу взять выкуп. Скот и золото. Это вы ценили в набегах? Это я возьму за жизни ваших сыновей. И тогда в землю лягут только старейшины родов. А остальные уйдут. Я дам вам теплую одежду, дам ослов, чтобы скорее добраться к родным. Можете взять несколько коз – для детей. Остальное – останется. У тебя двадцать минут, чтобы принять решение, - и Антон Андреевич демонстративно поглядел на часы.

Старейшина оказался далеко не дураком.

Пару минут он колебался, не упасть ли на колени, потом понял, что их селение попросту выбрано наглядным примером, и принялся орать на соплеменников.

Валежный различал отдельные слова.

Взрыв... дети... золото... быстро... скот...

Все же старейшин фереи слушают. Получаса еще не прошло, как площадь опять была полна народом, только уже одетым. И со скотиной, да. Коровы, козы, даже куры...

Еще час потребовался, чтобы отогнать все это человеческое стадо на безопасное расстояние.

Картинка...

На фоне черных гор и белого снега, на снегу, несколько человеческих фигур. Старики, мужчины покрепче...

Отдельно – скотина. Пойдет в котел и на пропитание.

Отдельно, кучкой на снегу – трофеи. И неплохие такие трофеи. И денег приличная сумма, и золото... русины, плюнув на все ферейские обычаи, по которым видеть женщину простоволосой - позор, попросту обыскивали и баб, и детей... что-то, конечно, пропустили, но все равно золота набралось много.

Награбили...

Прозвучал выстрел.

Белый снег окрасился алым, заголосили женщины... тот самый старейшина, оставленный Валежным в живых – пример, торы, только пример для других, только указание на то, что станет с врагами, смотрел на эту картину мертвыми глазами.

Сегодня умер его род.

Останутся осколки, останутся люди, но они войдут в другие кланы. Иначе им не выжить... ядра уже нет. Сегодня Валежный его попросту уничтожил... уж лучше бы убил.

Но даже смерти старик не мог себе позволить – кто будет заботиться об оставшихся в живых? По морщинистому лицу катились слезы, застывали льдинками в бороде, дрожали губы...

Расплата наступает – всегда.

Взрыв селения был первым в этой войне. Но – не последним, далеко не последним...

Солдаты уходили, провождаемые ненавидящими взглядами. Но Валежному было плевать.

Грехом больше, грехом меньше... вот выкинуть их в чем мать родила на снег – это да, это было бы убийством.

Сейчас они тепло одеты, они даже взяли с собой оружие – правда, только холодное, огнестрел Валежный забрал, еще ему не хватало оставить им ружья и ждать выстрела из-за куста... ведь обязательно какой-нибудь герой найдется.

Они забрали с собой скотину. Да, далеко не всю, но осликов, все равно их есть нельзя. И нескольких коз. Будет, чем прокормить детей.

А Валежный выгреб достаточно средств, чтобы какое-то время кормить войско. Скотина на мясо, фураж на прокорм коней, да то же самое оружие! Это уж не говоря про деньги, про снятое с баб золото... надолго не хватит, но война ведь должна быть выгодной? Значит, надо воевать дальше.

Дойти до других селений?

Жить захотят – дойдут. И детей дотащат. Их в рабство не уведут, русинам хуже приходилось. Когда ИХ уводили в рабство.

Зимой, по снегу, босиком... не доводилось? Отморозил ноги? Хозяину плевать! Ненужного раба, раба, который не работает, попросту пристреливают. Чтобы не тратил ресурсы.

Добрые и благородные фереи, которыми так восхищались в салонах... тьфу!

Валежный бы полцарства отдал за ответ на вопрос. Почему как «утонченные» и «образованные», так восхищаются мразью, которая воюет против их страны? В морду бы их всех!^[10]

В морду!

Утешало одно.
Освобожденцы это обеспечат.
Даже от глистов, говорят, польза есть. А чем освобожденцы хуже?

Русина, Звенигород

Жом Тигр с отвращением посмотрел на черную кляксу. Та растеклась по листу, откровенно напоминая жирного гадкого паука.

Сволочь.

Кругом одни сволочи.

Чем дальше, тем больше мужчину... нет, не коробило. И не в таком дерьме привык копать. А вот достать пистолет и перестрелять всех хотелось. Просто мечталось...

Чтобы у всех третий глаз открылся!

И у Пламенного – в первую очередь... с-собака страшная!

Реквизиции!

Конфискации!!!

А сеять что? На следующий год? Ежели выгребают все, меры не зная?

Но Пламенного это не волнует!

Разорятся поместья торов? Замечательно! Пламенный потирает ручки и подсчитывает ценности, которые свозятся в Звенигород командой жома Урагана. Тигр отлично знал, что часть этих ценностей (поменьше весом, поценнее стоимостью) не просто свозится, они еще и на поезд грузятся. И будут отправлены в порт, а оттуда в Лионесс. Наголодался несчастный по ссылкам, желает кушать три раза в день, а не когда косточку кинут.

По слухам,, супруга Пламенного, жама Голубица (а в просторечии – Гулька, из-за прически) сейчас в Лионессе и находится. Обеспечивает мужу тылы, случись тому опять бежать.

Опять же...

Получится у мужа удержаться? Отлично!

Нет? Найдем другого мужа... и он тоже будет стремиться всех освободить и всех облагодетельствовать. Весь мир сразу и даром!

И чтобы никто не ушел обиженным...

Жом Тигр покосился в окно.

Яна...

Вспомнились слова – и вспомнилась девушка. Как она прищуривается, как улыбается, как качает головой... где-то она сейчас?

Сводки происшествий он все же отслеживал, но... у Яны был свой, достаточно характерный почерк. Ее нельзя было ни с кем спутать. И... либо ее не было в Звенигороде, либо она жила мирно и спокойно. В последнее жом Тигр откровенно не верил.

Яна – спокойно?

Хорошая шутка.

Не тот у нее характер, чтобы оставаться в стороне от событий... Хелла! Ну почему!? Почему он не в силах ее забыть!? Обычная ведь девушка!

Или – нет?

Жом Тигр не знал ответа. Но почему-то ему хотелось еще раз увидеть Яну. Еще разок... и дел по горло, и спишь по четыре часа в сутки, иногда и того не достается, и под смертью ходишь, а все равно.

Повидаться бы...

Хоть ты и вправду молись...

Но Освобожденцы уже сказали, что Творец – это выдумка. И Хелла – выдумка. И храмы ни к чему... поддерживать своих конкурентов они не желали. А то дай волю этим служителям культа – они все под себя подгребут, еще и освобождение благословлять начнут...

Так что – это всего лишь... как Яна сказала? Лохотрон? Забавно, но определение емкое...

Хелла, да что ж такое!?

Опять Яна...

Жом Тигр застонал и даже легонько (полировку было жалко) приложился лбом к столу. И тут же выругался.

Ага, биться головой – оно, конечно... и вдохновенно, и возвышенно... только вот лист с кляксой сначала бы убирать. А то... интересно, чем можно оттереть чернила с носа? И нужно ли? А то они едкие... отойдут только со шкуркой, а та пока еще отрастет.

Интересно, что хуже: нос черный - или он же, но красный? Может, подраться с кем?

Пойти и набить морду Пламенному. Ну, хоть помечтать!

Глава 7

Анна, Россия

- Хорошо тебе, у тебя юбка длинная.

- Кира, ты чудесно смотришься...

- Я не привыкла ходить, как чмо!

- В храм не ходят в короткой юбке, - надменно проинформировала Лиза. Да, ехать пришлось в одной машине, потому как дама нагрязнула с утра. И пожелала ехать «по-семейному». Правда, на Анну посмотрела, как на врага народа.

Ее высочество взгляд проигнорировала. Вот в Зараево – там ей было страшно. А эта девица... и что ты мне сделаешь? Рожу скорчишь?

Лиза, кстати, была одета в духе времени. Юбка, длинная. В обтяжку, и с разрезом сзади, а то как в ней передвигаться? Кофта глухая, с воротничком. Но полупрозрачная, так, что все было видно. Полу-видно. Словно под покрывалом тумана.

А черный кружевной платочек на ее волосах стоил явно, как жигули-шестерка. Анна могла это оценить. А еще, поскольку обувь не регламентировалась, Лиза нацепила умопомрачительные шпильки. Кажется, даже от какой-то невероятной фирмы... Анна так и не поняла, почему это важно. Ей лично было все равно.

Она – великая княжна, она останется княжной, даже если ее раздеть догола. И одежда ничего для нее не поменяет.

Для Лизы это важно? Пожалуйста... лично Анна надела простую юбку и блузку. Кира ворчала и пыхтела, но согласилась сходить с Анной в ближайший магазин, и там они выбрали подходящую одежду. То, что Кира сможет надеть и потом. Длинную джинсовую юбку на пуговицах, с кучей карманов, наклеек, заклепок... симпатично. Против джинсовых вещей в храмах ничего не имели. И против белых свитеров тоже. Довершила ансамбль белая дубленка, удачно обнаруженная в Кирином гардеробе. И платок на волосы.

Кстати, как объяснила Кира – мода эта пошла потому, что Библия писалась для другой страны. Для другого климата. А живи ее создатели в России – первые бы приказали бабам в штанах ходить! Чтобы не морозить размножалку. И толку с тех платков зимой? Шапки надо! Ушанки!

Анна пожала плечами. У них, кстати, такого не было. Храмы творца были намного менее формализованы... это же – Творец!

Он мир сотворил, а может, и не один, он планетами вертит, он людей создал... и после этого он бросит все дела и будет смотреть, в чем человек в храм ходит? Ну и самомнение ж у вас, батенька!

Не говоря уж о том, что мода на протяжении веков меняется, а в разных странах она и вовсе разная. В храмах Творца не регламентировали одежду. Могли не пустить пьяного – ты в каком виде к Творцу приперся!? Могли не пустить с похмелья, но одежда?! Везде свои игрушки...

Вот и ограда... а неплохо тут с утра молятся. Сплошные иномарки. В этом Анна тоже уже разбиралась с легкой Кириной руки. Да и Янина память помогала.

- Мы тут пока погуляем, - решила Кира.

- Может, попробуешь с нами сходить? Хотя бы на начало службы, а потом выйдешь, если не понравится?

Борис Викторович не стал бы спрашивать. Но Анна его вчера очень просила дать дочери выбор. И сказать именно так. Пусть девочка поймет, что она решает. Что все добровольно, а не принудительно. Тогда она сама пойдет.

И с Кирой провела работу – не отказываться сразу.

Не из-за церкви – Анне было безразлично, хоть она под землю уйди. С ее-то посвящением Хелле...

- Хорошо, я схожу, - согласилась Кира. И накинула на голову легкий газовый палантин. Анна даже залюбовалась. Легкая ткань окутала девочку голубой дымкой, сделала огромными глаза, подчеркнула свежесть красок юного лица... и рядом с ней Лиза вдруг показалась нелепой раскрашенной куклой.

Дешевой куклой.

Борис Викторович нахмурился. Анна ответила невинным взглядом, но подозревать диверсию мужчина не стал. И направился в церковь.

«Девочки» висели на нем с двух сторон. Лиза что-то щебетала. Кира остановилась, перекрестилась... Лиза этого, кстати, не сделала.

Анна насмешливо улыбнулась. Пусть Кира поточит зубки.

Девочке нужен опыт, девочке нужно тренировать свои навыки – почему бы и не здесь? А сама Анна погуляет по аллеям, благо, рядом есть парк. Сидеть холодно будет...

Было еще темно.

Она медленно шла по дороге – и молилась.

За отца, за мать, за сестер. За Русину... она никогда ее не увидит. Но... вдруг ее молитвы будут услышаны?

Хотя Хелла ее наверняка слышит...

- Вы не заблудились?

Мягкий голос прервал ее раздумья. Анна повернулась.

- Добрый день...

- Здравствуйте. С вами все в порядке?

Анна пожала плечами, разглядывая неожиданную собеседницу.

Монахиня. Так это здесь называется. Среднего роста, крепкая, в черном платке и рясе. Рядом с ней вьется по снегу черная кошка. Гибкая, грациозная, с умной серьезной мордочкой... смотрит серьезными глазами. Не шипит. Но Анна не сомневалась – *видит*.

Кошки – мудрые существа.

- Добрый день. Да, спасибо.

- Вы не идете в храм. Хотя выглядите... соответственно, - подобрала подходящее слово монахиня.

- Мне нельзя, - коротко ответила девушка.

- Это... бывает. Но Господь милосерден. Вы приехали с кем-то?

- Со спутниками, - согласилась Анна.

- Жаль, что вам сейчас нельзя в храм. У нас чудесная роспись. И иконы есть древние, намоленные. Еще пятнадцатого века. Вам наверняка понравится.

Анна вздохнула.

Она бы с удовольствием. Но...

- Мне нельзя.

- Возможно, вы приедете к нам еще раз, - предположила женщина.

И столько участия было в ее лице, столько... добра! Есть люди, которые лезут тебе в душу, и делают это из любопытства. По углам пошарить, коврики всем на обозрение вытрясти...

Есть люди, которые пытаются помочь. Не всегда ведь можно разобраться самому, иногда под ношей тяжелой и падает человек на колени... ну не под силу женщине разобрать на кирпичики гараж, разве что взорвать его к чертям!

Вот, сейчас Анне предлагали именно такую помощь. Поддержку, участие... выговориться – это немного? Смотря как и для кого. Для Анны так очень много.

Она не привыкла быть одна.

Раньше рядом с ней были мать и сестры, потом Илья, потом опять родные, а сейчас...

Сейчас – никого. И Анна чувствовала звенящую пустоту – не спрятаться, не скрыться... и никому не открыться. Кире?

Отцу? Сыну? Ни на кого она не взвалит этот груз. Да никто ей и не поверит.

И даже сейчас...

- Мне нельзя в храм потому, что я посвящена другому богу. И я не знаю, как она отреагирует на мои молитвы.

Монахиня чуточку нахмурилась.

- Вы не христианка.

- Нет.

- И поэтому не заходите в храм.

- Верно.

- Но вас крестили?

Анна подумала пару минут. Обряд имянаречения над ней проводили, но вряд ли это считается крещением.

- Я некрещенная.

- Вы не русская?

- Русская.

- Что ж, бывает и так. Но вы не кажетесь счастливой в своей вере?

Подмечено было точно. Анна вздохнула.

- Меня не спрашивали, когда выбрали. Но согласилась я осознанно. И ношу взвалила на свои плечи осознанно...

- Вот даже как. Что ж. Каждому дается крест по силе его. И по вере его.

- Может быть, - Анна обхватила себя руками за плечи. Пальто, хоть и было теплым, но холод жил внутри. Там, где ровно и уверенно билось сердце, которое должно было замереть еще осенью.

- В этом нет ничего страшного. Просто надо верить. Как сказал один мудрый поэт – идти вперед, любить и делать дело, себя не оставляя на потом. [11]

- Это мудрый человек.

- Это в чем-то мудрый человек, в чем-то мирской, это жизнь, - грустно улыбнулась монахиня. - Так бывает. Жизнь во всем ее многообразии и вдохновенной прелести событий плохо поддается подсчетам.

- Вдохновенной прелести... к сожалению – так бывает не всегда.

- Всегда. Бог сотворил этот мир любовью, и им движет любовь.

- Меня убивали без любви, - вырвалось у Анны. И она тут же прикусила язык. Но – поздно.

- Вы живы.

- Убить меня пытались всерьез. И то, что я выжила, это не моя заслуга. Скорее, так получилось...

- Иногда случается так, что мир ополчается против тебя. Но это не потому, что мы плохи, или плох мир. Так уж получается... нам не постигнуть замысел Творца.

- Когда меня убивали, болело у меня, а не у Творца, - резко сказала Анна. И даже удивилась себе. Она ли это?

Она...

- Бедная девочка.

И сказано это было так....

Анна не выдержала. Развернулась, уткнулась в черную рясу – и разревелась, чувствуя, как теплая ладонь гладит ее по волосам. Никогда у нее не было бабушки. Вот и не знала она, как это... А сейчас – была.

А матушка Афанасия гладила по волосам несчастную уставшую девчонку, и думала, что уши бы пообрывать ее родителям.

Ребенок должен всегда прийти к тебе со своей бедой, как и ее дети приходили. И внуки.

Иначе – какие же вы родители?

* * *

Кира честно дотянула службу до конца. Хотя и было ей откровенно скучно. И примерно с половины действия она из храма выглянула. Анну не нашла, но решила не звонить – и вернулась в тепло. Устроилась за колонной в темном закутке, и активировала телефон.

Поиграем!

Квесты девочке нравились.

И бродилки. А вот стрелялки не совсем то... на любителя. Не на нее...

А еще ей нравились игры на логику. Собрать шарики, отгадать слова, sudoku тоже – интересно... только эти игрушки она никому не показывала. Не круто!

Засмеют!

Но поиграть-то можно?

Еще бы рекламой их не портили...

* * *

Анна сидела в маленькой келье и пила чай.

Темно-коричневая жидкость приятно пахла чабрецом душицей и медом.

- Варенье клюквенное, - посоветовала матушка Афанасия.

Девушка отправила в рот ложку.

- Благодарю вас. Очень вкусно.

- Лучшая благодарность – съеденное варенье. И плюшки.

- Я попытаюсь, - улыбнулась Анна. – Вы сами пекли?

- Я, конечно. Я в миру поваром была...

- А варенье?

Анна не отказалась бы от рецепта. Нежнейшая сдоба таяла на языке, варенье растекалось пикантной кислинкой...

- Внучка прислала.

- Внучка?

- Тебя это удивляет?

- Ну.... Да, мне казалось, что в монастырь идут те, у кого семьи нет...

- Не всегда. У меня семья есть, и детей своих я люблю, и внуков. Просто так было нужно. Чтобы я ушла и молилась за них. Чтобы они были счастливы.

- Они вас любят?

- Очень. И я их тоже. Но так было надо.

Анна почувствовала определенное сродство с этой женщиной.

- Это было... больно?

- Рожать тоже больно. Но мы идем на это. И идем с радостью... у тебя ведь тоже есть дети? Верно?

- Сын.

- Как его зовут?

- Георгий.

- Хорошее имя. Он крещенный?

Анна подумала пару минут. Память Яны подсказала ответ. Да чтобы коммунисты внука крестили?

- Нет...

- Ну и пусть. Бог все видит. Я помолюсь за него.

- Я не могу вас об этом просить.

- А и не надо. И так все видно. И что тебе тяжело, и что не по доброй воле ты во всей этой ситуации оказалась, и что помощь тебе нужна. Чего тут удивительного?

- Ничего.

- Я не в миру сейчас. Но помолиться за тебя могу. И за твоего сына. Родители у тебя живы?

- Отец.

- А мать?

- Я ее даже и не помню. Она нас бросила.

- И такое бывает. Как их зовут?

- Петр и... Алина.

Анна плюнула, и решила назвать настоящие имена своих родителей, Вдруг да и поможет чем эта молитва? А вдруг?

Если есть Хелла, то есть и все остальное. Анна теперь не сомневалась.

- Петр и Алина. Георгий и Анна. Я помолюсь за вас. А отец есть у твоего сына?

Анна хмыкнула.

А вот об этой ситуации она рассказать могла. И рассказала честно.

Монахиня молчала.

Запрыгнула на колени Анне черная кошка, замурчала. Анна машинально погладила ее.

- Красавица... у меня кот.

- Багира, - подсказала имя монахиня, и опять ушла в свои мысли.

Анна принялась чесать кошку под подбородочком.

Наконец женщина обдумала мысль и кивнула.

- Тебе сложно придется, Аннушка. Тут и пожалеть бы бабку несчастную, она ведь, считай, сына потеряла. Если внуков искать начала, да еще так – наверняка там все плохо. Да только и жалеть ее нельзя. Есть такие люди, привыкают людей гнуть, идут по судьбам, что комбайн по полю, а останется ли что вслед за ним – и неважно! Ты ее сейчас пожалеешь, а она тебя потом – нет. Потому как нет в таких людях жалости.

- И что мне с ней делать?

- Только одно. Показать, что ты не слабее.

Анна хмыкнула.

Она – не слабее. И могла это показать в любой момент. Только вот оживлять мертвых она еще не научилась.

- Надо подумать...

- Подумай. Ты девочка неглупая, сильная. Ты справишься, это видно. А понадобится кусочек тепла – приходи. Еще чайку налью. И варенье у меня есть. Вишневое.

- Ну, если вишневое...

Анна улыбалась, но ей было уже намного легче.

Что еще надо?

Да вот это!

Чья-то поддержка. Чья-то рука рядом. И ощущение, что ты не одна, что тебя поняли... что ты сильная, что это знают. Этого – достаточно!

- Спасибо.

- Побереги себя. И сына побереги. И приезжайте вместе, я рада буду.

- Обещаю, - сказала Анна.

Почему бы и правда не приехать? Здесь и сейчас ей стало легче.

Матушка проводила Анну до храма. Сама заходить не стала, благословила девушку и пошла обратно. Рядом с ней черной тенью скользила кошка.

Анна вздохнула.

Сталин ее не то, чтобы признал...

Он скорее, считал ее заменой хозяйки. Не настоящей Яной, котов не обманешь, но временным заместителем. Приходил кушать, приносил добычу, но настоящего кошачьего доверия не показывал.

Может, со временем?

Служба как раз закончилась, и Кира вылетела из дверей одной из первых.

- Аня! Я чуть со скуки не сдохла! Наконец-то!

Анна улыбнулась.

- Не сдохла же... смотри, что у меня есть?

И вытащила из сумки маленький переносной аккумулятор.

- Телефон не разрядился?

- Аня, я тебя люблю!

Кира тут же подключила сотовый к зарядке, и довольно улыбнулась. Так-то... а то двадцать процентов – курам на смех! О, кстати, о курах...

- Такое ощущение, что мне душу промыли! Я вся такая чистая...

- Сунули в унитаз и спустили воду, - проворчала Кира. По счастью, Лиза ее не услышала. Борис Викторович мужественно сдерживал зевок. Выглядело это так, словно у него нервный тик.

- Предлагаю поехать позавтракать, - закруглилась дама с описанием своих ощущений.

Желудок Лизы, в подтверждение, издал соловьиную трель.

Борис Викторович посмотрел на Анну.

- Анна, а вы...

- Да, мы же договорились, - кивнула девушка.

- Лиза, поехали к нам домой. Вкуснее тебя нигде не накормят.

- Да неужели? – сморщила нос дама.

- Обещаю, - кивнул Борис Викторович. – Едем.

- Может, в «Настурцию»?

- Поверь, их повару до нас, как до Китая.

- Боречка, ну если ты так считаешь, - недовольно протянула Лиза.

Ее лишили возможности покрасоваться и рассказать знакомым о своих

ощущениях. С другой стороны, она и потом может заехать, выпить чашечку кофе. Сейчас, все же, рано. Вот, к полудню как раз все друзья и выползут...

Кира и Анна переглянулись.

Что ж, теперь надо было не ударить в грязь лицом.

* * *

Анна еще вчера использовала эту ситуацию, обучая Киру. Есть такие заготовки, которые знает любой хороший повар. Чтобы довести их до ума, надо заправить соусом, дорезать два-три ингредиента, сунуть в духовку на пару минут...

Вот это они с Кирой вчера вечером и творили.

Сейчас Анна просто красиво разложила заливное из индейки, красиво оформила его оливками, зеленью и овощами. Добавила салат из картофеля и кресс-салата, и пока Кира относила его на стол, осмотрела огурцы. Ну, для салата из огурцов с прованским соусом, их бы часок подержать в воде. Но она их вчера уже вымачивала, так что сегодня можно просто нарезать и заправить. Это быстро.

Как раз Кира сервирует стол и отнесет туда сладкое.

Желе Борис Викторович не слишком любил, а вот муссы ему нравились. Две штуки, на выбор. Мусс лимонный обычный – и с клюквой.

Анна оглядела салатницу с огурцами и улыбнулась.

Вот так...

Не слишком обильный стол, ну да что поделать? Если готовить правильно, она бы тут развернулась! Но и сейчас...

Их повар был бы рад, что его труды не пропали даром. Готовить он девушек научил.

Лиза посмотрела на салатницы с сомнением.

Потом положила себе ложку, попробовала... И забыла про все диеты. И про сервировку, и про Киру с Анной, и про хорошие манеры – локти у нее в сторону были отставлены вовсе уж некрасиво. Анна взглядом показала на это Кире, девочка понятливо кивнула.

Ей Анна пару раз книги под локти предлагала. Чтобы не растопыривалась на половину стола.

Минут двадцать за столом царило молчание. Потом Лиза наелась и отвалилась, словно сытая пиявка.

- Уфффф! Боря, твоя кухарка – сокровище.

- А это не кухарка, - развеселился мужчина. – Это Аня учит Киру.

- ЧТО!?

Лиза открыла рот, став весьма похожей на рыбу. Кира едва не фыркнула, но потом вспомнила про хорошие манеры.

- Вас это удивляет?

Лизу это повергло в шок. Но... как об этом скажешь?

- Вы оканчивали что? Не кулинарный техникум?

- Нет.

- Я не знала, что у нас в лесу так готовить учат.

- У вас - не знаю. У нас – учат, - отрезала Анна. – Кире полезно получить некоторые навыки быстрого приготовления вкусных блюд.

- Быстрого?

- Организовать завтрак или обед, красиво сервировать стол, уметь приготовить вкусное блюдо из небольшого набора продуктов, более того, вести хозяйство – что в этом плохого?

- Ничего.

Анна мило улыбнулась.

- Кира, солнышко, налей нам всем компот, пожалуйста.

- Компот?

- Попробуйте.

Персиковый компот произвел впечатление на Лизу. Девушка вздохнула – и все же нашла к чему придраться.

- Если так есть каждый день – в дверь не пролезешь.

- Не ешь. Нам больше достанется, правда, пап?

Кира откровенно фыркнула. Лиза нахмурилась.

- Анна, а почему вы не пойдете в кухарки?

- Потому и не пойдет. Кому ж охота в дверь не пролезать, - припечатала Кира. – И вообще Аня моя! И мы ее не отдадим!

Лиза сморщила носик. Ругаться после сытного завтрака ей не хотелось, но она бы нашла, что сказать. Обязательно. Если бы не...

- Мау!

Кот Сталин решил выступить на сцену. Вальяжно прошествовал к Борису Викторовичу, запрыгнул на соседний стул и уставился на человека. Желтые глаза сияли, усы топорщились...

- Держи.

Анна покачала головой. Но ругаться не стала. Кот всегда останется котом, и подкармливать его будут. На том земля стоит.

А вот Лиза не оценила.

- Это еще что за гадость!?! Уберите кошку! Она вся шерстяная!

Кот съел кусочек заливного. Посмотрел на глупую женщину. Вздохнул, прыгнул со стула и вышел из комнаты. Лиза выдохнула и на секунду расслабилась.

На секунду.

Вернувшийся кот положил к ее ногамдохлуюмышь и вопросительно посмотрел. Теперь, человек, ты понимаешь, какой я полезный?

Увы.

Лиза все равно не оценила. И вылетела из столовой с визгом. Борис Викторович вздохнул, вылез из-за стола и направился за девушкой. Но ругаться не стал. За что? Кот поступил, как настоящий мужчина, добыл продукт – угости самку! Что он честно и сделал. Кира только головой покачала.

- Зря продукт перевели. Иди сюда, кис, я тебя хамоном угощу! Добытчик ты наш! Охотник!

Анна готова была поклясться, что кот склонил голову, одобряя слова девочки.

Вот!

Хоть кто-то из людей не безнадежен! И правильно понимает кошачью роль в истории человечества!

Яна, Русина.

После этой поездки Яна решила, что навсегда возненавидит велосипеды.

А заодно – Луи Буссенара.

И как это у него герои так легко на них ездили?

Ладно, ей тоже жаловаться грех, она прекрасно преодолевала расстояния. Ночевала, где придется, с утра выезжала, крутила педали... поломок было на удивление мало, да и с теми она прекрасно справлялась с помощью гаечного ключа и чьей-то матери.

Но – блин!

Где-то она ехала на велосипеде, а где-то и он на ней. Через некоторые колдобины и на танке-то не враз проедешь... с-сволочи!

Чтоб вас по таким направлениям мордой возили! Да почаще, почаще....

Но обычно Яна была не в претензии. Основную грязь подморозило, да и спорт не давал замерзнуть. Опять же фигура...

Даже если ей через год помирать – это не повод отожраться. А то так понесут тебя, а дно у гроба и вывалишься! Или у кого-нибудь спины сломаются... запросто!

Нет, не надо нам такого!

Но сейчас Яна была довольна. Дорога ровная, колеса крутятся... телега впереди?

Догнать?

Почему бы – нет?

Яна поднажала на педали, благо, крестьянская лошадка не скакала, а скорее, трюхала по дороге.

Крестьянин обернулся на шум, но дергаться не стал – куда от воза-то и от лошади? Яна подъехала поближе, и подняла руки, демонстрируя, что не опасна.

Ну.... Не собирается быть опасной.

- День добрый, жом.

- И тебе добрый, жама, коль не шутишь.

- Чего шутить-то? Еду, вот, с хорошим человеком разговариваю...

Яна в крестьянине ничего удивительного не видела. Самый обыкновенный экземпляр, таких она и дома навидалась. Тулуп, шапка, теплые штаны, валенки, подшитые кожей. Борода окладистая, лицо смышленное, хитроватое...

Лет пятьдесят мужчине, по деревенским меркам – еще не старик, но близко к тому.

- Чего ж и не поговорить, жама. Как звать-то вас?

- Яна. Воронова. А к вам как обращаться, жам?

- Петром именовали. Как анператора.

- Хорошее имя, - одобрила Яна. – А по батюшке?

- Савельич я.

- Петр Савельевич, значит. Рада знакомству. Далеко ли путь держите?

- Домой еду. Сено в город возил, продал избытки, вот, домой еду...

Яна кивнула.

- Не опасно сейчас, жом?

- Всегда опасно, жама. А только хозяйство поднимать надо, это дело такое. Руки сложишь – ноги протянешь...

Яна кивнула.

Это верно, крестьянам не забалуешь. Что-то она слышала про три способа разориться. Быстрый – рулетка, приятный – бабы, а самый верный – сельское хозяйство. Тут на печи не посидишь. [12]

- А я к сыну еду.

- К сыну, жама?

Яна не видела смысла скрывать правду.

- Он сейчас у тетки, в поместье Алексеевых...

Лицо мужчины помрачнело.

- Ох, тора...

- Жама, - с нажимом поправила Яна.

- А все одно... вы не слушали ничего?

- Чего я не слышала? – насторожилась Яна.

- Говорят, поместье Алексеевых разорили. И Измествевых, и Сайдачных, и...

- Разорили?

Яна почувствовала, как в груди поселился колкий кусочек льда. Петр вздохнул сочувственно, и принялся рассказывать, не выматывая душу.

- У меня свояк живет на Измествевской земле. Так он рассказал, что приехали люди, освобожденцы энти, что они с Измествевыми сделали – сказать страшно. А потом к Алексеевым отправились.

- Иван Алексеев, жена – Надежда, сын – Илья, дочь – Ирина, - мертвым тоном перечислила Яна. А вдруг это не они?!

Ну вдруг?

Петр кивнул, убивая все ее надежды.

- Так, то... жама. Их, говорят, всех и положили. И поместье подожгли.

- Всех?

- Всех господ. Жама!!!

Яна медленно сползла с велосипеда.

Руки и ноги не слушались.

Гошка!?

Ее сын!?

ЗА ЧТО!?

Из груди рвался темный звериный вой, она давила его, как могла, суетился рядом испуганный Петр, мок в луже велосипед, и неизвестно, чем бы оно закончилось, если бы...

- А мы тебя уж и догнать не рассчитывали!

Трое мужчин.

Сытые, довольные, на хороших конях...

Морды наглые, одежда теплая... явно не голодают и не бедствуют. И мчались во весь опор... Мародеры?!

Грабители?!

Судя по тому, как сжался рядом с ней Петр – да.

Один из мародеров, самый наглый, спрыгнул с коня. За ним последовал второй, перехватил поводья, третий пока сидел в седле.

- Да тут еще и девка! Ишь ты... значит так, борода. Деньги давай сюда! И лошадь тебе ни к чему.

Яна медленно подняла голову.

Вот, значит, как?

Мародерим по дорогам? Робингудствуем?

Отчаяние куда-то исчезало, вытесняемое холодной, зловещей яростью. И желанием отыграться хоть на ком. К примеру, на этих человекообразных.

- Девка, говоришь? – насмешливо поинтересовалась Яна у живого мертвеца. Вот ведь какой разговорчивый попался... непорядок! У нас тут вуду нет, а значит, надо негодяев аккуратно разложить по могилкам. Нечего им шляться.

- Ишь ты, какая разговорчивая, - от молодчика разило луком и нечищеными зубами. Яна даже в лицо ему не смотрела – зачем?! Стоит ли вглядываться в будущий труп? – Ну, снимай штаны и лезь на телегу...

Яна рассмеялась ему в лицо.

Куда и отчаяние делось. Она медленно притянула к себе мужчину, словно собираясь поцеловать – и шепнула в самое ухо.

- Умри. Во имя Хеллы.

Тело дернулось, обмякло, и под его прикрытием Яна послала две пули в двух других бандитов.

Ну, и попала, конечно. Одному в голову, второму в грудь... лошади взвились на дыбы и наверное разбежались бы, но Петр действовал на автомате.

Перехватил коней, удержал, успокаивающе заговорил... третий подонок еще был жив, еще тянулся за оружием... вот, позорище!

Промазала! Не наповал!

Тьфу! Стыд-то какой...

Яна спихнула с себя труп – и добавила вторую пулю. Перехватила лошадь под уздцы, тоже принялась успокаивать – помогло еще, что револьвер был хороший. Выстрелы не хлопали, а звучали приглушенно.

- Развелось уродов.

Петр посмотрел на нее с ужасом.

- Тора, вы...

- Да успокойся. Не трону. Но убираться отсюда надо, явно ведь тебя поджидали...

- Сволочи, - коротко сказал несчастный забитый крестьянин. И метко плюнул рядом с трупом. Кажется, хотел на труп, но передумал...

Яна поняла, почему, когда Петр вручил ей лошадей и развил бурную деятельность.

Ее он о помощи не просил, а сам сноровисто раздел мертвецов. Тела стащил в канаву неподалеку, прикрывать не стал - к чему? Снег пойдет – прикроет. А так... с маскировкой сейчас плохо, кто захочет – найдет.

Одежду покидал в телегу, коней привязал к задней перекладине.

- Тора, может, положите свой... сапед, да и сами присядете?

- Жама, Петр. Жама Яна.

- А хоть бы и так. Жама Яна, вы в Алексеевку все одно поедете?

- Да.

Яна и не сомневалась.

А ведь правда, Хелла дала ей год – зачем?

Найти сына. Если она еще здесь, значит, Гошка жив. Мало ли как бывает, мало ли что и кому сказали! Оно, вон, и император померши. С семьей. А она жива, здорова и жизнью довольна, так-то!

И благословение богини действует.

И сына она найдет. Обязательно! Не может быть так, чтобы дети умирали! Особенно когда мамы их ищут! И точка!

- Жама, может, вы меня до места проводите?

- До какого? – поинтересовалась Яна, думая, что крестьянский принцип: «дайте попить, а то переночевать не с кем» тоже во все времена действует. И во всех мирах.

- Так до Матвеевки. А оттуда до Алексеевки через лес аккурат два дня пути.

- Хм...

- И я сына попрошу вас проводить.

Яна подумала пару минут.

По дорогам, по ее прикидкам, ей было ехать еще неделю. И плюс – определенные неудобства вроде тех, что в канаве лежат. Трать на них патроны, на сволочей! Хоть бы с собой что приличное возили, а то не оружие – хлам один! Только крестьян пугать!

- Далеко до вашей Матвеевки, жом?

- Так два дня, жама.

Яна махнула рукой.

- Ладно, провожу.

Она подозревала, что добраться можно быстрее. Но надо ж дороги знать! Или хотя бы компас плюс карта! Ну хоть бы что!

А с дури в незнакомый лес соваться... это она больше времени потратит. Ладно!

Авось, ноги не отвалятся, проедется она до Матвеевки. А уж оттуда и...

- Спасибочки, жама...

- Да не за что пока. Только Петр Савельич, просьба у меня.

- Какая, жама?

- Кони, одежда, оружие – все твое. Но припасами ты меня обеспечишь. Последнюю луковицу без хлеба доедаю.

Жом расплылся в улыбке.

- А то ж, жама! Коли не побрезгуете!

Яна посмотрела на него, как на больного. Мужчина уловил – и перестал манерничать.

- Ну тогда влезайте на телегу. У меня курочка есть копченая, в дорогу взял. И на ночлег остановимся, я похлебку сварю. Пальчики оближете!

- Ловлю на слове.
Яна взгромоздила велосипед на телегу.
Вперед! В Алексеевку!

Свободные Герцогства.

- Молодец.
Стас кивнул и вышел из операционной.
Зинаида засветилась так, что напарница хмыкнула.
- Ты успокойся, а то бинты подожжешь.
Княжна не обратила на ее слова никакого внимания.
Станислав ее похвалил.
Станислав! Ее! Похвалил!!!

Кто никогда не работал в больнице, тот не поймет! Не ассистировал на операциях, не подавал инструменты – как можно быстрее, и так, как надо, чтобы врач все успел. И зажать сосуд, и зашить его, и перехватить пинцетом сухожилие...

Сегодня они чистили раны на ноге. Еще бы чуть-чуть, и гангрена началась бы.

Зинаида работала в госпитале не так долго, но... как же ей было... необычно? Непривычно? Странно? Страшно? Тошно?

Да, все это сразу.

А теще через кровь и грязь пробивалась шальная мысль.

А почему нет женщин-врачей? Она тоже хочет! Да, как бы это не выглядело, как бы неприглядно не смотрелось...

Она все равно была в восхищении. Как Станислав чистил раны, как перевязывал, как проводил ампутации... с того момента, как она закупила кучу всего для отделения и началась ее учеба.

Слово Стас сдержал.

Зинаида не знала, с кем он разговаривал, с кем договаривался, о чем, но на следующий день, когда она пришла в госпиталь, мужчина уже ждал ее. Протянул халат и шапочку, помог переодеться, показал шкафчик в раздевалке для медсестер. А Полкану лично ткнул пальцем в коврик.

- Сойдешь с него, блохастое чучело – побрею налысо.

- Р-ры, - ответил Полкан. Но на коврик лег и послушно ждал (спал) все время, которое Зинаида проводила в госпитале.

За Станиславом она ходила хвостом. Учила названия медицинского инструмента, сворачивала марлевые колпачки, щипала корпию, набивала ватные шарики, сматывала бинты, подметала в палатах... делала все, что сказали.

И училась.

И не злилась на мужчину. Действительно, озвереешь тут... еще кольцо, что ли, продать? Ведь ничего толком нет! А Станислав умудряется в таких условиях оперировать! И жизни спасти!

И ведь больница не из лучших, везут сюда...

Кого только не везут.

С этими мыслями Ида (и только Ида, Нини умерла в Зараево и была окончательно добита здесь, в герцогствах!) и вышла в коридор.

Только вот...

- Ах вы...

Матерщина лилась свободным потоком, образно и ярко!

Привезли, называется...

Потом Ида узнает, что по пьянке подрались двое идиотов. Что один пихнул второго, а этот самый второй так удачно налетел на ржавый штырь, что распорол себе бок. И поскольку был пьян, то и ходил так сутки. Пока не воспалилось... тогда уж притащили!

И налили для храбрости, а то ж!

Добрые люди, заботливые друзья! Настоящие!

И сейчас вот это красноречее, наглое, полупьяное, нависало над сестрой милосердия.

- Да я вас...

Что уж там сделала Берта? Или чего не сделала?

Ида раздумывать не стала. Огляделась.

Вот как не надо – тут всегда медбратья пробегают. То поболтать, то еще что... Стас им мигом работу находит, но ведь появляются! А сейчас словно все вымерли...

Пьяное чудовище замахнулось рукой на женщину.

Позади ахнула вышедшая из операционной Леона.

- Взять! – негромко скомандовала Ида.

Полкан размышлять не стал. И раньше бы кинулся, но ему же сказали – ждать! Он и ждал! Ему не говорили – охранять, это вообще

не его человек.

Он и не вмешивался. Лежал тихо, между столом и стеной, имитировал коврик.

А тут коврик словно взлетел. И оказалось, что у него есть масса. И зубы есть, которые ловко перехватили замахнувшуюся руку и вежливо сомкнулись. Пока – не до крови.

- Ой, - сказал матершинник.

- Гррррр, - сказал Полкан.

Разные языки не стали причиной непонимания. Наоборот, все мужчина отлично понял. Иначе почему под ним лужа начала расплываться?

- Что здесь происходит!?

Стас, легок на помине... видимо, выходил во двор. Была у него такая привычка, после операции пару минут простоять на свежем воздухе, просто прикрыть глаза – и постоять, помолчать. И чтобы никто не лез, не трогал, вообще на глаза в эти минуты не попадался.

В госпитале знали и относились с пониманием.

Вот, явился.

Ида вздохнула, и приготовилась получать трендюлей, как это называли в отделении, но не успела и слова сказать. Берта шагнула вперед.

- Жом Станислав, простите! Это пьяное чудовище меня попыталось ударить, а собака защитила! Иди сюда, хороший мой, дай я тебя поглажу...

Стас сморщил нос.

- Ладно. Тогда выгонять не буду. Что это за чудовище такое? Эй, ты! А ну отвечай, чего явился?!

- Бок болиииит, - проныло «оно» с пола. – И рука... собаками рабочего человека травите!

Стас насмешливо сощурился.

- А раз человек рабочий – вставай, давай! И не ври – крови на руке нет. Скажи песику спасибо, мог и в горло вцепиться. Или куда пониже, чтобы ты детей только пальцем делал.

Мужик побледнел.

- Да я...

Стас ответил каким-то выражением, которое прозвучало в рифму. Ида не поняла, что оно означает, и при чем тут голова, но сестры

милосердия захихикали.

- Давай, поднимайся. И в операционную, посмотрим, что у тебя там болит. Леона, за мной. Ида, успокойте свое чудовище. И пол вымойте!

Ида вздохнула.

- Хорошо, жом Стас.

- И объясните собаке – у нас так не поступают. В следующий раз пусть загрызает насмерть! Кровь ототрем, труп отдадим родственникам, - добил Стас, и скрылся в операционной, куда проследовал и побелевший скандалист.

Ида фыркнула и погладила Полкана.

- Ты мое солнышко, ты моя умничка... так их всех!

- Ида... спасибо.

Берта.

Ида посмотрела на коллегу по работе. Нельзя сказать, что сестры милосердия приняли ее с распростертыми объятиями. Так...

Шляются тут всякие, ни толку, ни проку... а ее учи! Время трать, силы... еще и шавка тут!

Еще и жом Станислав этой пигалице внимание уделяет!

А он ведь мужчина! Неженатый! Доктор... читай – объект охоты. И тут такое...

Так что шипели сестры милосердия на Иду, не принимали в свой круг, пакостей не делали, но это пока. А тут вдруг... признали. Зинаида улыбнулась – и тоже сделала шаг навстречу.

- Все в порядке. Ты в следующий раз меня не жди, сама командуй.

- А он послушается?

- Конечно!

Ида в этом сомневалась, но – кто знает? Что собаки умнее многих людей, она уже на своем опыте убедилась. Ей-ей, половина императорского дворца была тупее, чем Полкан. А вторая если и не тупее, то точно не намного умнее. И кто мог бы подумать, что в собаках столько благородства, воспитанности, обаяния?

Это не придворные моськи, это – Полкан! И этим все сказано.

- Спасибо. Можно его погладить?

- Конечно. Полкан, свои.

Берта принялась гладить барбоса. Ида вздохнула – и пошла за ведром и шваброй.

Что ж, сломанный лед в отношениях стоит небольшой уборки. Не так ли, торы?

* * *

У буйна и матершинника оказалось воспаление и нагноение. И в воспитательных целях жом Станислав чистил ему рану без наркоза.

Нельзя. На пьяного не подействует, сам виноват. А ждать, пока ты протрезвеешь – к тому времени поздно будет. Помереть можешь...

Пьяницу проняло.

Так что Стас безжалостно вычистил все «на живую», напугал дурака последствиями, выписал капли (запивать будешь спиртным – помрешь!), и выставил за дверь.

Обойдешься!

На моих сотрудников руку поднимать – и я тебя в отделении держать буду?

Скажи спасибо, ничего не сломал! А барбосу надо колбасы купить, что ли...

Хорошая собака. И хозяйка у него неплохая, чего уж там.

Станислав свои ошибки признавать мог. И Зинаида не стала для госпиталя обузой. Училась она старательно, что ей говорили – делала тщательно, с врачом не пререкалась, а что еще надо?

Еще и специальная успокоительная собака. Тоже плюс в копилку.

Так что оставляем их при госпитале. Пусть помогают.

Хорошая девочка. И симпатичная... так, это у него мысли не туда пошли. Но ничего. Работа быстро вернет их в нужное русло.

Что там у нас? Ампутация?

Вот и отлично.

Но колбасу Полкану Стас все-таки купил.

Анна, Россия

- ПАПА!!!

Анна плюнула на все, и повисла на шее у пожилого мужчины, выходящего из вагона.

И плевать, что это не Петер Воронов.

Не император.

Но – то же самое лицо. Те же глаза. Улыбка, фигура, и главное – взгляд.

Дочка моя...

Анна всегда была папиной дочкой. Вот и...

- Малышка, - Петр гладил дочь по волосам. – Повзрослела, стала совсем другой...

- Пап, я старалась.

Петр был в курсе изменений, которые происходили в жизни дочери, Анна, хотя и без подробностей, сказала, что поменяла работу и имидж. Почему без подробностей!?

Потому как – лес и кордон. И чихать лесу на сотовую связь, спутники, джипиэс и прочие радости цивилизации. Хочешь в лесу разговаривать нормально?

Лезь на верхушку высокой сосны.

В противном случае докричаться проще, чем дозвониться. Поэтому общались отец и дочь в основном смс-ками.

Ватсапп? Контакт? Соцсети?

Сети – есть. С ними браконьеры по озерам шастают. И контакты случаются. И конфликты. И хендс ап. А со всем остальным - сложновато. [\[13\]](#)

На выход родные не торопились. Ждали, пока народ пройдет. Чего толкаться-то локтями?

- Я вижу. Красотка стала – хоть ты в Голливуд катись.

- Папа!

- Работодатель твой не пристаёт?

Анна покачала головой.

- Пап, ты что!? Борис Викторович чудесный человек. И тебя он в гости пригласил.

- Да?

- Мы с Гошкой пока проживем у него. Как Борис Викторович сказал, он бы и за дочь, и за внука беспокоился...

- И я беспокоюсь. Нашел, тоже, игрушки!

Анна покачала головой.

- Тут другое. У него дочь, как Маугли.

- С дерева не слазит?

Анна не удержалась от смешка.

- От жизни оторвана. Девчонке скоро замуж, а она не знала, как тарелку помыть! Привыкла, что всю жизнь одна, в элитной школе по пять человек в классе, и те – мажоры... а Борис Викторович жениться собирается.

- М-да...

- Пап, а ты жениться не хочешь? Ты же у нас молодой еще!

Петр едва не перекрестился.

- Ну уж – нет! А с чего тебя разобрало?

Анна опустила глаза.

- Ну... случись что со мной, Гошка один останется...

- А с чего должно что-то случиться? – прищурился Петр.

Анна опустила глаза.

- Тут... недавно так получилось...

История про мародеров, мародерку, убийство и поездку за добром была внимательно выслушана. И Петр подвел итог.

- Позвоню Сене. Пусть приедет, да посмотрит, тут, на месте, и дело сладим.

- Сеня... дядя Сеня – навар? – уточнила Анна.

- Ну да.

Память Яны легко подсказала нужную информацию.

Кого только в лесничество не заносит. В том числе – и антикваров. Семен Семенович Новорецкий как раз антикваром и был. Ну и евреем, да.

Только в Израиль его не тянуло, ему и здесь неплохо было. Ездил по району, договаривался, там – захоронение, здесь дома под снос, тут старушка, которая племянничку фамильные вилки завещала – хватало и на покушать, и на запить. При чем тут Петр Воронов?

Так лес же!

После Великой Отечественной в наших лесах на что только не наткнешься! Да и до нее, и после – сколько и кого по нашим лесам гуляло! Кому и наткнуться, как не леснику?

Постепенно договорились, подружились, и вот уже лет пятнадцать, как бы не больше, Петр подбрасывал Сене интересные находки. То костяные иглы, то какие-то монеты, то старое оружие...

Миллионов на таком не сделаешь, но чтобы дочку в город отправить учиться – вполне. Да и помогать ей время от времени –

тоже.

А почему навар?

Так маленькая Яна не могла произнести слово «антиквар». А слово «навар» - смогла. И поди ж ты, прилепилось! Намертво!

- А когда он приедет?

- Так сейчас и узнаем. У тебя ни одной фотографии нет? С твоей добычи?

Анна надула губы. Но телефон достала и потыкала пальцем.

- Сейчас перешлю.

Пискнул телефон Петра.

Потом сообщение улетело к Сене-Навару.

А через пять минут телефон затрезвонил так, словно из него живого платы выдирали.

- Слушаю?

- Петька!!! ГДЕ!!!?

Орал Сеня так, что его бы в Израиле без всякого телефона услышали.

- Где-где... ты вопрос неправильно ставишь.

- А как правильно? – опамятовал Сеня.

- Правильно – сколько.

- Ага... Давай я приеду, да при встрече и спрошу?

- Так приезжай. Сам добро и обратно повезешь.

- Не жалко, - отрезал Сеня. – Куда?

- Приедешь – позвонишь, - назвал Петр город. – В два дня уложишься?

- Завтра же прилечу. Ты это никому не показывал? Кроме меня?

- Нет.

- И не показывай. Я не обману, а куш хороший.

Петр пожал плечами, пообещал – и отключился.

- Кажется, ты что-то интересное нашла.

- Да и ладно. Решим. А меня Цветаева-мамаша нашла.

- О как!

Анна кратенько пересказала и эту историю. Петр нахмурился.

- Я с ней сам поговорю. Заречется лезть, куда не надо!

- Пап, не бери в голову. Если у нас деньги будут, можно и ту конуру на квартиру поменять, и можно даже в столице, эту продать, а там купить.

- А что?
- Гошка вырастет, учиться поедет – ему будет.
- А тебе?
- А я и так буду счастлива, - уверила Анна. – Было бы у вас все в порядке.
- Дочка, тебя точно этот бизнесмен не обижает? А то я его мигом в бизнес-хрен переделаю?
Анна ткнулась отцу в плечо.
Все же Яне повезло. И ей тоже повезло – здесь. Спасибо тебе, Хелла...
- Точно, пап. Давай вещи бросим в багажник, и за Гошкой?

* * *

Выписка – это быстро?
Официально она проходит весь день.
Придешь в восемь – отдадут ребенка. Придешь в двенадцать – отдадут ребенка.
В теории.
На практике для начала предстоит найти главврача. А он, зараза, носитя невесть где. И телефон у него не отвечает.
Потом разборки с медсестрами по поводу поцарапанной стены и порванного пододеяльника. С сестрой-хозяйкой - обязательно
Потом получение на руки всех документов... по идее их должны готовить заранее. По жизни – их обычно еще в день выписки допечатывают. А еще их надо подписать и лечащим врачом, и завотделением, и оба они в этот момент дематериализуются. Не человек, а призрак.
Получение рекомендаций и советов от врача. Тоже не минута времени...
Не было бы рядом с Анной ее отца – сорвалась бы ее высочество. И поубивала половину!
Приехали в больницу в десять. Уехали – в три. Это при том, что выписка вроде как до часу дня.
Гошка откровенно устал, сидел у деда на руках и не ныл просто потому, что сил не хватало. Роман посмотрел – и покачал головой.

- Так, поехали побыстрее, а то малец на заднем сиденье заснет. А его бы еще покормить...

Не заснул Гошка чудом. А в доме их встречала веселая и довольная Кира.

- Аня! - Повисла на шее, чмокнула в щечку, потом перевела взгляд на мальчика. – Привет! Ты – Гошка?

- Да....

- А в Марвела рубишься?

- Мне больше мир динозавров нравятся...

- А я там на сорок восьмом...

Дальше Аня ничего уже не понимала. Вроде как слова русские. Но – непонятные. А Гошка счастлив, это видно. Вот, что-то доказывает, достал телефон, тычет пальцем, Кира тоже достала свой айфон...

- Вы обедали? – вклинилась она в обсуждение какого-то дрона и ДНК.

- Нет еще, - задумалась Кира. – Пошли?

На входе в дом их встречала Роза Ильинична.

- Ой! Кто это тут такой замечательный?

- Меня зовут Гоша! – похвастался Георгий.

- И такой большой уже!

- Мне в школу скоро! Мне шесть лет уже!

- Скоро и в армию – серьезно кивнула женщина. Мальчик помрачнел.

- Меня не возьмут. Но мама меня и так стрелять научит, да, мам?

- Обязательно, – кивнула Аня. – Гоша, это Роза Ильинична...

- Бабушка Роза, - махнула рукой женщина.

Гошка улыбнулся. Ослепительно и сокрушительно, растапливая женские сердца.

- Бабушка Роза. Ой, Смайлик!

Вышедший навстречу кот был сграбастан в охапку и Гошка замер со счастливым видом. Котяра заурчал и принялся принюхиваться.

- Больницей пахнет, - поняла Анна. – Гошка, тебя надо кормить, отмывать и укладывать.

- Вот и займемся, - решила Кира. – Давай пять, пошли жрать!

- Кира!

- Что? Вас не кормим?

Все рассмеялись – и последовали за девочкой в столовую.

Глава 8

Борис Викторович вернулся к ужину. И как раз попал на момент прощания. Поскольку Петра никто остаться не приглашал, тот решил переночевать у Яны дома.

- Добрый вечер.

- Добрый, - прищурился Петр. – Яна, это и есть твой работодатель?

- Да, пап.

- Отлично. Я – Петр Воронов. Поговорим?

- Поговорим, - не испугался Борис Викторович. – Проходите в кабинет, Петр... меня вы уже знаете?

- Да.

Мужчины переглянулись и удалились в кабинет.

Анна и Кира тоже переглянулись.

Накормленный и усталый Гошка спал в Аниной кровати. А вот что им ждать от мужской беседы?

Дратся – будут? Или нет?

Анна махнула рукой и попросила Розу Ильиничну отнести в кабинет поднос с разными закусками. Заодно и посмотреть, что там происходит. В отца она верила.

Если порыться в памяти Яны, Петр Воронов и трех таких, как ее работодатель, сложить мог. В аккуратную кучку.

Но, как оказалось, ничего страшного не произошло.

Мужчины сидели – и разговаривали.

Пили, закусывали и опять разговаривали.

Итогом разговора стали три выпитые бутылки коньяка, две водки и одна дорогущего виски. Больные головы у обоих.

Дружелюбие, выраженное в «эт-та... нич-чего мужжжик!» от Петра и «хар-рошый у'вс отец, Нана» от Бориса Викторовича.

А вспомнили они поутру что-то из своих разговоров – или нет? Это осталось секретом, потому что мужчины никому не признались.

Ребенок!

Как много в этом слове!

И не обязательно чистого счастья... Это Анна была в эйфории! Но вообще-то...

Пить, писать, кушать, какать, смотреть мультики, играть в игрушки, и вообще... мама, ХОЧУ!!! И эту истину постигают рано или поздно все родители. Если им достался нормальный живой ребенок, не замаскированный ангел.

Ребенку – НУЖНО!

Вот здесь, сейчас, а еще лучше – час назад, по мнению самого ребенка. И ты ему не объяснишь, что он прекрасно может обойтись без шестого пистолета или восемнадцатого робота.

С Гошкой, правда, было полегче. Болезнь любого заставит быстро повзрослеть. Но все равно ночью Анна ходила ему за компотиком. А около двух часов ночи Гошка проснулся, потому что испугался.

Вцепился в Аню – и не отпускал минут двадцать.

Женщина гладила его по голове, шептала какие-то ласковые бессмысленные слова – и сама плакала. Бедный мой малыш!

Хелла, спасибо тебе! Ты дала мне, что смогла!

Но год!

Даже меньше уже... малыш только-только привыкнет, что мама рядом, только успокоится... и она опять уйдет! Уже навсегда...

Слезы текли из уголков глаз, впитывались в подушку, дорожную, ортопедическую... Анне было и больно, и тоскливо.

Но что тут можно поделать?

Только одно. Ее малыш должен стать сильным за этот год. По-настоящему сильным...

Ох, Гошка...

Ферейские горы, Русина.

Зачистка гор продолжалась.

Валежный больше не собирался нежничать или кланяться. Ему нужно было усмирить Фереи до состояния покорности. Чтобы еще сто лет не вякнули, сволочи!

Чтобы и в голову им не приходило пойти в набег!

Чтобы при одном слове о Русине и русинах у них трясучка начиналась. И чесотка.

Два поселения сдались без борьбы. Валежный не обольщался – это просто эффект неожиданности. Проблемы начались на подходе к третьему селению.

Халахан-Варт...

Надолго останется это название и в памяти фереев, и в памяти русин. Как обычно, Валежный выслал вперед разведку. Но в этот раз – никто не вернулся.

* * *

- Шахра, мы их поймали!

Шахра-бек посмотрел на двоих ребят, почти мальчишек, один из которых держал в руке мешок из темной холстины. В некоторых местах холстина была темнее цветом...

- Поймали, говоришь? Рассказывай, воин.... – Шахра-бек напрягся – и припомнил и имя и род. - ...из рода Дарга. Ты Алмуш-бек, верно?

- Да, Шахра-бек, - засветился своим светом обрадованный мальчишка. Как же! Командир вспомнил его имя! – Мы сидели в секрете! Как вы приказали! Смотрим – идут двое... мы их поближе подпустили, да и выпалили...

Шахра-бек покачал головой.

Выпалили они... сопляки! В ножи надо было брать, в ножи! А когда б их не двое было, а четверо? И оставшиеся уйти успели?

Секрет демаскировать?

Но гневаться он не торопился.

- Их только двое было?

Шахра-бек, мы прошли по следам! Только двое! И лошадей мы тоже забрали...

Шахра-бек кивнул. Ладно, если так – неплохо.

Сдавать Халахан-Варт никто не собирался. И причина тому была очень веской.

Там добывали нефть.

Черное золото земли подступало к поверхности, словно живое, выходило наружу... сдать Халахан-Варт?

Лишиться источника дохода? Отдать все в руки русинам?

Такую глупость никто совершать не собирался. Селение готовились защищать не на жизнь, а на смерть. По приказу Шахра-бека подготовили замаскированные пулеметные гнезда, устроили снайперские позиции, пристреляли заранее, не пожалели патронов... да и в селении было, чем врага встретить.

Шахра-бек дураком не был, и предусмотрительно отправил все мирное население по домам. По соседним селениям, по родственникам. Иногда – принудительно. Оставались только воины. Некоторые старики тоже оставались, но это был их выбор и их решение. Они жизнь прожили, они имеют право выбрать себе смерть.

А Шахра-бек готовился.

Готовился к штурму и Валежный.

* * *

- Селение стоит на берегу реки. Впрочем, в этих краях все селятся рядом с водой. Нам реку переходить не придется, это хорошо. Скважина, из которой качают нефть, на другой стороне реки. А вот здесь, здесь, здесь, - Валежный тыкал карандашом в карту, ставя жирные точки, - наша разведка обнаружила замаскированные схроны. Их – не обнаружили.

- А...

- Да, полковник. Вот на этом направлении у нас пропало шесть человек. Надо полагать, их как раз обнаружили.

Полковник шумно сглотнул и слегка побледнел. Что делают с обнаруженными людьми мирные ферей, он знал. В кошмарах видел.

- Штурмовать все равно надо.

- Надо, - согласился Валежный.

- Много же народу положить придется, - протянул один из капитанов. Валежный не нахмурился – на его совещаниях говорили все. Мало ли, кто и что придумает? Что ж теперь – на хорошую идею наплевать, потому как ее корнет родил?

- Да, дорог тут только три, - согласился второй. – И наверняка, все пристреляны. А может, и заминированы...

- Это вряд ли. Фереем нефть возить надо, они с Чилианом торгуют... минировать не будут, но если там засад нет, я готов учиться кружева плести.

- Ни к чему, - оборвал шутника Валежный. – Засады наверняка есть. Но я не хочу губить людей. У меня есть идея... смотрите сюда.

- Скала Хеллы?

- Да.

- Она неприступна.

- Нет, качнул головой Валежный. – Она просто под запретом у фереев. Считается, что она священная, и на нее не должна ступить нога человека. А кто посмеет, тот навлечет на себя проклятие.

- И?

- Если подняться на нее, Халахан-Варт будет... ну, не как на ладони, но достаточно ясно виден. И обстрелять его из пулеметов...

- Подняться? Нас заметят!

- Поэтому надо будет идти ночью, - спокойно объяснил Валежный. - Несколько десятков человек, несколько пулеметов, много патронов... даже не сомневаюсь, хоть скала и священная, но если мы с нее начнем обстрел, ферееи вмиг туда дорогу найдут.

В этом не сомневался никто из присутствующих.

- А на верную смерть я людей не пошлю. Надо человек пятьдесят, чтобы и боеприпасы несли, и отбились...

- А сколько дойдет?

Валежный качнул головой.

- Я бы сам пошел... не смогу. Отяжелел с годами.

- Это мои ребята смогут, - тихо произнес полковник Лейский.

- Твои ребята? – посмотрел генерал.

Полковник решительно кивнул.

- Мои казаки. И пройдут, и продержатся... смогут. Добровольцев кликну. У кого эти твари жену увели, у кого родителей порубили... они в предгорьях жили, они смогут.

Валежный медленно кивнул.

- Если кто решится – да что там говорить, Дмитрий Сергеевич! Сам понимаешь... я сейчас даже ордена им обещать не могу.

Полковник Лейкин махнул рукой.

- И не надо. Что мы – слепые? За свое воюем...

- За Русину, - тихо сказал кто-то. И это была чистая правда.

Идею приняли единогласно. Лучшего все равно предложить не мог никто из присутствующих. А потери?

Это война. И на ней убивают.

А ночью...

* * *

Скрип зубов.

Шорох кожи по камню.

И – тишина.

Пять десятков казаков. Пять десятков... смертников?

Да.

Это знали и они сами, и их товарищи. Выжить получится чудом... если получится. Но другого варианта нет. Иначе... столько при штурме положить придется – вместо нефти кровь из скважины забьет. Уже не земная, человеческая. Алая...

Каждый из тех, кто шел, понимал свою задачу.

Каждый готов был выполнить свой долг до конца.

Темная свободная одежда.

Вымазанные сажей лица и руки.

Кляпы в зубах – упадешь со скалы?

Помирай молча! Не смей кричать! Всех выдашь...

Ночью, по горам?! Безумие!?

Фереи такого предвидеть не могли, но у русинов не было иного выхода. Да, ночью! Да, в горы, на скалу, на которых страшно даже днем! Лезть, цепляться за мельчайшие выступы, сжимать до хруста зубы, прижиматься к скале, как на койке к жене не прижимался... и чувствовать за спиной тяжесть оружия. Они – дойдут!

Доползут...

И ползли. Хотя до места добрались сорок два человека. Но все же...

Дошли, рассредоточились, заняли удобные позиции. Пристреляться не выйдет заранее, ну так что же? Зато оглядеться, выбрать местечко поудобнее, а кому и поспать... почему нет? Жаль, не получится сделать так, чтобы простреливать всю площадку. Скалы же!

Тут и камней хватает, и неровностей рельефа... так-то как бы хорошо было – развернул пулемет и стреляй, если кто влезет наверх.

Не получится.

Ну хоть как подготовиться.

До рассвета еще пара часов. Перед боем, почему б не вздремнуть? На камнях?

Думаете, в гробу удобнее? Казаки в этом сомневались. А солдат... хоть пара часов, да его! Мешок под голову, шинель на ноги – и даже патроны мягче гусяного пуха покажутся.

* * *

Русины атаковали на рассвете.

Двинулись.

Медленно, неудержимо, словно приливной волной захлестывая преддверия селения.

Заговорили ружья снайперов.

Заговорили два пулемета – очень Шахра-бек грустил, что больше прикупить не получилось, у него бы эти твари кровью умылись! Но и так хорошо!

Падали солдаты в серых шинелях, падали, окрашивая кровью исконную ферейскую землю, падали... вы сегодня уйдете несолоно хлебавши, собаки!

Русины упрямо шли вперед.

Шахра-бек понимал, что одними пулеметами сыт не будешь. Рано или поздно кончатся патроны,, их тоже не так много. А снайперы... да не успеют они стрелять с такой скоростью! Сомнут их, в землю втопчут... надо вводить в бой свои силы...

Постепенно схватки вспыхивали и там, и тут, разгорались...

Хрипя, словно дикие звери, крича нечто нечленораздельное, кидались в драку ферей. Русины!

Исконный древний враг, пришедший на их землю!

И такой же ненавистью в глазах, такими же глухими, подсердечными криками, отвечали им русины. Чья там земля – еще вопрос! Но мрази, которая на людей для своего удовольствия охотится,

которая ловит их, как скот, продает, в рабство угоняет – ни на какой земле места нет!

Им тоже было, что припомнить.

Валежный чутко отслеживал бой. И дал отмашку, когда Шахрабек ввел в игру все свои резервы.

Вверх взвилась красная ракета.

И с Проклятой скалы хлестнули пулеметные очереди.

Кзаки тоже не сидели, сложа руки. Это пока бой не начался, шуметь не стоило. А когда пошло веселье, можно было на скале хоть что делать. Они и делали.

Приметили несколько удобных мест подъема-спуска, подтащили туда пирамидки из камней. Вдруг гости пожалуют? А у них и гостинчик уже готов!

Получше обустроили пулеметные гнезда, по ним ведь тоже стрелять будут! Надо укрываться...

Даже пристрелялись чуток, в суматохе-то боя...

Валежный обстреливал, ну и они... буквально пару пуль. Чтобы знать, куда целиться. Поди там, разбери в горячке боя, откуда тебе прилетело?

Чем только не станешь заниматься, лишь бы...

Не свой бой страшен, страшно видеть, как идут в атаку твои товарищи, друзья, с которыми ты вчера сидел у одного костра, и гибнут, гибнут... а ты и сделать-то ничего не можешь... Хелла, если это твоя скала – так помоги! Сегодня в твою честь прольется много крови!

А когда вверх взлетела красная ракета...

Со скалы полоснули пулеметы, выкашивая схроны, снайперские позиции, давя, пригибая к земле...

Фереи не дрогнули. Нет. Они были храбрыми, дети гор, они готовились стоять до последнего. Но – они не ожидали. Не страх. Но замешательство, которое использовали и казаки, и Валежный. Плотный пояс обороны, выстроенный Шахра-беком был разорван в нескольких местах, а восстановить его сразу не удалось. Да и со скалы давили, давили огнем...

Стрелял, казалось, каждый камень.

И каждый камень оскаливался клинками, и окрашивался алой кровью.

Русины шли.

И за ними оставались кровавые следы. На черном кровь – красная... и на белом снегу,, который лежал в горах – тоже. Плата за нефть?

Плата – за жизнь!

* * *

- Откуда они стреляют?!

- С Проклятой скалы!

- Так пошлите туда людей!!! – Шахра-бек едва не орал в бешенстве. Еще чуть-чуть... пока еще у них есть шансы. Но промедлить еще час – и их сломают!

У Валежного людей все же больше, у него – меньше.

- Слушаюсь, командир...

Фереи знали короткие дороги на Проклятую скалу. Истинно Проклятую – надо было сделать все, чтобы туда никто не прошел! Но кто мог подумать!?

Кто мог ожидать такого от этих червяков с равнин?

Две сотни фереев бросились к скале.

И их встретили.

Двенадцать казаков продолжали вести обстрел. Выметали стальной метлой схроны и засады, давили очаги сопротивления.

А три десятка встретили врага на подходах.

Им нельзя было пропустить противника к снайперам. И они встали стеной.

Сбрасывали камни так, что до вершины добралась лишь половина фереев. Стреляли, спихивали их вниз, но даже тех, кто смог пройти, оказалось более, чем достаточно.

Закипела резня.

Страшная, безжалостная.

Но пулеметы стреляли.

Они стреляли, когда защитников уже почти не осталось.

Они стреляли, когда упал последний казак, и один из пулеметчиков развернул оружие, стараясь не подпустить врага к своим товарищам.

Они стреляли...

На той вершине легли сорок человек из сорока двух добравшихся. Но пулеметы не замолчали ни на минуту.

Казачи шли по улицам селения – и стреляли.

В них стрелял, казалось, каждый камень, они щедро поливали чужую землю своей кровью, падали, но за ними шли другие. Шли по колена в крови, шли, стреляя во врага, не просили пощады и не давали. Началась резня.

Остервенелая, беспощадная...

Пощады не просил никто.

Но вечером по улицам селения шел генерал Валежный.

Победителем.

За селение заплатили страшную цену, больше тысячи русинов полегло в этот страшный день. Валежный понимал, что все правильно, все так и должно быть... но как же ему было горько!

* * *

- Тор генерал, к вам парламентар.

- Кто?

Валежный искренне удивился, хотя и постарался не подавать вида.

- Говорит – посланец от Шахра-бека.

Валежный хотел сначала распорядиться, чтобы пригласили, но потом передумал.

- Сейчас выйду.

Они стояли рядом с палаткой. Валежный принципиально не останавливался в домах фереев – не хотел заходить в дом врага. Кстати, сами фереев об этом знали и даже немного уважали своего врага. А сейчас стояли и ждали...

Старики – уже глубоко в возрасте, с длинными белыми бородами. Трое... и двое помоложе – то ли для охраны, то ли для помощи. Старики были такими ветхими, что казалось дунь – и сейчас рассыплются.

В белых одеждах...

Символ мира?

Валежный воспринимал это иначе. Когда на его людях запыленные мундиры, когда редко на ком нет крови и грязи...

Вы, твари, продались Чилиану с потрохами, а теперь пытаетесь меня разжалобить?!

Можно и возразить, это вы, русины, пришли на нашу землю. Можно... только вот сами по себе фереи жить не смогут. Не выживут.

Им нужно многое из того, что производится и выращивается на равнинах. Как придаток – да, они могут жить и доиться золотом. А сами по себе...

Они выживали за счет краж, грабежей, набегов – ну и почему русины должны это терпеть? А стоило их призвать к порядку, начинается возмущение. Но это крики пойманного вора. Так Валежный к ним и относился. И разговаривал без особого почтения.

А как еще надо обращаться с теми, кто вырастил разбойников, грабителей и рабовладельцев?

- Что вам угодно?

- Валежный-бек, - медленно, подбирая слова, заговорил один из фереев, - мы пришли умолять тебя о милости.

- Слушаю.

- Ты идешь по нашей земле, сея разрушения и беды. Мы просим тебя остановиться и уйти из гор.

- И?

- Мы обещаем, - второй старик скрипнул зубами, видимо, ему это давалось нелегко. Такое унижение... - Мы клянемся, что фереи не будет ходить на равнины следующие... три зимы.

Валежный рассмеялся им в лицо.

- А я клянусь пройти по всем горам. У меня хватит и людей и патронов. И когда я уйду – в этих горах не останется фереев. И имена ваши будут забыты.

- Останутся наши дети.

- Те, кто выживет. И будут пугать моим именем своих детей. Сегодня Халахан-Варт загорится с четырех концов. Завтра я пойду дальше.

Старики переглянулись.

Очень эти слова убедительно звучали, когда на камнях еще пятна крови не высохли. А за околицей складывали тела убитых фереев.

И копали большую братскую могилу – для своих.

Что будет с фереями?

Вот уж это русинов не волновало ни на секунду. Что бы ни было – поделом!

- Мы умоляем на коленях...

Валежный покачал головой.

- Даже если вы умрете у моих сапог – я не остановлюсь. Мне не нужны шакалы, которые за подачку из Чилиана ударят меня в спину!

Сказано было сильно. Фереи переглянулись.

- Что мы можем предложить тору генералу?

Валежный уже обдумал этот вопрос. И ответил прямо.

- Заложников.

- Тор генерал?

- По несколько человек от каждого рода. Если вы решите напасть – они умрут.

Старики переглянулись.

Валежный действительно неплохо изучил фереев. Солгать иноверцу? Запросто!

Предать, обмануть, подставить... это даже не грех. По их вере – все нормально, это даже доблесть, и сказки у них есть, как глупого иноверца обманули. Или глупого равнинника, что впрочем, для них одно и то же. А вот когда залогом твоих поступков будет служить твоя родная кровь...

Это – другое.

И никто даже не сомневался, что Валежному хватит сил поступить... решительно, в случае каких-либо проблем.

Петер так не поступал, ну так то – Петер. Ему кидались в ноги, выли,, ему слали ноты иностранные послы... что может сделать с такой нотой Валежный? Послы примерно представляли. А потому никаких нот и не было, и скорее всего, не будет. А быть-то фереям как?

Валежный решил все за фереев.

- Уходите. Это селение я сотру с лица земли в любом случае. И приду к следующему. Вы мне кровью ответите за пролитую здесь кровь. Вы жгли наши дома? Теперь загорятся ваши жилища.

По-ферейски он говорил вполне отчетливо. Не идеально, но старейшины его поняли. И один даже решился спросить.

- Заложники... кто это должен быть?

- Их выберут мои люди, - отрезал Валежный, обламывая последнюю надежду подsunуть какую-нибудь шушеру вместо родных и близких.

- Сколь надолго вы хотите заложников? – это уже второй старик. Правильный вопрос, хороший...

- На три года.

Старики переглянулись.

Им этого не хотелось, ой как не хотелось...

Но – выбора Валежный не предоставил.

- Уходите. Вас проводят. Вы не умрете только потому, что сегодня в ваших руках не было оружия.

Фереи поверили.

* * *

Ночью Халхан-Варт запылал с четырех концов.

И горел он, пока все не выгорело. Дотла.

До серого, сухого пепла.

Нефть – она отлично горит... хотя саму скважину Валежный не тронул. Но полито все было на совесть.

На очереди было следующее селение. Селение Ривалек.

Русина, Звенигород.

- Нам надо поговорить.

Жом Тигр был единственным, у кого хватило бы и наглости и смелости на такой поступок. Пламенный взглянул на него с неудовольствием, но спорить не стал.

- Слушаю вас, жом?

Слушать пришлось недолго. Жом Тигр устроился в кресле и изрек всего два слова.

- Так нельзя.

- Как – так? – уточнил Пламенный.

Не то, чтобы он сомневался. Но...

- Вот так. У торов – ладно, не жалко. Но мы у крестьян отнимаем последнее. Если нечего будет сеять – полыхнет голодный бунт.

- Патронов у нас хватит.

- Почему нельзя сейчас закупить зерно в том же Лионессе, Ламермуре, Герцогствах?

Пламенный поднял брови. Забавно, такого он в Тигре не предполагал.

- Закупить? На что? Где возьмем деньги?

- Казна?

- Не то, чтобы совсем пуста, но все равно плохо...

Жом Тигр поднял бровь в ответном жесте. То ли копируя, то ли передразнивая.

- Пламенный, ты поднимаешь, что под тобой к осени кресло загорится? – отбросил он всякие церемонии.

- Если с тебя раньше шкуру не сдерут. Тогда тебя это точно волновать не будет, - отгрызнулся Пламенный.

- Ты за мою шкуру не беспокойся. Ты этой страной править хочешь?

- Я хочу, чтобы все страны стали свободными от монархии...

- Меньше патетики, ты не на трибуне.

- Тигр, тебе чего надо?

- Распоряжения.

- Какого?

- Закупать зерно. Не надо его пока везти к нам, но пусть хранится на складах.

- Если мы проиграем, мне полезнее будет не зерно, а деньги.

- А крестьяне?

- Если император вернется, пусть император их и кормит.

- Если... ты поэтому Гаврика не удавил?

Пламенный поморщился.

- Нет. Не поэтому. Ты о поверьях знаешь? Колокол, пушка и прочее?

- Знаю.

- В подробностях?

Тигр поморщился.

- Хелла, богиня, благословение... кто в наше время верит в эту чушь?

- Вот, ты знаешь, тот же Гаврюша и верит.

- Seriously?

Врет – не врет, Тигр уточнять не стал. И так понятно, если Пламенный соизволил об этом заговорить – все серьезно. А вот что касается веры...

Помнится, в детстве жом Тигр очень даже верил в страшного подкроватного буку. А его брат до смерти выходил из дома только с правой ноги. И свято верил, что выйди он с левой ноги, добром этот день не начнется.

Глупость? Суеверие? Или в этом что-то есть?

- Будешь смеяться – вполне серьезно. Целую истерику мне устроил, придурок...

- Тебе? Истерику?

Без свидетелей оба товарища по борьбе отбросили церемонии и говорили откровенно. Обижаться на слова или формулировки? Что вы, какая обида!

Убить друг друга они и без обид мечтали, останавливало лишь понимание, что они друг другу необходимы.

- Мне и истерику. Кричал, что мы все испортили. Как я понял, если бы Петера просто убили, все было бы проще. Может, убийца получил бы на свою голову проклятье, может, не получил бы....

- Мой брат?

Пламенный отвел глаза в сторону. На долю секунды, но Тигру хватило, чтобы записать мерзавцу должок. Ведь именно Пламенный предложил...

Не знал тогда?

Ой, не верится!

- Кто-то должен был. А насчет проклятия, может, и враки. Вроде раньше с царубийцами такого не было.

Это верно. Точнее – дольше года никто не жил. Так и проверить было некому. Верно там, неверно, вот как-то не одобряли императоры таких изысканий.

- Допустим. Что дальше?

- Если бы Петер просто помер, там можно было бы передать корону любому из династии.

- Или?

- Поменять династию, - сознался Пламенный. – Жертвы, конечно, потребовались бы. Но я примерно знал, что надо делать. А Петер успел передать власть.

- И?

- И все. Наследника надо найти. Если сядешь на трон в обход законного правителя... формулировочки там не для слабых духом. И жизнь твоя будет мучением, а смерть – наградой.

- Интересно...

- Так что мы все сейчас подчинены невесте кому.

- Ты поэтому Гаврика и не прибил?

- Именно поэтому. Пусть сидит у себя, как приманка. Охраняют его как следует, авось, кто на него и выйдет. А нет – так придушить никогда не поздно.

Тигр кивнул.

Этот подход он очень одобрял. Но их-то проблему это не решало.

- С императором понятно. Жрать что будем?

- Вот пусть император эту проблему и решает. Как появится.

- Ага. А ты будешь сейчас переводить денежки в заграничные банки, чтобы удрать не с пустыми карманами? Если что?

Пламенный революционер ухмыльнулся. И если б сейчас его видели последователи, мигом бы превратились из последователей – в посылателей. Да, именно туда...

Такая гадкая ухмылочка получилась!

- Можно подумать, ты с голым задом останешься...

- А ты не думай про чужие задницы, у тебя жена есть, - неприятно оскалился Тигр. – Я тебя понял.

- Раз понял, то и иди с миром.

- Но в задницу?

- Это уж согласно вкусам, - парировал Пламенный.

Тигр фыркнул. Среди революционеров действительно, были и такие. Чего уж там... за некоторые вещи в империи совершенно нетолерантно преследовали и сажали на несколько лет. Ну а с каторги выходили пострадавшие за социальную справедливость.

Каким местом пострадали? Этого они предпочитали не уточнять.

[14]

Сам Тигр на такие намеки плевал. А особо непонимающих товарищей мог и побить. Ногами. Понимали после этого быстро.

- Как бы нам там всем не оказаться. Не скучай.

Дверью жом Тигр не хлопнул. Но Пламенному это не помешало грязно выругаться. А потом плюнуть, да и поехать к любовнице. Зла не хватает на этих людей!

Сволочи, а не соратники!

* * *

Справедливости ради, Тигр тоже был не в восторге. А вот что делать дальше?

Ругаться?

И что толку с той ругани? Вот просто – в чем смысл? От этого хоть одна проблема решится? Да ничуточки!

А решать надо...

Вот где была основная разница между Пламенным и Тигром.

Первый был воистину пламенным борцом за лучшее будущее. А второй – хозяином. Жестким, неуступчивым, но раз уж попало ему в руки какое-то имущество... своего он не отдаст, чужого не уступит и в порядок приводить будет. Натура такая.

А что имущество на то свое мнение имеет...

Его мнение табуреток не интересует!

Но сейчас...

Сейчас у Тигра была серьезная проблема. Ему требовалась помощь. Эх, был бы братишка жив... абы кому такое не доверишь! Но и просто сидеть на заднице?

И ждать, что половина населения вымрет, потому что ты о себе заботишься?

На это Тигр был не способен.

Но кому же... кто же...

На ловца и зверь бежит. А на Тигра?

На Тигра из-за угла выскочил жом Ураган. И вот тут-то Тигр и потерял руки. Тут-то он и улыбнулся...

- Жом Ураган! Рад вас видеть!

Ураган аж попятился, хоть и был не хлипкого десятка. И характером не особо уступал тому же Пламенному.

Рыцарь Свободы!

- Жом Тигр?

- Нам надо поговорить. Немедленно.

- Но я хотел...

- К жому Пламенному? Идите. А потом – ко мне.

Так и лучше будет. Не знаешь ты о моих планах? Ну и рассказать о них не сможешь. А у меня будет лишний час подумать...

* * *

Лишнего часа у Тигра не оказалось. Не успел он усесться в кресло, ранее принадлежавшее кому-то из Вороновых и заварить себе чай (да, сам, а то секретари вечно помои приносят!), как в дверь постучали.

- Да?

- Жом Тигр? К вам жом Ураган.

- Пропустите. И принесите чего перекусить.

Секретарь закивал и улетучился. А жом Ураган вошел в дверь.

- Тигр...

- Ураган. Чай будешь?

- Может, даже и что покрепче.

- Это по результатам разговора. Не жалко, но сейчас не налью, ты мне трезвый нужен.

- Можно подумать, я с утра до вечера не просыхаю...

Тигр только головой покачал.

- Тут дело серьезное. Ты сначала послушай, потом поговорим.

- Ладно.

Секретарь внес поднос, поставил и хотел было, расставить все на столе, но Тигр бросил на него «добрый» взгляд – и парень снова вылетел за дверь. Еще быстрее, чем вошел.

- Бегают они у тебя...

- Пусть попробуют не побегать, - огрызнулся Тигр. – Пошли со мной.

- Куда?

- Кошке на... туда. Пошли, говорю.

Кабинеты выбирались освобожденцами по разным принципам. А жом Тигр выбрал себе такой, чтобы в нем был балкон. Вот туда

мужчины и вышли..

- Зачем?

- Здесь точно не подслушают, если орать не будешь, - поморщился

Тигр.

- Ты меня не Пламенного будешь уговаривать свергнуть? – прищурился Ураган, отбрасывая вежливость.

- Нет. Но он наш разговор сильно не одобрит. Очень сильно.

- Да?

- Ураган, ты ездил с реквизициями.

- Да, - поник рыцарь Освобождения.

- Насмотрелся? – понимающе спросил жом Тигр.

Ураган поник еще сильнее.

- Почему так? Тигр, ты же понимаешь, ответь – почему? Мы хотим, как лучше, а страдают невиновные! Женщины, дети... я их глаза видел! Я все понимаю, но те же дети-то в чем виноваты!?

Жом Тигр поздравил себя с победой. Он еще не начал убеждать, но уже знал, что убеждать никого и не надо. Ураган уже согласился. Просто пока сам этого не понял...

- Послушай меня внимательно. Ты реально хочешь им помочь?

- Да....

- Пламенный об этом знать не должен. Скажешь – и меня подставишь, и сам влетишь...

- Если это...

Тигр поднял руку, раскрытой ладонью к собеседнику.

- Нет. Убивать никого не придется. Но съездить в Ламермур – обязательно. И в Герцогства, и в Борхум.

- Зачем?

- Закупить зерно. Много. И пусть оно хранится на складах, пусть никто не знает, на чье имя оно куплено... ты понял?

- А...

- Ураган, ты же не дурак! Ты сам понимаешь, что зиму эти люди, может, и переживут. Но весной надо сеять. А будет – что?

Ураган вздохнул.

- Не уверен.

- А мы будем платить посевным зерном. У нас будет, что сеять. И осенью... случись неурожай – у нас будет запас.

- Ты себе объемы представляешь?

Тигр кивнул.

- Вполне. Десятки тысяч тонн. Сотни тысяч. И что?

- А деньги?

- После реквизиций ты считаешь, что у нас нет денег?

Ураган ядовито прищурился.

- У нас? Нет. У Освобождения...

- Попроси у Пламенного. Думаю, он тебе не откажет? – не менее ядовито оскалился Тигр. Ей-ей, несправедливое прозвище человеку дали, надо было Гадом назвать... яду бы у него на шесть аптек хватило.

Жом Ураган и просить не собирался.

- Значит, что-то у тебя к рукам прилипало. Вор!

- Я эти деньги не на девок в кабаке спускаю, - парировал Тигр. – Думаешь, мне это зерно понадобится? Я себе на булочку хлебушка средства нашел бы...

Ураган тяжело вздохнул. Уложить предложение в мозг было сложно. Тигр понял это – и повлек соратника с балкона.

- Пошли, поедим.

Меню жомов повергло бы в истерику повара высокой кухни. Вареная картошка, соленое сало, копченая рыба, квашеные овощи... алкоголя, кстати, не было. Зато был яблочный пирог.

И горячий чай, заваренный лично Тигром.

К концу обеда Ураган кое-как переварил предложенные ему идеи, и потер лоб.

- Ты с Пламенным говорил?

- Да. Он меня послал в задницу.

- Он еще хоть жив?

Тигр мило улыбнулся.

- Пока – да. Ураган, я тебя умоляю, поговори с ним. Если хочешь – хоть три раза! Попробуй убедить, попробуй доказать, пусть он прикажет закупить зерно... что вы – мало денег привезли?

- Много.

- Ну так что же? Поговори! А когда тебе откажут – приходи, и мы поговорим еще раз. Просто помолчи о моем предложении...

- Хорошо. Но я уверен, что Пламенный...

- Вот и хорошо, что уверен. Налить тебе чего покрепче – или чаем обойдешься?

- Сука ты, а не Тигр. Никакого настроения нет. И пить не хочется...

Тигр фыркнул.

Ну вот такая у него планида – людям настроение портить! Чисто кошачья... кошки это хорошо умеют. И успокаивать, и раздражать... а тигр – это ведь тоже киса, правда? Только большая и полосатая.

Русина, Синедольск.

Аксинья с восторгом оглядывала дом.

- Ишь ты! Все господское...

Савва кивнул.

Наденька, так уж получилось... дом тебе я выбрал, да только не привела судьба. Не дождался он тебя. А внука нашего – дождался.

- Мальчика вымой и уложи, потом поговорим с тобой.

Аксинья спорить не стала.

Послушно приняла уставшего мальчика, отнесла его наверх, купать не стала, обтерла губкой. Раздела, уложила в кровать и спустилась вниз.

Савватей сидел, смотрел на свечу, и такой у него был вид...

Аксинья даже испугалась.

- Дядька Савва, что вы?

- Ничего, Ксюша, ничего... это просто усталость.

Ласки, прозвучавшей в голосе мужчины Аксинья испугалась еще сильнее.

- Вы б себя видели...

- И видеть не хочу, - в голос лесника постепенно возвращались краски. – Значит так, Ксюха. Вот тебе деньги на месяц. На прожитие хватит...

- Еще бы, дядька Савватей. Тут еще и останется!

- За ребенком смотри хорошо. Знаю, блудное дело ты не оставишь, но ты не дрянь. И братья-сестры у тебя всегда досмотрены были....

Аксинья опустила глаза.

- Дядька, я ведь не со зла так. Словно бес щекочет... с того и замуж не пошла, чтобы хорошего человека не огорчать. А дрянь мне и

самой не надобна.

- Только и дела бесу – там тебя щекотать, - фыркнул Савва. – Через месяц приеду, еще привезу. За мальчишкой хорошо смотри, случись что – своими руками удавлю. Поняла?

И такой у него был взгляд... нет, не шутил мужчина. Ни минуточки не шутил.

Аксинья кивнула.

- Досмотрю я вашего внука. Слово даю.

Савватей спорить не стал. Кивнул, добавил еще пару золотых в стопку денег на столе, развернулся – и вышел обратно в ночь.

Аксинья села за стол.

Первое что сделала девушка – это хозяйственно прибрала деньги в самое надежное место – свой девичий сейф... оттуда просто так не достанут.

Потом задумалась.

Шила в мешке не утаишь... Аксинья дурой не была, и подметила кое-что. И сходство между Ильей и Савватеем. И сходство между мальчишкой и Ильей... не полное, конечно, видимо, в мать пошел, но кое-что есть.

Нос у него отцовский, брови похожи.... Это Аксинья видела. И сплетни слышала.

И что к торе дочь приехала, и внука привезла... значит, вот чей это внук. Ну, коли так...

К чести Аксиньи, мысль бросить мальчика или выдать его властям у девушки даже не возникла. С Ильей у них все по-доброму было. И расстались они по-хорошему. Тору уезжать надо было, а с собой ее взять... она бы и сама не поехала. Не дура.

Добром бы это не кончилось, вот она и не поехала бы... нет, ни к чему. Но ежели это его сын...

Присмотрит она за мальцом, чай, не переломится. А пока надо в доме разобраться. Где что лежит, какие запасы есть, готовить-то надо! И мальцу хоть пару рубашек сшить, да штаны попроще, а то за версту видно, что все господское, тонкое, нежное.... Сейчас такое лучше не носить.

И Аксинья деловито принялась обследовать дом.

Мерно постукивала копытами лошадь.

Савватей почти не правил ей, чай, не дура, с дороги не сойдет, а сворачивать тут некуда. Мысли его одолевали грустные...

Ксюха, конечно, мальчика досмотрит, да вот дальше-то как? Это ж не на год решение, не на два... это надо дальше... на сколько ему денег хватит? На сколько его века хватит?

Савватей не обольщался.

Ежели в стране такое творится, хватать надо всех домочадцев в охапку, да и в лес уходить. Тот не выдаст, прокормит... но ведь не пойдут дети! Все умные! Все взрослые, все своими домами живут...

Ему-то как быть?

И Гошку не бросишь, и домой его не привести. Уж на что у него жена безропотная, а тут взъерепенилась. Не даст она мальцу жизни!

Не даст.

Это Савва четко видел. Для нее Гошка не забавный малец, а свидетельство давней измены мужа. Более того, не обычной измены. Так-то... вон, с той же Ксюхой, переспал, с сена встал, штаны завязал да и забыл. А тут... тут не то!

Тут не тело, а душа изменила...

И ребенок, опять же...

Мужик может забыть бабу, с которой спал, но бабу, которая ему ребенка родила, уже не забудет. Никогда.

Может не увидеть, не любить, но и не забудет. Этого Савве жена и не простила...

И никогда не простит. Ни ему, ни Гошке... ладно, он старый, а мальчишку за что?

Савва крепко задумался, и не заметил движения в темноте.

Выстрел он еще услышал, а вот потом...

Даже боли не было. Что-то блеснуло, что-то сильно толкнуло в грудь, и над головой закружились звезды. И стало так легко-легко...

Савватей, еще совсем молодой, лежит в стогу сена, смотрит в звездное небо и ждет свою Наденьку. Она должна прибежать к нему на свидание, как уснет постылый муж...

Или не было никакого мужа?

Тело мягко сползло с облучка. Лошадь остановилась, перехваченная крепкой рукой, на дорогу вышли три фигуры.

- Готов, кажись...

- Раздевай его. Тулуп хороший, одежда, вон... дадим Марьке, та зашьет...

- Да, дядь...

- Цыц! Имен не называй.

- А с телом что?

- Да что и всегда! Оттащи в канаву, авось и не сразу найдут! Хорошая у нас сегодня добыча... деньги у него есть?

- Нет, дядь...

- Тьфу, сволочь! Может, спрятал куда? Посмотреть надо...

Увы. Бандитам досталась лошадь с телегой и одежда. А денег у Савватаея не было. Все оставил Аксинье и внуку.

Дома его так и не дождались. Но как искать? Куда обращаться? Или самим ехать?

В такое время? Это было попросту бесполезно.

Между временем и безвременьем

Хелла прищелкнула пальцами.

М-да... революции! Понятно, ей это на пользу, ей больше душ достанется. Но... вот именно эту она не планировала.

Вот бывает же так!

Двое людей сошлись, а потом свое счастье и променяли... на что?

На то, как должно быть.

Чтобы общественное мнение их не сожрало, чтобы все кругом были довольны, а они? Она всю жизнь прожила с нелюбимым, он женился на другой... а ведь могли быть счастливы.

Могли.

Ладно...

Она поступит по справедливости. В этой жизни у вас был шанс, но не было возможности его реализовать. В следующей жизни у вас будет и шанс, и возможность!

И только попробуйте их потерять, обормоты!

Богиня фыркнула от приступа неуместной сентиментальности, отправила обе души на перерождение в одно и то же время – и выкинула их из головы.

Эти две фигуры с доски сняты.

Посмотрим, что будут делать остальные. Но пока – ей интересно...

Анна, Россия.

После найденного взаимопонимания у мужчин очень сильно болит голова. Видимо, не раз стукнулись в процессе поисков.

Рассолом пришлось отпаивать и отца, и работодателя. Сталин оценил страдания мужчин – и принес аж двух полевых мышей. И откуда только выкопал зимой?

Анна бы с удовольствием скормила их похмельным героям, но пришлось отпаивать рассолом. Немалую помощь в этом нелегком деле оказала Роза Ильинична.

Анна проявляла заботу.

Кира болтала с Гошкой.

Напрасно Анна боялась, что они не найдут общего языка. Они-то нашли, а вот Анна понимала примерно одно слово из шести. Как правило – предлог.

Аккаунт, аддон, биж, буст, вайп, имба...

Полный буст! Или фуст... Анна так и не поняла, о чем речь. Но дети (пусть и разных возрастов, но все же дети, одна инфантильная, один рано повзрослевший) активно обсуждали какую-то игрушку – и вмешиваться не требовалось. А потом и вовсе удрали к Кире.

Когда Анна заглянула к ним, Кира и Гошка сидели перед компьютером, активно лупили чем-то по чему-то и орал нечто вроде: ламер... или лайт? Лут?

Нет, не понять....

Анна махнула рукой и прикрыла дверь.

- Как вы себя чувствуете?

- Замечательно. Но на работу поеду позднее, - решил Борис Викторович.

- Чудесно. Сеня не звонил?

- Телефон посмотри, - огрызнулась Анна, забывая про манеры.

Ей? Нет, не звонил! А вот отцу...

Петр посмотрел телефон, нашел там три пропущенных и перезвонил.

- Сеня?
- Петя, я уже в городе.
- Что, ваши уже пришли?
- А ваши что – с похмелья?
- Сеня, за это вас, евреев, и не любят.
- Не надо меня любить, покажите мне за чем я приехал!
Петр посмотрел на Анну.
- Когда сможем поехать в город?
- Через полчаса, - ответил Борис Викторович. – Сейчас еще кружку рассола выпью – и пусть Роман седлает коня.
- Мне тоже придется поехать, - задумалась Анна. – Пойду Гошку собирать...
- Вот еще не хватало! – заворчала Роза Ильинична. – Нечего мальчонку таскать!
- Простите? – повернулась к ней Анна.
- Бог простит, а ты подумай! Только вчера мальчика привезла, он еще устал. И отдохнуть ему бы надо, а ты его в город тащишь!
- Но...
- Я за ним пригляжу. И за Кирой тоже, вон, как хорошо играют!
Действительно, восторженные визги из комнаты Киры было по всему особняку слышно. Анна покачала головой.
- А если поругаются?
- Вряд ли. Кира детей любит... брата бы ей! Или сестренку!
- Я подумаю на эту тему, - кивнул Борис Викторович.
Роза Ильинична фыркнула и махнула на Анну полотенцем.
- Поезжай. Я пригляжу.
- Спасибо, - от всей души сказала Анна.
- Спасибом не отделаешься. А вот коли персиковый пирог меня печь научишь...
- Хоть завтра!
- Ну и по рукам....
- Два пирога, - внес свою лепту Борис Викторович. – И побольше!
Конечно, Анна пообещала.

Семен Семенович ахал.

Охал.

Восхищался.

И плевать ему было на законы торговли! Все равно и Анна, и Петр понимали в лучшем случае одно слово из десяти. Впрочем, главное было ясно и так.

Добыча Анны оказалась очень ценной. Продавать все сразу – обвалить рынок. А вот если постепенно реализовать коллекционерам, причем Сеня готов взять свой процент за реализацию...

Сошлись на двадцати процентах. И Сеня принялся перегружать себе часть коробочек.

- На это у меня точно будет покупатель, - объяснил он. – Остальное пристроим позднее.

Анна не возражала. Главное она уже поняла. Даже если она завтра умрет – деньги у ее сына будут. Одна задача выполнена, осталось разобраться с остальными...

Звонок телефона пришелся... кстати?

О, нет.

Звонила секретарь мадам Цветаевой.

- Анна Петровна, скажите, когда вам можно передать документы и где.

- Какие документы?

- Ольга Сергеевна хочет установить отцовство мальчика. Официально. И договориться о воспитании...

Анна помолчала пару минут.

- Я пришлю к вам своего юриста. Адрес тот же?

- Да.

- Вот и отлично, - и Анна повесила трубку. Кажется, Ольга Сергеевна собиралась драться за внука?

Вот ведь зараза! И не объяснишь ей, что хуже она делает только внуку! Не поймет!

Ух... зла не хватает!

Глава 9

Борхум, Бадар

Митя смотрел из коляски на мужчину, который садился в автомобиль.

Пожилой уже, благообразный, а такая... сука!

Кто бы мог сказать по внешнему виду?

Но именно этот человек стоял и стоит за войну с Русиной. Не он один, конечно. Но кто произносит речи с трибун?

Кто воодушевляет толпу?

Кто автор статей, в которых русинов называют недочеловеками, существами, лишь внешне похожими на людей, отрывкой цивилизации и прочими неприглядными эпитетами?

Понятно, ему платят – он отработывает. Какого политика не ткни, за ним стоит своя группировка, преследующая вовсе даже экономические интересы. Но этот очень заметный.

Деньги Митя уже откусил, и неплохо. Но они ведь захотят вернуть утраченное? И возможно, на войне. А значит...

Митя хотел добавить добрым людям еще одну эмоцию.

Страх...

Страх за свою шкуру, страх за свою семью, детей... да, как это ни паскудно, но выбран был именно этот тип еще по одной причине. Митя не любил убивать малышей. А у этого подонка дети уже взрослые, и идеи папочки вполне себе разделяют. А раз так...

Недочеловеки, говорите?

А недочеловекам плевать, что говорят будущие трупы!

Были и еще два плюса к задаче. Первый – прислуга. Проверенная временем, преданная, верная, служащая в доме уж лет по двадцать... тоже хорошо! Чем меньше станет тех, кто разделяет эти идеи, тем лучше.

Второй – задача была сложной. А Митя любил преодолевать трудности...

Впрочем, о каких тут трудностях речь? Позвольте, научно-технический прогресс попросту облегчает диверсантам работу! Вот раньше о таком и подумать было нельзя, а сейчас...

Фантазия должна быть! Высокое вдохновение! И вообще – любите свою работу!

С любовью Митя и отправился приобретать динамит.

Много динамита.

Клятую прорву динамита... килограмм сто... сто пятьдесят?

Берем!

Для горных работ, вот! Скалу свернуть надо!

А еще берем хороший дорогой автомобиль!

Этот подонок живет в городе. Правда, у него, скорее, небольшое поместье, но Мите ж того и требовалось! Уточнить выходы из поместья, а самому запасти еще симпатичную пару пистолетов. И...

* * *

Ночь.

Улица.

Фонарь.

Машина.

Безумно дорогая, отвратительно дорогая машина борхумского производства, доступная лишь избранным, к коим Митя относил и себя. Пришлось хорошо тряхнуть счет Валежного, но овчинка стоила выделки! Эту машину никто не посмел бы остановить.

Когда машина промчалась по улицам, и не снижая скорости, разогналась – и пошла на таран в ворота дома одного известного политика...

Ворота красивые, кованые, с позолоченными прутьями... но и машина была сделана на совесть. Митя был в ней уверен... ворота с петель не снесло, но замок не выдержал.

И машина промчалась по территории, наплевав на сторожа и собак... вот кого Мите было жалко, так это песиков. Но – увы.

Безвыходное положение, ему тоже части тела лишними не были.

Машина с грохотом – чего уж жалеть? – впечаталась в стену дома.

И остановилась,

Пожалуй, даже до свалки она уже своим ходом не доедет. Митя выскочил из нее – и помчался по поместью.

Сзади лаяли собаки... пока они были дезориентированы, на такую наглость никто не рассчитывал. Скоро они встанут на след, но... будет ли у них это – скоро?

Фитиль был короткий...

Известный политик сбежал вниз, потрясая кулаками... он еще ничего не понял. Он думал, что это какой-то лихач... или сумасшедший... слишком дорогая машина...

На улицу он еще выбежать успел. А потом...

Страшный взрыв ста с лишним килограмм динамита разметал в ключья политика, его сына, часть особняка... оставшаяся попросту сложилась внутрь...

Преследовать негодяя?

Попросту было некому.

Митю тоже бросило на землю, но его прикрывал от взрыва дом. Он же бежал не просто так, а к задней калитке. Да и динамит закладывал не чистый, а заботливо переложенный свертками с гвоздями и металлическим хламом. Кого не разнесет, из того решето сделает!

Митя выстрелил в замок на задней калитке и вышел на улицу. Отряхнулся, и неторопливым вальяжным шагом приличного человека удалился от места происшествия.

Даже насвистывал немножко...

Ах, зачем эта жизнь, так была коротка... [\[15\]](#)

* * *

Мало – бомбы!

Эффект разорвавшейся бомбы номер два произвело письмо, которое пришло в редакцию газеты через три дня, когда ажиотаж чуть спал.

Редактор популярной газеты «Голос Борхума» не ждал ничего нового от этого дня. Но вопль секретарши заставил его вскочить из-за стола и вылететь в приемную.

Секретарша – белокурая и голубоглазая, из тех, что коня на скаку и не заметят, вжалась в угол приемной и визжала на одной тонкой ноте... надо же, как умеет...

А почему?

Палец девушки указывал на стол. Посылка...

Митя поглумился от души.

В посылке лежали – килограмм динамита. Килограмм гвоздей – тщательно переложённые друг с другом. Небольшое взрывное устройство, тщательно избавленное от любых детонаторов. Просто – такое же, как и в той машине.

И письмо сверху.

Редактор оказался покрепче секретарши. Он осмотрел посылку, покрыл в три слоя матом отправителя, и унес все к себе в кабинет. Там уже разобрал на составляющие.

Да, динамит из той партии. И гвозди.

И... и в полицию надо позвонить.

Но сначала – письмо, на котором крупными буквами написана его фамилия.

Ведь заберут, а интересно – что там? Редактор вскрыл, прочел, и понял – новая бомба. Ну, что ж!

Осталось высунуться из кабинета и приказать секретарше позвонить - срочно – в типографию! Сегодня будет экстренный выпуск газеты.

А потом можно и в полицию. Пусть приезжают в гости, тут для них маленький сюрприз.

Письмо было опубликовано в тот же день. И фото посылки, и марка гвоздей, и прочие факты, убеждающие, что тут не псих писал, а тот, кто устроил взрыв в центре города... хотя это еще как посмотреть. Наверное, это все-таки псих.

Но опасный. И непойманный.

«В то время, как мы ведем борьбу с самодержавием, не жалея сил, вы, негодяи, смеете бить нам в спину?! Мы не спим ночами, не покладем рук, стараемся освободить свой измученный народ – и что же мы слышим в ответ? Вопли о том, что мы недочеловеки?!

Доносим до вашего сведения, что политик Н. был казнен нами за подстрекательство к войне с Русиной!

Свергнуть тирана – это наш и только наш долг, а вы приходите на нашу землю и пытаетесь установить свои порядки?! Да еще и приравниваете нас к животным!?

Комитет Освобождения Русины не может стерпеть подобного хамства! Мы объявляем кровную месть политикам Н. и М., К. и Ш., а так же финансирующим их банкирам! Не надейтесь, что если мы перестреляем эти ваши рупоры, вы наберете новые! Мы и новые перестреляем, нас больше!

Либо господа политики приносят нам свои извинения в письменной форме, посредством данной газеты, либо мы начинаем планомерное уничтожение данных над-человеков. А заодно их родственников, знакомых, друзей, знакомых родственников и друзей знакомых.

Вы оскорбили наше чувство чести, но так как мы против титулов, мы не можем вызвать вас на дуэль. А вот убить можем!

Я повторяю еще раз. Политик Н. – убит. Политики М., К., и Ш – готовьтесь. Или извиняйтесь, мы ведь не звери, примем мы ваши извинения. Пока.

Всего вам наихудшего господа. А если мы еще раз услышим про недочеловеков, то опубликуем фамилии банкиров, которые стоят за данными политиками. И объявим кровную месть и им так же. Казну Русины мы уже захватили, можем обойтись без вашего финансирования.

Комитет Освобождения Русины.»

Митя был доволен.

Мало стрелять, надо еще пугать! Это не люди чести, это торгаши! А торгашам свойственно бояться за свою шкуру... посмотрим, что будет в печати. Может, еще парочку политиков надо будет изничтожить?

В такие моменты Митя решительно любил свою работу.

Окрестности г. Зараево

Тор Изюмский мрачно смотрел в окно.

Барабанил пальцами по столу.

И чувствовал себя – загнанным медведем. О, это жуткое состояние, когда на тебя со всех сторон насаждает стая собак! Ты сильнее, по одной ты их передавишь, но их много, так много... и сил отбиваться уже нет, и где-то вдали маячат охотники с ружьями... и самое ужасное, что эти охотники могут стать для тебя благословением.

Освобожденцы не давали ему покоя.

Это понятно, в городах кушать нечего, продукты есть в деревнях. А кто тут крупнейший землевладелец?

Правильно, тор Изюмский.

И то, что он старался защитить своих людей и свои земли, увы, не всегда помогало. Можно перекрыть дороги, но нельзя перекрыть всю территорию, это нереально, у него просто нет столько людей.

Вооружить крестьян?

Тут какой-то закон подлости. Если даешь оружие самым достойным, оно мигом оказывается у тех, кому его даже показывать нельзя. У лентяев, у пьяниц... и применяют они его так, что потом им это ружье кое-куда затолкать хочется.

А просто так отбиваться от освобожденцев... крестьяне уже несколько десятков забили по-простому, но сколько так может продолжаться?

Не слишком долго.

Ее высочество так и не найдена. Тор Изюмский установил – чудом, смог понять, что ее высочество добралась до Ирольска. И там ее след затерялся.

Их.

Вроде как двух девушек, светленькой и темненькой. И то, запомнили их из-за светленькой, уж очень внешность необычная и девушка красивая. Но командовала старшая, темненькая...

Куда они потом делись?

Исчезли.

Ничего не известно точно. Остается искать.

А еще... что делать?

Только драться. Тор Изюмский понимал, что оборона сейчас – это проигрыш. Значит, надо наступать.

Один он наступать не сможет, поэтому... кто из генералов может начать?

Генерал Валежный – сейчас в Ферейских горах. Это раз.

Генерал Калинин – перешел на сторону Освобождения. То есть сейчас примкнул к его высочеству Гавриилу... при мысли об этом Николай Николаевич гадливо сплюнул. Вот сука! Родственник, который и серебряные ложки соплет!

Император Гаврюша... язык с мылом вымыть хочется.

Генерал Логинов - на фронте. Армия у него небольшая, но... история эта известна всей Русине. Когда к генералу явились с предложением освобожденцы, Логинов сказал, что ему чин даровал император. А он своего сюзерена не предаст.

Он знает, что такое честь.

Полковников Логинов подбирал по себе, мало кто хотел служить под начальством бывшего жома, а потому освобожденцев просто гнали из войска пинками. Вежливо. Могли бы и прикладом попросить. Там бунта можно было не опасаться, к тому же в ведении Логинова оказались армейские склады... это замечательно! Это просто чудесно.

Полковник Алексеев. В Подольске. Человек Валежного.

Это – наши.

Враги?

Гаврюша с Калининным.

Освобожденцы.

Звенигород и его окрестности, фактически, язва на теле Русины. Или выжечь – или она разрастется и убьет ту страну, которую они любят. Разъест, словно гангрена. Запад страны – там постоянно вспыхивали бунты.

Мужчина воткнул несколько белых флажков в карту. Грустно поморщился – их было много, слишком много. Меньше, чем черных флажков.

Императорское знамя – черное, с падающим на добычу белым соколом.

Освобожденцы – белые знамена.

Это несколько узлов сил, которые могут изменить ситуацию в Русине. А значит...

Надо послать всем телеграммы. Весной надо начинать наступление. Иначе они проиграют. Мало денег, мало зерна, мало пищи... если не навести порядок в стране еще по весне... осенью начнется голод. Всех сметет.

На что способны крестьяне, когда от голода умирают их дети? Изюмский знал это, хоть и из истории. И не хотел получить вилами в брюхо.

До начала лета ситуация с освобожденцами должна быть решена в ту или иную сторону. Или в пользу императора, или...

Проигрыш Николай Николаевич тоже допускал. И уже отправил нескольких доверенных в Свободные герцогства. Пусть отвезут туда кое-что ценное... не с пустыми ж руками уходить, если что? Но проигрывать откровенно не хотелось.

Итак – телеграммы и начинаем игру.

Победа или смерть?

Только победа!

Яна, Русина.

Матвеевка, Алексеевка... чем одна деревня от другой отличается? Да практически ничем.

Нужно всю жизнь прожить в деревне, чтобы научиться отличать одну от другой... Яна на такие жертвы не была готова.

До Матвеевки они с Петром добрались за два дня. И задерживаться Яна не стала. Благо, приехали к обеду. Девушка очень убедительно попросила, чтобы ее проводили до Алексеевки, и демонстративно ждала во дворе, положив руку на рукоять револьвера.

Зря?

Надо больше доверять людям? Ага, во время войны у нас столько голубиных душ появляется, ангелы от умиления плачут. Или не от умиления, но что до слез – это точно.

Яне и на день задерживаться не хотелось.

Гошка!

Если бы не Нини...

Если бы она не задержалась, пытаясь пристроить малявку, может, и успела бы раньше? Кто знает... нет, Яна не жалела о своем поступке. Но время-то упущено!

Провожатого ей нашли быстро – вихрастого мальчишку лет пятнадцати по имени Потап. Племянника Петра, двоюродного или еще какого – Яна даже не вникала. Вроде как мальчишка сообразительный,

родители его не против – ну и что еще надо? Выдали ему продуктов на несколько дней, и даже ручкой вслед помахали. Кажется, Петр был рад с ней распрощаться. Слишком опасные люди в недоброе время...

Нет, ни к чему такое рядом с домом.

Вот и шагала Яна по лесу, где проехать удавалось, да и мальчишку провезти на багажнике велосипеда, где пройти – все равно получалось быстрее, чем просто пешком.

И – дошли...

- Алексеевка.

Потап вопросительно посмотрел на Яну. Мол, дальше что делать будем?

Яна пожала плечами.

- Тебя, наверное, домой отпускать надо?

- Как скажете, тора.

Потап быстро разобрался, что Яна из благородных. Так и обращался, либо тора, либо тора Яна.

- А хочешь – десятку заработаешь?

- Хочу, конечно.

- Выясни, где тут что и как. Разузнай... кто у торов служил, кто к ним ближе всего был, у кого можно о них расспросить... и самое главное – был в усадьбе мальчик лет шести – или нет? Сможешь?

Потап потрянул вихрами.

- Смогу.

- Десятка с меня. А то и больше, по результатам...

Яна себя оценивала здраво.

Она – боевик. В лучшем случае. А вот разведчик из нее, как из задницы утюг. Уж извиняйте, но скрытность, проникновение... ладно! Пролезть она куда угодно может. А дальше... рассказывал ей кто-то анекдот про японских диверсантов. Мол, пролезли, подсмотрели совещание, проглядели бумаги... и ушли. В чем прикол? Так они русского языка не знали. Или английского, Яна уж не помнила, что там за совещание было. Вот и не поняли ни слова. Вот из Яны такой же диверсант.

Она может прийти, может уйти, может убить, но разведка?

Не ее!

Можно предложить денег за информацию, но как тут проверишь? Правда ли, нет... не узнать. А Потап... такое ощущение, что

мальчишке от нее надо – что?

Сам скажет. Надо только не давить.

* * *

Потап шел в деревню. Похрустывал под валенками свежий снежок.

М-да, повезло ему. А сначала так не показалось....

Когда дядька Петр домой вернулся, все порадовались. А Потап... а что ему? Ему с того выжиги ни прибыли, ни пользы...

Потап был приемышем в семье дядьки. Два года назад умер его отец, год тому чахотка мать прибрала, а братьев-сестер у него и так не было. Не нажили родители. Мать всегда хрупкой была, но пока отец жив был, как-то держалась. А потом сгорела...

Потап оказался в дядькиной семье, и несладко же ему там жилось. Сироте оно вообще горько, каждый норовит куском попрекнуть... работать заставляли за троих, а кормили за половинку. Хорошо еще, Потап в отца пошел, худой, но жилистый. Когда б в мать, уже б на его могилке снежок лежал...

А уж наслушался.

Плохая кровь, дурная утроба...

Молчали бы, твари!

Не видели вы того, что Потап видел! Как отец после рабочего дня в поле приходил домой, как помогала ему ополоснуться мать, как подавала полотенце...

А потом крепко приникала к своему мужу. И Потап прятался в кольце их рук от всего окружающего мира... хоть раз бы еще его кто так обнял!

Хоть на секунду!

Любили они друг друга, а городской фершал сказал маменьке, что та больше родов не перенесет. Вот отец и запретил... мамка-то хотела. Но тут батя был непреклонен. И Потапу они все объяснили...

А потом батя простыл. Вроде сначала и незаметно было, а потом сгорел в два дня, никакие лекарства не помогли. Мамка держалась, сколь могла, но...

Потап минуты считал до своего восемнадцатого дня рождения. Но три года еще... сам он ни землю не поднял бы, ни дом бы не удержал, все бы поплыло, развалилось...

А тут...

Страшно, конечно! Кому ж не страшно!

Когда его с торой послали, он вообще едва порты не намочил. Слышал, что дядька рассказывал. Тройх положила, глазом не моргнув... баба такой быть не должна.

А потом страх как-то сам собой и прошел.

Когда Яна начала расспрашивать о семье.

Когда рассказала, что ищет сына.

Когда дала ему револьвер и показала, как правильно целиться... Потап не был снайп... спейп... сразу он не попал. Но тора сказала, что у него хороший глаз.

Хороший!

А сейчас ей разузнать кое-чего понадобилось...

Отказать? Да Потапу и в голову такое не приходило! Наоборот... у него была идея, которая с каждым днем ему все больше нравилась.

Где лучше расти? В дядькиной семье, где каждый норовит куском попрекнуть? А дом, надел... так тут еще надвое сказано. Проживет ли он эти три года? Так-то...

Хорошо, растет он медленно, одежда пока по размеру, да и обувь. Но работой его завалили, кормят впроголодь, а тетка может и сковородник схватить...

А еще в доме Потапа поселился дядькин младший сын с женой. И уходить им вовсе не хотелось. Потап слышал, как тетка это со снохой обсуждала. Та плакалась, мол все хорошо, да не наше, свое бы наживать, а тетка успокаивала.

Мол, твое будет...

Три года это срок, может всякое случиться. Ты обживайся, дальше видно будет.

А что случиться может?

А вот то самое...

Так что в деревню Потап шел не с добрыми мыслями. Тяжко сироте на свете. Хоть и родня, а хуже зверья бывает...

Придремать Яна не успела.

- Тора Яна, у меня новости.

Потап был аж весь наскипидаренный. Яна посмотрела скептически.

- Что скажешь?

- Тора Яна, тут дело такое... троих положили в поместье. Самого тора, его жену и дочь. Иван, Надежда, Ирина, - перечислила Яна.

- Да. А говорят, мальчонка там у них был – так его-то и не оказалось.

Яна почувствовала, как на миг закружилась голова, ватными стали ноги...

Гошка, ты жив!!! Я найду тебя, сынок! Обязательно найду!!!

- А где он мог оказаться? Неизвестно? Ничего?

- Я с бабкой Лукерьей поболтал чуток, помогал ей ведра тащить от колодца. Она кормилицей была у Ирины Ивановны...

- И?

- Говорит, если кто и может знать, так это лесник местный. Савватей.

- Почему?

- Бабка мялась... я так понял, что тайна...

- То есть все в курсе, но вслух не говорят?

Потап почесал нос, соображая, и кивнул.

- Вроде как так. Говорят, у него шашни с торой Надеждой были.

- Ага... давно?

- Давно. Но доверяла она ему сильно. И помогала крепко.

Яна задумалась.

- А где живет сей лесник?

- Дом-то я знаю. Да только лесника там нет.

- Почему?

Яна почувствовала знакомое ощущение. Отец говорил так – встала на след... вот, она встала... НУ!!!

- Говорят, пропал он!

- Когда?

- Аккурат того дня, как поместье спалили. Кто говорит – убили его, кто – с бляжьей девкой сбежал...

- Какой!

- Ну... блудной!

- А... - поняла Яна. – Как девку звать?
- Акси́нья, навроде. Тора?
- Яна в раздумьях вертела в пальцах острый нож...
- Надо подумать. Больше никто в деревне не пропадал?
- Нет, тора. Только лесник и ента... Акси́нья...
- она одна жила?
- Нет, тора. У нее мать есть...
- Яна кивнула.
- Дом покажешь?
- Покажу. Я все разведаль... пойдём, тора?
- Нет.
- Мальчишка посмотрел удивленными глазами.
- Тора?
- Ночью тот дом найдешь?
- Найду... тора, только там собака.
- Яна махнула рукой.
- Разберёмся...

* * *

Собака действительно не залаяла.

Евдокия мирно спала, когда к ее виску прижалось холодное дуло револьвера.

- Пискнешь – пристрелю.

- А... - задохнулась баба.

- Не бойся. Ты мне не нужна, мне надо знать, куда отправилась твоя дочь...

Каким-то шестым чувством, которое чудесно пробуждается под угрозой гибели, Евдокия поняла – лучше не врать. Ну и не стала.

- Савватей ее в город увез.

- Зачем?

- Внук у него. Сказал – родные умерши, пригляд надобен...

- И никого лучше деревенской проститутки не нашлось?

За дочь Евдокия обиделась, револьвер там, али что...

- Что б ты понимал...

- А ты объясни? – шепнула темнота. – Так, чтоб мне понятно было.

- Кто ж из баб так лесничиху-то обидит? А Ксюха, считай, отрезанный ломоть, соли, не соли, горьше не будет. Уже наплакалась... на то и Марфа не обидится. Она хоть баба крепкая, а не дура...

Яна поняла. Кивнула, забыв, что ее в темноте не видят. Деревня же!

Все связаны, где родством, где выгодой, где еще какими отношениями. И помочь Савватею с его внуком невесть от какой бабы – значит, сильно оскорбить его жену. И детей, естественно...

Кому ж охота нарываться? Кому надо свою семью подставлять? Ведь обидится лесничиха наверняка, а деревенская обида, равно как и деревенская память – крепкие. Спустя пятьдесят лет тебе пакость припомнят! Внукам твоим потычут!

Правнукам достанется нахлебаться!

А вот деревенская потаскуха семью не подставит – куда ж еще? И так ясно, что мать от нее горячими слезами плачет...

- Куда поедут – не сказали?

- Не знаю я. Савва говорил, Синедольск. А там уж...

- Адрес не называл?

- Нет. Может, и жена его не знает, не стал бы он такое говорить...

- А кому мог бы сказать?

- Не знаю я... Творец ведает, не знаю!

- Внук при нем был?

- Да...

- Видела ты его?

- Да.

- опиши?

- Мальчишка, лет пять, может, шесть, некрупный такой, Гошкой Савватей его звал.

Оружие убралось от виска. У Яны едва рука не дрогнула... Гошка! Ее сынок! Живой!

Да она весь Синедольск по щепочке переворочает, но мальчика найдет!

- Уж не обессудь – оглушить тебя придется. Связывать – неохота, а тревогу ты поднимешь, - вздохнула Яна, метким ударом посылая тетку в нокаут.

Убивать?

Незачем.

А и связывать тоже, возиться еще... это в романах быстро. А на самом деле – наручники всяко и быстрее и лучше. На веревке пока узлы навяжешь, да еще так, чтобы клиент освободился после твоего ухода...

Нет, ни к чему.

Яна вышла из небольшого домика на снег. Посмотрела на луну, потянулась...

- Тора?

Потап ждал решения, и Яна его не разочаровала.

- Что ж, дружище, придется нам с тобой расставаться. Тебе в Матвеевку, мне в Синедольск.

- В город? Тора, возьмите меня с собой!

* * *

Яна аж рот открыла.

Здрате-нате, рояль из-под кровати!

- Куда взять?

- В Синедольск! Тора, не бросайте?

Яна покачала головой, направляясь к околице деревни через огороды.

- А на кой ты мне там сдался?

- Тора, так сейчас ведь пригодился? И там пригожусь...

В словах мальчишки была определенная правда. Но...

- Родные что скажут?

- Нет у меня родных, тора.

- Чего?

- Батька два года тому как помер, мамка той зимой. А это дядька мой, Петр. Сами видите, родного сына он с вами не послал...

Яна видела.

И не послал, и одежда на мальчишке – она обратила на это внимание, вроде бы и добротная, но где дырка, где штопка, где еще чего... явно не так уж о парне заботятся. И отправлять его назад... что-то он и сам не рвется.

С другой стороны – тащить за собой, в неизвестность, пацана?

Мало ей родного сына, мало ей Нини... мало!? Да!?

Судя по всему – мало.

Яна рассуждала достаточно цинично. Мало ли что, мало ли кто... два человека надежнее, чем один.

Случись с ней что – парень Гошку дотащит до Нини... наверное.

Наверняка дотащит.

Сам сирота, должен понимать... ладно, поговорим с ним откровенно, посмотрим, что он скажет.

* * *

Спустя три часа в уютной постели из лапника дремали двое.

Для Яны, обладая топориком, нарубить такую «кроватьку» было делом получаса. Устроить костерок, привал... а что спали вместе – так одеял у Яны не так много было. Вдвоем всяко теплее...

Яна быстро пригрелась и отключилась.

Потап, перехваченный поперек груди, на манер мягкой игрушки, лежал тихо-тихо. Он уже знал, что сон у торы очень чуткий, мигом на любой шум вскинется.

И револьвер под рукой.

Может, так оно и лучше.

Тора Яна рассказала ему все честно. И что она была далеко. И что приехала к сыну, а сына, вот, увезли. И что будет его искать... опасно это?

А то ж! Очень опасно!

Но мальчишка твердо решил пойти с торой. Ежели она родного сына не бросает... его она тоже не бросит. Тора Яна говорила все честно и прямо в глаза. Хочешь пойти вместе?

Считай, поступаешь ко мне на службу. Буду платить, справлю обнову, но буду и спрашивать.

Первое и самое главное качество - преданность. Верность и доверие. Скажу прыгать – прыгаешь. Скажу квакать – квакаешь. Не устраивает – пошел вон.

Потапа это как раз устраивало. Покамест он за торой не видел ничего дурного. Если она что и делала, так по трезвому расчету. Не с

дурна ума.

Придется учиться – это для начала. Придется много чего осваивать, узнавать, и стрельбу, в том числе, и языки, и... это Потапа тоже не пугало.

Переживем...

Придется, возможно, уехать из Русины. Но Потапа не пугало и это. От руки Яны шло тепло. И... впервые за год у него появилась надежда.

Дом... Свой дом.

И люди, которым он небезразличен. Не дядька с теткой, которым нужно его имущество. А кто-то, кому нужен он сам. Пусть, как слуга. Как товарищ, компаньон... это не страшно.

Страшно – одиночество.

* * *

Сначала Яна хотела сразу отправиться в Синедольск.

Потом – опомнилась.

Конечно, оно отлично звучит! Синедольск, и там некая Аксинья и мальчик Георгий. А искать-то их где?!

Напоминаем, на улице зима, в стране война, разруха и революция, справочные службы... это раньше Аксинья, как приличная, пошла бы выправлять себе желтый билет, или местный его аналог. А сейчас ей зачем?

И околоточных не осталось. Понятное дело, мешают, гады, полноценно освободиться. И освободить карманы других угнетенных. А где получить справку?

Стоять на главной площади и орать благим матом в небо? Оно отзовется, Яна даже не сомневалась. Рано или поздно, снег пойдет или дождь... может, еще птичка нагадит. Но чтобы с неба бумажки с адресами падали?

Нет, такого не бывало. Манка падала, а вот бумажки – нет. Халявы не будет. Надо самой искать... а как? Кто вообще может знать адрес этого дома?

Только лесник. Или его семья...

Яна ориентировалась на себя. Чтобы отец что-то знал, а она – нет? Ребенок везде пролезет, все подсмотрит, все разнюхает и узнает. И хорошая жена тоже будет в курсе дел своего мужа.

Если лесник покупал дом, должна быть купчая, должен быть договор, должны быть еще какие-нибудь бумажки – в местном судопроизводстве Анна не ориентировалась, ну и Яна вместе с ней. И наверняка у жены был шанс осведомиться.

Яна просто ставила себя на место мужчины. Вот, он купил, приехал домой, потом он должен отдать документы торе. И сразу, с дороги, мчится, задрал хвост.

Нет?

Правильно, не помчится. Нормальная логика диктует принять ванну, выпить чашечку коффеээээ, а уж потом топтать к даме. У которой есть и муж, и дочь, и куча глаз рядом, так что нужна еще определенная тайна. А доверить бумаги, к примеру, дочери и попросить отнести тайно...

Нет, глупо получается.

Значит, надо поговорить с семьей лесника. Но уже иначе, это не Евдокия. Собак Яна не боялась, оружие применить не заколебалась ни на минуту, но стоит ли множить трупы без необходимости?

Хотя старик Оккам не так формулировал, кажется.

Так что Яна решила подождать утра и попробовать поговорить по-хорошему. Недолго уж и ждать осталось.

* * *

Мария, жена лесника Савватаея, действительно была умной женщиной. А потому уже второй день ее мучили самые плохие мысли.

Что муж сбежал, или решил остаться в городе с Ксюхой, она не боялась. Глупость это.

А вот что погиб...

Неспокойно на дорогах, а Саввушка... мог и не побережся, что уж там! Эх, жизнь...

Сорок лет тому как влюбилась Мария без памяти. Да и Саввушка был хорош собой! Он и сейчас всем на зависть, а уж тогда... веселый, кудрявый, красивый.

Марии он сразу по сердцу пришелся. Как загляделась, так и смотрела бы...

А вот мать ворчала. Мать недовольна была, Машка тогда не понимала, а вот сейчас... Знала мать про Савву и тору Надежду, знала! Шила в мешке не утаишь, как ни стереглись они, а все одно – деревня. На одном конце лопухом подтерся, на втором завоняло. Только люди как думали – у торы с горя, у Саввы, как у всех мужиков. Поднялся, перепоясался, да и из головы вон!

Забудется!

А мать, видимо, догадывалась. И Машку остерегала, да где там! Чтобы влюбленные девки родителей слушали? Отродясь такого не бывало! Машка, как в омут кинулась, вниз головой. И было-то все хорошо. А потом... потом – очнулась.

Это Савва мог себе думать, что пожалел, приголубил, что ненадолго. А Маша знала другое. Есть в его сердце уголок для торы надежды. Ей-ей, похаживай Савва к той же Ксюхе, она б это легче приняла! Девка – она и девка, блудливая. А вот когда чувства...

Маша знала, кого ей считать соперницей. И был повод. Савва по-прежнему виделся с торой, хоть и не случалось промеж них ничего плотского, а душа-то! Когда разговаривают, когда в глаза друг дружке смотрят, когда самое суть видят...

Плоть – что? Натешил, да и пошел. А вот душа...

И ругаться нельзя было. На что? На разговоры? На доброту? На подачки от торы? Так ее родные бы первой дурой назвали. Не понял бы никто... а жить как?

Как так жить? Когда знаешь, что не одна ты в душе у мужа? Что есть у него и для другой уголок?

И на помощь он поспешил, стоило торе только его позвать. И понимала Машка – был бы у них шанс, так и не женился б никогда на ней Савва. Дождался бы свою Наденьку.

Даже от себя он это знание прятал. Но от любящей женщины?

Не спрячешься. Не укроешься, не уйдешь... нет, нереально.

К торе Надежде Мария ревновала бешено, дико, до стиснутых зубов. И подозревала, случись торе уехать в город, поехал бы Савватей за ней! Как миленький бы поехал! За ней – мог!

Но хоть в чем-то повезло. Погибла разлучница, жаль, не помучилась перед смертью!

Савва отлично понял, что внучка его здесь видеть не захотят, и мальчишку увез. С ним-то в городе он не останется. Но может ли так случиться, что беда какая? А она и не узнает... ой, лышенько горькое...

Впрочем, горе и тоска не мешали Марии споро делать все дела по хозяйству. Скотина себя не накормит, не напоит, навоз не выгребет...

И не сразу она увидела, как к дому направляется женская фигурка. Одна.

Подошла, постучала в ворота.

- Хозяева! Есть кто дома?!

* * *

Перед собой Яна видела красивую женщину. Высокую, статную, русоволосую, с гладким лицом, почти что без морщин. Седина хоть ей виски и выбелила, но на русых волосах не беда это. Даже красиво смотрится. Перламутром...

Добротная одежда, а глаза красные, встревоженные глаза...

И сам собой у Яны вырвался вопрос.

- Он не вернулся из города?!

Мария охнула и схватилась за сердце.

Стоит перед ней... невесть что. Одето кое-как, в мужскую одежду, хоть и баба... срамота! Волосы под шапку убраны, шапка на глаза надвинута, а оружие за поясом. И пользоваться им явно умеют.

- Ты кто такая? – быстро опомнилась лесничиха. Но Яне хватило.

- Не вернулся. А кто я... мать Георгия. Поняла, о ком я говорю?

Мария испытала большое желание еще раз схватиться за сердце. Да вот беда – уже держалась. Разве что вторую руку для верности приложить?

- Т-тора...

- Спокойнее. Я не кусаюсь. Где мой сын?

Мария несколько секунд помолчала. Вот не хотелось ей говорить! Не хотелось!

А с другой стороны... Савва перед ней виноват! И его любовница – тоже! А эта девчонка в чем провинилась? Что не того полюбила? Так ведь пришла за своим ребенком...

Зимой пришла, в такую пору... и нет, это уже не о погоде. Заслуживает уважения.

- В Синедольске он.

- Это я знаю. А где именно? Дом, улица, хоть что-то? Не знаете?

Мария вздохнула.

Во двор гостью приглашать не хотелось. Но...

- Может, вам помощь какая нужна, тора?

- Благодарствую, все у меня есть, что надобно, - спокойно ответила Яна. – В Синедольск мне еще идти. Не вернулся Савватей?

- Нет.

- А когда должен был?

- Да уж дня три тому, как бы не больше...

Яна прикусила губу.

- Плохо.

Мария опустила глаза. Незнакомка подтверждала ее подозрения.

- Сердце у меня не на месте, тора.

У Яны оно тоже теперь было не на месте. Хорошо, если Савватей отвез внука, а потом уж, на обратном пути нарвался на неприятности. А если наоборот?

- У меня тоже. Сын ведь...

- И как вас, тора, угораздило?

- А вот так, - развела руками Яна. – в жизни б мои родители на мой брак с Ильей не согласились. А я и не подумала... сначала закружило, а потом выяснилось, что с того дети появляются. Дурой была. Но за сына все одно благодарна.

Мария кивнула с пониманием. На Яну у нее действительно зла не было. А за что? Семейю она не разбивала, чужого мужчину не уводила, а что ее ребенок... так ведь не он всему причиной! Тора Надежда!

В своем доме Мария чужого внука видеть не хотела, но и источником зла его не считала. Не ошибался Савватей в своей жене – умная баба.

- Понимаю, тора. Синедольск. Сухая улица, двенадцать. Саввушка когда приехал, у него купчая и вывалилась...

Ага, вывалилась... ты скажи – сама полезла! Но Яна уточнять не стала.

- Жама, я сейчас в Синедольск поеду. Ежели что узнаю про вашего мужа – как знать дать?

Мария блеснула глазами.

- А и то... есть там трактир. «Ржаной хлеб» называется. Саввушка там завсегда останавливался, случись в город ехать. Ежели что узнаете, оставьте хозяину записочку, или на словах передайте, мол, для Савватая...

Яна кивнула.

- Слово даю. Может, денег вам нужно, или еще чего?

Мария качнула головой.

- Все есть. Хоть реквизиция и была, да не у нас, у торов...

Яна не удержалась.

- Мария, понимаю, верить мне не стоит, но послушайте. Это – первая волна. И вторая пойдет, и третья... слово даю! Хватать будут, отбирать все, в ссылку угонять, куда Макар телят не гонял, казнить, расстреливать, бедноту и дурноту деревенскую пеной на волне вынесет, вас накроет. Что можете обращайтесь в золото, прячьте, и молчите. Железом каленым жечь будут – молчите. Страшные времена идут, темные... детей бы сберечь! Схроны делайте, зерно прячьте, припасы, что можете... поверьте, будет только хуже.

Яна знала, о чем говорит. И Мария это видела.

- Тора...

- Сыном клянусь. Даже если кто власть в стране и возьмет, все одно, несколько лет голода, страха, смертей будет. Вот попомните мои слова!

Мария кивнула.

- Благодарствую, тора.

Яна отвела глаза. Ни к чему... эта – поняла. Что может, сбережет, спрячет, схоронит так, что враги не найдут. Может, и предупредит кого, но не жалко. Такие с дурами не дружат.

- Сухая улица, двенадцать?

- Да, тора. Пусть Единый хранит вас и вашего сына.

- А я помолюсь ему за вас и ваших детей, - просто ответила Яна. –

Прощайте.

- Прощайте, тора.

Две женщины обменялись понимающими взглядами. И разошлись, чтобы больше никогда не встретиться.

Каждая – на свою маленькую войну. Войну за жизнь.

Русина, Подольск.

- Илюшенька, неспраздна я. Второй месяц уже пошел.

Илья смотрел, как баран, на новые ворота.

Неспраздна?

Большие ясные глаза тора Маргариты начали наполняться слезами. Понятно, хрустальными.

- Ты не рад нашему ребеночку?

Э...

А вот что тут ответишь? Правду?

Илья выбрал более безопасный вариант и сгреб Маргариту в охапку.

- Милая, любимая, я так счастлив!

Тора растаяла, просияла и кинулась к нему на шею.

А Илье виделись отчаянные глаза Анны. И ее тоскливое лицо. И Жоржи... малыш, что же будет теперь? Как будет?

В Подольске рассыпалось - все. Просто – все.

Дезертировали солдаты, не было продовольствия, обмундирования, медикаментов, не было интендантов... как раньше Илья их крыл трехэтажным! А поди ж ты!

Нет, а как нужны!?

Не было – ничего.

Кое-как Илья держался на том, что удавалось реквизирировать у населения. Кое-как, очень плохо...

Дети? В такой ситуации?

Илья понимал, что он сам виноват. Конечно, он предполагал, что Марго что-то такое пьет, или еще как... ну, бабы ж это умеют, верно? А вот то, что она оказалась неосторожна...

Сам, конечно, тоже должен был думать. Но – вот...

Ночью Илья спустился на кухню. Пить захотелось, а в графине была вода с лимоном. Лимон он не любил, а вот чистой воды почему-то не поставили. Ну и пошел.

Денщик?

Так удрал, скотина. А нового Илья и не взял – вроде как ни к чему. Тут и дед Савва, и тора Маргарита, и ее мать, и брат – почти семья...

Дед Савва и сейчас сидел на кухне, теребил какую-то упряжь. Что-то сшивал толстенной иглой...

- Не спится? – окликнул его Илья.

- Я смотрю, тор, и вам не спится, - согласился дед.

Илья был настолько усталым, что махнул рукой, да и вывалил правду.

- Меня сегодня тора Маргарита обрадовала. Беременна она.

Дед Савва охнул и всплеснул руками.

- Ох ты ж! Радость-то какая!

- Радость? А что жрать скоро нечего будет? Радость?! Нам из Подольска уходить надо к весне, это край, иначе тут не войско будет, а толпа грабителей и оборванцев! Куда ее?! С собой тащить!? А ее родных?!

- Вы что ж, тор, не поженитесь?! – дед Савва талантливо изображал ужас. – Она ж... как же тора такое переживет!?

Илья треснул кулаком по столу.

Зря. В кулаке была зажата глиняная чашка, и она такого обращения не перенесла.

- Дед, уймись! Женюсь... какие нынче свадьбы?

- Так обыкновенные, в церкви, как все играют...

- И что потом тору ждет? После брака со мной?

Дед Савва посмотрел удивленно. Что ждет? Ну... как и у всех замужних тор, понятно. Поедет к родителям мужа, будет там Илью с войны ждать, крестиком вышивать. А потом, когда все это кончится... ведь кончится же весь этот ужас хоть когда-то? Правда?!

Дураком Илья не был, при дворе такие не выживают. И смысл понял.

- Ты знаешь, что у меня сын есть. И она знала.

- Сыну вашему тора Маргарита второй матерью станет, - твердо сказал дед Савва. – Не сумлевайтесь, тор, детей она любит.

- А сын этого захочет? А его мать?

- Так вы ж не поженились?

- А вот это – не твоего ума дело, - прошипел коброй Илья. – И не ее... только жениться я на Марго не могу! Пока не узнаю, что с Анной – шага не сделаю.

Дед Савва схватился за грудь.

- Тор! Пощади, она ж этого не перенесет! Девочка или умом тронется, или с собой покончит...

- А ты ее в матери для моего Жоржика предлагаешь, - Илья забыл уже обо всем. В том числе, и что препирается с крестьянином. Разговаривал так же, как говорил бы с тором Измайловым. – А она чуть что – так в петлю?

- Позор-то какой!

- Какой еще позор? – скривился Илья.

Он отлично помнил, как в такой ситуации вела себя Анна. Ни криков о позоре, ни страданий... ей послан ребенок. Это – чудо и счастье. Она должна сберечь малыша, родить, а дальше посмотрим, как его устроить. В идеале- рядом с матерью.

Анна светилась от счастья. А тут – позор?

Интересно...

- Незамужняя, да понесла...

- И что? Оглянись вокруг, дед. Сейчас лицо мира меняется, а ты о глупостях? С торой я завтра поговорю, но и ты, если ей добра хочешь, так объясни. Мне сейчас не до ее глупостей. А свадьбы все после войны будут, и никак иначе.

Дед Савва подобрался.

- Тор, так вы ж уходить из Подольска хотите?

- Хочу.

- А тору на кого оставите?

- А что ты предлагаешь? Здесь все город, дом есть, денег дам...

- Незамужняя, да беременная, на второй же день ей или ворота грязью вымажут, или еще чего устроят... неуж вам все равно, когда ваш сын погибнет?

- Сразу так и погибнет?

- Может, вы хоть тору в свое имение отошлете? Мы—то и тут переждемся, а у нее маленький будет...

Илья качнул головой.

- Ты понимаешь, что по нынешним временам – она не доедет?

- Тор?

- Алексеевка не рядом. Это до Звенигорода по железной дороге, а потом еще от Звенигорода, под Синедольск... а все эти места заняты Освобожденцами. Ты предлагаешь тору одну послать?

- Нет, тор....

- Охрану с ней послать? Чтобы уж точно не доехала? Я тебя умнее считал.

Дед Савва сокрушенно поник головой. Это верно, сама по себе тора не доедет. И с семьей не доедет...

- Когда ж эту нечисть изведут? Тор?

- Когда-когда... в заповедные года, - поговоркой Анны ответил Илья. – Изводим, да плохо получается, сам видишь. У них сейчас сил больше, и снабжение, и все... Валежный в горах, на границе не пойми чего, а нам только ждать остается.

- Ох, тор...

- А ты еще думаешь... свадьба? Хорошо, когда мы победим. А вдруг проиграем?

- Да разве ж Творец такое допустит?!

- Он уже эту нечисть допустил, - отрезал Илья. – И не чешется. И остальное допустит, даже не сомневайся. Без моей фамилии у Марго хоть какие шансы будут. А вот как у жены офицера...

Савватей понял.

И все же, все же...

- Так ведь и не признаваться можно?

- Можно. Но коли до такого дойдет...

Илья не договорил, но дед Савва все отлично понял. Тут все в кучу смешалось. И опасения за будущее, и неуверенность в себе, и... да уж откровенны будем! Нежелание жениться!

Но кто же та, вторая?!

Имя дед Савва знал. Анна. Но сколько тех Аннушек по Русине ходит? Что тора, так точно. И сына родила...

Ох, плохо все складывается, плохо...

* * *

- Как – не хочет жениться!? Я с ним поговорю!

- Мама, лучше помолчи! – Маргарита цыкнула на мать вполне привычно. Тора Измайлова сжалась в комок и замолчала. После тех ужасных дней она вообще редко открывала рот. Но за своего родного ребенка...

Только вот ребенку оно и не слишком нужно?

- Вот так, тора, - развел руками дед Савва.

- Бред!

- Тора, - не удержался старик. – Лучше надо было его радовать!
- Ах ты... - возмутилась Марго. – Думаешь, я мало старалась?!
- Лучше порадуйтесь, тора, что глуп ваш будущий супруг. Умный бы сроками больше интересовался.

Тора скрипнула зубами.

Что верно, то верно... были у нее определенные сомнения. Были... но не признаваться же в них? Может, и от Ильи ребенок, а она неправильно все посчитала? Там же чуток времени-то прошло...

- Ты о таком, дед, лучше помалкивай.

- О каком-таком, тора? Знать ничего не знаю, ведать не ведаю.

- Вот и правильно. Что там за стерва?

- Молчит, тора. Я уж и так, и этак...

- И ничего?

- Только имя. Анна.

- Анна... да это кто угодно! Вон, великая княжна одна тоже Анна была – и что? Вот что теперь делать?!

Тора Измайлова фыркнула.

- Рожать, вестимо, - проговорил дед Савва. – Но не сразу.

- Понятно, не сразу. Но...

- Тора, ваш супруг... будущий... он хочет уводить войско из Подольска. Что хотите делайте, но мы должны отправиться вместе с войском.

- Но зима же!

- Здесь оставаться страшнее будет. Уж поверьте. Месяца не пройдет – убьют.

И сказано было так веско, что тора Маргарита поежилась, обхватила себя руками...

- Я постараюсь.

- Не настаивайте на браке. Но пусть с собой возьмет... может, там получится или в Герцогства уехать, или еще куда...

Тора закивала.

- Я... я справлюсь.

- Вот и ладненько, тора. Помните – наши жизни в ваших руках.

Маргарита помнила. И жить – хотелось. А моральная сторона вопроса ее не сильно и волновала.

- Непорядочные люди, – скрипнул зубами Антон Валежный.

И повторил уже подробнее, с расстановочкой.

Заслушались все. А войсковой конюх даже губами зашевелил, запоминая особо выдающиеся обороты. Образование, значит!

Повод у Валежного был – его настигла телеграмма от тора Изюмского.

Были они знакомы раньше? Не особенно. Так, встречались раз или два, но высший свет – место тесное. Да и Русина тоже.

Благодаря освобожденцам и некоторой сумме денег тор Изюмский знал, что Валежный сейчас громит фереев. И поскольку он начал бы с того же...

Не стоит ли предположить, что на службе Русины остался хоть один порядочный человек? Не считая, собственно, Изюмского?

Тор решил сообщить генералу то, что тот мог еще не знать.

Ворон мертв. Двое воронят живы. Не знаю, кто и где. Ищу. Убийцы мертвы, заклеваны.

Валежный понял. И понял достаточно. И про смерть Петера, и про живых детей, и что кто-то из детей оказался вовсе не беззубой тряпкой. Изюмский выразился достаточно четко. Если никого постороннего не было, а убийцы мертвы...

Значит, кто-то из императорских дочек сумел постоять за себя. И такую можно даже короновать.

Русина не останется без наследника престола. Это хорошо.

Наследника надо еще найти. Это плохо.

Что ж...

Валежный подозвал адъютанта и продиктовал ответное письмо.

Ищите. Обещаю помощь и поддержку. Надеюсь на встречу.

Умному будет достаточно. А тор Изюмский явно не дурак. И Валежный – тоже. Разобравшись с фереями, он переключится на освобожденцев, а война... для войны должен быть или девиз, или знамя. И таким знаменем может стать дочь императора. Осталось только ее найти. Но это потом, потом... можно побыть и местоблюстителем, в конце концов. Даром ему не нужен тот торн, но в стране должна быть стабильность, а не этот хаос. И не правление голодных крыс.

Остальное – разберемся.

Глава 10

Русина, Звенигород.

- Жом Пламенный, но почему – нет!?

- Идите, жом Ураган! Идите, - махнул рукой Пламенный. – Денег на это сейчас нет, понимаете? Нет! Денег!

И времени.

И сил.

И вообще – у меня другое на уме.

А быдло?

Бабы еще нарожают! Подумаешь, сокровище какое – щенки с помоек! Наплодятся, отстреливать не успеешь! У него дела государственные, а тут какую-то чушь несет соратник по борьбе! Вот заняться человеку явно нечем!

- Но мы столько принесли! Жом, умоляю! Ну хоть давайте приюты для детей откроем! Ну... хоть что-то! Хоть пункты по раздаче хлеба!

- Жом Ураган, - Пламенный ценил и любил своего соратника, да, насколько мог, но тем не менее. Но иногда... Это с ума сойдешь, пока до человека что-то дойдет! – Жом Ураган, поймите правильно. Лес рубят – щепки летят. Нет у меня сейчас на это средств! Надо оружие закупать, патроны...

- Люди лучше сражаться будут, зная, что их семьи с голоду не помрут!

- Жом. Ураган.

Когда Пламенный говорил таким тоном, становилось ясно – других результатов не будет.

Жом Ураган скрипнул зубами.

- Ладно же! Пусть так!

И дверью хлопнул.

Жом Пламенный нахмурился. Так... надо бы последить за верным соратником. Идейные – они самые страшные. Сегодня они за тебя, а

завтра за идею. А ты... а тебя они отлично съедят, если решат, что ты предал их идеалы.

Обязательно последим!

* * *

Вечером жом Тигр валялся на кровати.

Впервые за день просто позволил себе вытянуться, расслабиться – и ни о чем не думать. Уставал он страшно.

Яна в таких случаях не лезла с разговорами. Вообще не лезла с нежностями. Ложилась рядом, перебирала его волосы. Или разминала плечи.

Молчала, просто была. И это было чудесно...

Яна, где ты сейчас? Мне тебя... не хватает?

Размышления жома Тигра оборвал решительный голос.

- Меня – примет! Брысь!

И лепет слуги. Потом звук удара, открывшаяся дверь – и на пороге возник жом Ураган.

- Тигр, успокойся. Я с миром!

Слова были не лишними, учитывая, что в этот момент на него смотрело дуло небольшого револьвера. На таком расстоянии промазать было сложно, Тигр бы попал в переносицу. Куда и целился.

- Тебе чего надо?

- Чего-чего... догадайся!

- Тут еще и догадываться надо? – Тигр со стоном сунул ноги в домашние туфли. – Что б тебя, только отдохнуть прилег...

Жома Урагана такие мелочи не смутили.

- Прости. Но другого выхода у меня не было.

- Угу... интересно, что Пламенный скажет?

Ураган пожал плечами.

- Полагаю, очень огорчится, когда не дождетя своих шпионов. Двоих. Но не стоило их посылать ко мне.

Тигр только головой покачал. Черная прядь упала на лоб.

- Ладно. Проходи, располагайся... предложить что?

- Перебьюсь. Тигр, ты был прав.

Тигр и не сомневался.

- В чем именно?

- Я разговаривал с Пламенным. Ему вообще не до меня. И – да! Мне отказали!

Тигр закатил глаза.

- Даже не сомневался.

- Издеваешься?

- Нет.

Жом Ураган посмотрел собеседнику в глаза, и остался доволен результатом. Не издевались над ним. Разве что ерничали слегка, но тут... над ним – или над собой?

- Как так получилось, что мы с тобой этим вопросом озаботились, а больше – никто?

Тигр пожал плечами.

- Не знаю.

Хотя ответ он примерно знал, но Урагану говорить этого не хотелось. Некоторые вещи вообще вслух не произносятся.

В чем разница между хозяином и временщиком?

Хозяин думает, что достанется его потомкам. Что будет ПОСЛЕ него.

Временщик никогда об этом не думает. У него задача другая, набить карман и сбежать.

Вывод?

Он прост, но Урагану таких вещей лучше не говорить. Романтики-с...

Поэтому жом Тигр махнул рукой.

- Давай обговорим детали? Что, кто, сколько, куда, когда, как...

Ураган кивнул.

Двое мужчин планировали будущее страны, в которой жили и собирались жить дальше.

Планировал это будущее и Антон Валежный. Но если бы им сказали о сходстве...

Лучше такого не говорить. А то у сказавшего точно не будет будущего. Никакого.

Анна, Россия.

- Ань, ты чего вся вареная? – Кира валялась на кровати и жевала жвачку. Анна хоть и морщилась, но замечаний ей не делала – пусть. Гошку уложили спать. Мальчик хоть и протестовал, и не собирался спать днем, но сытный обед и свежий воздух буквально свалили его с ног.

Аня вздохнула.

- Не знаю... Кира, ты в курсе моей ситуации. Я рассказывала тебе об отце Георгия...

- Козел обыкновенный. И что?

- Мать у него... необыкновенная. И очень хочет прибрать к рукам моего сына.

- Вот коза! – Кира даже жевать жвачку перестала.

- И что теперь делать – я не представляю...

- А чего тут думать? – Кира искренне удивилась. – Собирайся, пошли к отцу.

- Кира, ему не до того.

- Плевать! – отрезала девочка.

- У него Елизавета...

- Значит, подожди пять минут. Сейчас я эту подлизу выставлю – и придешь, - решила Кира. И выскочила из комнаты прежде, чем Анна успела ее остановить.

Женщине оставалось только глядеть на захлопнувшуюся дверь.

Да, Кира становилась сильнее. Взрослее, опаснее – и во многом благодаря ее стараниям. Девочка и сама не замечала, как потихоньку, словно бы исподволь, прививаются ей хорошие манеры, как учат ее держать себя в руках, как дрессируют...

Когда-то давно, так поступили и с Анной.

Что уж получилось? Хорош ли результат?

Но без воспитания Анне было бы куда как сложнее, это точно. Кстати, Борис Викторович замечал внешнюю сторону изменений, Кира стала лучше одеваться, меньше краситься, и вообще, стала походить на нормального подростка.

Насколько нормального?

Не слишком современного, но адекватного и серьезного. Не ботан, как это сейчас называют, не серая мышь, не заучка, но у девочки появился свой стиль. И хороший вкус появился.

А вот Роза Ильинична видела и внутреннюю сторону. И оценила по достоинству.

- Маргарита, земля ей пухом, была бы довольна, - сообщила она как-то. И Анна поняла – одобряет.

Все реже вспоминалась ей ТА жизнь.

Дворцовая, грустная, без малейшей надежды на лучшее. Все чаще манила новая.

Отец... да, она уже воспринимала Петра Воронова, как своего отца, без малейшего отторжения, а того Петера почти не помнила.

Отец уехал временно с Сеней-евреем, продавать честные трофеи. А Анне обещал вернуться, как можно быстрее. И девушка радовалась этому.

Ее отец о ней заботится. О ее будущем, о будущем ее сына. Как же хорошо, когда ты можешь положиться на своих родных!

Два лица сливались воедино. Две жизни тоже, и все чаще воспоминания Яны казались родными, своими. А те...

Она видела когда-то сон. Чудесный сон. Страшный...

Но потом во сне кружились перед ней лица сестер и матери. Всплывали картины из дворца Хеллы.

Вспоминалась теплая тяжесть младенческого тельца на руках...

И снова и снова Анна просыпалась в слезах.

Год, только год.

Маленький мой, сынок, один раз я тебя предала. Я должна была плюнуть на все, уйти, сбежать, должна была поднять скандал, остаться с тобой... да хоть бы что сделать! Я не должна была бросать тебя на произвол судьбы, Хелла права!

Но коли уж так получилось...

Я не подведу тебя во второй раз. Я тебя люблю, малыш....

* * *

Кира ураганом проскакала по дому и ввалилась в гостиную.

- Папс, пардон! Чем занимаетесь?

Лиза посмотрела со злостью. Это ж надо – погань такая! Считай, весь день насмарку! А она только Боречку вытащила походить на

лыжах! Ей же надо продемонстрировать свой шикарный костюмчик из последней коллекции от Bogger^[16]!

Он так чудесно фигурку подчеркивает! И ножки у нее такие... на фотках просто блеск! В инсту выложить – девочки обзавидуются! А Боречка вообще фишку не рубит! Ну кто идет кататься на лыжах в спортивном костюме, которому уж сто лет в обед?! Куртка какая-то, штопанная, шапка жуткая... фотаться в таком? Это ж на всю жизнь позор!

Ну пусть хоть ее сфотает!

А как можно было бы красиво оформить!

Я и мой френд! Хотя... между нами, Боречка хотя и богат, но...

Он та-акой несовременный! Симпатичный, но совершенно ничего не понимает! И профиля у него нет в фейсбуке, и в соцсетях он не бывает, и разговоры у него скучные... ничего! Отец сказал – надо, значит – надо!

Опять же, Боречка – это для статуса, для спокойной и обеспеченной жизни. А вот для души...

Лиза едва не облизнулась, вспоминая ласковые руки своего тренера. Но... Кира не дремала.

- Я вам тут кайф не обломала? Вот и ладно! Папс, мне твоя помощь нужна!

- Срочно?

- Нет, не срочно! А вообще, я к вам! Лизка, подвинься!

Кира бесцеремонно завалилась на диван так, что красавица подлетела на полметра вверх.

- Кира!

- Неня, ну ты ж против не будешь? Посидим мило, тихо, по-семейному? Я щас пиццу закажу...

- Пиццу!?

- Хочешь? Тебе какую!? С креветками, грибами, рыбой?

- Да я... да я эту гадость и в рот не возьму! Это же смерть фигуре!

- Мне пока можно, я еще не в том возрасте, - припечатала Кира. – Папс?

- Может, лучше в холодильнике что посмотришь? – Борис Викторович против пиццы ничего не имел, но Анна готовила лучше.

- Точно! У нас там должно быть маскарпоне! И вчера мы буженину запекали, помнишь? Могу бутеры накромять!

- Кромсай, - разрешил Борис Викторович. – И побольше.
- Мяу, - авторитетно подтвердил материализовавшийся рядом Сталин.

Буженину он помнил. И очень надеялся на продолжение банкета.

- Фу! Кошка! – рыкнула Лиза.

- Кот! Ненька, ты что – мальчиков от девочек не отличаешь? Папс, отправь ее срочно к гинекологу на просвещаться! Я личинусов хочу! Еще штуки три!

И наглая девица улетучилась.

Лиза сидела, открывая и закрывая рот. Сталин подумал секунду, решил, что девушка нуждается в срочной психологической помощи – и укусил ее за ногу. Клыкотерапия называется. Помогает пополам с когтеукалыванием.

Лиза взвизгнула – и вскочила с места.

Кот понял, что операция прошла успешно – и дематериализовался. Лиза поняла, что ей тоже пора.

- Боречка, я поеду...

- Может, останешься?

Но Лиза принялась заверять, что все шикарно, просто ей надо, и вообще... и быстро улетучилась. Милое семейное времяпрепровождение ее совершенно не радовало. И почему бы так?

* * *

На Киру Борис Викторович посмотрел с легкой укоризной. С легонькой такой, потому как ломти буженины, истекающие соком и источающие восхитительный мясной аромат, а также соус и свежесдобитый в домашней хлебопечке хлеб мигом примирили его с реальностью.

- Рассказывай, давай. Что случилось?

- Пап, у Ани проблема.

- Какая?

- Ничего особенного. Ты можешь ей посоветовать реально грамотного юриста? Из тех, что образование не за бабло получали?

- И все?

- Ну да. А что?

- Ничего. Возьми мой сотовый, спиши телефон Петра Валентиновича Ильичева.

- Хорошо... ему можно сказать, что от тебя?

- Можно, - Борис Викторович вонзил зубы в мясо и аж заурчал от удовольствия. Кинул кусок кошаку, который заурчал ничуть не хуже и утащил добычу под диван. – Скажи.

- Спасибо, папс.

- А теперь иди сюда. Раз ты Лизу разогнала, и не строй мне тут рожицы, что я не понял, что ли? Так вот, будешь сидеть со мной и смотреть фильм. В мой законный выходной!

- Эммм... папс, а можно я тогда и Аню приглашу?

Борис Викторович подумал пару минут.

- А ее сын?

- И он потом придет. А что?

- Зови, - махнул рукой мужчина, ощущая себя разомлевшим котом. И подумал, что надо посмотреть нечто ненапряжное. Такое... родное, уютное...

А еще хорошо бы не слишком длинное и с юмором.

О!

«Гусарская баллада»!

Трое людей сидели на роскошном диване, жевали бутерброды, наперебой гладили кота, хохотали над поручиком Ржевским, а потом к ним еще и Гошка присоединился. Выспавшийся и довольный.

Кира подумала минуту – и предложила поставить что-то такое...

Из старых советских мультфильмов, приключенческое и симпатичное. Выбор пал на «Приключения пингвиненка Лоло».

Незаметно тянулся день. Уютный и спокойный, может быть, по-настоящему выходной.

Кира косилась на Гошку, но, к своему удивлению, не ревновала. И пацаненок был смешной, и не злой совершенно, и с таким интересом смотрел и слушал... как-то хотелось его учить.

А ревность...

У него только мама. А у нее только папа. Так вот сложилось... вот еще сложить бы их вместе!

Ну ничего, Кира очень постарается. Вот дурачье ж эти взрослые, своего счастья не видят! Зато она все прекрасно понимает! Подождите

у меня, никуда вы не денетесь! И Кира подмигнула Розе Ильиничне, которая пришла забрать грязную посуду.

Получила в ответ одобрительный взгляд – и расцвела. Точно – никуда вы, голубчики, не удерете от своего счастья! Коллективом отловим! И – к светлому будущему!

Моему...

Русина, поместье великого князя Гавриила Воронова.

- У нас все готово, князь.

Жом Пламенный серьезно смотрел на Гаврюшу.

Да, жертвоприношение! Да, Хелле! И что?

Вот как еще убедить этого полудурка? И скомпрометировать, кстати говоря?

Только одним способом. Провести жертвоприношение, если уж ему так охота! Пусть... и люди готовы. Готово и дерево для жертвенного костра, и ячмень, и сосуд для крови – все, как описал Гаврюша.

Сам князь, одетый в черный балахон на голое тело, тоже находился рядом. Сжимал обсидиановый нож, который Пламенный привез из Звенигорода, и был весьма и весьма серьезен.

- Можно начинать?

- Сейчас... луна взойдет.

Перекресток трех дорог.

Найти несложно, окружить солдатами еще проще. Главное, расставить их так, чтобы никому не было видно лишнего. Ни к чему.

Компромагом на таких фигу с кем попало не делятся!

А вообще, очень удобное место. И недалеко от поместья, и рядом с лесом, и речка неподалеку – дорога и идет вдоль речки, а потом ответвляется к лесу.

Гавриил лично начертил круг.

Мишель установил в его центре корзину с ячменем. Рядом с костром. Там же стояла чаша с водой.

Гавриил вздохнул – и прошел в круг. Чувствовал он себя явно неуверенно. Но – назвался груздем, пожалуй на сковородку!

Гаврюша взял факел и поджег его.

- Приведите жертву.

Пламенный кивнул – и в круг втолкнули связанного человека.

Мужчина, лет сорока, по виду из благородных, связан плотно, как колбаса, рот заткнут, чтобы не мешал своими высказываниями жертвоприношениям... Гавриила он явно узнал, бешено завращал глазами, но кто там его спрашивал?

Это жертвоприношение, здесь не место эмоциям.

- Хелла, к тебе взываю!

Гавриил затушил факел в ритуальной чаше. Потом трижды обошел противосолонь вокруг костра, включая в этот круг и жертву. Окропил человека водой из чаши, в которой затушил факел.

Посыпал ячменем.

А потом воздел кинжал.

- Хелла, твоим именем! Тебе посвящаю!

Нож опустился.

Правда, попал Гаврюша не с первого раза, пришлось еще дважды бить, прежде, чем человек замер, испустив последний вздох.

Тишина стояла такая, что казалось, слышно даже тяжелое дыхание Пламенного.

А потом...

Совы летят бесшумно. А потому, когда над костром возник белый призрак, все шарахнулись, а Гаврюша как-то тоненько, по-бабьи взвизгнул.

- Ой, мама!

Насчет мамы – неизвестно. Но визг его не уберег.

На светлейший лоб шлепнулся крупный шматок птичьего помета. Жирный такой... сова явно не голодала. И еще один – контрольный.

Птица сделала круг – и улетела в темноту, ехидно разухавшись откуда-то из леса. Оно и правильно, озверевший Гаврюша выхватил у сына пистолет и высадил по лесу малым не всю обойму.

Птице, правда, не повредил. Но какое-то дерево точно пострадало, метнулось в темноту нечто крупное... животное какое?

Да, наверное...

А Гавриил разразился таким матом, что конюх Гришка, которому вчерась кобыла на ногу наступила, почувствовал бы себя жалким дилетантом. От как благородный-то господин скажет, так сразу чувствуется и опыт, и умение...

Учиться надо!

А не кобылам под хвост заглядывать!

Пламенный благоразумно молчал. В принципе, и так все было ясно. С тем же успехом лично Хелла могла бы возникнуть над костром и плюнуть Гаврюше на крохотную и тщательно маскируемую плешку на макушке.

Жутко это...

Когда белый призрак, на белых крыльях... вот сейчас Пламенный и прочувствовал. И осознал.

И передернулся.

Решение о ликвидации Петера принимал именно он, пробивал тоже он, приказы отдавал он... Так что и ответственность его.

Когда считаешь, что ТАМ ничего нет и не будет – не так страшно. Ясно же, там пустота, и жить надо здесь. А вот когда тебя вдруг примораживает, и ты осознаешь, что боги живы...

Что колокол звонил не просто так...

Что пушка стреляла не из-за происков врага....

Вернись в Звенигород – прикажу снять обе реликвии и переплавить к едрене вше!

* * *

В том, что Тимка утянулся вечером на рыбалку, ничего удивительного не было. Мать ему сунула кусок хлеба, натертый чесноком, дала луковку и кусок вяленой же рыбы – и рукой махнула.

Иди, сынок.

Рыбаком Тимка был удачливым, и в вершах его перебивало немало крупной рыбы. Считай, семья с нее и жила. Батяка-то горькую попивает частенько, а когда пьянка да гулянка – не до работы. Тимка и то уж решил, что как подрастет чуток, так выкинет отца за порог. Ишь ты, мать на поденщине горбатится, лишь бы мелких прокормить, а он только и знает, что пить да гулеванить!

Но пару лет еще подождать придется, сейчас Тимка маловат. Хоть ему и четырнадцать, а все одно, со взрослым мужиком ему не сладить, и надел свой не поднять.

Сейчас, зимой, конечно, какая рыбалка!

Но вершю установить можно. Тимка так и делал, а чтобы за ним не увязались, ходил вечером. Ночью даже...

Честно говоря, рыбачил он у господского дома. Неподалеку...

Тор Гавриил рыбку ловить любил, а потому у поместья ее часто прикармливали. И рыба там была хорошая, крупная, жирная... только вот вряд ли он с пониманием отнесется к Тимкиным нуждам.

А и плевать!

Маменька и малышня голодать, пока он жив, не будут!

Когда Шарик, взятый с собой за компанию, вдруг заскулил, прижал хвост и потянул Тимку в темноту, паренек послушался сразу. Собака – зверь умный, зазря не сбросит, значит, чует недоброе. А что сказать не может, так и сам дураком не будь!

Так что Тимка прижался под берег, накрылся белой холстиной, которую всегда брал с собой на такой именно случай, затащил под нее пса – и отлично все видел.

И как круг рисовали, и как тор Гавриил убил того человека, и сову...

Ой, мамочки, это что ж делается-то!?

И даже слова тора Гавриила: «без благословения я на трон не сяду...»

И сложно было б не услышать, разорвался означенный тор так, что его в Звенигороде услышать можно было. Хорошо еще, жом Пламенный предусмотрительно приказал своим людям заткнуть уши.

А вот Тимка все слышал.

И соображал.

В четырнадцать лет, на деревне, уже не ребенок. Все он отлично понял... о таких делах среди мальчишек страшные сказки ходили, если что!

И о жертвах баяли... Темной богине то служит!

Это что ж!

Ихний князь, значитца, душу запродавал, чтобы на трон сесть? И с освобожденцами стакнулся? Ихнее знамя не узнать сложно было...

Кажись, да.

А богиня-то его и не принимает...

Но Тимка честно рассказал только маменьке.

А маменька – куме. Дело-то такое... страшное дело!

Примерно через три дня знала вся деревня. Через неделю – соседние деревни.

А там и по Русине понеслось – не остановишь. Но кто будет слушать сплетни всякого быдла? Доказательств-то нет?!

* * *

В гостиной тор Гавриил лично прошел к столику с напитками, набуровил себе благородного дубовика в стакан – и жахнул полный.

Посмотрел на Пламенного. На сына.

- Будете?

Мишель качнул головой. Переглянулся с Пламенным.

- РарА, объясните, что случилось?

- А до тебя не дошло? – окрысился Гавриил.

- Нет... подумаешь, птица. Летела – и что?

- Болван. Вот так и понимаешь, что кретина родил...

Мишель сдвинул брови.

- РарА, хватит ругаться. Скажите ясно, что не так?

- Все не так. Хелла нашу жертву не приняла, - неожиданно спокойно ответил Гавриил. И налил себе еще стакан дубовика.

- И что? Народу плевать, он все одно в Единого верит...

- Народ, е-мое, да кого интересует это быдло!? – на глазах пьянея расхохотался Гаврюша. – В кого скажем, в того и верить будут! И плевать на них три раза! А вот заживо сгнуть не хочется! И тебя, полудурка, хоронить – тоже.

- Э....

- Плоды просвещения, бать их так! И мать-перемать тоже, - выругался на глазах пьянеющий Гаврюша. – Не веришь, идиотушка! Нет бы подумать, чего тут этот тип штаны протирает? Его б воля, давно б ты в земле гнил, да ромашками снизу вверх любовался!

Жом Пламенный с интересом посмотрел на Гаврюшу. У него бывают проблески сознания? Как интересно и неожиданно!

- То-то и оно, что в отличие от тебя, болванчика паркетного, этот тип кое-что знает! Потому и боится! Потому и бегаёт сюда! А мог бы обойти условие, так обошел бы.... Да жить охота...

- Отец, так что теперь делать? – достали Мишеля пьяные откровения.

- За... и бегать, - разъяснил Гаврюша. – Наследника искать. Или наследницу, кого там этот ... и ... назначил! А иначе никак...

И упал в кресло, словно тушка.

Третий высосанный стакан дубовика оказался роковым. Гаврюша отключился.

Мишель переглянулся с Пламенным.

- Жом, предлагаю что-нибудь перекусить. И поговорить.

Пламенный кивнул.

М-да, похоже Гаврюша слился. В уборную... А значит – надо искать ему замену. Его сын как раз подойдет.

Пламенный изо всех сил давил в себе мысль, что Хелле могут не подойти ни Гаврюша, ни его сын. Но... работаем с тем, что имеем.

И почему он не работает в Борхуме? Там такого нет... или просто он чего-то не знает? Может ведь и такое быть...

ТЬфу на этих богов!

Какая им разница, кто им молится?! Почему они не могут оставить людей в покое и заниматься своими делами?! Такие планы летят в тартарары из-за одной бабы. Пусть и богини!

ТЬфу!

Ферейские горы.

Селение Ривалек.

Валежный не собирался ни тянуть, ни церемониться. С чего бы это?

Он бодро и весело прошел по горам – и осадил Ривалек.

Как – осадил? Снова – громкое слово, которого совершенно не заслуживало небольшое селение. Нет, не заслуживало...

Долина словно на ладони лежащая меж двух гор. Валежный, не говоря дурного слова, отрядил по двадцать человек с пулеметами, занять возвышенности. А потом послал парламентаря.

Предложение было царским.

Вы уходите – и мы вам за это ничего не делаем. Оставляете все награбленное, и вон отсюда. По другим селениям... туда мы еще

придем. Но у вас есть шанс удрать дальше, в Чилиан.

Не согласны?

Не обессудьте.

Слава летела впереди Валежного. Но горцы решили еще раз испытать судьбу. А может, и не судьбу... Ривалек был выбран не просто так.

Богатое селение испокон века жило с торговли дурманом. Растили, собирали, продавали... а Валежный ненавидел эту пакость.

С его точки зрения, всех торговцев дурманом надо бы подвесить за ноги и закидывать в них эту дрянь. Пока не подохнут!

Или еще чего придумать... а уж учитывая, что себя, любимых, ферей берегли и для работы с дурманом использовали пленных русин...

Убивал бы!

Медленно и мучительно...

Даже к набегам Валежный относился лояльнее... а эта дрянь шла в Чилиан, потом опять в Русину, медленно убивая, калеча, сводя с ума...

Отказали?

Не обессудьте!

Валежный отдал приказ никого не жалеть – и снова казаки двинулись на приступ.

Хлестнули пулеметы, как сверху, так и из селения. Но Ривалек никогда не осаждали. Он был слишком далеко, обычно война прекращалась раньше. Здесь не было по-настоящему обстрелянных воинов. Здесь не было таких укреплений, как в Халахан-Варте. Здесь Шахры-бека не было, коли на то пошло. Погиб при штурме Халахан-Варта.

Селение продержалось несколько часов, а потом снова началась резня. Хотя в этот раз русины были настроены более мирно.

И все равно...

Уцелели немногие, в основном, женщины и дети, те, кто спрятались по подвалам и сараям, те, кого пощадила шальная пуля...

Кровь, грязь, смерть...

Крики женщин, до которых дорвались разгоряченные солдаты, Валежный поморщился – и решил все равно не вмешиваться. Гадко?

А не гадко надевать золото, в чужой крови вымоченное? Не жгло? То-то и оно...

К вечеру из селения выкинули кучку уцелевших. Им (Валежный все же проиграл своей совести) выдали теплую одежду, дали несколько осликов, чтобы посадить детей, и даже дали немного денег. Пес с ними...

Все равно в селении взяли столько, что Антон лишь головой покачал. Он, конечно, не бухгалтер, но интендант, который остался при нем, потирал руки. И уверял, что взятого хватит на прокорм войска. Уж до лета – точно.

А летом?

А до лета еще дожить надо. Потому как зиму Валежный проводит в горах, а весной собирался спуститься на равнины...

Надо разбираться с освобожденцами.

Надо...

* * *

Фереи прислали парламентаров спустя два дня после взятия Ривалека.

Шестеро седобородых старцев час стояли на коленях у границы лагеря, прежде, чем Валежный решил снизойти и выйти.

Его это коробило, унижение старости – гадость. Но – иначе просто не поймут.

И выйти следовало строго определенным образом. При всем параде, со свитой... все правильно.

Горе побежденным.

Победа одних, поражение других, все это нарочито, подчеркнуто, ярко...

- Что вам угодно?

Один из стариков поднял голову. Валежный подумал, что ему уже лет под сто, как бы не больше. Дряхлый, аж рассыпается...

- Генерал, ты идешь по нашим горам, словно великан. Ты повергаешь ниц своих врагов. Мы умоляем тебя уйти... хватит жертв. Хватит горя...

Валежный хмыкнул.

- Когда вы несли горе в наши дома, вы не слушали никого. Почему я должен вас послушать?

- Потому что твой дом в огне, генерал. Ты можешь сжечь наши дома, но и свой ты не спасешь.

Валежный нахмурился.

- Все верно. Я сожгу ваши дома и уйду через горы. В Чилиан. Меня пропустят, даже не сомневайтесь. А Русина пусть горит – не я ее поджигал.

- Но стоит ли тогда....

- Стоит, старик. Мне столько раз не давали этого сделать, - кровожадную улыбку Валежного можно было помещать на плакаты и пугать детей по ночам, - что сейчас я хочу отыграться напоследок. Даже если и сдохну – то со вкусом вашей крови на губах!

- Мы умоляем тебя остановиться.

- Вас не трогали чужие мольбы...

- Чего ты хочешь, генерал?

- Я уже сказал, - поморщился Валежный. Вот ведь народ!

Все и всё прекрасно понимают, но вилять и изворачиваться будут до последнего. А смогут ударить в спину – ударят. И яду подсыпят, и еще как нагадят...

Торг продолжался несколько дней и завершился разгромной победой Валежного.

Его армия до конца не уходила из гор. Все селения, в которые ступила нога русина, оставались за русинами. И там будут жить – заложники.

По десять человек от каждого рода.

Десять человек.

Не просто мужчины, а женщины и дети... подло?

Ничего, авось так вы удержитесь от подлостей! Зная, что их головы полетят первыми.

Потому что командовать парадом Валежный поставил Али-хана. Али-хан, собственно, был таким же, как Барза-бек, только с другой стороны медали.

Беременная русинка умудрилась убить хозяина и бежать из гор.

Невозможно?

Да! Особенно когда тебе четырнадцать лет, когда ты еще ребенок, когда тебя не воспринимают всерьез. Но ей это удалось. И Али-хан,

названный так в память о горах, отлично знал историю своей матери.

И очень не любил фереев.

Прекрасно знал язык, обычаи, знал, на что надавить, как погладить... и ненавидел тех, кто стал причиной ее боли!

Русинка выбралась к своим, вышла замуж – за такое сокровище казаки просто передрались, это ж не жена, а сказка! Такая не просто детей – богатырей подарит! Али-хан вырос с отчимом, который никому и никогда не позволял обидеть его мать. И сам Али-хан драться научился, и в семье его любили, и постоять он за себя мог.

И все равно – ненавидел.

Потому что знал, как убили его деда и бабу. Как убивали дядьев и теток. Как оставили его мать, потому что та была действительно красива, и подарили толстому гадкому старику. Как мать все время притворялась, что слабая, глупая, ничтожная и несчастная. Как готовилась к побегу.

Как убивала, как травила собак, как пустила погоню по ложному следу – чего ей это стоило в горах! Как шла одна по горным тропам...

Вышла и выжила она чудом.

Одна, беременная... и у чуда было имя. Имя ее отца, ее деда, прадеда... не просто так извели под корень ее род. Старинный род, в котором первой игрушкой даже девочкам давали деревянный кинжал, а второй – боевой.

Горцы тоже знали эту историю. И были очень недовольны. Но Валежному было плевать.

Али-хан справится. А он побудет здесь еще месяц, соберет выкуп (война должна быть выгодной, вы нас сами этому научили, неуважаемые) – и вернется к весне на равнины.

Его ждут освобожденцы.

Свободные герцогства.

- Что со Станиславом?

Зинаида искренне удивилась, не обнаружив доктора на его законном месте.

Берта, которая теперь намного лучше относилась к девушке, мимоходом сунула Полкану в пасть что-то вкусное, потрепала собаку

по голове – и разъяснила.

- Приболел. Обещал скоро вернуться.

- Как же так? - расстроилась Ида.

- А вот так! Сама знаешь, привык на холод выскакивать, а тут натопили, помнишь?

- Помню. На пол можно было рыбу поставить на сковородке. Мигом бы поджарилась.

- Вот-вот... Здесь-то тепло, а он раздетый выскочил. Вот и просквозило.

Ида кивнула.

- Понятно... кто ж сегодня на замене?

- Доктор Ив.

- ФУ! – от души высказалась девушка.

- Я вам не нравлюсь? Жама, вы разбиваете мне сердце...

Ида повернулась. Доктор Ив ей не нравился?

Что вы, это еще очень слабо сказано! Ее бы воля – она бы доктора Ива Решье натерла на терке. Уроженец Ламермура искренне считал себя неотразимым. И не отказывал себе в удовольствии.

Да, и отказов он тоже не понимал.

У Зинаиды роль дуэньи отлично играл Полкан. Стоило милому песику вопросительно сказать: «PPPPP?» глядя в строго определенную область мужского организма (сам мужик, все понимаю, ежели надо операцию произвести, по откусыванию), как организм тут же отступил назад. И больше рук не распускал.

А то вздумал по попке хлопать!

Нашел крестьянку! Ида тогда так ошалела от наглости, что сразу даже пощечину негодяю не дала. А вот Полкан не растерялся, умничка зубастая!

И вот бывает же такое... хоть и свиньей доктор был по отношению к дамам, но руки у него были золотые. Не отнять... еще бы он их не распускал, паразит!

- Доктор Ив, мое отношение к вам, как к человеку, не обязано обсуждаться на работе, - поставила его на место Ида.

- А в нерабочее время? Может, я могу пригласить вас в синематограф? И попробовать изменить ваше отношение?

Уже прогресс.

Других сестер милосердия он приглашал в свободную палату. И отношение искал под юбкой.

- Полкан будет счастлив, - парировала Ида. – В синематографе он еще никого не загрыз.

Доктор поскуchnел.

- Ида, вы разбиваете мне сердце.

- Не сомневаюсь, доктор, вы сможете себя исцелить, - парировала девушка.

Берта фыркнула.

К ней-то как раз Ив не подкатывал. Хотел, но умничка Берта один раз попросила мужа встретить ее с работы. При виде двухметрового грузчика с плечами не про всякую дверь, доктор Ив погрузнел, поскуchnел – и решил, что стоит уважать святость семейных уз.

А то ведь могут и не откатать.

Остальным сестрам милосердия доставалось. И ведь не жаловались... место хорошее, работа спокойная, уволят – куда идти?

Проще уж перетерпеть...

Зинаида это видела, но что тут поделаешь? Убивать разве что... и похлеще видела, и слышала... в каком же чудесном мире она жила!

Тихом, спокойном, защищенном!

И как же тяжело жить на свете, если у тебя нет сильной родни, денег, власти, если ты – обычный человек...

Очень страшно.

- Ладно, - вздохнул доктор Ив, - давайте работать. Вот, еще одного привезли... похоже, ногу раздробил... Ида, готовьтесь. Будете помогать на ампутации.

Берта посмотрела на Иду сочувственным взглядом.

Зинаида пожала плечами.

Ее это как-то не пугало. Кровь, грязь, внутренности... что такого? Все из этого состоят... жаль, она оперировать не может. А было интересно...

* * *

Станислава не было и на следующий день.

И еще один...

И Ида решилась.

- Понимаешь, Полкаша, - объясняла она собаке, направляясь после работы к знакомому дому. – Конечно, это не принято. И вообще, девушки из приличных семей так не поступают. Но вдруг ему помощь нужна?

Полкан был согласен.

Суки за кобелями не бегают, это верно. Но у людей все как-то сложно, а хозяйка всегда права! Это же понятно! Значит, пусть ходит. В обиду он ее не даст, это уж точно.

Жом Лешек встретил Иду, как родную.

- Дня доброго, тора. К дохтуру?

- К нему, жом Лешек, - легко вспомнила имя Зинаида.

- А он, почитай, третий день не показывается...

- На работе он сказал, что заболел, - Ида серьезно посмотрела на дворника. – Но болезнь – это серьезно. Вы меня к нему не проводите?

Крысы и жуткая лестница ей и в первый раз не понравились. И сейчас тоже...

Жом Лешек как-то похабно улыбнулся, но скабрзных шуток решил не отпускать. Ида к ним как-то не располагала.

Вот и дверь.

Лешек заколотил в нее, что есть сил.

- Дохтур! Открывай, к тебе пришли!!!

Ида прислушивалась.

Тишина.

- Дохтур!!!

- Он не выходил никуда? – резко спросила Зинаида.

- Нет, тора. Я б знал... как пришел, так и третий день у себя.

- Домовладельца сюда. С ключами. Немедленно!

Когда Ида начинала распоряжаться таким тоном....

А она начинала? Она и не помнила за собой такого. Но видимо, от Аделины Шеллес-Альденской она унаследовала не только светлые волосы и голубые глаза.

Жом Лешек ссыпался по лестнице, словно за ним гнался очень разъяренный Полкан.

- Гав? – спросил собакин.

- Надо открыть и посмотреть, - просто объяснила Ида. – Я волнуюсь.

Полкан принялся – и кивнул головой.

Надо открыть. Эх, ну что за невезение у людей? Ни слуха, ни нюха... вот затем им собаки и даны! Чтобы хоть как-то компенсировать свою ущербность!

Домовладелица появилась через двадцать минут. Ида посмотрела – и передумала скандалить. По лестнице, пытая и отдуваясь, воздвигала себя туша кита. Или моржа. Или...

Что-то очень крупное и в оборочках. Глаз толком не видно, зато подбородков штук шесть.

- Что это вы тут затеяли, тора?

Ида выпрямилась. Тон записной склочницы явственно говорил, что без боя та не сдастся. Это что же ей сказал жом Лешек, что она решила сюда подняться?

- Что Я тут затеяла, жама? Немедленно открывайте дверь! Вы хоть понимаете, что человеку может быть плохо? Вам нужны проблемы с полицией, если у вас тут мертвец обнаружится?

- С чего бы это ему помереть? Можя, наоборот, он к себе какую девку пригласил, а вы сейчас ей волосья драть будете? – заворчала жама, приближаясь к двери и доставая ключи.

Ида сдвинула брови.

- Любезнейшая, мне важно не ваше мнение, а ваши действия.

- Чаво?

- Таво! – рывкнула выведенная из себя великая княжна. – Дай сюда ключ! Немедленно!

Жама и не поняла, как у нее из рук выдернули железку. Хотела, было, двинуться вперед и разъяснить нахалке, кто тут главный, но вовремя заметила Полкана.

- Р-ры? – уточнил кобель.

Тон его сомнений не оставлял. Прокусит.

Даже через толстый-толстый слой сала. Наши дворняги не привыкли отступать перед трудностями... догрызется! Прогрызет!

- Ой... – сказала тетка.

Зинаида тем временем попала ключом в замочную скважину – и распахнула дверь в комнату.

Холодно там было – как на улице. Даже при закрытом окне.

Станислав лежал на кровати под тремя одеялами (всеми, которые нашлись). И что-то говорил.

Ида прислушалась.

- Две ложки хины... нет, не надо... я сказал – Римма...

Не понять. Ничего не понять... да и ни к чему. Потому что температура у бедняги – жуткая. А рядом даже воды нет...

- Ах вы...

Все приличные слова у Зинаиды куда-то делись.

Станислав третий день валяется трупом, воды подать некому, а этой твари...

Да что тебе – сложно задницу поднять!?

Рычание у Зинаиды получилось не хуже, чем у Полкана. Пес аж попятился. А домовладелица – тем более. И правильно сделала.

Ида сейчас бы ее с лестницы спустила, не задумалась. И плевать на разницу в весовых категориях – шар катить удобнее!

- Жом Лешек!

- Да, тора...

- Немедленно! Найти мне карету и двоих сильных мужчин! Я больного человека в этом гадюшнике не оставлю!!!

- А...

Зря хозяйка открыла рот.

Ида вызверилась на нее так, что и Полкан завистливо вздохнул.

- Ты сейчас закроешь за нами эту дверь. И если не дай Творец отсюда хоть щепка пропадет из вещей доктора – я тебя за воровство посажу! И молись, чтобы он выжил! В противном случае ты за убийство сядешь...

- Да какое убийство?!

- С особой жестокостью! Человек три дня в горячке, ей даже посмотреть что да как лень! Сама дойти не можешь – дворника б послала или служанку, чай, не переломится! И молчи, пока я сюда полицию не прислала! И не заставила регистрацию у всех жильцов проверять!

Ида уже знала, чем можно пригрозить.

Тетка умолкла и вымелась за дверь.

Девушка вздохнула – и положила руку на лоб Станислава. Мужчина, почувствовав прохладу, потянулся к ней всем лицом, зарылся в ее ладонь, словно маленький. Так и не приходя в себя...

- Ничего, жом. Справимся. Я вас тут не брошу. И плевать на приличия!

- РРРгав! – подтвердил Полкан.
Прррриличия еще какие-то выдумали!
Спасай кобеля, подохнет ведь! А от него щенята могут быть хорошие!
Ида покосилась на собаку, но промолчала.
Будут ее тут всякие мохнатые учить жизни... хвост не дорос! И клыки – тоже! Вот!
Да где ж там этот дворник!?

* * *

Долго ждать не пришлось, и Ида, удивляясь сама себе, уселась в карету.

Это – она?!

Она командует мужчинами, она требует грузить аккуратнее, она спокойно раздает медь направо и налево, она садится в карету, аккуратно придерживая большое тяжелое тело.

Кстати – неодетое.

В одном нижнем белье.

Станислав как-то не подумал, что его будут грузить или перетаскивать, и не оделся. А Ида решила не заморачиваться. Укутать потеплее, а дома все равно раздевать.

А ведь еще пару лет тому назад...

Что-то с ней Анна такое сделала. И нет, речь не о ране, и не о спасении. Словно какие-то цепи с нее упали. Тяжеленные... она их и не замечала, а сейчас так легко двигаться!

Легко, спокойно, а главное – правильно. И почему-то Иде кажется, что Анна бы одобрила. Надо помогать людям! Особенно когда они сами себе помочь не могут.

Карета остановилась возле домика, который купила Ида, и кучер открыл дверь. Второго грузчика, увы, не было, в его роли выступил дворник. Но Ида не собиралась теряться.

- Ждите, жом.

- А за ожидание...

- Доплачу. Ждите.

И Ида метнулась в дом.

- Жом Пауль!!! Жом Пауль!!!

Постоянную прислугу она не держала. Обошлась тремя людьми. Кухарка, жама Эльза – приходила раз в два дня, готовила пищу и уходила. Разогреть ее Ида теперь могла и сама. И стол сервировать для себя одной – ничего сложного. Да и некогда особо привередничать – после госпиталя.

Горничная – содержать в порядке дом и одежду Иды. Тоже, не сказать, чтобы работы было много. Жама Гертруда управлялась без особых усилий. А Ида разрешила и горничной и кухарке брать с собой детей. Если оставить их не с кем.

Раньше – нет. Даже не подумала бы. А сейчас, вот, дала свое позволение. Платила она хорошо, сильно не ругалась, так что женщины были довольны, еда была вкусной и свежей, а дом сиял чистотой. Может, и приворовывали, но Ида решила, что мелочи внимания не стоят. Пусть их...

Третьим слугой был муж жама Гертруды – жом Пауль.

Так получилось, что его переехала карета. И лакеем он работать больше не смог – хромота осталась, кособокость... но не плевать ли было Иде?

Ей нужен был мужчина по хозяйству на все руки. Коней она содержать не собиралась, но это – дом! Снег почистить, дрова принести, гвоздь вбить – да мало ли дел по хозяйству?

Очень много.

Трое людей работали на нее, и все были довольны. Вот, жома Пауля Ида и звала.

- Тора?

- Мне нужна ваша помощь!

- Что случилось, тора?

- Помогите перенести человека! В гостевую спальню, на первый этаж, - решила Ида.

На втором этаже было три спальни, но это уже вовсе неприлично. Нет уж, первым этажом обойдется.

- Кого, тора? – вышла из кухни Эльза.

- Сейчас перенесем – и я все расскажу, - отозвалась Ида, хлопывая по руке перчаткой. – Да осторожнее! Что ж вы больного, как дрова тащите!?

Мужчины не отругивались. Кряхтели, но понимали, что девушка нервничает.

- Вот так! Кладите! Жом, это вам за труды!

В ладонь кучера скользнуло серебро.

- Благодарю, тора. Может, вам чего отвезти, привезти надобно?

Ида задумалась.

Больной в доме – источник проблем. Но каких?

- Где вас найти?

- Я обычно на углу Мясницкой и Колокольной стою, тора. И отсюда, вроде, недалече. Спросите дядюшку Михеля, меня там все знают.

- Хорошо... дядюшка Михель. Я буду иметь это в виду.

Сама Ида предпочитала ходить пешком. Моцион, знаете ли... да и все тут недалеко. Но – вдруг?

Извозчик ушел, а девушка кивнула слугам.

- Жду всех в гостиной.

Тоже Анна. Которая мигом отучила Зинаиду от снобизма. Ладно, не в единую минуту. Но старшей сестре было, что сказать. А младшая поневоле слушала.

Когда у тебя все болит, и рана не заживает, и твоя жизнь зависит от старшей сестры – поневоле прислушаешься... Не будешь обращаться с людьми по-человечески? Вот они с тобой по-скотски и поступят!

Слуги себя ждать не заставили.

Ида обвела всех взглядом.

- Вы знаете, что я работаю в лечебнице.

Слуги знали. Что ж, у торы могут быть свои прихоти. У кого цветочки, у кого лечебницы – это даже благородно. Помогать страждущим...

Слуги ведь не видели, как благородно тора вытаскивает судно! Или моет грязный пол!

- Станислав – доктор. Он три дня не был на службе, и я забеспокоилась. Поехала к нему и нашла мужчину больным. Поскольку у него нет семьи и ухаживать за ним некому, я забрала его сюда.

- Тора, это ж неприличие какое! – ахнула Эльза.

Зинаида сморщила нос.

- Жама Эльза, мне все равно, кто и что скажет. Я не оставлю человека на верную смерть!

Кухарка устыдилась.

- Но как же...

- Днем я буду в лечебнице. И готова доплачивать за присмотр. Вам, безусловно, придется сварить что-то, подходящее для больного.

- Так морс, опять же, бульон куриный...

- Жама Гертруда, надеюсь, вы сможете ухаживать за Станиславом Венедиктовичем? Разумеется, не бесплатно? Жом Пауль, вы поможете, если его надо будет перевернуть?

- Конечно, тора.

- Отлично, жом Пауль, жамы... так и решим.

- Тора, а ночью как же?

- Жама Эльза, ночью я как-нибудь справлюсь, - язвительно отозвалась Ида. – Или вы полагаете, что в таком состоянии мужчина может представлять для меня опасность?

- Тора!

- Нет? Тогда я – для него?

Жама Эльза покраснела.

- А все одно, так не делают...

Ида возвела очи горе.

- Жама Эльза. Если бы я соблюдала приличия, мои косточки бы уже вороны по Русине растащили.

Сказано было четко. Жама устыдилась и заткнулась.

То-то же!

Взяли моду – хозяев критиковать! Никакой демократии! И никаких освобождений! Иде уже Русины по уши хватило!

Как-то там Анна?

Нашла ли она сына?

Впрочем, эти мысли быстро уступили место другим, более насущным. Требовалось срочно позаботиться о больном.

* * *

Жом Станислав просто горел в лихорадке.

Даже жама Эльза плюнула на приличия, и помогала обтирать мужчину, переворачивать, сварила морс, и Ида аккуратно поила несчастного из специальной кружечки с носиком.

Пил он жадно, хоть и не приходя в сознание.

Больше Ида ничего толком не могла сделать. Ее знаний хватало, чтоб понять – приближается кризис. Но перенесет ли его несчастный?

Сейчас, в тепле и с уходом, у него хотя бы есть шанс.

Глава 11

Анна, Россия.

- Давай, топай! А мы с Гошкой по развлекалке погуляем!
  - Кира, только пожалуйста...
  - не буду я покупать все подряд!
  - И мороженое...
  - Не больше шести порций на нос!
  - Кира!!!
  - Ладно! Трех!
  - Издеваешься?
  - торгуюсь. Аня, иди уже! Замучила всех своим неврозом!
- Анна покачала головой, но развернулась.

Встреча с Ольгой Сергеевной была назначена на сегодня. И – да. С юристом.

С бешено популярным, дорогим, хитрым и изворотливым собачьим сыном. Анна, отвечая на его вопросы, едва не поседела. И порадовалась за себя и за Яну.

Повезло!

Повезло, что Яна не вписала Сережу Цветаева ни в одну метрику, даже отчество малышу дала – Петрович. Георгий Петрович Воронов.

Повезло, что была только одна встреча. А то бы наговорила она чего не надо.

Повезло, что вовремя обратилась к специалисту.

И вот – кафе «Рояль». Дорогое, жутко популярное, пафосное и претенциозное. Юрист, Яков Александрович, перехватил Анну неподалеку от входа.

- Нервничаете?
- Да, Яков Александрович. А...
- Как я догадался? У вас платье не на ту пуговицу застегнуто.

Анна посмотрела на платье.

Замечательно. Пуговицы на нем есть, но декоративные.

- Яков Александрович!

Юрист расплылся в улыбке.

Был он невысок, седоволос и больше всего напоминал «божий одуванчик». Этаким старичок, дунь-рассыплется. Но хватка у него была железная. И не только в делах – Анна оценила рукопожатие. Похоже, адвокат выбрал для себя образ и активно его эксплуатировал. Старый, седой, замученный жизнью еврей...

А поди, тронь!

Мигом узнаешь, почем на рынке гвозди!

- Анна, вы помните. Вы поздоровались – и передали мне слово. Дальше разговаривать буду я.

- Да, Яков Александрович.

- Вот и отлично.

Мужчина мило улыбнулся – и направился ко входу в кафе, поддерживая Анну под локоть.

Ольга Сергеевна уже сидела за столиком в компании второй дамы. Анна смерила их обоих оценивающим взглядом.

М-да.

Кажется, ей решили сразу указать на ее место. Обычно на женщин такое действует сокрушительно. Две очаровательных леди, иначе и не скажешь, ухоженных, холеных до кончиков ногтей, отманикюренных, с укладкой, которая стоит больше, чем годовая зарплата бюджетника и в костюмах, которые явно приехали с подиумов. Обычно дамы, видя такое богатство, теряются, начинают мямлить, грустить – и сливаются.

Анна едва не фыркнула.

Если данный спектакль рассчитывался на нее.... Императорская семья вообще исповедовала подчеркнутую скромность. Нарочито простые платья, скромные украшения...

Императорская семья.

Другие ветви, тот же Гавриил с его сыном, могли ходить, как раззолоченные петухи. А вот Аделина Шеллес-Альденская отлично знала цену своей красоте. И понимала, что слишком вычурные наряды ее погубят. Так что Анна давно научилась не горевать.

Она – дочь императора. Что еще надо добавлять?

Вот и сейчас – насколько ж смешны попытки двух разбогатевших простолудинок выставить себя королевами.

- Дамы, добрый день, - поздоровался Яков Александрович.

И для одной из дам его явление оказалось неприятной неожиданностью.

- Дядя Соломон? Вы?

Анна подняла брови. Яков Александрович расплылся в улыбке.

- Машенька, вы так же очаровательны, как и лет пятнадцать назад, кажется? Я тогда вел у вас...

- Семейное право, - понурилась красотка, отлично понимая, что это – игра.

Имя он помнит, а предмет забыл? Забавно...

- Анечка, я тогда был молод и согласился чуточку поработать в институте, - разулыбался адвокат. – Вот и прозвали меня, после одной истории – Соломоном. Но царь, это как-то не демократично, а вот дядя Соломон...

Это оказалось последней фразой, сказанной на русском литературном, а не на русском юридическом. Последующая беседа состояла из столь высокопробной юридической фени, что Анна и трети не понимала. Законы, ссылки, параграфы, какие-то суды и судьи...

Нет, непонятно...

Забавно, что Ольга Сергеевна тоже не вмешивалась в диалог. И только, когда поняла, что ее юристка начинает проигрывать, разомкнула губы.

- Я не отступлюсь. Это мой внук, и я имею все права...

- Ольга Сергеевна, - мило улыбнулся Яков Александрович. – Вы забегаете вперед. Пока не установлено отцовство – вы для ребенка Анны Петровны – никто. И этот вопрос мы еще обсудим, если вы решите судиться.

- Никаких – если.

- Хорошо. Вы решили судиться? Так подавайте в суд. Но если до решения суда вы или ваши люди только попробуют приблизиться к Анне Петровне или к Георгию Петровичу, не обессудьте. Здесь вам не дикий Запад, здесь Россия, и законы работают.

Ольга Сергеевна гомерически расхохоталась. Яков Александрович покачал головой.

- Зря вы так, девушка. Но – дело ваше. Вот моя визитка, все бумаги присылайте на адрес моей конторы. Засим позвольте откланяться.

Яков Александрович распрощался, и отодвинул Анне стул, помогая выйти.

Анна молчала до выхода из кафе. Потом...

- Какие у них шансы?

- Как это ни печально, деточка, неплохие. В нашей стране с законами... сложно.

- Я понимаю.

- А если понимаете – не отчаивайтесь. У нас есть хороший шанс дотянуть до школьного возраста вашего ребенка. А там и судья уже спросит, чего мальчик желает...

- Имею ли я право его лишать богатства? Яков Александрович, - Анна озвучила то, что ее мучило все это время. – У Ольги Сергеевны есть деньги, власть, и Горшку она любить будет... наверное. Я беднее. И смогу ли я его защитить?

Юрист качнул головой.

- Анна, вы мудрый человек, если об этом думаете. Но поверьте моему опыту – рядом с этой женщиной никому хорошо не будет.

Опыт Анны говорил то же самое. Но спросить она спросила.

- Почему?

- Она слышит только себя. И совершит с вашим сыном все ошибки, которые совершила со своим.

- А если со мной что-то случится?

- Тогда ваш отец будет лучшим опекуном, чем эта дама.

- Вы не знаете моего отца.

- Но я вижу результат его воспитания. Поберегите себя, Анна.

- Но если...

- Я помогу вам правильно оформить все документы. Чтобы не было непредвиденного «если».

- Благодарю вас, Яков Александрович.

- Не стоит благодарности, Анна.

* * *

Разговор.

- Что я могу тебе сказать, Боря? Интересная девочка.

- Да?

- Ты меня не первый год знаешь. Так вот, не будь Сашенька женат, я бы их обязательно познакомил. Очень умненькая, очень сообразительная.

- Таких много.

- Да. Но эта не просто умненькая, она умеет думать не только о себе. Это редкость в любое время.

- Не сказал бы...

- Боря, поверь моему опыту. Девочка – золото.

- Кира ее мечтает со мной свести.

- Ну и сведись, не пожалеешь.

- Яша, не лезь в чужую личную жизнь.

- Во-первых, не в чужую, а в твою. А во-вторых, Боря, сколько лет мы друг друга знаем?

- Другие столько в браке не живут...

- То-то и оно, Боря. Кирюшка, видимо, умничка, в тебя пошла. Не знаю, кому Анна достанется, но жена из нее получится чудесная. Нежная, чуткая, домашняя... и как я понял, девочка тоже не горит желанием выйти замуж. Ей в жизни от кого-то сильно досталось.

- Цветаев?

- Вполне возможно, Боря. Вполне возможно. Но это все между нами.

- Обижаешь, Яша.

Конечно, раскрывать тайны клиента неэтично. Но... Яков Александрович за собой вины не чувствовал. Вдруг получится так, что через год или два, госпожа Воронова станет госпожой Савойской? Тогда все оправдано, ведь у хорошей жены не должно быть тайн от мужа. Так... маленькие, личные, в пределах одного миллиона евро.

Русина, в дороге.

Жом Алоиз Зарайский поздравлял себя.

Вот что значит – обаяние!

Бабы от него всегда таяли, и сейчас оно не дало сбой. Два дня он обхаживал толстую дуру!

Два дня лил мед и елей!

Два дня убеждал ее поверить... и ведь не зря!

Добился своего! Справился!

Тора Зинаида проговорила ему о том, о чем и на смертном одре молчать должна была.

Одна из дочерей императора родила вне брака. И родила – СЫНА!!!

Алоиз едва не заскакал от такого заявления. Это ж... это такой шанс! Тор Дрейл счастлив будет! Любая проверка покажет родство мальчишки с императорской династией, но в то же время – чистый лист. Не императорская дочка, которую с малолетства учили и натаскивали. А просто – обычный мальчишка... вот где счастье-то!

Лепи – что хочешь! Хоть императора, хоть куклу на троне... Алоизу плевать!

Зинаида Валенская много не знала. Просто один раз подслушала разговор Анны и молодого офицера. Кажется, тор Алексеев... он признавался в любви, она тосковала о ребенке...

Много из такого разговора не выкроишь.

Зинаида все же рассказала бы о нем Аделине. Но банально не успела.

Приболела, потом уехала лечиться, потом Освобождение... почему сразу не сказала? Так требовалось сначала навести справки самой.

Зинаида не слишком любила великую княжну Анну. Вот младшенькую, Нини, она обожала. А Анну – так, более-менее. Любила, но ведь и любят по-разному. За кого-то и жизнь отдать не жаль, а кого-то... любишь. Но если отдашь жизнь, кто же будет любить дальше?

Аделину Зинаида любила. Анну – меньше. За Нини в огонь бы бросилась, не задумалась. Но прежде, чем рассказывать тайны Анны ее матери, требовалось узнать подробности.

Что связывало мужчину и женщину, сколько лет ребенку, когда и где он родился... да, хотя бы! А уж потом и доносить.

Зинаида промолчала, а потом было поздно. Зато теперь у Алоиза появился СЛЕД!

Алексеев... тор Алексеев.

Ему нужна Сафьяновая книга. И навести справки. А дальше будет видно. Но сейчас у него есть хотя бы шанс выдернуть хвост из мышеловки. Хотя бы надежда...

Русина, Синедольск.

Аксинья была довольна и счастлива.

Город!

Она на такое и не рассчитывала, что вы! Была уверена, что мать ее никогда не отпустит... это естественно! Где родился, там и пригодился! А сейчас, вот, город, дом...

Пацаненок?

А и ничего страшного, она и мамкиных вырастила, и с этим справится. Мысль о том, что тора надо воспитывать все же чуточку иначе, Аксинье в голову пока не приходила. Места для нее не хватало.

Гошка дичился, не принимал девушку, но Ксюха не унывала.

Пекла пироги, припевала...

- Капусты нет!

А что за пироги без капусты? И щи? И...

И вообще - куда без нее? И как это Аксинья ее купить забыла?

- Георгий Петрович!

Мальчик сидел и рисовал на большом листе. Аксинья пригляделась.

Образы, скорее, образы.

Тора Надежда.

Обреченная – и в то же время довольная. В последний момент своей жизни она сделала все необходимое. Правильно сделала.

Дядька Савва. Почему-то похожий на лесное чудовище.

Сама Аксинья.

Рядом с печью... это было обидно. Чем она не горожанка? Но... чего ждать от мальчишки?

- Георгий Петрович, я на рынок отлучусь, капустки куплю...

Гошка кивнул головой.

На пол спланировал еще один лист бумаги. Женское лицо.

- Ой... а кто ж это такая? Красивая...

Мальчишка выдернул из ее рук лист.

- Моя мама.

Аксинья поняла, что дальше расспрашивать не стоит – и ушла.

Мама?

А они полагали, что его мать Ирина Ивановна? Нет? Странно это... а впрочем, кому теперь важны все эти секреты?

Никому...

* * *

Что понимают дети?

Все.

Просто иногда нет смысла говорить взрослым хоть что-то. К чему? Взрослые по умолчанию считают себя умными, а детей недоумками. И не прислушиваются к ним.

А Гошка все понимал. Просто есть вещи, о которых лучше не говорить. И не думать.

И...

Есть вещи, от которых ты с криком просыпаешься по ночам. И рядом никого нет. Вообще никого...

Есть одиночество.

Вроде бы ты не один, и мама Рина тебя любит, но она не совсем настоящая мама. Приемная.

Гоша не знал, что это такое. Потом понял. Это когда две мамы, просто одна не может постоянно быть с ним рядом. Но это не потому, что его не любят.

Мама его любит. И плачет, когда его видит. И... дети это чувствуют.

Отец?

Отец его тоже любит, но наверное, не так сильно. Он смеется, он любит брать Гошу на руки и высоко подбрасывать, а Гоше это не нравится.

Отец расстраивается и дразнит его трусишкой. А Гоша не трусишка, просто его начинает тошнить, и он боится, что сейчас его вырвет. А папа не понимает...

И понять не хочет.

Почему?

Есть дедушка – его Гоша видел редко. Бабушка говорила, что он сильно болен.

И есть бабушка.

Уютная и теплая, родная и настоящая. Она точно его любит.

А недавно случилось... нечто. Даже вспоминать это Гоше было больно.

Они с мамой Ирой приехали домой. К бабушке и дедушке. И он был ужасно доволен! На конюшне были лошади, и ему обещали своего пони. Во дворе была собака, и ему говорили, что у него будет свой щенок. И гулять можно было целый день, и не надо было ради этого надевать противную накрахмаленную матроску и отглаженные брючки, и бегать можно было свободно...

За ним приглядывала Матреша.

С Матрешей они тоже подружились, девочка учила его кидать камешки так, чтобы получались круги на воде. А он учил ее рисовать... получалось плохо, но им было весело вместе.

А потом что-то случилось...

Страшное.

Гоша помнил, как влетела в комнату бабушка, как говорила с мамой, как потом толкнула ее в уборную и заперла, а Гошу потянула за собой.

Помнил отчаянные глаза Матрешы.

Помнил, как девочка почти волоком волокла его по лесу, оглядывалась и шептала: «скорее, миленький! Бежим быстрее, обоих же убьют, коли догонят...»

И Гоша как-то все понял.

Когда увидел глаза деда, к которому они прибежали.

Тот смотрел... так... Гоша не решился спрашивать – тогда, но потом, когда они уже ехали на телеге, все же насмелился.

- Бабушка... она умерла?

- Да, внучек.

- Ее Змей Горыныч скушал?

- Да, можно и так сказать...

И Гошка представлял этого Змея.

Огромного, страшного, чудовищного... он летит на своих огненных крыльях, спускается, поедает людей... бабушка его спасала. Он это понял.

Папа? Мама?

Их не было рядом... Гоша был уверен, они скоро приедут. И Ксюша так говорила.

Дед Савва просил пожить в доме, во всем слушаться Ксюшу и ждать родителей. А они обязательно скоро приедут. Гоша тоже это знал.

Конечно, приедут! Как же иначе? Родители никогда не бросают детей... или они – не родители. Так, утроба, из которой на свет может что угодно выползти.

Впрочем, Гошка об этом не думал. Он твердо знал, что мама скоро приедет. Не мама Ира, нет... он отлично понял, что Змей скушал и ее тоже. Если бабушку, и деда, и... и наверное, всех слуг в доме... страшно-то как!

А маму Аню не скушал.

И мама Аня обязательно приедет, и найдет его, надо только немножко подождать. Он сказал об этом Ксюше, и та была полностью согласна. Конечно, приедет.

Уже скоро-скоро... надо только быть хорошим мальчиком, кушать кашу вовремя ложиться спать... вот с последним были проблемы.

Гоша очень плохо спал, просыпался с криком ужаса, и ему чудилось, что Змей летит за ним. Летит, хочет сожрать, ищет, поворачивает громадную голову и глаза его горят злобными алыми огнями.

Ксюша приходила, сидела рядом с ним, гладила по голове, шептала нечто утешительное... он успокаивался и снова засыпал. Но...

Гоше так хотелось, чтобы скорее приехала мама!

А то город – такая гадость! И гулять тут нельзя. И вообще...

Мама, папа, где же вы? Я так соскучился!

Свободные герцогства

Станислав открыл глаза.

Творец, как же ему было паршиво...

Все тело разламывалось, начиная с костей черепа и кончая костями пяток, болела каждая мышца, тошнило, перед глазами все плыло, а еще, кажется, его поджаривали. Жестоко и равномерно.

- Станислав?

Холодная ладошка легла на лоб, немножко уменьшая боль. Стас попытался откликнуться, но вместо слова получился стон.

- Пить хотите?

Стас застонал повторно.

Хотите?!

ДА!!!

Но как об этом сказать?

Впрочем, его слова никому не требовались. Женская рука приподняла его голову, поднесла к губам носик поильника, и в горло мужчины полилось нечто невероятно вкусное, прохладное, кисло-сладкое....

- Клюквенный морс. Вам полезно.

И нужно!

И важно!!!

Станислав глотал и глотал, пока не выпил все до капли, и его не опустили на подушку.

- Вот так. Как вы себя чувствуете, Станислав?

Мужчина попробовал шевельнуть языком. И на этот раз у него даже слова получились.

- Плохо...

Глаза он открывать даже не пытался. Свет бил так, что больно становилось от одной мысли.

- У вас сегодня ночью был кризис. Я забрала вас позавчера из вашей каморки. Надеюсь, вы не в обиде.

Стас потихоньку припоминал происходящее.

Не в обиде?

О, что вы! Он отлично помнил, как лежал больной, как безумно хотелось пить, как он осознавал, что, наверное, тут и умрет. Но сил встать, позвать на помощь, хоть наружу выползти – не было. Вообще никаких сил не было.

Но... кто?

Голос был знакомым, но у него так звенело в ушах и шумело в голове... он бы сейчас и мать родную не опознал!

- Кто...

- Ида, - рассмеялся рядом голос. – Кажется, доктор, я должна обидеться?

- Нет...

Прохладная ладонь опять коснулась лба.

- Не переживайте, Станислав. Я над вами просто подшучиваю. Сейчас придет жом Пауль, он поможет вам с туалетом. Вас нужно обтирать влажной салфеткой, да и оправиться вам не помешало бы.

Станислав с этим был полностью согласен.

- Ида...

- Лежите и не пытайтесь ничего говорить. Вы не один. Рядом с вами постоянно кто-то будет, или я, или жама Эльза, или жама Гертруда – пока вы не сможете хотя бы с кровати встать. Сейчас вы у меня дома.

Стасу было так плохо, что он принял это, как факт.

Дома?

Да хоть где! Главное, не умер! Выживем- там посмотрим, и кто, и когда, и что... а сейчас хоть выздороветь бы. Последний раз его так накрывало еще в Университете, лет пятнадцать тому назад... или нет! Лет семь тому... как раз, с Марией...

Сил не было ни на что. Разве что дышать...

Станислав покорно принимал заботу, выпил из чашки горячего бульона с кореньями и уснул. Ну, хоть что-то хорошее...

* * *

В больнице Ида отправилась к заведующему клиникой.

Жом Рукоцкий ей откровенно не нравился. Тадеус Чеславович был невысок, сед, худ и пах постоянно какой-то пакостью.

А еще....

Еще он обладал темпераментом мартовского кота и неутомимостью отбойного молотка. Судя по сплетням, в которые девушку посвятили Берта и Леона. Все существа в юбках, невзначай оказавшиеся в его ведении и в зоне досягаемости, проверялись на устойчивость. А потом еще и расшатывались...

Разве можно отказать такому мужчине?

Самое печальное, что многие и не отказывали. Кто из страха, кто из желания получить какие-то преференции от начальства, и в результате жом Рукоцкий начал... зарываться. Не дала девушка своего согласия добровольно?

И что? Если ей понравилось, значит, это уже не насилие!

Ида не удивилась. При дворе она и не такое повидала. Двор императора, знаете ли, не оранжерея для выращивания орхидей.

Да, Ида быстро потерялась в обычной жизни! Она не знала, сколько стоит булка хлеба, как снять жилье, как разговаривать с простыми людьми... эти ее пробелы восполнила Анна. А сейчас и жизнь уже своего добавила.

Но вот интриги! Психология! Умение видеть гадюк на цветущем лугу... вот этого не отнять у любого, кто хотя бы год прожил при дворе. Тадеуса Чеславовича Ида видела насквозь. Но... стоит ли ругаться?

Станиславом он дорожил, к Станиславу записывались за год вперед, и когда Стас сообщил, что желает вот эту девушку – в качестве сестры милосердия, да еще и зарплату ей платить не надо....

Жом Рукоцкий едва от радости не заплясал. А когда увидел Иду – вдвойне.

Волосы она красила, платья носила мешковатые, но разве обманешь опытного бабника?

Никогда! Они добычу за версту чувят! Но в присутствии, опять же, Станислава жом Рукоцкий не наглед. А вот сейчас...

- Рядом, - приказала Ида Полкану.

Умный пес прижался к ее ноге и изобразил готовность не отставать. Хоть бы и в пещеру с драконом, но с тобой, хозяйка! Так они в кабинет и вошли.

Жом Рукоцкий разулыбался во все оставшиеся зубы, числом примерно двадцать. Что выбили, что от старости выпало, и поднялся из кресла, распространяя волну удушливых миазмов.

- Жама Ида, вы сегодня само очарование.

Ида едва не фыркнула.

Она вставала к Станиславу семь раз за ночь. И спала очень плохо. Устала, осунулась, появились круги под глазами... но кризис, кажется, миновал! А это дорогого стоило!

- Жом Рукоцкий, я должна вам сообщить, что жом Рагальский не сможет в ближайшее время выйти на работу.

- Вот как? И что случилось? Устал?

- Свалился с двусторонним воспалением легких, - ледяным тоном проинформировала Ида.

- Ну... дело молодое, - жом разулыбался так похабно, что Ида поморщилась. – А когда у него, хе-хе... пройдет это... воспаление?

- Жом, - когда Ида хотела, она могла смотреть не хуже своей матери. И взглядом замораживала точно так же. – Вы, видимо, не поняли? Доктор Рагальский болен. Опасно. Мог умереть. Когда выздоровеет – не знаю. То, что ему оказали необходимую помощь, вообще можно приравнять к чуду.

Жом Рукоцкий сообразил, что речь не о влюбленности и не о том, что двое молодых людей докувыркались в кровати. Но... характер такой – собачий!

- Завидую Станиславу. Везунчик!

- Не умер? Безусловно, уже везение, - вежливо согласилась Ида.

- Со столь прекрасной сиделкой любая болезнь нипочем! Особенно в молодости.

Ида даже отвечать не стала. Вместо нее ответил Полкан. Вскочил на лапы, посмотрел на жом Рукоцкого, особенно в одну, конкретную часть, и вежливо так высказался.

- ГАВ!

Жом покривился, но ругаться не стал. Были уже разговоры, и Ида сообщила, что если выгонят собаку, то она тоже уйдет. И ее деньги, что более важно. Поэтому гнать пса к растакой-то матери команды не последовало. Вместо этого жом произвольно прикрылся ручками и вздохнул. Этак... похабно-мечтательно.

- Ах, Идочка, как бы мне хотелось, чтобы вы и обо мне так же позаботились.

Ида прищурилась.

- Не думаю, что вы выживете... - выдержала точную паузу и продолжила. – С такой горячкой и лихорадкой. Но если свалитесь – пусть ваша супруга посылает ко мне слугу. Я приду за вами ухаживать... покажу ей, как лучше вас переворачивать, судно подкладывать.

Тадеус сморщился, словно от кислого. Супруга у него была...

И как подлецам так удастся устроиться? Впрочем, таких уж жен они выбирают и таких детей воспитывают, что в своих семьях мелких домашних тиранов едва ли не на руках носят и безгрешными считают?

Или просто не хотят трогать, пока не сильно воняет?

Ида и второму варианту не удивилась бы.

- Идочка, вы мне сердце разбиваете.

- Тогда вы слишком низко его ищете, - парировала девушка. И потрепала Полкана по загривку. – Я еще раз повторюсь, Станислав болен. На работу вернется не раньше, чем через десять дней. Всего хорошего, жом Тадеус.

Жом квакнул в ответ нечто приветливо-прощальное, и опустился в кресло, провожая взглядом выходящую Иду.

М-да... какая корма! Какие обводы! Просто восхитительная девушка, но такая неприступная... как это грустно!

А Стасику повезло, м-да, повезло...

И жом заулыбался от вставших перед его воображением похабных картинок.

Борхум, Дальбек

Вообще, этот поступок был против Митиных принципов.

Но.... Иногда ими тоже можно поступиться. Потому как очень нужны деньги. Очень-очень.

Валежный ему, конечно, дал доступ к своим банковским счетам. И Дмитрий пользовался, и старался не нагнеть.

Но...

И разорять хорошего человека не хотелось, и динамит нынче дорог, и вообще...

Очень уж Мите хотелось сделать одну маленькую такую диверсию.... Ну и отомстить немножко Валежному. За что?

Наверное, просто обидно было.

Вот как хотите, господа, но... Митя Валежному был благодарен – до крайности. Ценил его, уважал, даже восхищался. И именно поэтому жутко хотел подпустить маленькую такую шпильку.

Потому как нельзя быть таким идеальным.

Вот хотелось, ну хотелось....

А если хочется – надо делать! Чего ж страдать-то от нереализованного желания? Делать надо!

Митя ласково, даже нежно смотрел на здание банка. Белоснежное, красивое.... Пора?

Да, пора!

Здесь одному сработать не получится, но ничего! Люди свои, надежные, проверенные... и у каждого просто чудесная мотивация – всем нужны деньги. А коли так...

О, шум начался!

На соседней улице несколько заранее нанятых нищих устроили потасовку.

Громкую, грязную, с воплями и швырянием камнями. Чтобы полиция на них отвлеклась во всем районе. Митя им неплохо заплатил, и нищие старались на совесть. Орала, кидались грязью, потом пошли в драку... а поди, разними?! Они же чумазные, завшивленные, злые... нет, полиция с таким разбираться не любит. Вот пожарный расчет вызвать, да водой разлить, как кошаков?

Но ты еще поди, вызови! Время нужно, а Мите того и требуется. Время и только время!

Митя подхватил саквояж и направился к банку. Рядом с ним шел Коля-Ник, нес второй саквояж. Оба прилично одеты, у обоих изменена внешность, наложен грим, покрашены волосы, прилеплены усы и борода – отлично меняет внешность. У Коли еще и очки на носу, тоже полезно...

Двери банка приветливо открываются перед новыми посетителями. Охранник смотрит внимательно, ну смотри-смотри, Митя таких тоже видал. Во всех видах.

Небольшая очередь, окошко кассира, и в очереди еще один знакомый человек.

Митя честь-честью встал, дождался своего момента, и, открыв саквояж, предъявил кассиру револьвер.

- Видишь? Вот и умничка. Это ограбление.

Ник тем временем взял на прицел охранника, Люк, ламермурец, тем временем сгонял людей к центру зала, заставлял ложиться. Митя его взял еще и за этим. Ламермурский акцент – такая штука... наверняка его кто-то да опознает. И след уйдет в сторону соседа.

Не Русину ж подставлять!

- Раздевайся! - Это Ник охраннику. Тот поспешно принялся скидывать форму – револьвер всегда был отличным аргументом. Ник подождал конца процесса, связал охранника, а форму натянул на себя. Мало ли что?

Захочет кто в банк прийти, а тут охранник стоит на пороге.

Простите, торы, извините, жамы, никак в банк нельзя. У нас тут фановую трубу прорвало... к деньгам, наверное. Вот починим – тогда милости просим... не пахнет?

Сейчас звоняет!

- Торы и жамы, - мягко обратился ко всем Митя. – Это ограбление. Просьба соблюдать тишину и спокойствие, тогда никто не пострадает. Нам нужны только деньги банка, но не ваши средства.

За это время он запер наружную дверь и повернул табличку на «закрито».

Вот так... авось, никто и не полезет. Им уже пообещали, то у них ничего не возьмут, а банк.... Там чужое, там не жалко.

Ник аккуратно принялся всем увязывать руки за спиной. Параллельно устраивая краткий обыск и отбрасывая в сторону найденное оружие. Веревку Митя и припас заранее, и нарезал заранее – чего на месте-то суетиться?

В комнате отдыха еще двое охранников. Но стрелять не пришлось – это не Русина. Там герои могли бы найтись, а в Борхуме... своя шкура ближе к телу и дорога хозяину.

Митя метнулся к кабинету управляющего. Тот, естественно, был на месте. Но едва не провалил всю задумку, потому как испортил воздух и кажется, не сдержался. Вонял он так – глаза резало. Дотрагиваться до такого вовсе не хотелось – фу! Гадость!

Но не бросать же дело из-за одного засранца?

Поэтому Митя показал ему пистолет и внятно объяснил, что только сотрудничество поможет ему сохранить жизнь. Так что – к хранилищам. Внизу еще два охранника.

Впрочем, геройствовать не стали и они – зачем?

Митя вежливо показал пистолет, помахал в воздухе динамитной шашкой, и ребята дружно решили, что лучше быть здоровым и живым. Открыли дверь в хранилище и позволили себя связать.

Митя прошелся по подвалу.

Шафы, шафы... ключи тут же, в особом ящичке, дорогом, палисандровом...

Митя кивнул увязавшемуся за ним Люку, и принялся открывать шафы.

С акциями он не связывался вообще – не его поле игры. А вот золото, особенно в монетах – надо брать все. Слитки – тут хуже, но

почему бы не взять? Вторым слоем.

Серебро?

Неплохо, но не хочется особо.

А вот и банкноты... Митя трамбовал в саквояжи половину золота, половину банкнот, Люк оттаскивал наверх....

Наверное, только одну вещь Митя переправил себе лично за пазуху - пару мешочков с драгоценными камнями, которые обнаружились в одном из сейфов.

Два саквояжа.

Еще два.

И еще четыре.

Пару холщовых сумок Митя все же набил разной бумагой, особо не вдаваясь в подробности. Акции, облигации... не удержался! Трамбовал, как старые газеты!

Все, хватит!

Митя горестно вздохнул, посмотрел на ряды несгораемых шкафов, эх, как же хочется! Но не стоит увлекаться, и по времени – пора!

Кивок Люку, мол, пошли!

Ответная улыбка, и двое мужчин мчатся наверх.

Тяжелые саквояжи?

Своя ноша – не тянет!

На выход и побыстрее. К банку, удачно загоразживая происходящее от народа подкатывает дорогушая пролетка. Хорошие кони, крепкая красивая коляска – такая внимания не привлечет. Стоит и стоит, явно ждет кого-то... дождались.

В пролетку летят саквояжи, один за другим, в банке Ник продолжает держать всех под прицелом, чтобы тревога не поднялась раньше времени.

Митя запрыгнул в коляску, потом Люк, Ник – последним. Дверь банка захлопнуть, табличку оставить. Хватит ненадолго, точнее хватило бы. Но тут же снаружи петли для всячего замка – в том числе. Митя обратил внимание. Так что под прикрытием коляски запирается дверь банка.

Пусть высаживают окна – или ломаются в двери и орут. Тоже время выиграть.

Коляска отъезжает медленно и чинно, стуча колесами по мостовой... торопиться? Дергаться?

Позвольте, это – не наш метод! Мы приличные диверсанты, а не дерганые параноики. Пришли, сделали свое дело, ушли... а заметят все потом, потом, когда нас и след простынет.

Добычу поделили на четверых по-честному. Мите выделили две доли, как вдохновителю и идеологу, остальным по доле. Вполне честно. Да и досталось каждому столько, что можно было до старости не работать. Кроме этого Митя получил сумки с акциями и облигациями, под девизом: «раз ты эту пакость взял, ты с ними и разбирайся». Организатор не протестовал.

Разберется еще.

Покамест Борхум пока застыл в шатком равновесии. Митя не знал, куда его качнет, но готовился еще разок или два подтолкнуть весы. Тут главное не пересолить, а то начнут гоняться всем Борхумом.

Кстати, и политики не извинились. Но хоть притихли, и то дело...

Может, еще одного убить?

Надо этот вопрос хорошенько обдумать! Митя вообще творчески подходил к вопросу. Вот бывает такое... захватывают заложников, убивают женщин и детей – дилетанты!

Соплячье безмозглое!

Бездари!

Что главное в диверсии? Достигнуть своей цели. Как ее достигнуть? Да воздействовать на тех, кто правит миром! На тех, кто имеет власть.

Ну, захватишь ты кого-то из простонародья! Даже убьешь! Даже мучительно! И что дальше?

Власть имущие, наплевав на это дело, будут гнуть свою линию. И чихать им на твои интересы.

Убил ты сотню простолюдинов? Они слезки платочком промокнули и подумают, что бабы еще нарожают! Нет, достать их можно, только если достанешь собственно их самих. А так...

Ну, объявят тебя опасным и бешеным псом. И охотиться будут, как на бешеную собаку. А добьешься-то ты чего?

В чем – цель?

Поэтому Митя подобные акции не уважал. Ему было важно добиться цели, быстро, эффективно и с наименьшими затратами. А

лишняя кровь...

Настоящий диверсант должен уметь обставлять свои дела красиво. Так, чтобы никто о нем и не подозревал. Вот...

* * *

- Ваши документы.

Митя послушно предъявил и документы, и доверенность. Клерк просмотрел все, покивал.

- Что вы хотите?

- Положить деньги на счет. Вот...

Скромное «вот» заставило клерка сглотнуть. Сумма явно была выше его скромного статуса.

- Прошу вас подождать минуту, жом, я приглашу управляющего...

Митя кивнул и принялся ждать. Впрочем, недолго, пару минут. Управляющий (карма у них такая, что ли, как управляющий банком, так шарик на ножках?) выкатился к нему навстречу и буквально расцвел.

- Жом!!! Прошу вас!!!

На счет к Валежному капнуло больше ста тысяч золотых. В уютный сейф (на то же имя) улеглись камушки и бумажки. И Митя довольно улыбнулся.

Посмотрим, какую рожу скорчит Антон, увидев, что его счет, с которого финансировались диверсии, не то, что не уменьшился, а даже пополнился! Вот хотите – стреляйте, но удержаться от такой маленькой пакости он не мог!

А еще...

Разграбленный им банк принадлежал некоему жаму Корпу. А жам Корп сделал состояние на поставках оружия в армию Борхума и не хотел останавливаться. А зачем?

Он на фронт не пойдет, его дети тоже, а быдло... бабы новых нарожают! А война – это выгода! Ему оружие надо продавать! Много!!!

Так что войну он пробивал всеми силами.... Ну и получи, сволочь!

Банк был его детищем, подонок решил мутировать из фабриканта в банкира, вот, Митя его немножечко и подсек на взлете. Не разорится, конечно, но сложности у него будут.

Как приятно чувствовать себя спасителем отечества...

И скромный герой отправился в бордель – немножечко отпраздновать удачное дело. А там и следующее спланируем...

В районе Ферейских гор. Ставка Валежного.

Антон Андреевич смотрел на карту.

- Максим, на тебя вся надежда.

Интендант угодливо улыбнулся.

- Антон Андреевич, оправдаю!

- Знаю я, как ты оправдаешь! Но учти: сопрешь больше трети – на осине повешу! Не до воровства сейчас!

Интендант поклонился, пряча насмешливые глаза.

Ага, не до воровства! Это смотря кому! Вот если ему, то у него сезонов нет! Но в этот раз...

Действительно, чего скромничать?

Фереи заплатили хороший выкуп. Али-Хан устраивался в бывшем Халахан-Варте, а нынче поселке Казачьем. В память о тех, кто не пожалел своей крови.

Там же устраивались заложники. Место хорошее, освободить замучаешься. Уж всегда можно будет успеть их положить в рядочек. И горцы знали, Али-Хан так и поступит. Ему было за что мстить... его семью не пожалели.

Валежный планировал весеннюю кампанию.

Митя прислал ему приятные вести из Борхума. Война, безусловно, начнется. Но чуточку позднее. Кровь войны – деньги, и когда одной из сторон устраивают сильное кровопускание, ей требуется передышка. Борхум, строго говоря, меньше Русины раз в пять. Поэтому Митины диверсии были для него... чувствительны. Взорван пороховой завод? Надо восстанавливать, а порох пока возить из-за границы. Или с другого завода, но тот не справляется, или строй еще... но это же время нужно!

Взорваны бронепоезда? Мост?

Опять деньги и деньги...

Ограблен банк?

И снова – деньги.

Лионесс и Ламермур, конечно поддержат, но на своих условиях. Сейчас у них рубль возьмешь – после войны десять отдашь. Вообще невыгодно получается за чужой карман воевать.

Ну, убитого политика вообще не считаем, туда ему и дорога... Валежный не знал, что еще предпримет Митя, но подозревал, что ему понравится. Самое удачное вложение денег в его жизни.

И самый удачный поход по нужде...

Антон Андреевич грустно улыбнулся.

Конечно, одному человеку не под силу остановить разогнавшуюся государственную машину. Или – под силу? Он не знал, но песочку Митя туда сыпанул от души. Не сломается, так заедать начнет капитально. И они выиграют столь необходимое для Русины время. Чтобы соединиться с частью Алексеева, с частью Калинина – и начать наступление на Русину. На освободенцев.

А еще для этого нужны деньги. И интендант, который сволочь и ворье, но достает все необходимое!

Где?

Да хоть бы и у Хеллы, вот уж что Валежного не интересовало ни в малейшей степени. Ему результат был важен, а не процесс!

Солдаты обуты и одеты, боеприпасов хватает, кони сыты – ну и? Чего еще придирается? Не свое ж, а трофейное... пусть ворует, лишь бы не зарывался.

Так неправильно?

Идите вы, благодетели! Сами войска кормите...

Али-хан тоже получил свою долю инструкций. Понятно, живодерских и бесчеловечных. В частности об убийстве заложников, об отступлении в Чилиан...

Зверство?

Валежному и это было безразлично. Кто его тут осуждать будет? Мировая общественность?

Плевал он на нее три раза!

Почему-то как пакости устраивают в Русине, так это восстановление справедливости. А стоит Русине навешать подонкам ответных плюх, как поднимается вой.

Ай-яй-яй, кошмар какой, сюсеньку малюсенькую обижают злые дяди... тот факт, что у сюсеньки руки по шею в крови защитничков совершенно не смущает. И Валежный прекрасно понимал, почему так. Сейчас сюсеньке прилетит, потом на защитничков посмотрят с плотоядным интересом... нет, до этого они доводить не хотят.

Невинные?

Беззащитные?

Но как-то так получается, что русины ни на чью землю первые не приходили. А вот к ним лезли постоянно, в том числе и фереи.

Не хотите волноваться за своих жен и детей? Сделайте так, чтобы мы были спокойны за своих. Все разумно и логично. Почему кому-то что-то не нравится?

Что ж.

Весна пройдет в боях...

Русина, в дороге

- Б...

Больше Яне ничего на ум не шло. Вопрос, может ли она хоть день прожить без приключений, тоже рассматривался, как чисто риторический. А ведь так хорошо все начиналось...

Ехали медведи, на велосипеде... Корней Иванович, простите. Но ведь реально – все вписывается!

И ехали, и на велосипеде, и наткнулись... лучше б на таракана! Падение с велика Яна бы перенесла, а вот такое зрелище...

Отрыжка времени.

С-сволочи!

Четыре тела на дороге. Мужских тела, раздетых догола, изуродованных... у всех выколоты глаза, отрезаны уши, нос, на всех раны...

Судя по всему – над людьми жестоко издевались в последние минуты их жизни.

Яна сделала Потапу жест – стой на месте. Отдала ему велосипед и решительно развернула мальчишку спиной к трупам.

- Не смотри.

- Яна... а...

- Топыч, я кому сказала? Не смотреть...

- Но...

- Им ты ничем уже не поможешь. Я сейчас их как-то приберу, чтобы мы могли проехать...

Еще и свалили в неудачном месте. Велосипед – это вам не вездеход, тащить его по целине, обходя трупы? Велики в этом времени не из алюминия, они тяжелые! Яна не собиралась строить из себя боевого ишака. Проще сдвинуть трупы в сторону, ладно, в канаву...

Неэтично?

Идите вы в канаву с вашей этикой! Такая картина сейчас по всей Русине! И если кто-то думает, что революция – это установление справедливости... ни минуты! Это множество смертей... Яна историю знала, в отличие от многих. И знала, что творилось в революционном Петрограде. Как убивали людей, причем, не только мужчин, которые имели отношение к вертикали власти, но и их жен, детей... даже младенцев не жалели. Уничтожали безжалостно!

Зверье – и то гуманнее будет!

Яна искренне радовалась, что ее сын сейчас не в Звенигороде. Понятно, на местах немногим лучше, но... лучше.

Большой город – большая толпа.

Мегаполис, столица – считай, то же самое, но в квадрате, в кубе, истерия на подзаводке, накручивание масс даже и не требуется. Если среди ста человек один-два дурака, то среди тысячи уже не меньше пятидесяти. Десять тысяч – считай – пятьсот идиотов, а то и тысяча. И все они прекрасно подзуживают друг друга.

Страшненькая это арифметика.

Яна не знала точно этой науки, и вообще, она лесник, а не политолог, но чем толпа отличается от неуправляемого стада? Даже не стада... вы видели, как себя ведут животные при лесном пожаре?

Никакой разницы.

Только там все спасаются, а здесь все нападают. И это страшно...

Яна медленно подошла к трупам... м-да. Попались бы ей те, кто это делал... ведь видно, что наслаждались. Она б тоже насладилась от души. Садо-мазо ввела бы! Яна примерилась, как бы поудобнее перехватить первый труп за щиколотки и стащить с дороги.

Тяжело...

Мертвое тело вообще тяжелее живого. Почему так? Она не знала. Но первый труп отправился в канаву. Второй... Потап дрожал всем телом, но не поворачивался. Разве что...

- Яна, а не надо их отпеть?

- Щас, спою, - огрызнулась Яна. – Где я тебе священника найду?

- Ы...

- Оно и понятно, что ы, - Яна ругалась и тащила. И думала, что попадись ей пламенные освободенцы, она бы их сейчас мигом вылечила! Прикладным методом. Берешь – и прикладываешь к трупу мордой. Раз двадцать. И вопрошаешь вежливо – хочешь? Чтобы это с тобой случилось, с твоими детьми...

Твари!!!

Пока армия на фронте, в тылу такое творится... это ведь даже не подлость! Бьют по семьям, по тем, кто не может себя защитить, бьют, чтобы людям некуда было возвращаться... чего стоит воин, которому нечего защищать? Некого?

К ним на кордон приезжал дядя Андрей.

Он был в Афгане. А пока он там был... шла его мать домой вечером, да и повстречала троих пьяных подонков. И – все.

У одного папа был богатый и в духе времени, отмазали всех троих.

Когда Андрей вернулся, и узнал... им было очень больно. И долго... посадить его – посадили. Аж на год. Папаша подонка старался, но судья попался на редкость порядочный. Полностью отмазать не смог, но что смог, то сделал.

Яна помнила, какие глаза были у дяди Андрея, когда он по пьянке рассказывал, как вернулся. Хорошо помнила...

Вот и третий труп...

Мужчина застонал.

Скорее, даже хрипло выдохнул сквозь изуродованные губы...

- Б...!!!

Яна метнулась к Потапу.

- Флягу! ЖИВО!!!

Мальчишка полез в мешок, закопался, затоптался на месте, Яна дернула у него из рук ношу, сама рванула завязки.

Крепчайший самогон она приобрела специально. Хорошая штука раны промыть. А иногда и внутрь, вот, как сейчас.

Горлышко прижалось к губам мужчины, жидкость полилась в горло.

- Вот так, глотни...

Яна отчетливо осознавала, что человек, найденный ей на дороге, обречен. Его сейчас уже ничего не спасет. Раны, обморожение, кровопотеря... добить – милосерднее. И она может это сделать одним словом.

Но...

Добивать ей еще не доводилось. Яна не была уверена, что это тот опыт, который ей нужен. А потому...

- Как тебя зовут? Кто ты?

Сложно разговаривать с выбитыми зубами. Но кое-как мужчине это удалось. Есть вещи, которые важнее и боли, и смерти... может, поэтому он еще и жил.

Пахом Свиридов, купец. Ехал домой, ехал с семьей, с приказчиком, с охраной... один из охранников иудой и оказался.

Над Пахомом, приказчиком и двумя охранниками поиздевались. Жену с детьми увезли с собой.

Зачем?

Идиотский вопрос! Разумеется, кормить конфетами и рассказывать о всеобщей свободе!

Каким чудом мужик дожил до этого момента, он и сам не знал. Разве что... Пахом был мужчиной массивным, жира много, видимо, это помогло и не замерзнуть сразу, и раны оказались не столь опасными. Спасти его это не спасло. Но вот дожждаться помощи...

Дождался.

Яна посмотрела на Потапа.

- Иди-ка сюда, дружок.

- Яна?

- Посидишь с ним... а, нет. Уже не надо.

Держался мужчина, видимо, на одних морально-волевых. А когда понял, что рассказал, что дал своей семье хотя бы слабый шанс... и – все.

У пострадавшего явно начиналась агония.

Ох, мать...

- Топыч, иди отсюда. Ну хоть отвернись...

Мальчишка послушался. Примерно наполовину, на Яну он продолжал смотреть.

- Яна, мы же...

- Что – мы же?

- Ну... я знаю, откуда могли прийти убийцы!

- И откуда же?

- Тут монастырь рядом. Старозиминский.

Яна вздохнула. Пахом упоминал о чем-то таком, подслушанном из рассказов подонков. Вот и мальчишка услышал. Но...

- А мы-то что там делать будем?

- Мы просто так уедем?

Яна сотворила классический фейспалм.

- А что мы сможем сделать?

- Ну...

Честно говоря, увези подонки одну женщину, Яна... нет, и тогда бы она не прошла мимо. А вот так...

Да, всем она не поможет. Но может, хоть кому?

- Ты знаешь, где находится этот монастырь?

- Да.

- Поехали. Показывай дорогу.

Яна без особых церемоний спихнула четвертое тело в канаву и размашисто перекрестила обочину.

- Покойтесь с миром. Повезет – отомщу. Не повезет – не обессудьте, голову класть не стану.

Потап смотрел на стоящую рядом девушку. И – показалось мальчишке – или нет?

По дороге повеял ветер, складываясь в женскую фигуру, белую, в белых одеждах... и тихий шепот: «Благословляю...» и жуткий холод, который мгновенно пробрался до костей.

Яна даже не дрогнула.

Хелла?

А то кто ж? Ладно, если вы, Ваша Божественность, благословляете – надо пользоваться. Яна не была кровожадной. Но иногда ей просто хотелось убивать. И как правило – за дело.

Глава 12

Два часа спустя она материлась еще хлеще, глядя на монастырь.
- Банда Грициана в монастыре...

Кто не знает чудесный фильм «Свадьба в Малиновке»? А кто – задумывался, что именно осталось ЗА кадром?

К примеру, монастырь?

У Яны от одной мысли о церквях тошнота начиналась. Она дочь коммуниста, внучка коммуниста, ну... ладно! Правнучка подонка! Пра-пра, но это неважно! Она НЕ Романова. И этот груз не взвалит ни на себя, ни на сына.

А если на то пошло... у нее сейчас есть маленький шанс хоть как-то расплатиться с судьбой. Те, кто канонизировал властителей, никогда не принимали во внимание простую истину. Ты сидишь на троне? Но любой трон стоит на крови и костях. И никак иначе. Канонизировать любого венценосца – это как обожествлять Джека Потрошителя, никакой разницы. И там, и здесь крови – хоть залейся.

Может, Потрошитель еще и погуманнее будет. И жертв поменьше.

Яна не считала Романовых своими предками. Отвечать за тех, кто погиб по их вине... это – не ее долг. Но если она может спасти хоть кого-то, она не имеет права равнодушно проходить мимо.

Нет, не имеет.

А за кадром в фильме много чего осталось. И монахи, повешенные на стенах монастыря.

И выбоины от пуль...

И пьяные вопли.

И кони, которых загнали в церковь... ладно, лошадки не виноваты. Но что – при монастыре нет конюшни? Место культа? Это Яну не трогало, но сволочи, хоть историю пожалейте! Иконы, фрески, роспись – это то, во что не одно поколение людей вкладывало свой труд! И не два поколения, и не три... уйдут продажные служители, а история останется. Запечатленная даже и на досках. И в вышивках, и в лицах святых на фресках...

Это как в музее свинарник устроить. Разницы никакой. Гадко.

Яна смотрела и думала, что со сволочами посчитаться надо. Только вот как?

Пулемет бы. Каждого в отдельности отстреливать замучаешься... или...

Яд!

Шикарная штука! Но где ее найти, ах, где ее найти...^[17] вот не захватила она с собой полкило мышьяка! Снотворное есть, то самое, которым чуть ее не попотчевали, но сколько там того снотворного? И как его дать всем подонкам?

Яна вздохнула. Да, идея... одно утешает – подонки даже никого сторожить не поставили. Перепились, видимо...

- Топыч, ты остаешься здесь. Если я к утру не вернусь – уходи.

- Яна...

- Не обсуждается.

Яна встала и направилась к монастырю.

И ни выстрела, ни окрика... просто взяла и пришла. Наверное, помогло то, что на улице уже стемнело. Ни фонарей, ни луны – зима же! Легкий снежок падает... легко затеряться. В ворота, правда, стучать не стала. Не было ворот. Вынесли.

На монахов тоже смотреть не хотелось.

Жаль, конечно. Тоже люди были. Яна прошла в церковь. К лошадкам. Осмотрелась.

Да, нечто вроде тачанки здесь было. Но пулемет на ней был закреплен крайне неудобный. Тяжелый, на массивном лафете, фиг отвинтишь. А и возьмешь, так не поднимешь и не утащишь. Это даже не ДШК, который Яна тоже не подняла бы. Это натуральная тачанка... нет!

Бессмысленно...

Или – нет?

Яна исходила из того, что бандиты – твари, которые всегда готовы к бегству. Все-гда.

Они живут под гильотиной, они знают, что рано или поздно их придавят, как тараканов, а потому они всегда готовы рвать когти. С самым ценным.

Ценного в саях тоже хватало. Но самым интересным был не хабар, который Яна брезгливо поворошила пальцем. Самым ценным было несколько килограмм динамита.

Ты ж мое чудо!

Яна едва не поцеловала опасную находку. И ведь валяется, как ни в чем не бывало! Правда, надо уметь с ним обращаться, а то есть возможность улететь самой. Но в данном случае Яна не сильно боялась. Так уж вышло, что динамит лучше всего детонирует от взрыва, и вот они, маленькие симпатичные трубочки, из которых торчат бикфордовы шнуры...

Трубочка сделала из меди, внутри – гремучая ртуть. Она-то как раз реагирует на огонь.

Яна, недолго думая, прикарманила и динамит, и взрыватели. Осталось два вопроса.

Первый – что с похищенными?

Второй – куда заложить взрывчатку?

Яна знала, что динамит нельзя перемораживать, потому как он повышает свою чувствительность, а когда оттаивает, на его поверхности выступает нитроглицерин. Это плохо. Но вроде бы и в храме тепло, и динамит был укутан... ладно!

Все равно знать – одно. Определить – другое. Вроде бы динамит не влажный, остальное неважно. Взрыватели отправились в карман, динамит Яна попросту сунула в сумку, благо, холщовый мешок у нее с собой был. А что?

Для героя самый важный предмет не клинок!

Самое важное – это куда складывать добычу!

Теперь можно и дальше пойти. Яна рассчитывала на то, что ватага... лошадей... ага, штук двадцать. Из них ездовых всего штук пять, остальные явно крестьянские лошадушки. Телегу или тачанку такие тянут отлично, а вот ездить на них неудобно.

Да и пьяный ор...

Человек тридцать – точно. Зима, тулуп, шапка... кто там к ней приглядываться будет?

Так что Яна отправилась нагло – и вперед. Туда, откуда слышался гвалт, шум, крики...

И какое ж ее охватило бешенство! Так и тянуло заорать – получай, фашист, гранату! И кинуть, естественно!

Подонки развлекались не абы чем. На столе лежала обнаженная женщина, а к ней стояла очередь. И нет, не за колбасой... сссс... сволочи нехорошие!

Дети?

Дети пока еще были живы. В углу.

Подонки решили поиграть в дартс и пока по-простому швырялись в детей бутылками. Те плакали... двое. Мальчишка лет восьми и его сестренка, та еще младше... мальчик старался заслонить малышку... уворачиваться почти не получалось, спасало только то, что негодяи были пьяны. До реальной жестокости они еще не дошли, а меткость уже утратили.

Яна не зарычала. Но губу прокусила до крови.

Скоро подонкам надоеет кидаться бутылками, и они возьмутся за пистолеты. Малышня и жива-то потому, что главарь поглумиться захотел. Пахом там, на дороге, слышал, как его жене обещали, мол, будешь послушной – щенки живы останутся.

Вот она и...

Кто тут обратит внимание на вошедшего, если он не начнет орать во весь голос и мешать людям развлекаться? Или убивать всех вокруг, к примеру?

Ну и Яна сильно подозревала, что благословение Хеллы сработало. На выращивание растений эта милая дама не разменивается и не благословляет, а вот на убийства...

Массовые и с особой жестокостью...

Самая ее специализация.

И что делать?

Ну, этот вопрос Яну долго не мучил. Она скользнула в угол, достала револьвер и прицелилась. Хорошо, тщательно!

Бах!!!

Разлетелась о стену очередная бутылка.

БАБАХХХХХ!!!

Обрушилась с потолка здоровущая люстра.

Заорали все. И поскольку солдат здесь не было, только пьяные подонки, они попросту бросились наутек. Пара минут у Яны была.

Сейчас они опомнятся, они вернутся... а пока...

Яна пронеслась по залу, благо, бегали и орали все, подлетела к малышне.

- Хотите жить? За мной!

Подхватила малышку – и рванула в ближайшую дверь. Мальчишка оказался не дурак, и тоже побежал за Яной. Оказался –

коридор. Несколько дверей, Яна, недолго думая, пнула одну, вторую...
о! Комната!

Келья?

Да, что-то такое.

Кровать типа лежанка, стол, стул, сундук. Но и пес бы с ним, главное – окно! Яна повернулась к мальчику.

- Пахом сказал – тебя зовут Миша?

- Да, - всхлип. Но мальчишка держался. Пока еще держался.

- И Маша?

- Да...

- Миша, ты старший. Вам надо будет спрятаться здесь на полчаса, потом я за вами вернусь. Понял?

- Да. Ты...

- Меня зовут Яна. Лезьте с сестренкой в сундук – и тихо! Понял?

- Да. А ты...

- Я посмотрю, как там ваша мама.

Яна подняла крышку сундука, подождала, пока малышня туда залезет, прикрыла ее так, чтобы не захлопнулась и у детей был доступ воздуха. И...

Окно!

Яна распахнула его.

Потом недрогнувшей рукой отделила один динамитный патрон, сунула в него взрыватель, достала спички из кармана и подожгла шнур.

Теперь...

- А что тут...

Твою молитву!!!

Вот только пьяного вусмерть подонка Яне в комнате не хватало. Хорошо хоть одна штука, можно даже не отвлекаться.

- Умри во имя Хеллы, - прошипела девушка. И не обращая внимания на оседающее тело, задурила динамит в окно. Так далеко, как получилось.

Долго ждать не пришлось.

Грохнуло душевно. Яна посмотрела на лежащее на пороге тело, кое-как выпихнула его в коридор и прикрыла дверь комнаты, не забыв напомнить детям:

- Сидите смирно!

Что происходит дальше?

Подонки во все времена одинаковы. Вот, вы приятно прогулялись, пограбили, развлеклись, вернулись в... ладно, не в стойло, а как называется стойбище разбойников? Малина? Но вроде как монастырь... Лагерь? С легким намеком на казенный дом?

Короче – вернулись и продолжили развлечение. И тут грохот! Что-то большое падает тебе на голову... ты вылетаешь то ли в поисках врага, то ли в поисках укрытия, и тут невдалеке раздается взрыв. Кажется, кого-то еще и задело, Яна ж не бог весть какой спортсмен.

Хотя гражданская оборона у них была. И метание гранаты, кстати, тоже. Обычно ОБЖ в институте - предмет омерзительный. И преподается с редкостным пофигизмом, но им повезло. Их преподаватель такие вещи знал и придумывал сам. Никаких: «при ядерном взрыве упадите головой от взрыва...».

А вот упражнения на метание гранаты... с места Яна метров на двадцать докидывала. Плюс еще отскок... с разбега получалось больше. Но тут не сильно разбежишься...

Итак, взрыв. Что подумают подонки?

Нападение. И либо окопаются, либо... не до развлечений им будет! А Яне как раз – до развлечений.

Так что она метнулась обратно, в зал, в котором происходила «гулянка».

И выругалась.

Женщина на столе была жива. И даже жить будет. Пардон, порвали ей внизу знатно, но помирать она не собиралась. И за Яной следила с явным ужасом.

Хорошо, пока бандитов не было. Но это явно ненадолго.

- Жеванные мухоморы!

Матюги у Яны окончательно закончились. И она почти беспомощно посмотрела на женщину. Потом махнула рукой, сорвала с соседнего стола скатерть – и протянула ей.

- На... прижми пока. И не вставай, подозреваю, что тебе лежать надо.

- Ты...

- Лежи. Дети в безопасности, я сейчас попробую с негодями разобраться.

Это оказалось последней каплей. Баба плавно ушла в глубокий обморок. Яна плюнула, и кое-как, стащила ее со стола. Потом

подумала, и затащила под стол. На адреналине, понятно. Но лишь бы при перестрелке не пострадала. А что стрелять придется...

Снаружи орали. Ага, опомнились... но не бросать же?

И не взрывать тут все? Она бы не против, но она-то внутри, а бандиты снаружи... что бы она сделала на месте пьяных подонков?

Ну, либо свалила, но это вряд ли, у них тут хабар и бутылки недопитые.

Либо осмотрелась и вернулась.

Так... а если...?

Яна припомнила кое-что из рассказов гостей на кордоне и решила. Перевалила бабу на скатерть, потащила за собой... плевать на кровавые следы! Главное – вытащить отсюда.

Динамит...

Ну... между нами говоря, его крутость чуток преувеличена. Нобель хоть и понтовался, как мог, но... столько – не разнесет.^[18]

И собственно церковь не обрушит, если только внутрь не сложится. Но это – не тот случай. И ей так не нужно.

Равно бессмысленно лепить динамит на дверь – она все равно не сапер. Но вряд ли взрывной волной уничтожит бандитов...

Какие есть еще варианты?

Яна кое-как вытащила бабу в коридор, и потащила в комнату с детьми.

Фууууу... отожралась на купеческих харчах! Хорошо хоть, без сознания! Интересно – выживет или нет? С одной стороны, может и помереть.

С другой... было такое «чубаровское дело». Так там на скамейке подсудимых аж двадцать семь человек оказалось. На одну девчонку. И выжила!

Хотя букет получила полный. И болезни, и все-все-все...

Эта не сопротивлялась, поэтому может и обойтись без внутренних повреждений. Но... кто их знает? Ладно, сначала вытащим, потом разберемся...

Яна кое-как затащила бабу в комнату. Из сундука высунулись две мордашки.

- Мама, - заплакала девочка.

- Цыц! – рыкнула Яна. – Значит так, я опять ухожу. Мишка!

- Да?

Яна осмотрела комнату. Хорошо, на двери есть засов.

- Запрись изнутри. И никому кроме меня не открывай. Понял?

- Да...

- И не смейте выходить! Всех убьют!

Мальчик закивал. И Яна поняла – не выйдет. И сестренку не выпустит. Маленький мужчина, повзрослевший в эту страшную ночь...

- Держись, не время раскисать, - рыкнула Яна.

И вышла из комнаты. За ней, с легким шумом, задвинулся засов.

Ладно. А теперь-то что делать?

Лучшим вариантом для Яны было бы, окажись бандиты под развалинами церкви, а она с бабой, детьми и Потапом подальше отсюда. Это в мечтах.

В реале...

Баба идти сама не сможет, нужны лошади и телега. Лучше – с пулеметом. Так, для лучшей аргументации окружающих. Хотя стрельба с телеги – между нами говоря, ахинея. Не при местных телегах и пулеметах.

Отдача, лошади... Нет, номер не пройдет. Но как аргумент – вполне. Народ будет пугаться, а Яне того и надо.

Нужна теплая одежда, нужна еда, это они с Потапом ко всему привычны, а двое малышей на сухарях и вяленине не проживут. И деньгами хорошо б разжиться, потому как время тяжелое, а сколько выдвигать их матери...

И как? Учитывая, что сейчас бандиты опомнятся, вернуться и начнут искать и игрушку, и диверсанта?

Впрочем, думала Яна недолго. Законы животного мира она знала. В каждой стае должен быть вождь. И если его убить...

Хелла, ты прелесть!

И Яна осторожно выглянула в окно.

Бандиты скучковались рядом с открытыми дверями храма. Лошадей пока не выводили, но постепенно... есть в химии такое понятие – центр кристаллизации. Вот, Яна наблюдала его образование.

Среди бандитов нашелся то ли самый смелый, то ли самый трезвый, то ли...

Одним словом – долгожитель. А должен бы сдохнуть еще при рождении. Жаль, его родители аборт не сделали.

Яна хмыкнула. Исправим упущение?

Поджечь динамит – и запустить им прямо в «центр кристаллизации». А дальше – как получится...

- Тебе, Хелла.

Авось, благословение сработает?

Но получилось. И Яна поняла, что психология – великая вещь!

Динамит не повредил бы храму. Не сильно. А вот с десятков бандитов разметало на приятные маленькие кусочки. Может, чуть меньше, это непринципиально. Главное, что оставшиеся потеряли волю к сопротивлению. Раздались первые крики про бегство.

Эх, еще бы завершающий штрих... только какой?

Яна не могла его придумать. Но тут...

Из леса, словно отовсюду, понесся тоскливый вой. Не человеческий, не звериный... какой-то невероятно тоскливый и злобный. И луна вдруг блеснула злобным холодным глазом сквозь разошедшиеся тучи...

Этого оказалось достаточно.

Бандиты заорали нечто непечатное, кого-то запинали числом – и рванули в импровизированную конюшню. М-да...

А Яна еще не верила голливудским фильмам, в которых герои бодренько мчались навстречу опасности! Нет бы пересидеть, как нормальный человек! А они грудь вперед, навстречу ветру...

Она думала – врут!

Оказалось, чистая правда. Из всех идиотских моделей поведения человек смело выбирает самую кретинскую и идиотскую. Не окопаться в монастыре, откуда тебя и артобстрел не сразу выбьет! Нет!

А похватать все, что поценнее в карманы – и мчаться до китайской границы... ах да! Здесь Чилиан... ну, до чилианской!

С другой стороны...

Банда.

Опасная, человек в тридцать уголовников, которые почували свободу. Но – банда. Не кадровые военные, не регулярные войска, даже не наемники. Твари, которые привыкли резать беззащитных. А как на зубастого кого, так и сами того...

Яна угробила человек десять, динамитом. Может, еще кого-то покарябала или покалечила – не суть важно. Но за считанные минуты и треть банды.

Внушает?

Вот оставшиеся две трети и решили не разбираться.

Но проблема-то в другом! Ей нужна была лошадь, телега... и где их теперь взять? Хотя ты сама на большую дорогу иди... и тут не останешься.

С другой стороны, при прочих равных, между бежать и драться подонки выберут побег. А вот если им отрезать возможность отступления... загнанная в угол крыса – опасна.

К тому же...

Яна ехидно улыбнулась.

Это сейчас они помчались, куда глаза глядят. Пока у страха они велики. А как померзнут, так вспомнят, что в монастыре еще выпивка осталась... надо просто немного подождать. И вернется ей как минимум одна телега с лошадей.

Так Яна и решила.

Помахала ручкой вслед уезжающим бандитам (неважно, что ее не видели), обошла территорию монастыря – и поняла, что победила.

За Потапом?

Однозначно!

* * *

Мальчишка ждал в лесу. Там, где она оставила, у велосипеда...

- Как ты тут?

- ЯНА!!!

Вот на шею мог бы и не бросаться. Но Яна стойчески вытерпела объятия, похлопала пацана по спине.

- Все в порядке, дружок. Мы победили.

- Ты их...

- Не всех, к сожалению.

- А...

Дальше мальчишка и спросить не решался. Женщина, дети...

Как они?

Или... лучше не спрашивать?

Яна подмигнула.

- Все пучком, Топыч. Только они жутко напуганы, и голодные, наверное, и купчиха пострадала... ну да ладно! Все переживается и переламывается!

Потап, которого Яна давно сократила до Топыча, выдохнул с облегчением.

- Ну и отлично! А теперь...?

- В монастырь!

* * *

Женщина так и лежала в комнате. Яна постучала и строгим голосом позвала:

- Козлятушки, ребятушки, отопритесь, отворитесь. Тетя Яна пришла, револьвер принесла...

Ребятюшки долго себя ждать не заставили. Лязгнул засов, вылетели две маленькие фигурки – и с такой силой воткнулись в Яну, что на секунду аж дух вышибло.

- Тетя!!!

- Тетенька!!!

- Маме плохо!!!

- Она не шевелится...

- Жеванные мухоморы, - тоскливо сказала Яна, начиная понимать, к чему идет дело. – Хелла, ты издеваешься?

Богиня не ответила. Но Яна подозревала, что таки да. Издевается.

Под телом женщины расплывалась большая красная лужа. Она еще дышала, но что-то ей эти твари внутри порвали...

- Она встать пыталась?

- Да... когда шум услышала. Упала, побледнела...

Яна выразилась покрепче.

Ну какого военно-морского!? Почему люди во всех мирах кропотливо и старательно портят себе жизнь?! И ладно бы только себе, так ведь и окружающим достается!

Зар-раза!

Яна планировала разжиться телегой и уехать в ближайшие пару дней. А теперь однозначно – она тут застревает минимум на неделю...

Нет, Хелла, ты точно издеваешься...

* * *

Монастырь – это не только храм и пристройки. Это еще и жилище для монахов, еще и комплекс натурального хозяйства. А то ж!

Молитвами жить?

С голодудохнешь!

А потому на дворе и скотина помыкивала, аж целых две коровы оставались, не успели их бандиты на мясо пустить, и несколько коз, и хрюшки, и птичник был, и огород, надо полагать... ну, огород сейчас под снегом, а вот скотину кормить надо. За ними, пардон, навоз выгрести надо!

И жрать им хочется вне зависимости от общественного строя!

Корова – она неграмотная, ей что социализм, что капитализм... простите, что император, что освобождение. Сено давай, а политику можешь сам скушать. Авось и тебя подоят!

А кому выгрести?

Кому задавать корм?

А еще они недоенные... и доить их тоже надо, без оглядки на правительство! Яна едва сама не взвыла. Да лучше б их, паразиток, освобожденцы на мясо перевели!!!

Потап этих крамольных мыслей не одобрил, вооружился ведром и граблями и направился в хлева. Чистить, кормить...

Яна устыдилась, и тоже отправилась в рейд. По монашеским закромам. Правда, утешала себя тем, что это не мародерство. Мародерили бандиты, а она честно этот монастырь отбила. Значит – трофеи.

А вообще, плевать ей сейчас на мораль!

Детям требовалась одежда, еда, тетке – лекарства... спать? Забавно, тебя кто-то просил геройствовать? Нет? Ну так и спать не получится!

Яна вздохнула, и отправилась на поиски.

* * *

К утру все более-менее утряслось. Яна даже придремать пару часиков успела.

Купчиха не помирала. В себя тоже не приходила, но тут Яна ее могла понять – сама бы с удовольствием в спячку впала. И чтобы кто-то решил все ее проблемы.

Только вот фиг дождешься, скорее уж, тебе новые создадут. Выйдешь из спячки – и решай то же самое, да еще с процентами.

Дети сопели у мамы под боком в две дырочки каждый. Парное коровье молоко, да с хлебом, да с мясом, которого в избытке нашлось на столе – и малявки отключились, не дожевав. Остатки бандитской трапезы Яна вытащила на холод. Полюбовалась на дохлых негодяев.

Посчитала руки-ноги...

Нет, не десять негодяев на ее счету. Всего восемь. Но грохнуло-то хорошо, грохнуло душевно... засыпать снегом?

Ну уж – нет!

Либо пусть само засыпается, природой и погодой, либо остается и служит предупреждением. Яне плевать, дети в здании, Потап старательно смотрит в другую сторону... сойдет! Оружие тоже есть... вот сволочи! В таком состоянии ружья держать?!

Да их только в задницу засунуть хозяевам! Все равно ни одно не выстрелит! Грязи на оружии – как будто вышеуказанную операцию с ним и проделывали. Холодняк есть. Такой, что Джек Потрошитель завистливо курит в уголочке, гадая, что курил кузнец. Такие свиноколы красиво выглядят, но ни в драке, ни в носке...

От ругательств Яну отвлек прибежавший Миша.

- Тетя Яна!!! Мама вас зовет!!!

- Жеванные мухоморы, - ругнулась Яна. Но...

Она подозревала и зачем ее зовут, и о чем попросят. Но блин!

Так что в келью она заходила без малейшей радости. Лежащая на кровати женщина смотрела на нее запавшими глазами.

- Яна...

- Я, - кивнула девушка. В принципе, она что-то нехорошее еще ночью подозревала. Такая кровопотеря – она сама по себе не проходит. Это шить надо, а как? Она не умеет! Это не сквозную дыру в плече почистить, это внутренности! Яна понимала, что ползет – так втрое быстрее бабу угробит. Хотя... бабе уже, кажется, все равно, а ей бы тренировка...

- Спасибо.

На любезности Яна размениваться не стала.

- Тебя как зовут?

- Марфа я. Меншикова Федора дочь.

Если б это Яне еще о чем говорило! Женщина поняла, что бесполезно – и заторопилась, проглатывая половину слов.

Федор Михайлович Меншиков был купцом первой гильдии. То есть – миллионщиком. Марфа – его единственная дочь. Есть еще сын, но тот не женат и слаб здоровьем. Марфа вышла замуж за Прохора Игнатьева, чтобы объединить состояния. И сейчас они с мужем и детьми ехали к отцу.

Понимая, что получается в стране, Федор благоразумно решил рвать когти.

- Очень умный человек, - одобрила Яна.

Умный. А вот Прохор сплоховал. Нет бы охрану получше нанять, или еще как подстраховаться, а он сам погиб, жену, считай, погубил, детей...

- У меня предложение. Я батюшке письмо напишу. Если ему детей доставишь, денег получишь. Много...

Яна думала недолго.

- Пиши письмо.

- Образ поцелуй, что детей не бросишь...

Яна хмыкнула.

- Хорошо.

И бумагу, и чернила, и образ – все удалось найти буквально по соседним кельям. Марфа писала, полусидя, и было видно, что это причиняет ей немалую боль. И кровь не останавливалась...

Запах крови становился все сильнее. Яна понимала, что происходит.

Здесь и сейчас женщина, на последнем издыхании, стремилась дать своим детям шанс.

С другой стороны, Яне этот шанс тоже был нужен позарез. Ей еще из Русины выбираться, и Гошку вывозить... с этим она справится, но как там Нини? Ведь совершенно неприспособленное к жизни существо!

А ей еще племянника на шею? Не окажется ли он камнем, что потянет сестричку ко дну?

С другой стороны, если купец здесь миллионы нажил, так он и там не растеряется. А если ему внуков доставить...

Яна отлично помнила, что через год...

Какой – год? Осенью. Ее не станет уже осенью. И ей, кровь из носа, надо найти для Гошки семью, опекуна, а купец...

Поймет он свою выгоду! Никуда не денется! Когда выгода, плюс признательность – оно доходчиво получается! А не поймет...

Плевать!

Брось Яна на произвол судьбы детей – и человеком она не была бы даже в собственных глазах. Никак иначе. Потап смотрел на это во все глаза, прижимал к себе малышню.

Марфа писала. Быстро и уверенно, что свидетельствовало о хорошем образовании, полученном ей в девичестве. Лист покрывался ровными строчками.

Вот она закончила письмо, протянула Яне.

- Прочитай.

Яна пробежала глазами красивые буковки. Хм, вроде все без двойного дна. Честный рассказ, как ехали, как на них напали, как уволокли и Марфу и детей, убили на их глазах Прохора, да еще и поглумились, как в монастыре ее насильовали всей толпой...

Как появилась Яна. Которая должна доставить к нему детей. Просьба о награде...

Яна кивнула. Сложила лист, потянулась за воском, накапала в нужное место так, чтобы было не открыть, не сломав печати.

- Есть, чем запечатать?

- Есть.

Черный перстень так и был при Яне. И ничему не мешал.

Ни перчатки носить, ни стрелять, ни обувь шнуровать... Яна о нем попросту забывала. Вроде есть кольцо на пальце, а вроде бы и нет его.

Но сейчас...

Перстень повернулся к ладони камнем, коснулся воска.

- Ох...

Марфа смотрела большими глазами. На печати проступал рисунок сокола, падающего на добычу. Хищной злой птицы. И каждый в Русине знал, ЧЬЯ это печать. Каждый.

Яна криво усмехнулась. Кажется, у колечка есть свои тайны? Что ж, не ей их разгадывать. А сейчас...

- Я, Анна Петровна Воронова, принимаю на себя ответственность за детей Марфы Федоровны Игнатьевой. За Михаила Прохоровича и Марию Прохоровну Игнатьевых. Обещаю доставить их к деду. Сделаю все, чтобы они были живы, здоровы и целы. Мое слово!

Икону она целовать не стала. Да и не нужно было – с Хеллой-то в покровительницах. По комнате пронесся ледяной вихрь, хотя окна были закрыты. Взметнул волосы Яны, коснулся детских макушек, заключил в свои объятия Марфу.

Та улыбнулась, нашла глазами детей – и откинулась на подушки. Лицо ее белело, из него быстро уходила жизнь...

- Хелла, она родилась в семье купца, но умерла, как истинно благородный человек. Прими ее душу, - тихо произнесла Яна.

И на миг всем показалось, что где-то вдалеке поземкой по льду прозвенел-прошуршал женский тихий смешок.

* * *

Миша и Маша бросились к матери, заревели... Яна не стала терять времени даром. И цапнула за локоть Топыча. Тот смотрел большими квадратными глазами.

- Ты... вы...

- Цыц! Живо – собираемся! Дольше необходимого тут оставаться нельзя, сам понимаешь!

- Сейчас, скотину выпущу, - сообразил пацан. И рванул в хлев с такой скоростью, что пыль столбом поднялась.

Яна вздохнула и присела рядом с детьми на кровать. Сгребла их в охапку.

- Маленькие, никому вас не отдам, не брошу... держитесь!

Да уж. Утешитель из нее получился крайне хреновый. Другого и слова-то не подберешь...

Малявки заревели вдвое громче. А время утекало сквозь пальцы...

Между временем и безвременьем

Хелла сосредоточенно рассматривала души, зависшие перед ней.
Девять подонков. Одна светлая душа.

С ней проще всего. Хелла шевельнула рукой, отпуская душу.

- Ты скоро переродишься. И жизнь твоя будет счастливой.

Марфа, а это была именно она, шевельнулась. Хелла поняла и успокоила.

- Она не бросит твоих детей. Я знаю. Ты можешь быть спокойна – ты сделала все возможное и боролась до конца.

Душа улыбнулась – и начала таять.

Мир мертвых Хеллы – не совсем склад для использованных душ. О, нет. Хелла – богиня рациональная. Она просто принимает души – и воздает каждому по справедливости.

- Теперь вы. Убивали, насиловали, получали от этого удовольствие...

С особым отвращением Хелла смотрела на главаря. Психологии подонку захотелось?

Никакого гуманизма, о нет! Откуда он у слизней? Даже не слизней, те все же безобидны, а это... глист?

Да, пожалуй, что глист. Особо крупный и злонамеренный.

Опыт его поставить потянуло, экспериментатора недоделанного.

Что можно сделать с бабой, если угрожать ее детям? Что может сделать женщина, чтобы ее детей не тронули?

Собственно, потому малыши и уцелели – еще не пришло время. После групповухи у него и еще кое-что было придумано....
Интересненькое...

- Собачки, говоришь? – нежно уточнила Хелла.

Душа задергалась, но куда ей было вырваться из пут богини? Яна честно отработывала вторую жизнь, даже с перевыполнением плана. И Хелла радовалась потоку душ.

- Соба-ачки.... Так тому и быть.

Обретшая временную материальность душа брякнулась на пол. А рядом с Хеллой начали возникать... собаки?

Волки.

Белые волки.

- Беги, - шепнула богиня. – Беги...

По лесу, по полям, по пустыне... рано или поздно тебя догонят и сожрут. Медленно... волки знают толк в охоте!

Хелла подумала еще секунду – и выпустила из тисков остальные души.

Туда же.

Дикая охота, призрачная охота, белые волки Хеллы...

Стая неслась вне времен и миров, и перед волками летели, завывая от ужаса, души убийц. Хелла не знала, что останется от них после охоты. И останется ли вообще что-то... но если что – для перерождения тоже хватит. У всего живого есть душа, даже у тараканов.

Не можешь ты жить человеком?

Ну и поделом!

Хелла улыбалась, желая своим волкам доброй охоты.

Русина, Звенигород.

- Фереи повержены, - жом Тигр констатировал факт. Никаких эмоций. Зима наступила, снег холодный, фереи повержены. Чего тут удивляться или возмущаться?

Пламенный поморщился.

- Я надеялся, они продержатся дольше...

- Зря.

- Ты будешь иронизировать – или предложишь какой-то выход? – Пламенный досадливо поморщился. – Учти, если Валежный начнет наступление, нас просто сметут. Я могу сказать о нем многое, но он действительно гений войны.

Тигр кивнул.

- Гений. Поэтому я считаю, что надо попробовать договориться по-хорошему.

Пламенный улыбнулся.

Широко и по-дружески.

- Вот и я так же подумал!

- И?

- Послал письмо. Я предложил Валежному должность соправителя.

Тигр с сомнением покачал головой.

- Согласится ли?

- Попробуем. А пока надо вывести часть капиталов за рубеж. Если нас вытеснят из страны, наше дело надо будет продолжать...

Дальше Тигр уже не слушал.

Неинтересно.

Он смотрел в окно и думал... нет, не о Яне. Жом Ураган уехал позавчера. Уехал закупать зерно... справится ли он?

Купит ли все необходимое?

И если да – то когда привезет? Бежать за границу Тигр не собирался. Они дел наворотили, им и исправлять. Не нравится?

А никто их сюда силком не тащил, в правительство не затаскивал... никто! Они сами, все сами, и Петера тоже... и брат его там полег...

Может, тогда жом Тигр и переосмыслил что-то...

Или позднее, с Яной?

Он и сам не знал точно, когда. Но Русина сейчас была *на его ответственности*. Сможет ее кому-то передать? Уйдет без звука.

Не сможет?

Останется и будет тянуть этот воз. И плевать на проклятие. Слышишь ты, богиня?! Проклинай хоть до утра, но если никого другого нет... бросать все? Но я знаю, что справлюсь! А кто-то другой на моем месте только дров наломает... пусть это самонадеянно, но я останусь.

И показалось мужчине, что в шуршании поземки за окном пронесся далекий волчий вой.

Тоскливый, голодный... значит – судьба.

Русина, Синедольск.

Дети быстро привыкают ко всему.

К хорошему ли, к плохому... нельзя сказать, что у Георгия была плохая жизнь с Ксюшей. Вообще, по счету мальчика, это была уже третья его жизнь.

В первой была мама Ирина. Был папа Илья, была мама Аня, которую он видел только пару раз, но которую тоже любил. Был дом и строгие учителя, которые требовали от него знать языки, кланяться, танцевать, читать, считать и писать. Рисовать и музицировать – день

был расписан по минутам. Гошке было тяжело, но он не жаловался, он должен быть умным.

Во второй жизни был дом бабушки.

Там учителей почти не было. Зато там была сама бабушка, кругленькая и уютная. И мама Ира, и осенний лес, по которому можно было гулять, собирая каштаны... такие смешные и кругленькие, и Матреша, которая потом грозилась пальцем, мол, тор, вы опять всякую бяку домой притащили... почему взрослые не понимают, насколько это нужная вещь – каштанчик? Такой круглый, коричневый, блестящий в твоих ладонях? И осенние листья... из них можно делать букеты, жаль, что они быстро становятся серыми и грустными...

Там было тепло и уютно, светло и солнечно. И Гошка искренне огорчился, когда закончилась та жизнь.

И началась третья. Странная...

В этой жизни была Ксюша. Забавная и разбитная, веселая и шутливая. Она ничему не учила, поэтому Гошка сам принялся рисовать. Сам музицировал на стареньком клавесине, стоящем в гостиной. Сам пробовал писать и читать... Ксюша ахала и всплескивала руками.

Почему-то ему казалось, что родители бы одобрили. И бабушка...

Деда Георгий практически не помнил. Тор Алексеев слишком был занят бутылкой, чтобы заниматься внуком. Это ж не собутыльник!

Поэтому Гоша делал все сам. Было сложно, иногда ему ничем заниматься не хотелось, и он заставлял себя, но – справлялся.

Ксюша приносила домой продукты, готовила...

С ней было легко и спокойно. И поэтому, когда однажды она пришла встревоженная, Гошка тоже заволновался.

- Что случилось?

Аксинья потерла лоб рукавом.

- Не знаю, тор.... Не знаю.

- А чего ты вся такая, - Гоша поискал правильное слово и нашел его. – Перевернутая?

Ксюша вздохнула.

- Да вроде как и ничего. Сцепилась сегодня на рынке с одной... заламывают за курицу, как будто она при жизни золотые яйца несла... а тут ее сын рядом стоял. И так зло смотрел...

Какие-то вещи Ксения просто чуяла. Было у нее чутье на людей, которое и позволило ей так долго пробыть гулящей девкой.

С кем связываться, с кем не связываться, чтобы косы не выдрали...

- И что теперь? – испуг Ксении передался Гошке. Мальчик опасливо посмотрел на свою няньку.

Савва правильно выбрал кандидатуру.

Аксинья была шлюхой, да. Гулящей девкой. Но в то же время она любила детей, она ответственно отнеслась к малышу, который оказался под ее опекой... она жалела мальчика. И не хотела подвергать его опасности...

- Вот что, тор, - Гошей она называть мальчика решительно отказывалась. – Пойдемте, покажу вам кое-что...

Кое-что? Кладовка между Гошкиной комнатой и кухней. А в ней у самой стены нечто интересное.

Всего лишь люк в подвал. Только такой, что не сразу его увидишь и не сразу найдешь. Он у самой стены и ручки у него нет, надо потянуть за выступающий плинтус, легонько, ребенок справится. Ребенок и справился. Савва не просто так купил этот дом, все он понимал, мудрый человек, все...

Когда-то тут жил вор... Хороший вор, умелый, грамотный, если до старости дожил. А все ж лазейку себе оставил.

Савва и историю эту знал, и про вора. Наденьке рассказал, Аксинье. А та рассказывала Гошке.^[19]

- Сюда можно спрятаться, случись что. Попробуйте, тор.

Гошка подцепил кусок плинтуса, потянул на себя.

Тот поддался.

Внизу было темно и страшно, пахло холодом и тем особым запахом, которым пахнет только из погреба. Гоша поежился, но он же большой мальчик! Он справится, правда?

Вот и лестница, правда, она для больших, это просто несколько металлических прутьев, приваренных друг к другу, и расстояния между ними большие. Ксюша полезла первая, погремела чем-то, позвенела, а потом позвала Георгия к себе.

Страшновато было.

Но ведь мама с папой говорили, что надо быть храбрым? И Ксюша его поймает, она сама сказала... Гошка поежился, но полез

внутри.

Это был небольшой погреб, отделанный деревом. И темно в нем не было, разве что со света. А так... Откуда-то свет проникал, впотьмах оказаться не придется, руку видно, вот, полку видно...

Гошка не знал, а Аксинья не могла ему объяснить про сложную систему зеркал, устроенную в вентиляции. Какая там физика, в деревне-то? Какая оптика?

- Смотрите, тор.

В погребе можно было прятаться и сидеть даже несколько дней. Изнутри закрывался люк, и можно было задвинуть задвижку. Тогда сверху тяни, не тяни – не откроется.

Сделаны несколько полок, на них стоят глиняные горшочки с разными разностоями, висит мешок с сухарями, высоко, висят несколько колбас – обычный погреб с едой?

Нет.

На деревянном полу – не тянет от земли ледяным холодом, лежит нечто вроде постели, стоит ведро...

- Здесь люди прятались. Долго.

- А зачем?

- Потому как тор, разные бывают обстоятельства.

Гошка кивнул. Он не слишком понял, какие именно, но наверное, так было надо? А ему зачем?

Ксюша стала серьезной.

- Тор, слово мне дайте.

- Какое?

- Если в дом кто чужой придет, кого вы не знаете...

- А могут?

- Ох, тор, время сейчас тяжкое, городских и днем с огнем не разыщешь... зато ворья расплодилось... дайте слово, что вы сразу сюда спрячетесь.

Гошка почесал кончик носа. И только сейчас сообразил.

- Это же рядом с моей комнатой, да?

Ксюша опустила глаза.

Вообще-то тора надо бы на втором этаже поселить, но она заняла людскую, а Гошку устроила в маленькой комнате на первом этаже. Мальчику было все равно, он не капризный, а она объяснила, что так комнаты протопить проще. Зима же... и к кухне ближе, Гошка любил

прибегать то за хлебушком, то за сушеными яблочками, до которых был большой охотник.

Еще и поэтому. Случись что – кинутся сюда, да и живы останутся.

- Случись что – вы из двери-то в дверь и шмыгнете. Я и кладовую никогда не запираю.

Гошка медленно кивнул. И вдруг испугался. Остро, до приступа спазмов в животике.

- Ксюша, все будет хорошо? Правда?

Вместо ответа девушка просто обняла мальчишку.

- Будет, маленький... будет.

Только вот когда?

И кому?

И доживут ли они до этого светлого момента?

Ксюша не могла себе ответить на этот вопрос. Она видела, что творится с людьми – и боялась. Сильно боялась.

При смене власти быстрее всего гибнут самые беззащитные. А кто сейчас может их защитить? Она не знала.

Ей было очень-очень страшно.

Русина, Подольск.

Впервые за несколько месяцев Илья влетел в дом, сияя от счастья.

- Илюша? – кинулась к нему тора Маргарита.

С прошлого разговора прошло несколько дней, и тора успела все хорошо обдумать. И стала еще ласковее.

Правда, регулярно показывалась Илье со следами слез, или вызывала к себе полкового врача – показывала, как ей плохо, или рассказывала о своих страданиях...

Аккуратно, не надоедая сожителю, но регулярно и методично.

Ей нужен был этот брак.

Дед Савва был прав в одном – ей нужна защита. Уходя из Подольска, Илья должен либо взять их с собой, либо отправить в безопасное место, а ей это точно скоро понадобится. От кого у нее ребенок, Маргарита точно не знала, предполагала, что от Свина, но Илье об этом знать не обязательно. Это в любом случае ее ребенок.

Ей носить, ей рожать... не хочется, конечно, но и травить плод уже поздно. Да и мать радуется, говорит, Ванечкой назовем, как отца...

Ладно, пусть так. Что там с ребенком будет, неясно, но свою жизнь Маргошенька ценила. И мать было жалко, и братика. Так что пусть Илья их берет с собой.

Дед Савва прав, не доедут они. Это дед сразу не обдумал, а ведь верно. Не опасно сейчас только рядом с войском.

Илья одарил свою женщину ослепительной улыбкой.

- Маргошенька, отличные новости!

- Какие же? – с тревогой спросила женщина.

То, что нравится Илье, не обязательно понравится и ей. Вдруг нашлась его женщина? Или его сын? Маргоша не хотела конкурентов. Илья должен заботиться только о ней и о ее семье. Это же понятно!

- Генерал Валежный прислал телеграмму.

Маргоша перевела дух.

Этот не станет искать чужих женщин. Но рано расслабилась.

- Мне надо готовить войско к наступлению! Антон Андреевич одержал победу в Ферейских горах. Временно ферей нам не угроза! И Борхум не станет нападать в ближайшее время!

- И что теперь?

- Теперь можно расправиться с освобожденцами! С этими гнусными убийцами императора! Мы соединимся с другими восками и пойдем на Звенигород!

Маргарита ахнула – и осела на пол в глубоком обмороке.

* * *

Когда Илья кое-как привел свою женщину в чувство, та крепко вцепилась в его руку.

- Илюшенька!!! Мне так страшно!

- Все будет хорошо, Маргоша. Мы победим и вернемся!

- НЕТ!!! Я без тебя умру!!! Не бросай меня! УМОЛЯЮ!!!

Истерики, слезы, сопли, вопли... на весь этот концерт прибежали тора Измайлова и Маргошин брат, подтянулся дед Савва... именно мудрый старик посмотрел на происходящее, да и потянул Илью за локоть к двери.

Вовремя.

Илюша уже зверел от происходящего и едва сдерживался, чтобы не грохнуть кулаком по столу. Все же мужчины дамских истерик не любят.

- Тор Алексеев, я ее успокоить, конечно, постараюсь...

- Вот-вот, постарайся, - выдохнул Илья, наливая себе дубовика из пузатой бутылки.

На два пальца.

Сколько ж ему предстоит сделать! До весны собрать войско в поход? Это кажется, просто! А на самом деле... да все нужно! Фураж, припасы, телеги, обоз, обмундирование... деньги, деньги, деньги... зато больше он за Подольск отвечать не будет! Этого хватило для счастья!

- Тор, может статься и так, что у меня ничего не получится.

- И? – дубовик сделал свое черное дело, мягко затуманив мозг. Сейчас и проблемы казались вполне подъемными, и Маргарита убеждаемой и разумной.

- Бабы, они ж на сносях с ума сходят!

Илья пожал плечами. Он не был свидетелем подобных истерик. Анна обходилась без них, экономила силы.

- Пусть сходят. Что дальше?

- Вот ежели ее успокоить не удастся, она и себе вред нанесет, и ребенку...

- Не хотелось бы.

- Тор, а взять ее с собой никак нельзя? В обозе, например, как сестру милосердия?

- Ты ополоумел, старый?

- А что такого, тор? Что страшного-то?

- Она ж беременна!

- Ну так не больна ж! Сама себя она скорее доведет до истерики, да и до чего похуже.

- Хм... и не умеет ничего!

- Чего там уметь? Бинты сматывать или корпию щипать?

Илья задумался. С одной стороны, брать с собой такую обузу ему не хотелось.

С другой...

Обоз же!

Бабой больше, бабой меньше – да и леший с ней! Карету поудобнее взять, авось и не заметит. Не на телеге ж везти тору? Зато при себе будет... Илья не особенно любил Маргошу. Но ответственность за нее чувствовал, все же ребенка сделал, да и жениться стоило б. Но Анна...

Илья не мог представить себя женатым на другой женщине. Только Анна.

Только дочь императора.

Анна с ее карими глазами, с плавной походкой и тихим голосом, с ее скромностью и нежностью... Анна... где ты? Что с тобой?

- Подумайте, тор. Прошу вас...

Дед Савва отвлек от грустных мыслей, и Илья почувствовал к нему определенную благодарность.

- Обещаю. Подумаю.

А деду того и надо было. Поклонился, да и смылся. Ему еще предстояло объяснить торе, как правильно себя вести. А то молодая ж!

Глупая!

Наломает дров, хоть поленицу клади, а им такого не нужно, нет! Лично ему нужно уехать из Подольска вместе с войском. А что уж дальше будет, как оно будет...

Там и посмотрим!

Дед Савва воспринимал Измайловых, как свою семью. И беречь и собирался всеми способами, даже подлыми. Вот коли Илья на его драгоценной девочке женится, тогда и Илья станет его семьей, можно будет с ним чуточку иначе. А пока он жениться отказывается, нечего с ним, как с человеком!

Ишь ты, враг!

Тебе тора чуть ли не девственность отдала, а ты харчами перебирать изволишь? О другой бабе вспоминаешь!?

Наглец!

Но торе это лучше не объяснять. А вот что надо полежать в постели, потому как боли начались на нервной почве... от разлуки с любимым – это надо. Это дело. Пусть полежит, поболит.

Яна, монастырь.

- Жеванные мухоморы! Топыч, не вздумай за мной повторять!

- Не буду.

Яна морально готова была материться. А как еще?

Из монастыря они ушли. Яна лично заминировала монастырь, здраво рассудив, что монахи сюда долго не вернуться, а вот мародеры – запросто.

Крестьяне?

Вряд ли. Они своей шкурой рисковать не будут, если и явятся, то далеко не сразу, к тому моменту ловушку уже кто-то из вернувшихся бандитов разрядит.

И дело-то нехитрое!

К двери присобачить динамит и взрыватель так, чтобы при открывании взрыватель воспламенился, ну и полетели осколки во все стороны. А кого уж там накроет, убьет или покалечит... вот что Яну не волновало! Чем меньше подонков, тем лучше людям. А что они вернуться, девушка даже не сомневалась.

Поэтому дети были посажены на велосипед, Топыч крутил педали, а Яна шла рядом на лыжах. Потом они менялись.

Малявок укутали во все теплое, что нашлось. Два огромных тулупа пришлись кстати – только носы из них и торчали. Яна время от времени проверяла – не подмерзли?

Вроде пока что нет.

И все равно двигались медленно.

Дети же!

То пить, то есть, то пИсать, Яна ругалась, но безадресно. Чего уж там, дело житейское. Не бросать же малышню на растерзание?

И так им повезло...

Как поняла Яна, главарь бандитов просто любил жестоко играть с людьми. А что может быть страшнее для матери, чем издевательства над ее детьми?

Над собой-то ладно... Марфа сносила все. И то, что называли в двадцать первом веке изнасилованием в извращенной форме, заметим, массовым, и побои, и остальные милые идеи, лишь бы ее детей не трогали.

Даже не кричала. Старалась, чтобы дети не пугались. Не помогло, конечно, но что могла, то женщина сделала. И помощи дождалась, и нашла, кому детей поручить...

Яна была рада, что убила подонка. Жаль, не всех. Но – нет в мире идеала.

Еще и следы замечать приходилось. Снег же, видно все. И кто шел, и куда шел... вряд ли тут велосипедисты постоянно ездят. Эх, как же хорошо с металлическим конем! С машиной бы лучше, но насчет идеала Яна уже говорила. Да и машины тут... ей-ей, велосипеды делались лучше. И ломались намного реже.

Топыч тащил детей, Яна заметала следы. В буквальном смысле, еловым веником. Потом они менялись... конечно, на привал остановились пораньше. Вымотались.

И не сильно удивились, когда по земле донесся до них отдаленный грохот взрыва. Кто-то нарвался. Ах, как приятно!

Глава 13

Монастырь

Лука Беззубый решительно кивнул мужикам.

Входим, робя, чего бояться!?

Ребята не спешили, побаивались.

И то... представьте, вот ты расслабился, приятно провел время со сговорчивой бабенкой, заполировал все плоточком-другим винца (парой-другой бутылок), плотно покушал, откровенно говоря, осоловел так, что даже над выщенками издеваться не хотелось – ну их! Подождали б до завтра, с похмелья люди еще и злее будут. И тут вдруг шум!

Грохот!

Падает люстра!

Да как! Человека убило!!!

Конечно, они выбежали под открытое небо! Мало ли что еще упадет? А тут и страшнее... Какое-то вражье динамитом жажнуло!

Сколько человек в ключья разнесло – представить страшно... Лука с краю стоял, его только навзничь бросило, но он-то умный! Он отполз – и к лошадям!

Схватил телегу с пулеметом, и давай ноги!

С ним еще пятеро увязались, вот, они вшестером и решили проверить монастырь. А вдруг?

Ладно-ладно, причина была проще. Пулемет был не заряжен!

Атаман своей братве не слишком доверял, и пулеметные ленты хранились в другой телеге. Которую Лука, естественно, позабыл.

Крестьян пугать?

Опасно, злой нонеча крестьянин пошел, недоверчивый. Вот кабы въехать в деревню на телеге, да очередью поверх голов полосануть, да пригрозить – тут бы черви земляные все сами и повынесли. А просто их пугать... не, опасно это!

Почитай, в каждой деревне пара бывших солдат, но есть. Они и поймут, что не заряжен пулемет, и обратно ответят. А вшестером с

ними не справиться, нет...

Вшестером- это курам на смех, разве что на дороге грабить.

Или – вернуться в монастырь, посмотреть, что там...

Издали посмотрели.

Монастырь выглядел брошенным. Дымок из труб не шел, движения не было, голосов, да хоть каких признаков жизни – тоже. И ворота нараспашку.

Один из бандюков подобрался поближе, но все равно – пустота и тишина.

Лука только порадовался.

Монастырь – это не только крыша над головой, это еще и недоеденное пиршество. Они ж еще не все поели...

Лука сладко прижмурился при мысли о бочках с вином и потянул за ручку двери. Это стало последним его действием.

Двери снесло с петель. Всех шестерых подонков попросту накрыло, а поскольку двери были деревянными, тяжелыми, а врачей в окрестностях не было...

Трое отдали Хелле души сразу же. Еще трое чуть погодя.

А маленький огонек упал в лужу масла, побежал, побежал по занавескам, по столу, по полу, по деревянным перегородкам и перекрытиям...

Яне было очень жалко монастырь. И она надеялась, что выгорит только пристройка. Но...

Похоронить Марфу она не могла. Зима, земля промерзла, могилу копать – два дня потерять. А оставлять тело на поругание? Тоже подло как-то...

Огонь и только огонь. И это будет правильно.

А на ее совести дети. Забрать своего в Синедольске, да и махнуть в Карев, в котором и пребывал сейчас почтеннейший купец первой гильдии. Благо, недалеко.

А там уж и из Русины когти рвать.

И в очередной раз Яна вспомнила добрым словом своего отца.

Чему только не научишься в лесу! А уж браконьеров переловишь... да, и такие бывали, что один раз саперов вызывать пришлось! Заминировали, сволочи, кормушку для лосей! А чтобы по озерам пошакалить, считай, лета не проходит! И самое обидное... вот у тебя динамит! Ведь недешевый же!

Так купи ты на эти деньги рыбы, небось, не меньше будет, не такая уж она дорогая, речная-то! Но нет!

Надо природе нагадить! Надо свою крутость показать! Прогулялся, сволочь, как хозяин! И позабыл, что таких хозяев жизнь жестоко учит. Когда и мордой об порог. А когда и мордой об сапог.

У отца один такой браконьер раз пятнадцать на приклад падал... что характерно, злые менты потом клялись и божились, что трое суток не могли установить его личность, и падал он у них тоже частенько. И кажется, ориентацию поменял (не благодаря ментам, просто было с кем). Круговая порука, называется.

Так что с динамитом Яна обращаться научилась. И взрыватель не подвел. Эх, спасибо тебе, папа, что воспитывал, как человека, а не как кисейную барышню! Представить страшно, что бы она тут с вышиванием да вязанием делала! Разве что веревку связала, да и повесилась!

А так...

И Яна нежно погладила рукоятку револьвера. Хорошая вещь – оружие. Правильная.

Анна, Россия

Ольга Сергеевна Цветаева с отвращением смотрела на бумаги.

Ох уж эти адвокаты! И худшая их разновидность – адвокаты-евреи!

Бумаг было столько, что целая пачка ушла. И явно это был еще не предел. Яков Александрович отработывал свои деньги на все сто процентов, написав такое количество разных жалоб, протестов и опровержений, что дух захватывало. И из всех бумаг следовало одно и то же.

Она, Ольга Сергеевна, не имеет никакого отношения к ребенку. А чтобы провести генетическую экспертизу ей еще лет пять судиться придется.

Деньги?

Как оказалось, у этой маленькой дряни тоже были деньги. И она знала, кому их нужно дать.

Да, звучит некрасиво. Но пока есть судьи, будут и продажные судьи. А Яков Александрович отлично знал, кто продается, за сколько...

Ольга Сергеевна... она тоже нашла бы подход, но позднее. Все же она жила за границей и дела вела сейчас, в основном, за границей. А это накладывает свой отпечаток.

Женщина подумала пару минут, поворошила стопку бумаг.

- Маша, зайди!

Секретарша себя долго ждать не заставила.

- Подай заявление в органы опеки. Сама найдешь как сформулировать о том, что Анну Петровну Воронову надо признать недостойной матерью. Она живет с ребенком в ужасных условиях, не обеспечивает ему ничего...

- Да, Ольга Сергеевна.

- И найди мне телефон частного детектива. Я хочу собрать информацию...

Маша кашлянула.

- Ольга Сергеевна, простите...

- Да? – если бы заговорил стул, Ольга Сергеевна удивилась бы меньше. Секретарям вообще не положено обсуждать решения боссов. Записала – свободна! Исполняй!

- Если вы решите собрать информацию про Анну Петровну Воронову, есть один неплохой вариант.

- Слушаю?

Ольга Сергеевна действительно решила сначала выслушать, а уж потом ругаться. Или не ругаться.

Нет, не ругаться.

Машин план действительно был проще, лучше, а главное очень быстро воплощался в жизнь.

Практически мгновенно.

- Хорошо. Я выдам деньги, так и сделай. И подключай органы опеки. К началу суда мне нужно, чтобы у нее отобрали ребенка.

Наманикюренные пальцы сжались, ногти побелели так, что белая полоска на кончике слилась с основным цветом...

Ольга Сергеевна настраивалась на войну. И пленных брать не собиралась.

Окрестности Ферейских гор.

Ах ты ж тварь поганая!

Антон Андреевич Валежный скрипнул зубами так, что эмали на них резко поубавилось. Но какова наглость!?

Да кем его эти твари считают!?

ГРРРРРР!!!

Жутко хотелось обернуться волком Хеллы и вцепиться кому-нибудь зубами в горло, как в старой сказке, где герой пообещал отдать свою душу за месть. И Хелла обратила его в волка, чтобы он загрыз всех своих обидчиков, а потом верно бежал рядом с ее ногой.

Вот, Валежный не побрезговал бы.

Или – побрезговал?

Такое, небось, в рот возьмешь, так не проплюешься! Стошнит! Но все равно – какова наглость!?

Послание от жома Пламенного содержало краткое и выразительное предложение перейти на сторону Освободительного движения. Стать генералом армии Освобождения, поднять Русину с колен... притягательно?

Очень.

И злился Валежный наполовину на себя. Знал ведь, что Петер – бездарь и ничтожество, что он губит страну, что жена его стерва и дура, что ситуация идет ко взрыву... знал! И не мог даже воспрепятствовать – а как?!

Нереально...

И вот сейчас расхлебывал... и точно понимал, что даже Пламенный будет лучшим правителем Русины, нежели Петер. Но разве это повод его поддержать?

Дважды и трижды нет!

Валежный не знал, почему так, почему он не может перейти на сторону Освобождения, как тот же Калинин – бывает ведь? Бывает!

Старого хозяина убили. Почему бы не служить новому?

А ответ прост.

Потому что присягу Валежный, как ни крути, приносил еще отцу Петера. И служить тому, кто убил его сына? Гадливо как-то...

Петеру он присягу, правда, уже не приносил, это считалось как бы автоматом, вступая на престол, император принимает на себя все

обязательства предыдущего правителя – и всех его вассалов тоже. Но Валежный в глубине души считал это неправильным.

И все равно...

Не мог он так поступить.

А еще... Петер – дрянь, да. Но были еще и его дочери. Две девушки, которые ушли от убийц, выжили... и был законный наследник трона Русины.

Действовать в обход?

Валежный не был суеверен, но на войне, знаете, всякое случается. Ох, всякое... бывали случаи, которые не объяснить простыми совпадениями или игрой случая. И рисковать он не хотел. Так вот, согласишься, а чем закончишь?

Клятвопреступники на войне не живут. Не то, что долго – вообще.

Валежный посмотрел на курьера, который и доставил это письмо. И стоял, трясся, словно осиновый лист.

Перевел глаза на бумажный лист – и опять заledenел от внутреннего, расчетливого гнева. Почерк красивый, витиеватый... из образованных ведь! И семья не из бедных...

Объясните мне, зачем вам страна образование давала?!

Чтобы вы ей нож в спину всаживали!?

Мрази!

И этот Пламенный – мразь, а что с лозунгами, так еще противнее. Ведь кто-то и поверит, и обманется их громким треском и блеском, и вляпается по полной программе...

Валежный задумался.

Потом подозвал ординарца, вручил ему письмо и тихо шепнул что-то на ухо. Молодой корнет просиял – и улетел куда-то за палатки. Потом вернулся с запечатанным конвертом и протянул его Валежному, правда, несколько неуверенно...

Антон Андреевич качнул головой.

- Не мне. Тому жому.

Жом послушно принял конверт.

- Жом...

- Тор, - жестко проговорил Валежный.

- Тор генерал, на словах ничего не передать?

- Передайте жому Пламенному мой пламенный привет, - скаламбурил Валежный, вспомнив детскую шуточку.^[20]

И распрощался.

Больше курьер ничего не решился спрашивать. Но конверт отправил курьерским...

Увы, жом Пламенный открыл его в одиночестве. И никто не смог оценить гневного выражения лица мужчины. И воплей возмущенных никто не услышал.

А вопли были, еще как были...

Не привык несчастный, чтобы его письмами подтирали то место, в котором спина теряет свое благородное название. А корнет постарался от души.

Точку зрения Валежного Пламенный уяснил. Доходчиво получилось.

Русина, Синедольск.

Они пришли вечером.

Загомонили во дворе грубые голоса, и Аксинья напряглась. Схватила Георгия, который сидел с ней в кухне за плечо, толкнула к кладовке.

- Беги!!! Прячься – и ни слова! Если я не позову!!!

Гошка травленной крысой метнулся в подвал.

В этот момент он ни о чем не думал.

Темно?

Страшно?

Высоко?!

Это страхи. А сзади была – смерть. Как и все дети он пока еще плохо понимал, что это такое, просто не мог представить, как так? Все останется, а его не будет! Нет, не понять...

Но такой ужас звучал в голосе Ксюши... так и бабушка Надя говорила! В тот, последний день. И Гошка среагировал на самую ситуацию, на голос.

Минута – и он уже сидел в подвале, задвинув засов, прислушиваясь к голосам наверху. Слух у него был отличный, и мальчик различал три мужских голоса, один женский...

Мужские голоса спрашивали, женский отвечал что-то... слов он не разбирал, только интонацию. Угрожающую у одних, умоляющую у

второй...

Потом от слов грабителя – или кто?! – решили перейти к делу.

Что-то зазвенело, зашумело, посыпалось на пол, закричала Ксюша...

Жутко закричала, и кричала еще какое-то время. А потом стихла.

А шум еще продолжался.

Гошка жутко испугался. До мокрых штанишек. До слез, до крика... только кричать было нельзя. Он сполз на пол погреба, прижался там в углу, куда Ксюша бросила старый овчинный тулуп, и затих, накрылся шкурой с головой.

Так его не увидят – и не достанут.

Так чудовища пройдут мимо. Правда же?

Правда?!

Шум не прекращался, кто-то ругался грубым голосом...

Гошка не знал, что именно случилось. А дело было так.

Аксинья не зря говорила про злой взгляд. Одинокая женщина, в городе... не рассчитал Савва. Он-то думал о старых временах. Понимал, что сейчас не то, что страшное надвигается, но это умом! А подсердечно не мог сообразить, ну как так?!

Чтобы среди бела дня грабили? Убивали, в дома врывались...

Да разве ж власть такое допустит?!

Савва был неглуп, но не знал про периоды безвластия. Нет, не знал... и не знал, как в это время люди превращаются в зверей.

Племянник торговки, с двумя дружками, вот кто пришел в дом Георгия. И остановить их было некому. Совсем некому...

Ворвались, начали ругаться на Аксинью, требовать деньги, потом хватать за все места.... Ксюша и не сильно сопротивлялась. Но...

Городские вкусы оказались для нее неожиданностью. А еще она не поняла, что ее проще убить. А зачем оставлять в живых свидетеля?

Ее попросту ударили ножом. Раз, второй, третий... попользовались по-быстрому и добились.

Крики, слезы.... Да разве это имело какое-то значение для двуногих скотов? Никакого...

Про Гошку, слава Творцу, они попросту не знали. Ксюша его на улицу не выпускала, гулять не водила, а остальное...

Детские вещи в маленькой комнате?

Так и взрослые вещи есть, наверху... и что? Содержать в порядке две комнаты и кухню куда как проще, чем весь дом. Ксюша справлялась. Комната выглядела чистенькой, а жилой там, или нежилой...

До таких ли тонкостей было пьяной мрази?

Они просто грабили, собирая, что поменьше и поценнее. Подумали, не поджечь ли дом, но потом решили, что не стоит. И шум поднимется, и пожар – опасно в городе, и труп сразу найдут, а так лежит он тут - и лежит... в подпол его скинуть?

А продукты?

За один раз ведь все не унесешь...

Пусть лежит! А они пока унесут что могут, ну и подумают, куда хабар пристроить.

* * *

Гошка не знал, сколько он просидел, кутаясь в старую овчину. Но его сморил сон. И вечер, и испугался он, и....

Это – нормальный здоровый ребенок, который может спать в любой ситуации.

Когда он проснулся, было уже утро. Гошка прислушался – и заледенел.

Над головой раздавались мужские голоса. А вот Ксюши слышно не было. Нет...

Вообще не было слышно женщин.

Значит... ее нет.

Мальчик подумал, что с Ксюшей сделали что-то очень плохое. А если он выйдет, то и с ним, наверное, что-то сделают... ему стало страшно. Он опять сжался в углу... он так и сидел бы все время, но напомнил о себе организм. Гошка понял, что если не встанет, то намочит штанишки.

И на полу сидеть было неудобно, на лавке лучше.

Самым страшным было безделье. Но в подвал откуда-то проникал свет. Гошка не знал, но все было просто. Не лампу ведь жечь и не свечу, не дай Творец – весь дом вспыхнет. Поэтому вор поступил

просто. Дымоход с системой зеркал – и днем в подвале будет светло. Не слишком, но уж как получилось.

С собой у мальчика был блокнот и карандаши – прихватил машинально.

Ксюша предусмотрительно положила на стол головоломки из палочек – было чем заняться. Да и сам Гоша вел себя тихо. Старался.

А дерево, которым были обиты стены подвала, пропустило бы звуки наружу, только если бы он стал кричать, шуметь нарочно...

Он не стал.

Гошка понял, что ему еще долго ждать.

А если так...

Надо посмотреть, что есть покушать. И – ждать. Рано или поздно дяди уйдут, и он сможет выйти из подвала.

Что дальше?

Об этом мальчик не задумывался. Пока он понимал четко – нельзя шуметь. Наверху враги, они бабушку убили, они Ксюшу убили, они и его убьют.

Нельзя привлекать к себе внимание. Тишина и только тишина...

Ведро у него есть, еда есть, есть палочки и блокнот...

Гошке оставалось только ждать.

Свободные герцогства

- Ида, спасибо вам огромное!

- Не стоит благодарности.

Станислав поправлялся семимильными шагами. Повезло – и организм молодой, и лекарства, и уход хороший.

- Мне неловко отягощать вас своим присутствием.

- Конечно, в вашей конуре намного лучше, - не стала церемониться Ида. – Там вы умрете быстро и никого не будете отягощать.

- Разве благородная тора может так говорить? - поддразнил Станислав.

- Благородная тора может все, - отрезала Ида. И ткнула иголкой в вышивание.

По вечерам она все равно вышивала. Восстанавливала душевное равновесие. Только если раньше на ее вышивке были цветы, бабочки, птички...

Сейчас она вышивала здоровущую собачью морду. С натуры.

Натура при этом лежала неподалеку и упоенно грызла кость. На Станислава Полкан поглядывал... скорее равнодушно. Признал за своего, лаять не станет, но и хозяйку в обиду не даст.

- Ида, я ваш должник.

Ида полыхнула глазами.

- А я не привыкла бросать людей в беде. Будьте любезны не затрагивать эту тему более в моем присутствии!

- Многие... да что там! Ида, я работаю в больнице семь лет! А пришли ко мне – только вы. Не просто пришли, но и не побоялись общественного мнения...

Ида подняла брови.

- Общественное мнение? Станислав, я бежала из родной страны. Меня должно волновать мнение кучки... напыщенных гусей?

Станислав фыркнул.

- Думаю, вам и целый птичник под окном будет нипочем.

- Правильно думаете.

- И все же... я понимаю, что деньги вы не примете... нет, не надо, пожалуйста!

Ида медленно разжала пальцы, которые вцепились в угол пальцев. Так бы и треснула по безмозглой голове! Тьфу!

- Я не стану портить вышивку.

- На то единственная моя надежда, - подколот Станислав. – Но я надеюсь, что вы позволите отплатить вам добром за добро.

Ида перевела дух. Ладно, она все понимает. И о гордости, и о чувстве собственного достоинства, и прочее, что положено... она понимает! И бить никого не станет! И ругаться тоже... чудом человек смерти избежал, понятно, тут умных мыслей в голове не прибавится.

А чего она может пожелать? Такого, чтобы и ей было нужно, и Станислава не обременяло?

Идея пришла мгновенно.

- Хорошо, - кивнула еще раз девушка. – Вы знаете, что меня интересует медицина. Научите меня.

- Безусловно. Обещаю, буду вас брать на операции, буду учить держать скальпель...

- Спасибо, - искренне сказала Ида.

- Но я считаю, что этого слишком мало. Ида, я пока еще не выздоровел окончательно, но когда встану на ноги, скажите, могу я вас пригласить на зимние гуляния?

Девушка посмотрела на мужчину долгим взглядом голубых глаз.

- Выздоровеете – решу.

Но сразу ведь не отказала! Когда Ида вышла из комнаты, Стас перемигнулся с Полканом.

- Дружище, живем?

Под клыками собаки хрустнула здоровущая кость.

Анна, Россия

- Мам, ну давай!

- Аня, что тебе стоит?

Анна покачала головой.

Действительно, что ей стоит? Сходить с детьми на какой-то фильм? Очень фантастический, в каком-то Д-кинотеатре (надеюсь, это не для дураков?).

- Хорошо. Когда?

- Завтра! – выпалила Кира.

Гошка подскочил от радости.

- Да, завтра!

- Во сколько?

- Часов в семь! Лучше – в восемь!

- А не поздно?

- Детское время! – отрезала Кира. – Да, Гош?

- Да!

- При условии, что ты днем поспишь подольше, - тут же спустила его с небес на землю Анна. Гошка погрузился, но согласился.

- Хорошо, мам.

- Тогда...

- А билеты я уже заказала! На центровые места! Роман нас отвезет!

- А оттуда?

- И оттуда отвезет! Мы с ним договорились! У него дочка тоже хочет на этот фильм сходить, вот и совместим, - Кира быстро цивилизовалась.

Это только в плохих фильмах показывают, как служанка ждет свою хозяйку по несколько часов. А потом еще и на следующий день по дому бегает. В жизни это достаточно бессмысленно.

Есть дежурные слуги, которые отсыпаются в другое время. Есть определенная смена – вот, как было у дворцовой прислуги. Приходит тот, кто дежурит сейчас.

Об этом нуворишам известно не было. Большинство из них жили по принципу: я тебе плачу, вот и работай! Молча! А не захочешь – завтра на твое место сто человек найдется!

Из Киры Анна успешно эти замашки вытряхивала. Благородный человек так никогда не поступит!

Борис Викторович тоже так не поступал. Люди, которые сами работают, не унижают лишней раз других работяг. Но то – работающие.

Неважно, бизнесмен ты, уборщица, кондуктор в трамвае, человек, который вкладывает свой труд, способен и чужой оценить по достоинству.

А вот их окружение... жалует царь, да не жалует псарь. Насколько Анна поняла Розу Ильиничну, всем живущим в доме очень повезло.

Борис Викторович человек неплохой, даже хороший, просто занят очень и света белого за своей работой не видит. Давно уж семью на сорок лет вперед обеспечил, но заработать больше и больше денег – это как наркотик! Затягивает!

Мать его была дамой простой и приятной в общении, строгой, конечно, но требовала она именно что работу, а не птичьего молока в солнечный полдень.

Кира?

То же самое. Ей вообще до слуг дела не было, были бы чипсы с колой...

Жены? Надолго они не задерживались, в хозяйство не лезли и относились к ним все, как к неизбежному злу. А вот Лиза...

Все работающие в доме ждали неприятностей. Увы...

Анна могла только посочувствовать. А что еще можно сделать? Найти Борису Викторовичу новую жену? Пусть ищут, она тут ничем не поможет. Нужных знакомств у Яны не было, а сама Анна... Меньше, чем через год ее не станет. И это надо принимать в расчет.

А пока вся материнская любовь, которой великая княжна в избытке запасла за эти годы, вылилась на детей. В основном перепадало Гошке, но и Кире доставалось. Ровно столько, сколько было необходимо, чтобы девочка не тяготилась заботой.

Кино?

Идем в кино!

А там, глядишь, Борис Викторович и еще куда девочку отпускать начнет. Ведь совсем ребенок к жизни не приспособлен... Анна тоже, но она это понимала! И память Яны у нее была.

А Кира?

Анне здесь не жить. А Кире – жить.

* * *

Центровые места Анне понравились.

Как оказалось, Кира заказала на всех (включая самого шофера и его дочь) места в вип-кресла. В центре зала, в виде удобных маленьких диванчиков, с широкими подлокотниками, и откидными столиками, на которые можно было поставить ведерко с орешками или бутылку с водой. Поп-корн Кира принципиально не любила. А вот фисташки готова была грызть в товарных дозах.

Кресла были на оптимальном удалении от экрана, и даже с подставками под ноги. Заказывала она все онлайн, заранее, теперь требовалось показать заказ и забрать билеты.

А на кассе разгорался скандал.

Молодой человек возмущался так, что его было на эскалаторе слышно.

- Что значит – заказаны! Отмените заказ!
- Простите, мы не можем этого сделать!
- А кем заказаны места?
- Владелец пока не пришел...
- Ну вот!

- Но время еще есть.

- Значит, покажете мне заказчика, как он явится. А я у него эти места выкуплю!

Вконец замороченная кассирша кивнула и вернула свое внимание волнующейся очереди. Анна сморщила нос.

- Фу так себя вести.

Кира не обратила на ее слова внимания. Они с Гошкой бились над каким-то сложным уровнем, пытаясь повернуть одновременно нужным образом шестнадцать ключей. Анна только головой покачала.

- Молодые люди, хватит мучить ваши гаджеты. Имейте совесть.

- Аня!

- Мама!

Анна только головой покачала и переглянулась с Романом. У того дочка тоже «залипала» в телефоне.

- Бесполезно.

- Все равно буду бороться. Кира, солнышко, вот очередь.

Анна поставила девочку в нужное место и когда дело дошло до кассира, прикрыла ладонью экран телефона.

- Аня!

Но Кира быстро очнулась и уделила внимание кассиру.

- Я у вас заказывала места онлайн. Все оплачено, вот номера и чек.

Кассирша быстро проглядела предъявленное, перечислила номера сидений – и вернула Кире телефон и билеты.

- Приятного просмотра.

- Спасибо.

Но до зала они не дошли. С диванчика неподалеку от касс поднялся симпатичный молодой человек лет семнадцати.

- Кирюха?

Кира оглянулась – и охнула, покраснела.

- Витя?!

* * *

Глядя на реакцию девочки... Анна поставила бы подсвечник против еловой иголки, что девочка влюблена. Может, даже это ее

первая любовь. И было во что влюбляться.

Парень – прелесть. Высокий, симпатичный, без подростковых прыщей, с хорошей фигурой. Одет модно и дорого, волосы темные, кудрявые, глаза такие... как спелые каштаны. Здесь это называется – семитский тип, просто неярко выраженный. Но красиво.

Вот и Кира уже поплыла, как мороженое.

Пришлось взять ее за руку и легонько сжать. Подействовало, девушка моргнула – и на автомате выдала, как учила Анна.

- Добрый день. Рада тебя видеть. Как поживаешь?

Витя на миг притормозил. А потом махнул рукой.

- Да все пучком! Эт че – твоя родня?

- Родня... да, родня, согласилась Кира.

- На Новый год приехали? Бывает... у нас мамаша тоже ругается.

Анна побледнела. Подтекст она поняла – понаехало тут бедных родственников. Но пока она не вмешивалась. Пока терпела.

Витя почесал чуть пониже спины. О, эта милая непосредственность и штаны с заниженной талией – чешись – не хочу!

- Кирюха, я че забыл-то... будь человеком, продай билет? А? Я тут с такой телой...

И махнул рукой в сторону диванчика.

Анна посмотрела туда. Ну... для семнадцатилетнего парня – да. Сногсшибательно. И мозговыносительно. Грудь из маечки рвется, живот открыт, юбка как лейкопластырь, короткая шубка распахнута, каблуки – сантиметров пятнадцать, благо, рост кавалера позволяет. И остальное тоже на уровне.

Нарощенные ресницы, ярко накрашенные глаза и губы, высветленные волосы, обильно политые лаком... понятно – пошлость! Но у парня сейчас не хороший вкус работает, а вовсе даже другое чувство. Похоть называется. Вот его такие самки стимулировать умеют.

И жвачку жует словно надутыми губами.

Кира словно на глазах поникла, осознавая, что ей никогда не сравниться с таким совершенством. И Анна не выдержала.

- Молодой человек, я не помню о разрешении посещать кинозал с коровами.

- Чего? – не понял молодой человек.

- Даже если ваша корова еще не была ни с одним бычком, это не повод вести ее в кино, - спокойно разъяснила Анна. Громко и отчетливо, на весь зал. – Чтобы вы знали, коровы своей дефекацией не управляют, а мне бы хотелось посмотреть фильм... без миазмов.

- Теть, ты че – с дуба упала?

Анна покачала головой. И чуточку изменила наклон головы, взгляд, улыбку...

Аделине это всегда удавалось, под ее взглядом и генералы себя неуютно чувствовали.

- Неумен. Плохо воспитан. Совершенно не умеет обращаться с женщинами. Кира, я понимаю, что мальчик – твой друг и готова сострадать его беде. Но нам пора.

Витя открыл рот. И тут же закрыл его, потому что Анна двигалась не то сквозь, не то мимо... пришлось посторониться, чтобы его не смели.

- А... э...

Но было уже поздно.

Витя обернулся к девушке, но та уже бросила все и стояла в классической позе «хабалки рыночной». Руки в боки, глаза молнии мечут, ноги широко расставлены... как ни крути, а натура вылезет.

- Коровы, мля?!

- Ээээ... Дашенька, ты не так поняла!

- Дарина, сколько раз тебе говорить! Хам невоспитанный! – взвизгнула «тела» и на третьей космической скорости умчалась в сторону выхода.

Витя оглянулся на дверь кинозала, на кассу... и пошел за девушкой.

Пятый размер едва прикрытого бюста – это аргумент. Особенно в семнадцать лет.

* * *

Уже в кинозале Кира нашла Анину руку и крепко ее пожала.

- Ань, спасибо.

- Не за что. Я правильно понимаю, молодой человек тебе понравился?

- Да... мы с ним знакомы. Он в нашу школу перешел...

Аня посмотрела на экран. Там пока шла ужасно нужная и интересная реклама каких-то кондиционеров.

- Расскажешь? В двух словах?

Жаль, что двумя словами Кира не ограничилась. Но зато Аня представила себе картину. И та не радовала.

Так и хотелось заговорить лозунгами. К примеру: «Родители, занимайтесь детьми! Лучше – чаще!» или «Ваши деньги не гарант наличия мозга у ваших детей»...

Вот ни разу не гарант.

Витя перешел в Кирину школу недавно. Этой осенью. Причина?

Директор в предыдущей школе его не понимал. И не оценил. Это со слов Киры. Анна же, выслушав историю, составила свое мнение. И было оно достаточно печальным.

Чадушко по имени Витя твердо было уверено, что папа – купит. Что купит?

Да все! Трусы, часы, айпад, поездку на Мальдивы, учителя математики... вот, с последней вышла небольшая промашка. Учительница оказалась несовременная, советской закалки, и хамства от учеников не терпела. Тем более, глупости.

Ладно, будь ты хоть какое хамло, но знай материал! Нет?

И этого нет?

Проверочная работа! Вторая! Третья! Двойки за работы? Двойка за четверть! И пусть отдел образования спрашивает, я отвечу!

Директор оказался в эпицентре разборок, но преподавательница, которая держала в страхе все свои классы была ему как-то ближе, нежели малолетний осел с самомнением, приобретенным за папины денежки.

К директору вызвали папу. Надо полагать, беседа была оживленной, и по ее результатам мальчика решили перевести подальше от тупого и бездарного математика.

Математик, которая вырастила не одно поколение победителей школьных олимпиад, только порадовалась такому решению. Не умеет она найти подход к гениям? Ну, вот как только появится хоть один гений, так сразу....

Травмирует тонкую душу ребенка?

Это еще не травма, вот, если б розгами!

Разъяренный папа устроил перевод ребенка. В одной школе перекрестились, в другой взмолились – и не зря. Витя отлично вписался в коллектив мажоров. Словно и всегда в нем жил.

Судя по словам Киры, парень отлично разбирался в одежде, сортах пива и сигарет, собирался делать себе татушку, был продвинутым геймером и обожал брейк-данс и гонять на велике. Естественно, крутом и дорогом.

Учиться?

Ээээ... а надо? Папа купит...

ЕГЭ? Ой, ну не надо, что вы! Какие глупости! В армию мальчика точно не возьмут, на то справка уже есть, о какой-то страшной болезни вроде гастрита или плоскостопия. И врач знакомый есть – что хочешь нарисует. А поступление...

Папа купит!

Аня только вздохнула. Придурок? Определенно! И не надо говорить, что она великая княжна и не должна опускаться... это – определение. Позвоночник переходит в попу, а Витя – придурок. Может и в полного дурака перейдет, кто его знает? Хотя надо отдать парню должное, он высокий, симпатичный, с хорошо подвешенным языком, но... но просить девушку уступить ему билет? Вот так?

Фу!

А Кира грустит, у нее... кажется, у девочки первая любовь?

Анна только вздохнула. Ладно, она придумает, как поступить, чтобы этот щенок не оставил Кире на сердце шрамов. За оставшееся ей время многое можно сделать.

Но за одно ему определенно спасибо.

Новый год.

Скоро новый год. А она и забыла... стыдно.

* * *

Дети смотрели фильм.

Кира и Гошка держались за руки и в отдельных местах тихо повизгивали – от полноты ощущений.

Анна получила два сообщения. Одно из банка о крупном зачислении на счет.

Второе – от отца.

Петр Воронов доехал обратно в лесничество, и сообщал, что он всегда на связи. Случись что – обязательно приедет.

Анна улыбалась в темноте.

Яне повезло с отцом, не то, что ей. Петр не задумывался, бросаясь на выручку дочери. Даже когда Анна призналась ему в своих приключениях... нет, о Хелле она не сказала. Но об остальном – расспросила. И про историю семьи – вдруг что да сохранилось?

К сожалению, нет. Петр мало что знал, его отец и дед решили, видимо, не рисковать. Не те времена на дворе стояли, слишком опасно.

И про двух наркоманов... Петр коротко уточнил – не выжили? И порадовался, мол, добивать не придется. И про мародеров – в данном случае Петр обещал узнать, не оставила ли Анна каких следов. Остальное его не волновало.

Родная дочь – и точка!

Чем это отличается от того, что проделывали с Витей? Наверное, личностью подопечного. За себя Анна была спокойна. Она не сядет отцу на шею, не станет паразитом, не будет тянуть из него деньги-даже если бы она осталась жива, нашла бы, как заработать.

А Витя ищет и ждет только развлечений. Ответственность?

Помилуйте, он и слова-то такого не знает. Ни к чему.

Нет, Кире такой не подойдет, даже в качестве первой любви. Особенно в этом качестве!

Он будет развлекаться, а девочка – страдать и разочаровываться? Анна была против. Первая любовь должна быть хоть немножечко счастливой, а не ломать девочке всю жизнь! Перебьется этот дурак!

* * *

Когда они вышли из кино, на улице было морозно и тихо.

С неба летели белые снежинки, Анна запрокинула голову – и поймала кончиком языка одну, потом вторую. Улыбнулась в бездонную черноту неба.

Звезд сегодня видно не было – все заслоняли снеговые облака. И было как-то особенно спокойно.

- Пап, можно я с тобой покатаюсь?

Роман не стал отказывать дочери – и усадил всех детей назад. Анна села на переднее сиденье. Мелкие болтали сзади, и девушка решилась.

- Виктор... бывает в доме?

- Тот щенок?

- Выщенок, - поправила Анна, решив не оскорблять собак. И попала в цель.

- Иногда бывает. Когда ему от девочки что-то нужно...

- Я с ним раньше не сталкивалась.

- А он и не так часто появляется. Но на Новый год точно заявится.

Анна покачала головой и перевела тему.

- Скоро новый год. А я и забыла...

А вот это дети уже слышали. И высунулась голова Киры.

- Аня!

- Да?

- А что мы будем дарить на новый год? Поехали завтра посмотрим сувениры?

Анна хмыкнула.

- Сувениры?

- Ээээ... а что не так?

- Кира, я видела ваши сувениры. Они однотипные. И скучные, честно говоря.

Кира вздохнула.

Понятно, отцу семьдесят шестая фляжка или сорок пятый органайзер не нужны. Но что можно подарить человеку, у которого есть все?

- Как ты думаешь, нам дадут организовать праздник? – уточнила Анна у девочки.

- Не знаю. В том году мы не отмечали, - погрустнела Кира.

Анна извернулась и погладила ее по растрепанной челке.

- А если попросить? Чтобы в этом году вы отмечали сочельник дома? То есть новый год?

- Я поговорю с отцом.

- А я тебе расскажу, что я придумала, - пообещала Анна. – И о подарках, и об организации праздника.

- Аня, мы успеем? Уже чуток осталось?

- Вполне.

Анна помнила, какие праздники устраивала мать. Неужели она не справится? Главное, что Кира не против. Теперь надо поговорить с Борисом Викторовичем. Вот как у нее из головы вылетело?

Да элементарно! Не отмечали они Новый год! Рождество отмечали, и пышно! А вот новый год был милым и уютным семейным праздником. Камерным и спокойным.

Но в этот раз...

* * *

- Где будем отмечать? – Борис Викторович нахмурился. – Я и не думал... могу Игорю позвонить, отметим вместе! Да, время летит, скоро новый год...

Анна и Кира синхронно кивнули.

- Да. Пап, давай дома отмечать? Пожалуйста!

- Кира, - Борис Викторович нахмурился. – ты понимаешь, что это – серьезно? Ты вообще когда-нибудь готовила праздники? Это надо не просто приготовить что-то, накрыть на стол, занять людей, придумать программу на всю ночь...

- Мы справимся, Борис Викторович, - Анна была уверена в своих силах. – Если вы позволите.

- А если не позволю?

Анна развела руками. Мол, я бы и рада стараться, а с дочерью-то вы за что так?

- Пааааапс! – заныла Кира.

- Выйди, - строго посмотрел любящий отец.

- ПААААААААПС!!!

- Выйди. Мне надо поговорить с Анной Петровной.

Кира надула губы и вышла за дверь. Анна качнула головой, но промолчала.

- Не одобряете?

- Девочке важно ваше одобрение и любовь. Ей тяжело сейчас.

- А по ней и не скажешь, - сегодня Кира надела малиновый свитер и волосы тоже покрасила малиновыми прядями, специальной тушью. И переводную картинку на висок свела.

Анна не спорила, пусть ребенок побесится, когда еще и развлекаться, как не в молодости?

- Кира выглядит сильной и уверенной, но ей очень важно ваше одобрение. И ваша любовь, - повторила Анна.

- Допустим. Если я разрешу праздновать новый год дома... вы справитесь?

- Да.

- Неделя осталась.

- И что? – Анна даже не думала о таких мелочах. Ну, неделя! Подумаешь!

Нельзя организовать праздник за неделю? Вы не знаете, как школили великих княжон. Просто не знаете... Анна его и за три дня организовала бы.

- Вы точно справитесь?

- Обещаю.

- Я приглашу Игоря с семьей и еще двоих знакомых с семьями.

- На сколько человек мне рассчитывать?

- Примерно, на двадцать.

Анна кивнула.

- Хорошо.

- Будете нанимать массовика-затейника...

- Зачем? – искренне удивилась Анна.

- Позвольте...

Девушка только улыбнулась. Она способна была придумать развлечения для двадцати человек. И скучно никому не будет.

А наемные работники...

Не надо. Ни к чему.

Борис Викторович вздохнул – и махнул рукой.

- Ладно, позовите Розу Ильиничну.

- Спасибо, Борис Викторович. Обещаю, вы не пожалеете о своем доверии. Кира вас не подведет.

- Надеюсь.

Анна была в этом уверена. Девочке надо попробовать свои силы, а она может ее научить. Итак...

Начинаем!

И начинаем – с закупки продуктов и всего, что нам понадобится для подарков.

Яна, Русина.

Когда впереди показался город, Яна выдохнула с облегчением.

Сил – не было!

Представьте, легко ли топтать по снегу, тащить на себе велосипед, тащить двоих... ладно, даже троих детей! Ладно еще, Топыч не жалуется! Но двое мелких-то?

Им хоть и было страшно, но страх у маленьких детей быстро проходит. А вот любопытство и желание куда-то влезть остаются. А тут...

Сиди себе на велике, и деваться некуда...

Идти пешком не дают – медленно, будешь всех задерживать. Спать сложновато...

А еще приходится стеречься... Яна не боялась бы, будь она одна. Ни минуты.

Стрелять она собиралась, как на диком, диком Западе, без предупреждения и наповал. А что – церемониться?

Ей своя жизнь дороже, чем сорок бандитских!

Но – дети!

Шальная пуля потому и шальная, что летит, не разбирая дороги. Яна не простила бы себе смерти малышей. Ни одного...

Приходилось идти медленно, проселками, перелесками... и то хорошо, что самую опасную банду они, кажется, выбили, а новой сволочи еще предстояло накопиться.

И все равно – тяжело.

Но вот он, Синедольск.

Что там говорила лесничиха? Яна бы и на смертном одре не забыла этого адреса.

Сухая улица, двенадцать. Сразу туда?

Яна прислушалась к себе. Хотите – верьте, хотите – нет, но... не хотелось! Вот не хотелось ей тащиться туда с детьми... почему? Гошка будет ревновать?

Она не могла себе ответить. Но детей хотелось сначала устроить и обогреть... а хотя бы!

Где там трактир «Ржаной хлеб»?

Глава 14

Найти трактир оказалось несложно. Язык до Киева доведет. А в сочетании с решительным видом и рукоятью револьвера, торчащей за поясом... когда тебе еще и врать побоятся – просто замечательно срабатывает. Полчаса ходьбы – и вот он, родимый. И дымок из трубы...

Яна решительно толкнула дверь. Огляделась.

Хм, ну что? Бедненко, но чистенько.

- Мелочь! Сюда! Хозяин!

Топыч послушно втащил в трактир сначала одного, а потом и второго ребенка. Сами они идти не могли – мешали тулупы. Зато не замерзли в дороге.

Хозяин себя тоже долго ждать не заставил. Воздвигся перед Яной, что та осадная башня, здоровущий такой мужчина, с плечами не про всякую дверь. Но девушка стесняться или смущаться не стала.

- Добрый день, жом.

- Добрый, жама.

- Постояльцев принимаете?

Трактирщик оглядел компанию – и лицо его, похожее на вырубленный из дерева лик, чуточку смягчилось.

- Ваши дети?

- Я за них отвечаю, - коротко ответила Яна. – так что насчет постояльцев, жом Матвей?

- Знаете меня,, жама? А я вас, что-то и не припомню.

- И не припомните. Вас Мария, жена лесника Савватея из Алексеевки хорошо описала.

- Савватей... хм... невысокий такой, лысоватый? С бородой?

Яна пожалала плечами.

- В глаза его не видела. Ни разу в жизни.

- Проходите, жама, да за стол присаживайтесь. Сейчас прикажу подать что погорячее вам и детям, там и поговорим. Вина?

- Детям молока, мне воды. Лучше горячей. Коровье молоко есть?

- Есть, жама.

- Вот и отлично. Если еще и с ложечкой меда?

- Найдется, как не быть, жама.

- Ждем.

Яна послушно уселась за стол, выскобленный до блеска, и потихоньку огляделась по сторонам.

Народу – человека три. Все тихо, чинно, спокойно... чего это стоит в наши дни? Вот сейчас, в разгар Освобождения?

Невероятно.

Но кажется, здесь спокойно. И крестьяне люди основательные, и Савватей, походу, не стал бы абы кому доверять... Ладно. Сейчас еще присмотримся.

Каша гречневая. С мясом.

Молоко горячее с медом.

Все свеженькое, вкусное, Яна попробовала ложку и оценила. А малышня вообще набросилась на еду, как голодные волчата.

И понятно. Яна старалась, как могла, но не те у них условия и не те припасы.

Лично она ждала, попивала маленькими глоточками принесенную ей воду – горячую тоже, и смотрела по сторонам. На выбеленные стены, на свисающие с потолка связки лука-чеснока, на букеты из колосьев...

Матвей долго себя ждать не заставил. Подсел за стол.

- Вы не голодны, жама?

- У нас тут не сказка, - вздохнула Яна. – Чтобы сначала накормить-напоить, а потом уж и вопросы задавать.

- И то верно. Вы ведь не жама по рождению, так?

- Это сейчас важно?

Матвей пожал плечами.

- Если вы, жама, хотите от меня что-то услышать...

Мужчина многозначительно замолчал, но все было ясно и так. Яне открывать карты.

Девушка потеряла переносицу. Ладно...

- Жом Матвей, я действительно родилась в благородной семье. Но... что вы знаете о семье Савватея? О торе Надежде?

- Для которой он дом покупал?

- Именно. Минутку, - вдруг сообразила Яна. – А вы ему этот дом посоветовали? По Сухой, двенадцать?

- Я.

- А я – мать его внука. По второй линии, если вы в курсе.

Трактирщик вздохнул.

- В курсе, да. От тора Нинель?

- Опять проверяете? Надежды Алексеевой.

Матвей кивнул уже спокойнее.

- Да. От тора Алексеевой...

- У Савватаея сын – Илья. Он отец моего ребенка. Георгия.

- Вот оно что...

Яна кивнула.

- Алексеевка сожжена. Но Мария сказала мне, что ее муж уехал и увез внука. Моего сына!

- Савва заходил сюда... дней пятнадцать тому. Даже чуть больше. Черный весь был от горя... вот почему.

- Может, и потому, - согласилась Яна. – Он не говорил, что дальше делать будет?

- Домой собирался.

- Не доехал.

Матвей помолчал.

- А вы что будете делать, тора?

- Жама.

- А все ж?

- Можно у вас пока детей оставить? Они голодны, устали... да и дело уже к ночи.

Еще и поэтому Яна не отправилась сразу на Сухую улицу. И... себе-то уж сказать можно.

Ей было страшно.

А вдруг Гошка... ее ребенок, ее сын...

Иногда слишком хорошо знать историю тоже плохо. Что могло случиться с ее сыном в охваченном революционным пылом городе, Яна отлично представляла.

Сейчас она может об этом не думать.

Сейчас она может прятать от себя правду.

Сейчас...

А потом?

Яна не знала. И ей было очень страшно...

- Можно, жама. Оплатить постой сможете?

- А если нет? – Яне стало чуточку смешно.

- Отработаете. Руки у вас, вижу, из нужного места растут, найдем чем посчитаться.

Яна медленно кивнула.

- Я оплачу. Но если нужна помощь – не стесняйтесь. Я уйду и поминай, как звали, а вам еще тут жить.

Матвей кивнул. Понятливая девушка, это хорошо.

- Мы потом еще поговорим, тора. А пока рубль в день.

- За человека?

- Да.

Яна, недолго думая, выложила на стол десятку. Подумала и добавила еще пятерку. Золотом, понятно, кому сейчас бумажки нужны? В отхожем месте и то с лопухом удобнее.

- Нам нужна одна комната на всех. И трехразовое питание... может, даже чаще. Доплачу, если что.

- Благодарствую, тора. Простите, жама.

Яна кивнула. И поднялась из-за стола.

- Проводите? Малышня уже на ходу спит.

Мишка и Машка терли кулачками глаза, пока еще не падали, но уже скоро, скоро...

- Готова ваша комната, я завтра, как встанете, скажите. Прикажу баньку протопить.

- Жом Матвей, вы чудо, - искренне сказала Яна.

И отправилась укладывать детей.

* * *

Малышня уснула быстро. Топыч посмотрел на Яну, которая и не думала раздеваться.

- А ты?

- А я пока уйду.

- Куда?!

- Топыч, ты же знаешь, зачем я здесь!

Потап знал. Но с Яной было спокойно. А без нее?

Вот сейчас она уйдет куда-то на улицы города... ночного города! И днем-то здесь опасно! А она рискует! А они все от нее зависят...

- Яна...

Девушка сбросила на пол заплечный мешок.

- Смотри, дверь запирается изнутри на засов. Когда я уйду, закройся и никому кроме меня не открывай. Понял?

- Да.

- И не волнуйся за меня. Я скоро вернусь.

- Яна...

- Обещаю, - Яна коротко поцеловала Топыча в нос и вышла из комнаты.

Усталость?

Да плевать на усталость! Как пелось в одном замечательном фильме: «гори, но живи»!^[21] Яне было страшно, и поэтому она делала шаг вперед. Она не уснет, не узнав, что стало с ее малышом. Не сможет уснуть!

Гошка, где ты!

Лучше ужасный конец, чем ужас без конца?

Однозначно!

* * *

Дурой Яна не была и второй раз подставляться не собиралась. Одной смерти ей вполне хватило! В грязной подворотне, с ножом в сердце, от рук гадких наркошей...

Теперь она будет убивать первой. И совесть ее мучить не станет, она сговорчивая, совесть-то.

Девушка медленно шла по Синедольску.

Как найти Сухую улицу она расспросила в трактире, но одно дело знать. Другое – найти.

Хорошо еще, в честь Освобождения местные жители не освободились заодно от табличек с названиями улиц и номерами домов. А могли бы...

Разруха начинается с того, что вешают дворника. А чего он тут гадить мешает, гад такой?

Пару раз она свернула не туда, хорошо хоть заметила вовремя и вернулась. Один раз ей заинтересовался какой-то бугай. Вышел из подворотни и напирая всей тушей вежливо поинтересовался: «Добром пойдешь, б..., или потащить?».

Яна даже ругаться не стала, тут и так все ясно.

- Умри, во имя Хеллы.

И пошла дальше, равнодушно обойдя оседающую тушу.

Позади послышался шум, явно ведь с подельниками работал. Но Яна не боялась. С людьми проще, чем с волками, к примеру. Стоит убить одного-двух с максимальной скоростью и жестокостью – и остальная шайка подонков задумается.

Ненадолго, но для тактического отступления хватит.

Животные умнее, у них это работает далеко не всегда.

Мостовые стелились под ноги. Снега на них почти не было, и Яна ступала уверенно. Лед? Встречался, но девушка была осторожна. И жалела о любимых берцах.

Вот ведь обувь!

Вековая! Универсальная! Хоть ты по горящему керосину бегай, хоть по льду, и сносу им не будет! А как удобно бить в голень!?

Ее ботинки не дотягивают до стандарта, хоть и из натуральной кожи...

Вот и Сухая улица.

Двенадцатый дом Яна нашла почти сразу.

Небольшой, неприметный, забор низенький, чисто символический... собака?

Нет собаки. Это хорошо.

Яна толкнула калитку и вошла во двор. Пригляделась к окнам.

Тишина? Никого нет? Хм-м...

Почему бы не попробовать внаглую? Яна поднялась на крыльцо, встала сбоку от двери – и постучала. Громко и уверенно.

- Сова, открывай! Медведь пришел!

Стояла б Яна напротив двери, на том бы история и закончилась. Дверь распахнулась наружу быстро и сильно, сбить визитера с крыльца, а потом выйти и добить... размечтались.

Вылетевший на крыльцо мужчина споткнулся о выставленную Яной ногу – и полетел кубарем. Приложился буйной головушкой о ступеньку – и притих. Временно.

Яна хмыкнула, но осталась стоять неподвижно. Только револьвер достала.

Почему ей уже не нравится происходящее?

- Дуб, что тут.... Ой.

Наверное, вышедшему на крыльцо мужчине не понравилось, что в ухо ему уперли холодный револьверный ствол. Отморозит еще...

- Дернешься – мозги вышибу, - прошипела Яна таким тоном, что самой жутко стало. – Сколько вас в доме?

- Двое... ой...

- Кто?!

- Я и Дуб. Ой...

Больше мужчина ничего не сказал, потому как Яна со всей дури (немалой) врезала ему пистолетом повыше уха. А если бить умеючи, клиент вырубится. Хотя и ненадолго.

- Дуб два, - кивнула девушка. Спустилась и добавила каждому общего наркоза – ботинком по тем же головушкам. А что?

Мозгов там нет, сотрясения не будет! Выживут!

* * *

В доме действительно никого не оказалось. Яна быстро его обежала и чертыхнулась.

На втором этаже, в одной из спален, царил дикий холод. И тело девушки на кровати практически не разлагалось. Симпатичная такая крестьяночка, круглолицая...

Аксинья?

Та самая, которая уехала с Саввой?

Яну затрясло.

А ее сын!?

Не найдя никого в доме, она вылетела обратно на холод. И на адреналине, не замечая усталости, потащила в дом сначала одно тело, а потом и второе... веревка?!

Плевать на веревки! Сейчас одеяло порежем... окна занавесили, чтобы не было видно свет! Предусмотрительные, твари...

А еще у них тут уютно.

Печка топится, водочка на столе стоит, закусочка... это им уже без надобности. А вот печка...

Где у нас тут кочерга? Будем экстренный нашатырь соображать!

* * *

Кто-то считает, что от обморока помогает нашатырь.

Кто-то советует пощечины. Кто-то холодную воду.

Яна очень рекомендовала бы раскаленную кочергу, приложенную к голой заднице. Клиент мгновенно приходит в чувство и исполняется активности! Кажется, еще и говорить пытается, но кляп не способствует... Яна покрутила кочергой перед глазами подонка.

- Видишь?

- ЫЫЫЫЫ!!!

- Хочешь еще видеть? Или тебя по глазам прижечь?!

- ЫЫЫЫЫЫ...

- Я сейчас выну кляп. Заорешь – я тебе кочергу в задницу засуну.

А когда сдохнешь, возьмусь за твоего подельника, он мне точно все расскажет. Понял?

Судя по запаху – понял.

Чудесная это вещь – походно-полевой допрос. Особенно когда до ближайшей конвенции еще лет пятьдесят осталось!

Кляп Яна вытащила, и допрос провела по всем правилам.

Но...

Три подонка, Дуб, Сэм и Грохот заприметили этот дом несколько дней назад. Девка покупала курицу у матери Сэма, вот парень и пригляделся. И решил заглянуть в гости.

Освобождение ж!

Почему бы и одну симпатичную девочку не освободить?

Оказалось, что живет она в этом домике, живет одна... как было упустить такой случай?

- Одна? – оборвала пересыпанную матом речь Яна.

- Одна! – матерно поклялся подонок.

После стимуляции кочергой он поклялся еще раз. И еще.

Потом кочерга остыла. Яна сунула ее в очаг, а Грохоту добавила кляп в рот. И занялась Дубом. Тот, увы, ничего не добавил к сказанному.

Да, была девка. Случайно ее того... дернулась.

Мальчишка?

Нет, вроде как мальчишки не было. Они не видели.

Сэм? Скоро должен быть.

Яна кивнула и решила подождать дорогого гостя. Ждать пришлось около часа, но и результат порадовал. Когда во дворе

послышались шаги, она перехватила поудобнее кочергу – и встала за дверью.

Сэм успел открыть дверь.

Х-хэсь!

И осел к ногам прекрасной дамы, сраженный, словно ударом молнии. Кочерга в нежных женских ручках сработала ничуть не хуже, и громоотвода не надо. Противно запахло паленым волосом.

- Добыча пришла, добычу принесла, - промурлыкала Яна

Бандиты на полу задрожали. Кажется, им что-то не нравилось...

- Всегда было интересно – если кого-то оглушить раскаленной кочергой, он не очнется сразу же от боли? – поделилась Яна вопросом с благодарными (и пусть только попробуют не согласиться) зрителями. Зрители задрожали.

Яна развязала узел.

- Ого...

Явно кого-то богатого обнесли. В узле была увязана одежда, но хорошая, дорогая, богатая. На женщину... одна шубка, крытая бархатом чего стоила!

Яна сунула в печку кочергу.

- Поговорим, жомы?

Разговаривать жомам не хотелось, но Яну интересовали сведения, а не мнение.

Сейчас, когда больше визитеров не ожидалось, Яна прошлась по дому. Зашла во все комнаты... она искала целенаправленно. Если есть ребенок – есть и одежда. Следы его пребывания.

Что могли заметить трое дегенератов, у которых только костный мозг? Да ничего! Было б пиво! Есть что пожрать, есть где поспать – больше им ничего и не надо. А, да! Бабу бы... Еда, сон и секс, нехитрые развлечения приматов.

Зачем искать ребенка? Особенно если они о нем не знали?

Яна тщательно перекапывала комнаты – и быстро нашла нужное. Действительно, теплые детские вещи. Добротные, дорогие. И несколько вещичек попроще.

Какой бы шлюхой Аксинья не была, Гошку она обшивать взялась.

Но где ее сын!?

Яна вернулась к негодьям. И после короткого допроса была уверена, что ее сына они не трогали. Они здесь около двух дней, и

вообще...

Тееееетенька, отпустиииииите!

Мы бооооольше не бууууудем!

Естественно, верить в подобные глупости Яна не собиралась. Всяко будут! И пакостить, и убивать, и что угодно. А потому она посмотрела на Сэма.

- Умри во имя Хеллы.

Шепот. Едва слышный. Яна давно хотела поэкспериментировать, да не на ком. А тут такой материал!

Шепот сработал так же хорошо, как и обычные слова. Сэм послушно изобразил инфаркт. Яна посмотрела на Дуба.

- Во имя Хеллы, умри!

Чуточку измененная фраза тоже сработала.

Минус два.

Грохот жалобно подвывал на полу. Церемониться с ним Яна не стала. Твари есть твари, чего их жалеть? Они никого не пожалели...

Хелла получила три души.

А где же Гошка!?

AAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAA!!!

* * *

На Яну просто накатило.

Она уже несколько месяцев в этом мире, но ни разу не позволяла себе расслабиться.

Она убивала, она ходила под смертью, она видела чужие смерти... она – живой человек! Пока на ее попечении был кто-то беззащитный, пока ей было, к кому идти...

Она держалась.

А сейчас упала и взвыла так, что, наверное, в соседнем доме слышали.

Где-то глухо отозвались собаки, но Яне плевать было на конспирацию. В кои-то веки ей ничего не хотелось. Ни делать, ни думать - упасть и заорать. И этим она сейчас занималась.

Рыдала, кричала, каталась по полу, звала сына...

И ушам своим не поверила, когда услышала:

- Мама!?
- ГОША!?

* * *

Георгий тихо сидел в погребке. Вот уже третий день... кажется.

Нужное ведро наполнилось, и мальчик думал, что с ним делать дальше. Как-то непродуманно было. Пока он закрыл его крышкой и пописал в углу.

Теперь в подвале плохо пахло, но выбора все равно не было. Выйти Гошка не осмелился бы.

Он понимал – там, наверху, плохие люди. Они Ксюшу убили... да, наверное, убили. И его они тоже убьют.

Гоша плохо понимал, как его могут убить. Чтобы весь мир оставался, а его не было? Но так ведь не бывает, правда?

Конечно, не бывает.

Но Ксюше было больно и плохо. А этого мальчик тоже не хотел.

Он уже съел несколько банок из стоящих на полках, и думал, что когда они все закончатся, выйти придется, но это будет еще не скоро. Он маленький, ему не так много надо.

Еще было скучно. Но...

Выбора все равно не было.

Прошел день и ночь. И снова наступили день, а потом ночь.

А потом Гошка услышал крики сверху. И начал прислушиваться.

Кричали мужчины. В этот раз кричали мужчины. А вот почему?

Гошка не слышал.

Но может, там наверху завелся страшный дракон из сказки? Или Великий Змей?

И сейчас они пожирают негодяев? Няня говорила, что негодяев рвут на части Волки Хеллы. А там, наверху, точно негодяи.

Но волки?

Вот уж с кем Гошка не хотел встретиться.

Он видел волка в Зоологическом Саду. Они с мамой Ирой попали туда как раз, когда кормили зверей, и Гошка помнил, как волки окровавленными пастями раздирали мясо... ему потом долго снилась эта картина.

Мальчик опять скорчился в углу.
И сидел долгое время.
А потом мужские крики прекратились.
Гошка успокоился, расслабился – и по ушам резанул истошный женский вопль.
Кричала женщина.
И она звала его.
Звала, плакала...
Этот голос Гошка не спутал бы ни с чьим! Никогда! Хотя и слышал не так часто. Но... но!?
- Мама!?
Мальчик подскочил и кинулся к лестнице в углу. Про опасность он даже не подумал. И про волков больше не вспомнил. Какие волки, что вы!?
Мама пришла!
Мама нашла его!!!
МАМА!!!

* * *

Яна крепко сжимала свое обретенное сокровище и кажется, редела в три ручья. Во всяком случае Гошка серьезно пытался вытереть ей лицо, приговаривая:
- Мама, не плачь!
Куда там!!!
Сейчас Яна могла поспорить с небольших размеров шлюзом.
Наконец-то ее ребенок рядом с ней!
Два мире перемешались в голове девушки, и она уже не отличала один от другого. Сначала долгая разлука и больница.
Потом переход в другой мир и путешествие.
И вот он – Гошка! Свой, родной, любимый...
- Мамочка...
- Сын мой!
Даже под угрозой смерти Яна не выпустила бы из рук своего родного малыша. И прошло не меньше получаса, прежде, чем она оправилась настолько, что смогла говорить и внятно расспрашивать.

Нельзя сказать, что она многое поняла из Гошкиных рассказов. Но главное-то – вот!

Яна подумала, что с нее причитается. Если не Аксинье, то ее родным... ведь спасала она малыша! Может, и не думала именно так, но спасала, ценой своей жизни! Понятно, надеялась выжить и выпустить мальчика из погреба, но погибла по нелепой случайности.

Жаль.

По крайней мере, Яна за нее отомстила, и это хорошо.

А вот что делать дальше?

Вариантов было два. Или остаться здесь – или вернуться в трактир. И Яне оба не нравились.

С одной стороны, мой дом – моя крепость. И схрон тут хороший.

С другой, эти трое – дебилы. И проследить за ними, и прийти следом, и просто расспросить – кто его знает, кого они еще успели навести на этот дом?

Да кого угодно! Рисковать родным ребенком?!

Никогда!

Впрочем, чужих, которых на ней уже трое висело, Яне тоже было жалко.

Вариант второй – трактир.

А там она будет зависеть от трактирщика. Который знает, что у нее есть деньги и дети. Это тоже не слишком хорошо. Есть чем ее шантажировать, есть из-за чего шантажировать...

Яна думала недолго.

- Гоша, солнышко, у тебя здесь есть теплая одежда, верно?

- Да, мама.

- Собирайся. Сегодня мы ночуем в другом месте.

Яна искренне пожалела, что не запаслась динамитом. Вот дура, все истратила на монастырь, а надо бы оставить хоть одну шашку. Сейчас бы растяжку поставила.

С другой стороны... оно ей надо?

Ей дом нужен, а не шум. Поэтому она сейчас поставит не растяжку, а «секретки».

Вложит между косяком двери и стеной маленькие бумажки, которые упадут, стоит кому-то открыть дверь.

Натянет пару волосков так, чтобы их легко было оборвать. И посмотрим дня три.

Придет сюда кто, не придет сюда кто... слишком уж глупа эта компания, чтобы собрать такой тюк добра... Яна поворошила одежду.

Определенно, где-то нашакалили. В том смысле, что подобрали остатки трапезы более крупного хищника. Но как-то она не подумала об этом расспросить, слишком уж была расстроена. И это хорошо.

Не сорвись она в истерику, малыш ее попросту не услышал бы.

Она бы ушла, а ее сын остался сидеть в подвале... бррррр!

Яну затрясло от одной мысли.

Кстати! О тряске!

- Солнышко, тебе не страшно было там, в подвале?

- Нет! Мама, я там игрушку оставил... я сбегаяю?

- Конечно, родной. Пойдем, я постою рядом, а ты слазишь.

Яна могла бы и сама. Но... сейчас она просто смотрела на сына и радовалась. Радовалась тому, что до первых психологов еще несколько десятилетий. А труды дядюшки Фрейда остались в другом мире.

И никто еще не знает, что такое клаустрофобия, и прочие фобии... наверное.

Главное, что этого не знает ее ребенок!

* * *

Георгий действительно ничего не боялся.

Все было хорошо и правильно.

Мама пришла, мама нашла его, мама разобралась с плохими дядями, и разберется с любым, кто ему угрожает. Она сама сказала. И стрелять пообещала научить.

И нож в цель кидать – она умеет.

И что еще надо для счастья?

Гошке было хорошо и спокойно. Мама обнимала, целовала, прикасалась, словно невзначай, обнимала, смотрела счастливыми глазами... Дети могут не понимать всего происходящего, но они отлично понимают, когда их любят. Действительно любят.

По-настоящему.

Не говорят высокие и красивые слова, не прикрывают ими, словно грязной тряпкой голый зад, свои истинные чувства, а просто – любят. И жизнь отдадут.

Гошка чувствовал, что рядом с ним человек, который не уступит никакому злу. Чтобы причинить вред ему, сначала придется переступить через маму. А это, похоже, не так просто.

Когда мама сказала, что надо ненадолго уехать из дома в трактор, Гошка даже не огорчился. Трактор – это весело.

- Мы с мамой Ирой останавливались в тракторах.

Мама Аня обняла его и поцеловала.

- Она хорошая была?

- Да, мам. Только глупая... немножко.

Яна рассмеялась. Вот уж, воистину. Ты думаешь, что ты умная. А ребенок видит все совершенно иначе, и кто знает, не он ли прав?

- Гошка, солнышко мое родное, ты только не ревнуй, ладно?

- Мама?

- Я по дороге сюда кое-кого пообещала доставить к деду. Так что меня в тракторе ждут Топыч, Мишка и Машка.

- Это кто, мам?

- Топыч – мой друг. Мы его с собой заберем, если уедем из Русины, - как взрослому разъяснила Яна. – Здесь беспокойно, а вот за границей в самый раз. Там домик купим, будем жить. А Мишка и Машка... случайно получилось. На их родителей напали, детей мне спасти удалось, а вот папу и маму – нет. Надо их к бабушке отвезти.

- Я не буду ревновать, - серьезно пообещал Гошка.

И Яна дала себе слово все же заняться мальчиком. Даром такие сидения в погребу не проходят.

А еще...

Хелла, если ты слышишь меня – считай, моя молитва у тебя есть. С меня крупно причитается тому вору, который дом построил. Для себя делал, да, чтобы от полиции скрываться, от розыскных, от гончих... поди ж ты, как сложилось!

Спас его погреб жизнь Янинному сыну. Еще как спас.

Прими его душу и одари достойным посмертием!

* * *

В этот раз по темным улицам она шла вдвое осторожнее. Лево́й рукой она крепко держала за ручку своего сына.

Родного, любимого, здорового...

И понимала – вот оно счастье.

Сыпал с неба тихий снежок, сияли над головой звезды, тихо постукивали по мостовой каблучки, где-то вдалеке лаяла собака...

Симфония ночного города, красивая и совершенно не заметная для тех, кто не желает замечать. Кто бежит, болтает обо всем подряд, сосет пиво из банки, утыкается в телефон... и не слушает ни ночь, ни тишину.

А Яна и Георгий слушали.

Им не хотелось говорить – слишком много счастья в них сейчас было. Слишком чудесной казалась эта встреча, даже не верилось до конца.

И потому Яна крепко сжимала револьвер свободной правой рукой.

Она убьет кого угодно!

Понадобится!?

Она весь город с землей сравнивает! Но с сыном разлучить себя не даст! Слышите, боги!?

Убивайте, но больше она не отступит! Хватит, набегалась...

А по углам тихо прятались тени.

Живущие на улице, промышляющие по ночам – они были неглупы. И чувствовали.

Сказать не могли, выразить не умели, но ощущали очень хорошо. Всей шкурой чуяли, как обволакивает идущих по улице ледяная тень.

И смеется неслышным смехом женщина с короной на голове, и клубится под ее ногами поземка, а где-то вдалеке, по полям, с безумным воем несется за душами клятвopеступников Дикая Охота.

Несется, хохочет, и смех рассыпается звездными искрами под копытами их коней, безумный и яростный. И светятся призрачным светом стрелы и копья, и горят призрачным огнем глаза, и стелются по белому снегу белые волки...

А наверху над ними тихо парят громадные белые совы...

Хелла вновь вступала в силу. Сейчас ее время и ее власть!

Она не могла – многое. Но благословить своих подопечных?

Вполне!

И тень благословения отпугивала всякую нечисть надежнее дихлофоса.

- С ума сойти!

- Ум отъешь!

- Умммммм...

Дегустаторов было трое.

Кира, Роза Ильинична, Роман. Самый основной дегустатор Гошка так налопался, что в него уже и миллиграмма сладкого не влезало. Даже если запивать и трамбовать.

Остальные трое, как более опытные люди, кушали по чуть-чуть. Хотя хотелось все и сразу.

Новый Год русины не отмечали. Рождество – тоже.

Зимний солнцеворот. Ночь, когда зима поворачивает к свету. И обычаев было много, и придумано было много... эту ночь отмечали весело и с размахом.

А новый год оставался праздником для семьи, для друзей, для души, уютным и спокойным. Здесь все было иначе, и Анна решила отметить Новый Год! Раз уж Солнцеворот ей отмечать не придется...

Что должно быть на столе?

Пироги!

Со всеми начинками, которые может придумать хозяйка. А потом спросить у соседей – и добавить еще пару дюжин! Анна их много знала.

Обязательно – поросенок в том или ином виде. Здесь и сейчас была возможность приготовить его целиком, по всем правилам, и Анна воспользовалась. Пока на пробу приготовили одну пороссячью ногу. Тот самый поросенок ждал своего часа в холодильнике, но и ногу слопали моментально.

Борис Викторович лично ее разрезал, и кажется, даже коту жалел дать лишнего. Смотрел на него Сталин-Смайлик очень выразительно, это уж точно.

Ничего, потом Кира его втихорца хамоном подкормила.

Пироги сегодня тоже готовились пробной партией, но получились на славу. Не тяжелые, клеклыми комками теста оседающие в животе, а легонькие, изящные, и начинки там больше, чем теста, и не чувствуется оно почти...

С таких наверняка даже не толстеешь! Вот!

Обязательно студень и заливное.

Обязательно сладости. Домашние, поставить на стол покупное – на весь свет опозориться. Только домашние, только своими руками сделанные... так что Кира была усажена за чистку и нарезку фруктов. Потом туда же уселись и все остальные, включая Розу Ильиничну. Анна варила карамель, помешивала сироп, готовила формочки, наслаждаясь силиконовым разнообразием и непригорающими покрытиями... хотя блины все равно лучше всего на чугунных сковородках выпекать!

Что дарили на солнцеворот?

Да вот это и дарили!

Сладости!

Своими руками сделанные, и коробочки делали сами, и укладывала их сама хозяйка... ну, от коробочек пришлось отступить, но тут выручил Роман.

Он знал мастера, который работал с берестой, так что... берестяные туесочки на заказ, по нужному размеру, были просто великолепны. А Анна попросила нарисовать у них на крышках солнышко.

Оно и получилось, такое ласковое, улыбающееся, что рука тянулась погладить. Красота, если кто понимает! В чистом виде красота...

А уж когда Анна сделала на пробу несколько коробочек...

Роман вмешался первым и решительно выговорил себе три штуки. Жене, дочке, маме... определенно! Ну, и мужчины тоже кушать будут! Но такое...

Маленькие яблочки в карамели.

Апельсиновые и лимонные цукаты, домашний мармелад и пастила, залитые кремом фрукты, корзиночки с ягодой, каким-то чудом сохраненной от морозов...

После «пробного» ужина, Борис Викторович махнул рукой на траты и решил не ограничивать кулинарок. Только честно предупредил рассчитывать на два десятка человек.

Анна рассчитывала на три десятка. Так, на всякий случай. И запасные подарки тоже делала.

Мало ли что?

Мало ли кто?

Открыточки – крохотные, почти невесомые, тоже были произведениями искусства. Кира нашла мастерскую и заказала им несколько десятков открыток. В старинном стиле.

Анна пообещала их надписать, если что. Почерк у нее был каллиграфический. Обучили.

С подарками определились. С развлечениями?

Тоже.

Анна диктовала, Кира печатала, потом хохотала, потом опять печатала...

- Аня, откуда!?

- А что такого?!

- Все ошалеют! Точняк! Мы всех порвем!

Анна сморщила нос.

- Ну уж – нет! Пусть сами рвутся! Кстати, насчет одежды...

- Да?

- Ты воспримешь мои советы, как посягательство на свою свободу?

Кира подумала пару минут. А потом фыркнула.

- Однозначно. Но послушаюсь.

- Мы должны быть одеты в одном стиле. Чтобы получилось красиво.

- И будем!

- Чего будете? – в дверь просунулся нос Гошки. – Мам, там яблоки привезли.

- Спасибо, солнышко! Иду!

Анна подскочила и улыбнулась Кире.

- Допечатаешь? Я сейчас проверю яблоки, а то ведь... и пастила, и желе, и крем...

- Конечно! Сейчас распечатаю и спущусь!

Анна вылетела за дверь вихрем. А Кира довольно улыбнулась.

Правда, порвать их всех! Пусть в новый год папа увидит, насколько Аня лучше этой подлизки! Пусть поймет!

А если еще и предложение ей сделает...

И почему эти взрослые такие глупые? Счастья своего не понимают!

Ну ничего! Подскажем! Гошка тоже не против быть ее бро! А там, где в ход идет тяжелая детская артиллерия...

Враг, сдавайся сам! Быстрее будет!

Свободные герцогства.

Жом Ураган шел по улице и невольно сравнивал.

Тишина, чистота, снежок убран, лед песочком присыпан... как это отличается от Звенигорода в частности и от Русины в целом...

У них сейчас...

Нет, не бардак.

Но – тяжко. Все иначе, все серое, тусклое, все... словно сравнивать домашнюю собачку, которая лежит на пуховой подушке и только лапки подает – и матерущего дворового пса.

Понятно, что последний и сильнее, и полезнее, и вообще – собака. Дамских болонок жом Ураган вообще не переваривал – гадость! Ладно... раскроем страшную тайну.

Болонки жома тоже не переваривали, подскакивали, заливались истощным лаем и пытались уменьшить количество героя Освобождения. На одну лодыжку.

Не получается?

Ну, хоть пару пальцев откусить!

А в нежном возрасте четырех лет, кстати, жом с трудом отбил от левретки маминой подруги. Еще и в углу простоял за то, что треснул гадкую псину «Чистописанием» по носу.

А чего она ему штаны порвала? По справедливости, надо было ее во второй угол поставить, ан нет! Пострадал только мальчик. И за штаны, и за книгу, и в принципе... после такого взбунтуешься! И мелких собак разлюбишь на всю оставшуюся жизнь.

Почему-то так получалось именно с декоративными собачками. Большие звери жома любили, да и он к ним был равнодушен. Вот, как к этому псу...

Жом проводил взглядом здоровенную дворнягу, чинно идущую рядом с женщиной. Лица женщины, правда, не увидел. Да и ладно...

Нужны ему те бабы триста лет... главное – что?

Зерно!

Несколько эшелонов с зерном, которое перевезли на склады. Склады пришлось тоже арендовать, ну так что поделать? Тигриных

денег хватило впритык, Ураган плюнул и добавил свои. Ну... что удалось собрать. Да, не все сдал с последней реквизиции, грешен. Но – не пойман.

Пламенный не обеднеет!

После беседы с Тигром как-то грустно было рыцарю Освобождения. Тоскливо... Хелла б тебя полюбила, кошка полосатая! Кот!

Растревожил душу, разнервировал, задуматься заставил и не о хорошем. Они хотели, как лучше! И будет, как лучше, обязательно будет. А как у *этих* получилось?

И без Освобождения?

Ничего, они справятся! У них еще и получше будет, потому что все будут свободны! И дома построим, и деревья посадим, и людей вырастим... скоро уже домой, дня через два. А там работы, небось, накопилось...

Тигру надо телеграмму дать, все куплено, если что.

Задумавшись, жом Ураган слишком сильно понадеялся на дворников. А сии кадры, увы, закупают одинаково, что в Герцогствах, что в Русине.

Нога поехала на скрытой снегом заледенелой полоске, которую раскатали дети.

Жом взмахнул руками – и шлепнулся на спину, неудачно приложившись левой ногой о поребрик. Что-то хрустнуло.

Боль была такой, что мужчина попросту отключился. И не видел, как засуетились вокруг него люди, как перетянули ему ногу жгутом...

Открытый перелом – гадость редкостная. И выглядит ужасно, и кровь при этом,, бывает, потоками льется, и довезти могут не успеть, а уж грязи-то в рану попадет...

Хорошо хоть жом Ураган был не один, а с двумя доверенными. Так что его и подняли, и пролетку поймали – и рванулись в ближайшую больницу.

* * *

- Ида, а что у вас со Стасом?

Зинаида улыбнулась и пожала плечами.

- Ничего.

Берта возмущенно сдвинула брови.

- Ты серьезно?

- Нет, я шучу. А что?

- Ида, у тебя совесть есть?

- Кажется, дома забыла. Но можно спросить у Полкана...

Ида улыбалась, легко уходя от неудобных вопросов. Может, этим жомы от торов и отличаются? При мысли о том, что надо кому-то раскрыть свои чувства, у нее аж все в душе переламывалось. Это ж с ума сойти!

Вот так взять, открыть рот и все рассказать! Да разве можно?

А Марта спокойно рассказывает на работе, как супруг пришел пьяный и распустил руки. И Леона делится заботами – где бы найти хорошего парня, и Берта про свою семью много чего рассказывает...

Вот как так можно?

Ида была искренне благодарна женщинам, принявшим ее в свой круг. И она многое почерпнула из этих бесед. Но...

Сама рассказывала с большим трудом.

Впрочем, здесь и сейчас надо было сказать хоть что-то.

- Он заболел, я его выхаживала. Станислав выздоровел и переехал обратно к себе.

- А... он тебе хоть цветочек подарил?

- Он меня на операции допустил!

- Ида, ты меня убиваешь! – Берта только головой покачала. – Вот что тебе надо?! Такой мужчина, красивый, умный, холостой, молодой... чего ты ушами хлопаешь?

Ида пожала плечами.

- Полкан?

Пес поднял опущенное ухо и прислушался. Понял, что кушать не дадут, опасности нет, идти куда не надо – и опустил «лопушок».

- Вот так? – уточнила Ида.

Берта покачала головой.

- Ты ж не маленькая уже, должна понимать...

Ида качнула головой.

Должна, не должна... Станислав может сделать первый шаг. А может и не сделать – его право. Она за мужчиной бегать точно не будет, вот еще не хватало.

А то, что несколько раз ей целовали руки.
То, что многозначительно смотрели в глаза...
Намекали на громадную благодарность...
Если брать салонные мерки – ей чуть ли не в любви объяснялись.
Но это слова и вздохи, а их, как выразилась разок Анна, к делу не
пришьешь. Вслух-то Станислав ничего не говорил... Вот и он сам!
- Ида, срочно! В операционную!
Зинаида подскочила – и понеслась готовиться.

* * *

На операционном столе лежал мужчина лет тридцати пяти, может,
чуть больше- не понять. Усы, борода, высокий лоб с залысинами.
Черные брови выделяются на белом от шока лице.

Спит.

Ида привычно взяла руку, проконтролировала пульс.

- Норма.

- Смотри, - Стас откинул простыню, показывая ей травму.

Нога. С этим Ида была уже знакома, открытые переломы – вечная
проблема зимы. Не первый, и не последний.

- Рана чистая, перелом открытый, но похоже, со смещением.
Кажется, порваны какие-то сосуды?

- И надо посмотреть сухожилие, - согласился Стас. – А то
прохромает всю жизнь – неудачно переломил, чуть повыше
щиколотки. Что будем делать?

- Собирать? – предположила Ида.

- И шить. Обязательно. И на вытяжку его, с гирькой...

- Месяц?

- Посмотрим, как дело пойдет. Но до нового года точно, а там и
еще недельку бы...

- Поняла.

- Тогда давай сюда зажим. И приготовь тампоны, нам много
понадобится.

* * *

Что там с личной жизнью – непонятно, а вот действиями Стаса Ида попросту восхищалась. Врач легко и уверенно почистил грязь, выловил сухожилие, продемонстрировав его Иде, сложил кость, зашил рану, оставив дренаж, и наложил лубки.

Все это аккуратно, точно, спокойно, комментируя свои действия для подопечной.

Ида смотрела восхищенными глазами.

- Приберитесь тут, - приказал Стас.

И вышел постоять на холоде.

Ида промолчала.

Понятно, что он может опять простудиться, но ведь не переделаешь! А потому...

Уборка – тоже часть операции. Ида послушно начала собирать окровавленные инструменты, тампоны...

Тихий стон заставил ее остановиться и повернуть голову.

С бледного лица на нее смотрели угольно-черные глаза. С губ пациента сорвался тихий стон.

Ида тут же подлетела и положила ему руку на лоб.

- Тихо, все в порядке. Вы упали, сломали ногу, вы сейчас в больнице. Все будет хорошо...

- В... больнице?

- Да. Не переживайте, помощь была оказана вовремя. У нашего доктора золотые руки...

- И ангел в помощниках.

Голова мужчины опять откинулась, глаза закрылись.

Ида пощупала пульс.

Ничего страшного, это он от наркоза отходит... ангел!

Скажет тоже!

Ничего, у Станислава и не такие выздоравливали. И Ида вернулась к уборке.

Яна, Русина.

Никуда Яна не уехала из Синедольска.

И через день не уехала.

И через два не уехала.

Заболел Гошка. Видимо, сидение в погребе даром не прошло. Хотя и пара дней, а много ли ребенку надо? Здесь перенервничал, там подмерз, опять же, погреб! Хотя и обустроенный, а все равно холод идет... в результате малыш свалился с простудой.

Не сильной, но какие тут поездки?

И куда?

А главное – на чем?!

Двое детей на велосипеде помещались. Трое... Яну терзали смутные сомнения. Ей бы мотоцикл с коляской, но столь полезный предмет обихода надо было еще раздобыть. Или напроситься к кому в попутчики. Или раздобыть транспорт самой...

И не телегу.

Надо что-то закрытое, потому как дети, а у них есть милая привычка бегать, разогреваться, остывать, вот, оттуда и простуда.

Яна только зубами скрипела.

Не ценила она, дура, своего счастья. Хм... а если к велосипеду сани прицепить? Может получится? Или не может?

В любом случае, Новый Год придется встречать в Синедольске. А раз так...

Два дня Яна прожила в трактире, на третий вернулась в купленный Савватеем дом. И порадовалась. Все «секретки» были на месте. Если кто и побывал в доме, то приходил сюда он по методу Санта-Клауса – через каминную трубу. Наш-то дед Мороз как приличный, через дверь ходит...

Оставалось сделать генеральную уборку. А именно – избавиться от трупов.

Если Аксиною Яна хотела похоронить честь по чести, то с тремя подонками девушка церемониться не стала. И ночью тупо вытащила их из дома за ноги. По одному, до разных сточных канав.

Авось, уберут дворники.

Нет дворников? Тогда пусть их братья по борьбе, товарищи по оружию или кто там в подобных шакальих шайках – вот они пусть и подбирают! Яна о них заботиться не будет.

А вот как быть с Аксиной...

А чего тут думать?

Яна направилась туда, куда и отправляются все трупы. На кладбище.

То исправно функционировало. Понятно, Освобождение там, или нет, а люди помирать будут. Свободными – даже чаще. Раньше-то власть, худо-бедно, помереть не давала, покушалась на права и свободы, ай-ай-ай...

И за бутылку самогона преотлично договорилась с могильщиками, которых тоже никакие революции не истребили.

Яна пообещала доставить тело.

Могильщики поклялись обеспечить гроб, могилу и все, что положено. Отпеть не получится, ну так жама и сама может прочесть, что потребно... молитвенник есть. Могут поделиться.

Яна махнула рукой и задалась вопросом, как доставить покойницу до кладбища. Пока та не сильно протухла... а потом придумала.

Действительно прицепила к велосипеду санки, усадила, как получилось, в них Аксинью и таким образом довезла до кладбища. Жуть?

Жуть. Но при революции и не такое случается. И еще страшнее бывает... рвы – не хотите?

Какие?

Страшные. Заполненные мужскими, женскими, детскими телами, те, кто умер с голоду и холоду, те, кто был найден на улице и не опознан, те, кого никто не ищет...

Могильщики просто рыли эти рвы, скидывали туда тела, а когда ров наполнялся, закапывали его. И – все. А рвов таких было...

Яна даже считать не хотела. Ей было плохо и тошно. Люди... да люди ли вы вообще?! Что вы с собой делаете?! И ведь никто даже внимания не обращает... да что надо было сделать с красивой уютной страной, чтобы она превратилась – вот в такое?

Или революция просто выкрыла все нарывы? И выпустила гной наружу?

Или... или сейчас это стало особенно заметно.

Яна не знала.

Ей было страшно. Плевать на все, Гошку она в этой стране не оставит! В герцогства, к тетке!

Глава 15

Анна, Россия.

- Seriously? – глаза у Ани стали квадратные.

- Ей-богу! – перекрестилась тетя Зина.

- Даже не представляю, что им могло от меня понадобиться!

Анна была совершенно серьезна. А и правда – что случилось?

Почему ее ищет участковый?

Почему ей заинтересовались органы опеки?

Хотя... Анна едва по лбу себя не шлепнула.

Ольга же Сергеевна! Цветаева!

Ах ты, зараза! И как это Анна сразу не сообразила? Что может быть проще, начать атаку с органов опеки? И дешево и сердито, и нервы потреплют! Еще как!

Просто Анна не жила дома.

Сейчас в ее клетушке жила тетя Зина, время от времени. А сама-то Анна живет в другом месте. У Бориса Викторовича. И адреса этого никто не знает! А и знали бы... одно дело – помотать нервы девчонке из бедняцкого квартала. Другое – явиться к «сливкам общества» и начать качать права. Это здесь ты фигура, а там – плевков на коврике.

И мелкое начальство отлично понимает эту градацию.

Борису Викторовичу ничего не стоит снять трубку и позвонить губернатору. И пожаловаться – мол, что это тут твои подчиненные разлетались? День жаркий? Напекло? Или припекло?

- Тетя Зиночка, а если еще раз придут – вы мне не позвоните?

- Конечно, позвоню. Жалко, что ли? Чайку попьешь?

- Буду рада, - искренне сказала Анна.

* * *

Ольга Петровна налетела на Анну во дворе. Со стороны это напоминало атаку курицы на фонарный столб, не иначе. Анна

сталкивалась с такими личностями, и реагировать на них правильно умела.

- Позор!!! Кошмар какой!? Это что ж ты такого сделала, что за тобой органы опеки бегают!? Куда это годится!? Да что люди скажут!!!

Визг, крики, шум...

Смысл произнесенной тирады (минут на двадцать) был в том, что Анна ужасна! Вот, Ольга Петровна никогда! И никому! Нужна не была! А Анна?!

Это куда такое годится!?

Нельзя так, еще как нельзя! Это неправильно, нехорошо, непорядочно, противоречит моральному кодексу строителя коммунизма, и вообще, в чем там дело-то? Ась?!

Анна слушала молча.

В подобных случаях это единственный достойный выход. Начнешь ругаться, оправдываться, спорить, объяснять... не поможет! Наоборот, только больше распалит «активиста». А там...

Скажешь слово, одно, десять, втянешься в скандал, а потом – глядь! Ты с больной головой и пятнадцать суток за хулиганство, а «общественник» бегаёт и всем рассказывает, как его стррррашно оскорбили! Здоровый и бодренький.

Для них-то это все сродни живой воде! Они из человека сил насосутся, прилепятся клещами, вопьются в самую сердцевину...

Анна не формулировала это именно таким образом. Но и поощрять «безумную активистку» не собиралась. Стояла, молча слушала... как бы. На самом деле думала о своем.

Клюква плоховата. Бруснику вымочили слишком сильно, не умеют здесь делать правильную моченую бруснику, рыжики на зубах не хрустят...

Кругом одни недочеты. И как из такого прикажете готовить праздничный обед? Ладно, ужин?

С другой стороны, мэтр Симон мог приготовить минимум девять блюд из одной гречки, а она чем хуже? Справится!

Вот никогда не думала, что ей пригодятся именно эти навыки, но поди ж ты! И Кира так интересуется... хорошая девочка. Правильно ее бабушка воспитала, девочка получилась очень домашняя, серьезная.... А эпатаж – наносное.

Кто в юности не был бунтарем, в старости станет законченной сволочью, так, кажется?

Наконец Ольга Петровна вымоталась и более-менее успокоилась.

- Ты скажешь что-нибудь – или нет?

- Погода сегодня отличная, - сказала Анна.

- Издеваешься!?

- И снежок выпал...

- Ты что – не понимаешь...

Еще десять минут Ольга Петровна плевалась и орала. Но потом устала окончательно. Все ж не молоденькая, возраст уже не тот. И только тогда Анна соизволила заговорить.

- Ольга Петровна, вы лезете не в свое дело. А я не обязана давать вам отчет в своих поступках.

Обошла активистку и вышла со двора. Та осталась стоять, открывая и закрывая рот.

Тетя Зина выглянула из Аниной квартиры.

- Получила, сплетница старая? А и то поделом! Какое твое дело?! Чего ты к людям лезешь?! Тьфу, дура!

И дверь хлопнула.

Ольга Петровна так и осталась стоять посреди двора, наглядно иллюстрируя картину: «плоть ее слаба, но дух силен!». Было б ей восемнадцать лет! Она бы всех тут построила!

Ну хоть тридцать...

А здоровье-то уже не то, и звоночки... и позвоночник, и печень...

А и ладно! Раз ее тут слушаться не желают... она найдет кому и что рассказать! Определенно! И там ее услышат! Будет эта маленькая дрянь знать, как заноситься!

Стерва!

Звенигород, Русина

- ... соратники, борьба увенчается успехом...

Жом Тигр откровенно не слушал.

Спать хотелось.

Сожрать слона, а потом завалиться спать суток так на двадцать-тридцать. И чтобы ни одна сволочь не будила. Тигры в спячку

впадают? Нет? А пахать на них вы не пробовали?

Дел наваливалось...

Жуть и кошмар!

Как Петер умудрялся страной управлять, да еще по балам шляться, да еще приемы давать... хотя Тигр и так знал ответ.

Плохо!

Страной управляли через... да, через дамское место. Вот страна тем местом и накрылась. Петер наворотил, а им теперь разгрести не одно поколение. Если еще что получится.

Тигр потихоньку отошел к окну. Сейчас они были в императорском дворце, в Звенигороде. Пламенный витийствовал, собравшиеся внимали, отдавая должное столу а-ля фуршет... для своих-то накроют, им не голодно. И не холодно, даже жарко. Стекло окна слегка запотело.

Тигр оглянулся, но никто его не видел за портьерой, и мужчина позволил себе маленькую шалость. Как в детстве прижался носом к стеклу, подышал на него. Потом на подтаявшем инее вывел имя.

Коротенькое, всего три буквы.

Оглянулся еще раз – и тут же его стер.

Где ты, Яна?

Мужчина искренне волновался за свою случайную подругу. Вот уж действительно – зацепила! Вроде и время уже прошло, а все равно не отпускает... мог бы – помог бы. Ну хоть...

Нет, и поехать к ней не смог бы.

Но хоть знать, что с ней все в порядке! Вот ведь...

И дела не оставишь. Раньше хоть Ураган был, а сейчас рыцарь Освобождения лежит в каком-то захолустном герцогстве, которое славится только своими урожаями пшеницы, и лелеет сломанную ногу. Угораздило его!

С другой стороны, случайности не объяснишь. Ладно, до весны время еще есть, а там и видно будет.

Жом Тигр посмотрел в окно – и вздрогнул.

Стемнело.

Мела по площади метель, закручивая странные вихри. И.... показалось мужчине – или нет?

Над площадью, в вихре поземки, примерно на высоте пары человеческих ростов, летела громадная белая сова.

Потом достигла колокольни, коснулась ее крылом – и исчезла.
И глухо, тяжело бухнул колокол, обрывая речь Пламенного.
Жом подпрыгнул у всех на виду, взвизгнул вовсе уж несолидно – не ожидал, и заругался. Сильно.
- Я эту... колокольню... этот ... колокол и эту... Хеллу...
Тигр даже и не подумал появляться из-за шторы.
Богиня?
Что ж, в таком случае у нее есть чувство юмора. Приятное разнообразие.

Русина, предгорья Ферейских гор.

- Ваше здоровье, торы и жомы!
Антон Андреевич первым поднял бокал. И вслед за ним в едином жесте подняли руки люди. У кого рог, у кого бокал, стакан, фужер, да хоть и крышка от фляжки...
- Я не стану говорить красивых фраз. Я скажу так. Вы – герои. Вы выдержали тяжелую битву. Но впереди еще одна, гораздо более страшная и жуткая. Не просто с врагом, но с теми, кто рожден на нашей земле. Можно убить врага, но как убить болезнь? Я знаю, мы можем проиграть, мы можем умереть, но одного враг не дождетя. Мы не сдадимся. Я верю в вас, и знаю – мы справимся. И надеюсь, что ровно через год мы снова поднимем с вами бокалы. За нашу победу! Прошлую – и будущую!
И первым осушил бокал, залихватски грохнув его о землю.
Только стеклянное крошево полетело. Все остальные последовали его примеру.
Валежный решил задержаться ненадолго, дать людям погулять немного. Праздник есть праздник, и не стоит проводить его в походе.
Зимнее солнцестояние – и почти сразу за ним Новый год. Пусть солдаты как следует отдохнут. А потом – вперед. Надо собирать войско воедино, надо пополнять боеприпасы, надо...
Надо идти войной на родную страну.
Надо искать нового императора. Именно искать, ведь Петер добром передал трон...
Надо...

Здесь и сейчас надо как следует повеселиться и отдохнуть. Да так, чтобы горы дрогнули! И Валежный отдал распоряжение еще раз проверить часовых. Что и было выполнено.

Солдаты гуляли, плясали, пели, пили... Валежный себе напиток не позволил. Не на виду у всех, нет. Потихоньку, в палатке, когда никто его уже не видел... плюнул на все, жажнул из горла дубовика первый раз, с осени, позволив себе расслабиться – и упал на кровать. Пусть их всех.

Даже у железного лома может быть маленькая минута слабости.

Лионесс

Подданные могут веселиться.

Правители работают *всегда*.

Ее величество Элоиза как раз и занималась работой. Выслушивала тора Вэлрайо.

- Борхум колеблется, ваше величество.

- Колеблется? – ее величество сморщила нос.

- Там произошли некоторые события... серия терактов, насколько я понимаю. Кражи,, взрывы, поджоги – они боятся.

- Надо подумать, что для нас выгоднее. Война – или ее отсутствие?

Тор Вэлрайо опустил глаза.

- Ваше величество, не думал, что я так скажу. Но возможно, не стоит сейчас поддерживать эту войну? Вы понимаете, что для террористов нет ничего святого? И даже вы - простите мне это ужасное предположение – Вы можете стать их жертвой.

- Я не боюсь.

- За себя, ваше величество. Но есть еще ваши дети. И внуки...

Ее величество качнула головой.

- Террористы есть и будут всегда. Но если пойти на сделку с бешеной собакой, она не исцелится. Это все причины, тор Вэлрайо?

- Нет, ваше величество. Еще экономическая обстановка на континенте. Мои выкладки с цифрами...

- Я просмотрела.

- А еще, ваше величество, мой человек написал мне. Вы знаете, что Петер назначил наследника?

Элоиза резко побледнела.

- Как!?

Тор Вэлрайо едва скрыл изумление.

Не понял?!

Что происходит?!

- Мой человек узнал... есть такие Царь-Колокол и Царь-пушка. Колокол звенел четыре раза. Сам по себе, мои люди клянутся, что это так и есть...

- Так и есть, - почти шепотом повторила Элоиза. И тор Вэлрайо поразился еще сильнее. Ее величество словно на глазах старела.

Не моложавая женщина, а почти дряхлая бабка.

Она чего-то... боится!?

- Пушка стреляла один раз. Наследник прибыл в Звенигород.

- ...!!!

Тор Вэлрайо и не подозревал, что его королева знает такие слова. Там бы и докеры поучиться не побрезговали.

- Напишите в Борхум. Пусть отводят войска от Русины.

- Выше величество?

- Пишите, Вэлрайо. Телеграфируйте, делайте, что пожелаете. А еще – все силы на поиск наследника.

Тор Вэлрайо послушно склонил голову. Но - не удержался.

- Ваше величество, возможно, есть нечто такое, что я должен знать? Чтобы не совершить ошибку?

- Вы должны делать, тор. А знать предоставьте мне, - отрезала ее величество. – Исполняйте.

Тор Вэлрайо поклонился.

- Да, ваше величество.

- Когда найдете наследника – предлагайте помощь. Упаси вас Творец от применения силы, вы поняли, тор?

- Да, ваше величество.

Элоиза шевельнула рукой, отпуская своего слугу. И откинулась в кресле, прикрыв глаза. Но долго просидеть ей не дали.

- Матушка?

Принц Корхен.

Старший, наследник, любимец...

Красив, неглуп, женат, имеет троих очаровательных детей – одним словом надежда. Будущее. Опора и подмога.

Он сейчас слушал беседу матери с тором Вэлрайо, чтобы быть в курсе государственных дел. И не смог сдержать удивления.

Казалось бы - дави на континент?! Сейчас самое время!

Но мать... мать отказалась?

Почему?

А в наличии причин его высочество не сомневался. Не просто ж так мать на покойницу стала походить!

- Да, сын?

- Матушка, я не понимаю вашего решения, и прошу разъяснить мне причину....

Элоиза подняла руку, призывая его помолчать. И сама замолчала.

Надолго.

Принц послушно ждал, пока ее величество обдумает ситуацию, и примет решение. И дождался.

- Это сказка, сынок, - голос Элоизы звучал хрипло. – Старая сказка. О династиях, принятых богами – или династиях, проклятых богами.

- Матушка? – вот уж чего не ожидал принц, так это подобных глупостей. Какие могут быть боги, когда речь идет о международной политике?! Вы о чем!? – Что за бред!? Боги!?

- Не перебивайте, сын. И не считайте меня вздорной старухой. Вы помните, что было в нашей стране? Династия Лавгереттов, потом династия Давлей, потом – мы. Даже не дальние родственники Давлеев, вообще не связанные с ними кровью, только бумагами. Вы в курсе этой истории? Первый Давлей получил свой трон предательством. Ударив в спину законного короля, последнего Лавгеретта. И через три поколения его династия перестала существовать. После Давлеев трон перешел к нам, потому что одна из внучек Давлея сочеталась браком с моим прадедом, мы – потомки по женской линии.

- Да, матушка.

- Корхен, я вас предупреждаю еще раз. Это – просто сказка. И если я услышу... вы в курсе, что было потом?

- У королевы родился ребенок, ваше величество. У любовницы короля родился ребенок. И сын королевы умер. Тогда ее величество упала на колени перед алтарем Хеллы и стала молиться. И богиня даровала ей... прощение.

- Не совсем так, Кор. Хелла... существовала. Она пришла и сказала, что династия Давлей продолжена не будет. Никогда. Единственный выход для короля – посадить на трон своего сына от любой другой женщины. Потому что род Давлеев она пресекает раз и навсегда.

Его высочество молчал.

А что тут скажешь? Эту историю знали все, хотя и не с такой концовкой. Да, пришла богиня, да, мальчик ожил... он и не думал, что там происходило в те времена. Может, мальчишка косточкой подавился, а служанка или жрица какая его за ноги потрясла, вот тебе и чудо на весы. Кому какое дело?

Но ее величество явно что-то знает, вон как трясется...

- Мы династия Ларвен, мальчик мой. Но крови Давлеев в наших жилах нет. Ни капли. И Хелла нас... не благословила. А вот Вороновых – благословила. Они ей служат. И Колокол, и Пушка – ее знаки. У Лавгереттов тоже такие были. Камень, который стонал, если на него пытался встать не король, просто, любой другой человек. Тот самый камень, который лежал у подножия трона Лавгеретта...

- Ээээ... матушка...

- У подножия нашего трона лежит другой камень. А тот самый... пойдём, Кор.

Принц послушно подал матери руку, помогая встать с кресла. И ее величество направилась в гардеробную. Подошла к стене, немного поколдовала там с подсвечником и обивкой – и открыла дверь, за которой обнаружилась лестница, ведущая вниз.

- Нам туда.

Ее величество взяла лампу, стоящую неподалеку на полочке, привычно зажгла ее – и шагнула вперед. Принц последовал за ней.

Лестница спускалась вниз и вниз.

Коридор.

Дверь.

Комната.

Пустая комната, в которой нет ничего, кроме трона. Старого, запыленного, стоящего на полу.

- Сядьте на этот трон, сын мой.

- Матушка?

- Клянусь своей жизнью, это не опасно.

Его высочество повиновался. Но... не успел подойти к трону. Оставалось всего два шага, когда раздался такой жалобный стон, что мужчина замер.

- Матушка?

- Все в порядке.

Еще шаг.

И новый стон. И еще один, и еще... словно под ногами у него горько плачет и жалуется на жизнь младенец. Да что же происходит?

Его высочество плюнул на все и уселся на трон.

И тут же вскочил.

Стон был просто невыносим, он бил по ушам так, что ее величество давно зажала их руками. А он, вот, не догадался. Но стоило отойти от трона...

- Приглядитесь.

Все верно.

Окружность примерно пару метров радиусом выступала над полом. Не сильно, можно и не заметить. Но...

- Это – изначальный трон Лавгереттов, Кор. Тот самый. И камень жалуется на судьбу, ведь ты не король.

- Матушка?

Ее величество Элоиза улыбнулась. Сделала шаг, второй, третий, вот она вступила на черный камень...

Стон!

Еще более сильный и страшный.

- МАТУШКА!?

- Мы не короли, сын. Для Хеллы - мы не короли. Лавгеретты были под ее покровительством, мы – никогда. И если... я не хочу навлечь на нас проклятие.

- Но мы же не убивали Петера?

- Ты будешь доказывать это Хелле? Она послушает... когда примет твою душу, сын. Наказание у нее лишь одно – смерть. А мы... мы развязали эту войну. Мы ее подогревали. Мы отказали Петеру в

приеме. Мы косвенно виновны в очень, очень многом. И я не хочу больше с этим связываться. Боги... это страшно.

- Да, матушка.

- Ты не веришь мне. Но пока еще я правлю Лионессом.

- Да, матушка.

Ее величество вздохнула.

- Ты не веришь мне. Что ж... ты запомнил, как идти обратно?

- Да.

- Возьми ключи. Осмотри внимательно и камень, и трон, убедись, что я не лгала. И приходи. А я... мне тяжело находиться здесь.

Его высочество кивнул. И хмуро смотрел, как за матерью закрылась тяжелая кованая дверь.

Совсем старуха из ума выжила. Интересно, что засунули под этот трон? Или...

Вот сейчас он и разберется.

Под неумолчные стоны принц собрал на себя половину пыли с пола. Извоzilся, как поросенок. Ободрал щеку о какой-то дурацкий завиток. И даже сдвинул трон с плиты.

Увы...

Стоило ему наступить на камень, и начинался стон.

Что-то ПОД камнем?

Нет. Уж это-то он видел. Тяжелые каменные плиты, какое уж там! Старая кладка, в такой дыр не навертишь.

Но что тогда?

Его высочество сплюнул со злости.

- Хелла, Шелла... да что такое...!?

Пнул на прощание трон – и направился обратно.

Коридор, лестница...

Ступенька, вторая...

Его высочество был уже почти наверху, когда его вдруг резко рванули назад за сюртук. Настолько резко, что Корхен потерял равновесие, и носом вниз полетел по ступенькам.

- АААААА!!!

И его крик сплелся с торжествующим волчьим воем, который принц отлично услышал и запомнил.

Последствия?

Сломанная в трех местах правая рука. И сильная горячка – без сознания его высочество пролежал около часа, и на холодном каменном полу... потом уж очнулся и выполз.

А еще...

На пыльных ступенях отчетливо были видны отпечатки волчьих лап.

Его высочество отлично их рассмотрел, пока полз наверх по лестнице. И воевать ему больше не хотелось.

Боги?

Хелла?

Русина?

Вот и замечательно! Занимайтесь сами, чем пожелаете! А у него всего две руки! Считайте – он понял!

Русина, Подольск.

Маргоша видела своего любовника разным.

Веселым, грустным, усталым, пьяным в стельку... но чтобы так?!

На Илью смотреть было страшно. Весь серый, потухший, сгорбившийся... девушка решительно испугалась.

- Илюша!?

Бесполезно...

Мужчина отстранил ее, словно дверь, прошел в кабинет – и хлестанул дубовик прямо из бутылки. Словно воду.

Маргоша откровенно испугалась – и помчалась за советом. Дядька Савва предложил пока не лезть, а там посмотрим...

Две бутылки дубовика оказались отличным снотворным для Ильи. А когда мужчину сморило, дед Савва вошел в кабинет. И нагло обыскал его карманы.

А вот и оно... ага.

Телеграмма.

В других обстоятельствах дед Савва посочувствовал бы бедолаге. Но сейчас...

Алексеевка сожжена. Все мертвы.

Тут и добавлять ничего не надо, и так все ясно. Но получается... если родные Ильи Алексеева мертвы, значит.... Значит его

единственной родней остается Маргоша! Ну, и они – немного!

А значит... все отлично! Теперь-то Илья с ними точно не расстанется.

И воодушевленный хорошими новостями, дед Савва отправился разьяснять это Маргоше. Пусть приголубит бедолагу, успокоит, подластится, как это бабы умеют.... Мужики в таком состоянии – что дети! Кто их по головке погладит, тот и хороший.

Не надо ему ничего говорить, не надо лезть с соболезнованиями, не надо... сам все расскажет. А пока просто повторять, что его любят, что он самый лучший, что они теперь семья, что у него ребенок будет...

Этого хватит.

Яна, Русина.

Как организовать праздник для четверых детей?

Сложно.

Это и в обычное-то время сложно, а уж в разоренной войной и революцией Русине...

Но Яна справилась.

Деньги могут все, а деньги у нее были. Купить продуктов, приготовить праздничный стол – простой, без изысков, ну не умеет она готовить роскошно, но уж плюшек напечь – запросто. Салатиков накромять, канапешки сделать...

Для этого и умения не надо, только продукты и нож.

И все пятеро сидели за столом.

Яна первая подняла бокал. Ей досталась память Анны, и она помнила, как отмечают день зимнего солнцестояния. Гуляниями, песнями, колядками, загадками...

Чего только в этот день не устраивали!

Но...

Сейчас у Яны не было возможности.

А вот подарить подарки она могла. Каких усилий ей стоило достать игрушку! Ей-ей, самой проще было сделать, наверное. Но рукоделие Яне не слишком давалось. Так, пуговицы пришивать...

Деньги творят чудеса, так что Яне достали плюшевого котенка для девочки, два небольших пистолета для мальчиков – пока не заряженных. Но учить Яна их начнет.

Пока без патронов, просто показать пальцем на цель, а потом показать на ту же цель пистолетом. Потом, когда она поймет, что дети не навредят друг другу, она доверит им и заряженное оружие.

Чудовищно?

Но пусть у них хоть шанс будет! Кто ждет выстрела от маленького ребенка? Да никто!

Для Топыча она раздобыла часы. Пусть учится.

Дети тоже не сидели, сложа руки, и подарили Яне самодельные конфеты из засахаренной вишни. И для Яны этот подарок был дороже всех сокровищ мира. Это ее сын руку приложил!

- Родные мои, - тихо сказала она, переждав бурю детского восторга. – У нас впереди тяжелое время. И я хочу выпить этот бокал, чтобы у вас все было хорошо. Чтобы вы были живы и здоровы, чтобы выбрались из всей этой истории, чтобы спустя пятьдесят лет собрались за столом, живые, здоровые, с детьми и внуками, и рассказали им про этот Солцеворот. Я верю, что так и будет! За ваше будущее, дети! За вас!

И осушила бокал с вином.

Хелла, прошу тебя...

Знаю, все в моих руках, но... как же страшно! Как страшно подвести тех, кто тебе доверился! Безумно страшно...

А выбора все равно нет. Только вперед.

Это был очень маленький и тихий праздник. А поздно ночью, когда дети уснули (они все трое твердо хотели спать с Яной, им было легче, когда рядом был кто-то большой, живой, теплый), и с трех сторон напоззли на нее, Яна гладила детские головки.

И смотрела в окно.

Почему-то ей казалось, что Хелла тоже смотрит.

Пристально...

Чего же ты хочешь, богиня!?

Чего!?

Правильно принимать гостей – это искусство.

Чтобы никто не скучал, чтобы никто не оказался забыт, чтобы у всех было в достатке напитков, чтобы всем понравились развлечения...

Анна обещала научить этому Киру. И показывала, рассказывала...

Роза Ильинична только головой качала. Она не знала, где такому учат, но оценила. Это именно искусство быть хозяйкой. Не абстрактным менеджером – это управленец, которому, по большому счету, безразлично, чем управлять. Поставят на мыловарню? Будет варить мыло. Поставят в солеварню – будет добывать соль.

При нем все будет неплохо.

А потом?

А потом его не касается. Вообще.

Это *не его* дело.

Не его собственность, наследство, проблема, он это своим детям не передаст. А потому после него хоть потоп.

Анна поступала совершенно иначе.

Она относилась к дому так, словно это был ее дом. И Киру учила и бережливости, и аккуратности, и правильно распределять ресурсы, намечать цели.... Это не так просто. Но ведь получалось же у нее! Хорошая экономка всегда может оценить хорошую хозяйку. И иногда Роза Ильинична подумывала, что в идее Киры что-то такое есть... правильное.

Потом смотрела на Анну – и качала головой.

Чтобы привлечь мужчину, женщина должна быть в этом заинтересована. Ну хоть краешком сознания! Хоть чуточку!

Анне это было вовсе неинтересно.

Она с удовольствием проводила время с Кирой и Гошкой, готовила, ездила по магазинам, объясняла Кире, что и как делать, но ее отца...

Она была вежлива, внимательна, она здоровалась и разговаривала на отвлеченные темы, но – и только! Так же она стала бы разговаривать и с шестилетним ребенком, и с восьмидесятилетним дядюшкой. Словно кто-то выключил у Анны интерес к мужчинам.

А жаль.

Новый Год стремительно приближался, росли запасы в рефрижераторах, Анна линий раз проходила по дому – даже не с

инспекцией. Она могла и тряпку в руки взять, и сама разобраться с хрусталем...

С портными, с аниматорами, с садовником, с...

Наконец бешеная гонка закончилась, и наступило тридцать первое декабря.

Борис Викторович встречал гостей. Кира стояла рядом с ним. Удивительно красивая. И ничуть не взрослая. Самая частая ошибка девочек – они ярко красятся, надевают шикарные платья, навешивают с десятков украшений - и сочетание всей этой мишуры с детской мордашкой выглядит комично.

Кира, благодаря Анне, выглядела именно так, как надо.

Волосы были уложены гелем для укладки, прическа была не сложной и достаточно крепкой, чтобы девочка позволила себе и потанцевать, и умыться, если захочет... косметики почти не было. Анна лично подкрасила ей ресницы несмываемой тушью и дала блеск для губ.

И никаких вечерних платьев.

Кира была в джинсах и топике.

Джинсы – дорогие, в обтяжку, и на стройных ножках девушки выглядели просто великолепно. И яркий топ с жакетом, темно-синий, с блестками, с вышивкой и стразами, праздничный и яркий, можно сидеть за столом в жакете, а можно снять его и поплясать в свое удовольствие.

Классические танцы Кира тоже начала учить, поддавшись на Анину провокацию, но пока вальс ей родным не стал. Ну и не надо!

Молодежь же!

И никаких туфель на каблуках. Аккуратные балетки, которые подруги (пожалуй, что уже и подруги) украсили снежинками.

Борис Викторович оценил высшим баллом.

Всю прислугу он отпустил по домам и нанял на этот вечер специальных людей. Все же Новый Год! Всем хочется домой, встречать праздник с семьей, а не обслуживать нуворишей. Но есть и те, кто хочет заработать.

И агентства, которые на этом делают комиссионные.

Так, в доме оказались четверо молодых ребят, которые и поступили под командование Анны и Розы Ильиничны. Дамы, по

приглашению Бориса Викторовича, встречали Новый Год с его семьей. Анна, Гошка, Роза Ильинична... даже кошака гнать не станут.

Не комильфо?

Чей дом, того и правила! А не нравится – на выход!

Хотя... будь Анна хотя бы немножко другой, Борис Викторович не пригласил бы ее, тем более, с сыном. Но он уже убедился – девушка может постоять за себя. Любой, кто пойдет за ее шерстью, вернется бритым налысо. В лучшем случае.

Гости начали съезжаться к восьми вечера.

В самый раз, чтобы посидеть, выпить, поговорить, разогреться...

Один из молодых людей, Дима, помогал им раздеваться. Принимал шубки и дубленки, аккуратно размещал в гардеробной одежду.

Первым прибыл Игорь Иванович с супругой и детьми. Анна прищурилась, глядя на невысокую полненькую женщину лет пятидесяти. Ее не поменяли на модель?

А почему дочка у нее такой заразой выросла?

- Игорек! Людочка! – обнялся поочередно с гостями Борис Викторович. - Иван, - рукопожатие. – Лиза, - многозначительный поцелуй ручки.

- Борька! Ну, здорово! Кира, какая ты взрослая стала! Еще пара лет – и заневестишься!

Кира пожала плечами.

- К чему торопиться взрослеть, Игорь Иванович? Успею!

- Ишь ты! Может, и верно...

- Рада приветствовать вас в нашем доме, - мило улыбнулась Кира. – Людмила Анатольевна, вы сегодня великолепно выглядите. Вам так идет белый цвет! И так подчеркивает ваш румянец!

Румянец стал кирпично-красным.

- Ваня, ты сегодня такой солидный, - тем временем продолжила Кира. – образец юного бизнесмена.

Юный бизнесмен ухмыльнулся.

- Кира, ты со мной потом потанцуешь?

- Только что-то современное. Джинсы и вальс – ужасное сочетание. Лиза, ты сегодня просто королева... если пожелаешь – к твоим услугам моя личная диадема.

Лиза нахмурилась.

Она-то как раз совершила ту ошибку, от которой Анна удержала Киру. Надела роскошное платье, которое стоило дороже иного мерседеса, обвешалась украшениями, и выглядела... дорого. Хорошо выглядела, красиво, но – не для домашней вечеринки. Вот для Голубого Огонька на Первом канале – в самый раз. Рядом с Киркоровым она бы смотрелась идеально, только перьев еще в хвост насовать.

- Диадема?

- Я в ней Снегурочку изображала... в третьем классе.

- Воздержусь, - прошипела Лиза.

- Вот, а я так надеялась, что ты сегодня будешь королевой бала, - огорчилась Кира. – Ладно, разберемся. Извини...

Лиза открыла рот, но было уже поздно. В дом заходили следующие гости, одетые вполне демократично. Отец семейства в джинсах же и свитере. Явно молодящийся, и неудивительно, если учесть его супругу. Милая дама была ненамного старше Лизы.

- Петя! – обрадовался ему Борис Викторович.

- Боря!

- Катюша! Ты шикарно выглядишь!

Катюша, в простом розовом платье, мило улыбнулась. Заученно и очаровательно, отвела прядь волос со лба.

- Боря, спасибо за приглашение. Это так мило... и дети счастливы. И Юлия Михайловна...

Свекровь, а это явно была свекровь, сморщила нос. Еще бы, ей-то досталось вести за руки двоих детей, явно погодок. Мальчика и девочку, лет до десяти.

- Я уверена, Екатерина Васильевна станет сегодня королевой вечера. Екатерина Васильевна, вы же не откажетесь? – захлопала ресницами Кира.

- Если это не больно и не опасно? – заулыбалась блондинка.

- Почти не опасно. Но вам надо будет оценивать конкурсы, выступления, актеров, - развела руками Кира. – Если согласитесь...

- На это? Соглашусь.

- Тогда, ваше величество, умоляю принять корону, - Кира ловко извлекла откуда-то диадему со стразами. Не аляповатую, а небольшую и аккуратную. Катерина свет Васильевна улыбнулась и позволила закрепить ее у себя на волосах. Лиза скорчила рожу.

Но – ей предлагали. Сама виновата.

Анна тем временем занималась детьми.

Подошла к Юлии Михайловне, представилась гувернанткой и предложила проводить детей в комнату для игр.

Дама сморщила нос, но потом соизволила оценить игровую лично, побеседовала пару минут с Анной и осталась довольна. Подчеркивая свое положение в доме, Анна не стала надевать роскошных платьев. Повседневное, синее... разве что немножко не удержалась от шутки – и была похожа на Мэри Поппинс. И воротник заказала из вологодского кружева, дорогой.

Но кто это оценит?

Только тот, кто знает и старые фильмы, и кружево. А так – милая молодая девушка, гувернантка. Что и требовалось.

- Дети поедят здесь?

- Борис Викторович распорядился накрыть стол для всех, Юлия Михайловна. Но не переживайте по этому поводу, я буду рядом и буду заниматься детьми.

- Хм... посмотрим.

Но в целом дама была довольна.

Кира тем временем раскланивалась с третьей парой.

Андрей Сергеевич с супругой и также детьми, но уже подростками, двумя парнями, одному из которых было лет четырнадцать, а второму на пару лет больше, чем Кире.

С ними девочка разобралась быстро, и оглянулась на Анну.

Та показала большой палец и отправилась на кухню.

Там царил свет конец. Роза Ильинична следила за разогреванием блюд.

- Анечка! Минут сорок – и можем начинать!

- А закуски готовы?

- Да. Молодые люди!

Молодые люди послушно подхватили подносы с канапе – и последовали за Анной.

Первая часть вечера – легкие закуски и сценки. Пока еще никому не хочется ни танцевать, ни беситься, пока еще градус веселья не так высок – публику надо разогреть.

Для этого были наняты не стандартные дед Мороз и Снегурочка. Нет, Анна выбрала студентов. Да, было в городе и музучилище, и его

студенты были не против подзаработать на праздниках.

Почему нет?

Репертуар также отбирался и утверждался.

Сначала – классика.

Смешные сценки, поставленные на манер тех же КВН-щиков, песни и стихи с ненавязчивым юмором, куплеты и частушки.

Никаких попыток втянуть гостей в веселье. Только если кто-то захочет сам.

Ну... по минимуму.

Кому-то подарили розу, кому-то признались в любви, Игорю Ивановичу поднесли кубок, украшенный орлом (и сообщили, что орел ты - Соколов). Правда, вместо коньяка туда налили вишневый сок, и то до половины. Все хорошо в меру.

После часовой программы – как раз гостям наговориться и чуточку проголодаться, последовало и приглашение к столу.

Анна планировала две перемены. Но – не за один раз.

Сначала подадим что потяжелее. Пусть гости от души поедят, потом развлечем их, а там и Новый Год наступит.

И уже в новом году – вторая смена блюд. Полегче, чтобы поесть, погулять, запустить фейерверки, и к утру поехать довольными домой.

Аниматорам накрыли отдельно, в маленькой столовой, и Анна строго проследила, чтобы ни капли спиртного ребята не выпили. Иначе – никакой премии!

Сама она делила внимание между застольем, кухней и детьми. Роза Ильинична благородно взяла на себя часть нагрузки, так что Анна большую часть времени уделяла детям.

Гошка, совершенно не стесняясь, рассказывал что-то новым знакомым. Света и Марат оживленно болтали с ним, благо, было о чем. Какие-то игры, какие-то донаты (знать бы еще, что это такое?), какие-то квесты, фильмы...

Анна следила, чтобы у детей ничего не оставалось на тарелках... впрочем, это было несложно. Там и взрослые-то, привыкшие к ресторанам и разносолам, едва не облизывались.

Заливное, студень, пирожки, поросенок, салаты...

- Боря, ты обязан рассказать, где нашел такую кулинарку! - смеялся Игорь, разделяваясь с поросенком.

- Не расскажет, - уверенно заявила королева вечера. Катерина пребывала в отличном настроении, она уже выставила несколько отличных оценок, получила розу и свиток со стихами для прекрасной дамы, и оценила и убранство дома, и сервировку стола. – Я бы не рассказала.

Лиза скрипела зубами, но настолько душой она не была.

Делать рекламу негодяйке гувернантке? Ха!

- Боря, тогда мы будем тебя пытаться, - Юлия Михайловна выглядела даже слегка зловеще, с ножом и вилкой в руках, нападая на заливное.

- Хоть руби меня бичом, хоть кидайся кирпичом, - рассмеялся Борис Викторович. – Все вопросы к Кире, я дал дочери полную свободу рук.

Кира царственно склонила голову.

- Потрясающе, - честно высказалась Людмила Анатольевна. – Кира, пока все просто великолепно!

Анна спрятала улыбку.

Пока?

Посмотрим, что вы скажете потом...

* * *

Полтора часа пролетели за столом. До нового года оставался час с небольшим, и его стоило потратить сначала на более активные развлечения.

Аниматоры принялись за работу.

Поскольку сыты были все – сначала были запланированы игры попроще. Те же фанты, те же шарики с пожеланиями, игра в цифры, коллективное поздравление, а потом, когда угощение чуточку улеглось – игра в снайпера (забрасывание «снежков» из ваты в корзину), зайчики, танцы (аниматоры также принимают участие, составляя пару тем, кто пожелает)...

Полтора часа пролетели незаметно.

Дети вымотались и уснули в игровой, куда их потихоньку отвела Анна.

Роза Ильинична решила встретить Новый год со всеми, послушать президента, а потом уйти к детям, поспать.

После стандартного шампанского последовал выход на улицу, фейерверки, елка, на которой висят украшения со смешными записками, вроде «самому синеглазому» или «тому, у кого на одежде больше трех застёжек»...

Взрослые и солидные люди хохотали, возились, словно маленькие, тащили из шляпы записочки, хором пели песни, в которых встречались те самые слова...

Устраивали фотопробы и писали пожелания на Новый год.

Садились за стол второй раз, выпивали, закусывали и танцевали.

Искали подарки под елкой и хором звали деда Мороза, который таки прибыл, раздал всем забавные сувениры и станцевал брейк-данс...

К четырем часам утра компания разъезжалась абсолютно довольная. Забирали спящих детей, благодарили за чудесную ночь, наперебой хвалили ужасно довольную Киру.

Борис Викторович посмотрел на усталую, но довольную Киру, на Анну, которая вышла из тени и от души обнимала девочку, поздравляя с первым балом, и вдруг обнял обеих.

- Девочки, вы были великолепны!

- Папс!

- Мы просто...

- Вы замечательные. И с меня причитается. Но – завтра. А сейчас спать.

Девушки не возражали.

Анна честь по чести расплатилась со студентами, выдала им премию, нагрузила сумками с продуктами и вызвала такси.

Ребята уезжали довольные.

Работа работе рознь, но эта была и хорошо оплаченной, и веселой, и Новый Год хорошо встретили – что еще надо?

Дом затих.

* * *

Анна вытянулась рядом с Гошкой.

Обняла сына, прижала к себе покрепче, и подумала, что жизнь – чудесная штука.

Скрипнула дверь.

- Кира?

- Ань... можно с вами полежать?

- Не спится?

Такое Анна видела не раз. Кажется, сейчас упадешь и уснешь, но куда там! Словно завод еще не кончился...

- Не-а, думала, отключусь, но не получается.

- Ложись.

Анна подвинулась, и Кира залезла на кровать. Потянула за собой одеяло, завернулась.

- Все было просто улет!

- Ты была великолепна.

- Ань, а ты меня научишь? Ну, чтобы самой так же...

- Конечно.

Анна тихо начала рассказывать про правила сервировки стола, перешла к рецепту... примерно через пятнадцать минут Кира зевнула, засопела – и отключилась. Анна укрыла ее получше, притянула к себе Гошку и уже сквозь сон услышала Смайлика, который прыгнул на кровать.

Кот мурчал и загребал лапами, но люди так умотались, что их и трактор не разбудил бы. Так что кот вытянулся поперек кровати и тоже уснул.

Он был доволен и счастлив. Ему досталось несколько кусков мяса, и со стола его подкармливали, и стащил он кое-что...

Праздники – кошачье счастье.

Дом спал.

И ему снились тихие счастливые сны.

Дому снилась большая семья, которая живет в нем, снились бегающие по лестницам дети, снились качели во дворе, под вишнями, снились кошки на подушках и большая мохнатая собака рядом с камином...

Сбудется ли?

Но кто сказал, что дом не может загадать желание на Новый Год?

И кто сказал, что Дед Мороз его не услышит?

А вдруг?

Или – не Дед Мороз?

Между временем и безвременьем.

Хелла коснулась зеркала, погладила его кончиками пальцев.

Да, вот так...

Людям нужны боги?

Все верно, но и богам тоже нужны люди. Если в бога не верить, его сила уменьшается. Раньше она могла многое. Потом – почти ничего.

Когда ей пожертвовали две души.... О, ее сила возросла совсем немного, но Хелла распорядилась ей правильно. И сейчас...

От одной души пользы мало, увы. Всего четыре человека. Может, потом еще наворачстает?

Зато вторая душа старается... и Хелла ей довольна. Именно поэтому ее сила в мире Русины растет, именно поэтому она может снова творить чудеса на той земле.

Богиня провела рукой по ободу зеркала, и то послушно отразило Зимнюю Охоту.

Зимнюю, ночную, дикую, волчью – у нее много имен.

А смысл один.

Белые всадники, на белых конях, летящие сквозь поземку, и рядом с ними бегут белые волки, а над ними реют белые совы. Они вернулись на земли Русины.

Пока еще слабые, почти незаметные, но – вернулись. И станут еще сильнее!

Может, стоит сделать кое-что еще?

Или....

Или просто немного подождать? Скоро ее ждет хорошее развлечение! Хелла улыбнулась, глядя в зеркало.

Ждать?

Да, но сейчас это занятие намного приятнее и интереснее. Пожалуй, она подождет. Какой интересной будет весна...

Конец второй книги.

---

notes

Примечания

1

Декрет ВЦИК от 9 мая 1918 г. Наша история... Прим. авт.

вооруженных, жарг. прим. авт.

3

кодекс законов о труде. Только сокращенный, прим. авт.

Окно - это участок на камне, сквозь который может происходить утечка света. Рундистом называют край камня, поясок, соединяющий верхнюю и нижнюю часть камня. Нижняя точка на камне – калетта, прим. авт.

одна из бабушек автора данное слово употребляла именно в значении «мама». Прим. авт.

в этом мире униформа медиков – красная. И крови не видно, и стрелять по ним якобы не должны. Медики же, прим. авт.

7

нечто подобное есть в родном городе автора, название изменено.
Прим. авт.

8

также видела лично. Прим. авт.

в те времена актрисы действительно вели достаточно свободную жизнь. Не все, но многие. Да и сейчас Голливуд не грешит целомудрием. Прим. авт.

кому интересно – погуглите. Во время русско-японской войны 1904 г. русская интеллигенция слала телеграммы, поздравляя японцев с победами. Советская власть эту практику быстро прекратила, за что и обрела недобрую славу. Прим. авт.

А. Макаревич. Я смысл этой жизни вижу в том... Прим. авт.

Есть три способа разориться. Самый быстрый – скачки, самый приятный – женщины, а самый надежный – сельское хозяйство. Граф У. Амхерст. Прим. авт.

хендс ап – Анна просто уродует « hands up » или «руки вверх», английское выражение. Что до соцсетей – автор обожает летом ходить за ягодой и за свои слова отвечает. 20 км в лес – и связь ловится только с верхушки дерева. Прим. авт.

хотите верьте, хотите нет, а после революции 1917 г. статью за мужеложество отменили. В кодекс ее вернул «тиран и деспот» товарищ Сталин 01.04.1934 г. И не шутил. Прим. авт.

Митя нагло переделывает романс «Ах, зачем эта ночь так была хороша». Музыка Н. Бакалейникова, слова Н. фон Риттера. В нашей истории романс 1916 года, прим. авт.

название взято автором с потолка. Обойдутся без рекламы, прим.
авт.

Романс Книгиной. Музыка И. Шварца, слова Б. Окуджавы, прим.
авт.

Нобель про динамит: «Я дал такое оружие массового уничтожения людей, что любая война становится бессмысленной». Жаль, политики его не читали. Прим. авт.

несколько лет назад, когда я была в другом городе, мне показали такой подвал. Только разрушенный уже, конечно. И система зеркал не работала, и вентиляция забилась намертво. Там отсиживались пламенные революционеры. Город и дом не назову, уж простите – хозяин очень просил не рассекречивать. Вдруг опять власть поменяется? Прим. авт.

Рабинович проходит мимо трибуны, поднимает руку и кричит: «Пламенный привет!». «Рабинович, вы же их всех ненавидите?» «Но я же не могу прямо заявить – шоб вы все сгорели!». Старый анекдот. Прим. авт.

неуловимые мстители, прим. авт.

Декрет ВЦИК от 9 мая 1918 г. Наша история... Прим. авт.